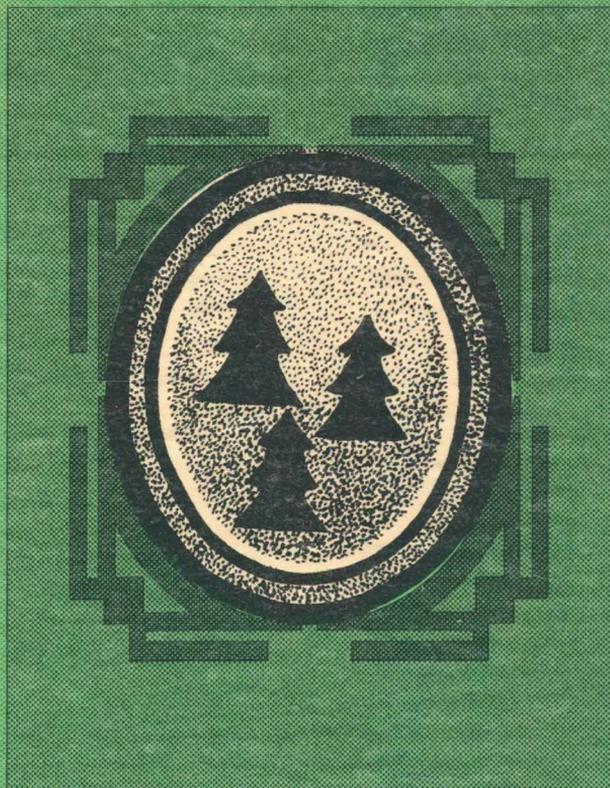

В.П. ЗИНОВЬЕВ, Н.М. ДМИТРИЕНКО, П.С. КОНОВАЛОВ

ЯЙСКИЙ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫЙ

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ЗАКРЫТОГО ТИПА «ЯЯЛЕС»
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОБЛЕМНАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ИСТОРИИ,
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ

В.П. ЗИНОВЬЕВ, Н.М. ДМИТРИЕНКО, П.С. КОНОВАЛОВ

ЯЙСКИЙ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫЙ

(История акционерного общества «Яялес»)

Под редакцией доктора исторических наук
В.П. З и н о в ь е в а

Издательство Томского университета

ТОМСК-1995

Зиновьев В.П., Дмитриенко Н.М., Коновалов П.С. Яйский лесопромышленный (*История акционерного общества «Яялес»*). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 312 с. 2000 экз. 0503020900.

Книга посвящена истории акционерного общества «Яялес», одного из крупнейших лесопромышленных предприятий Сибири. Оно началось как небольшой частный заводик, построенный лесопромышленником из суджэнских крестьян Петром Маркеловичем Тимофеевым в 1917 г. Затем завод переходил последовательно к акционерному обществу Суджэнских копей Л.А. Михельсона, советским трестам и объединениям - «Сибуголь», «Кузбасстрой», «Востуголь», «Кузбассуголь», «Запсиблестяж», «Северокузбасслес», «Северокузбаслаг», «Северокузбасспецлес», Лесному управлению Кемеровского совнархоза, «Кемероволес». С октября 1991 г. Яйский лесопромышленный комбинат стал одним из первых в стране акционерных предприятий.

Авторский коллектив:

доктор исторических наук **В. П. Зиновьев** - 1-3-я главы;
кандидат исторических наук **Н. М. Дмитриенко** - 4-6-я главы;
кандидат исторических наук **П. С. Коновалов** - 7-я глава

Научно-вспомогательная работа - кандидат исторических наук
В. А. Бузанова, Л. А. Багаева.

Общественная редколлегия:

П. Р. Гур а, генеральный директор акционерного общества,
В. Г. Г л о б а, управляющий делами, **Н. И. Ч а с о в и т и н а**, начальник
отдела кадров, **Т. А. М е з и н о в а**, регистратор акционерного
общества

Рецензент - доктор исторических наук
профессор **А. Т. Т о п ч и й**

ISBN 5-7511-0732-2

3 **0503020900**
177(012) - 95

© В.П. Зиновьев, Н.М. Дмитриенко, П.С. Коновалов, 1995

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории Яйского лесопромышленного комбината отражается история всего народного хозяйства Сибири. Познакомившись с книгой, читатель увидит, какой путь прошла экономика края с 1917 г., каких результатов она добилась, какой ценой и какими методами.

Местные крестьяне-лесопромысловики издавна рубили и сплавляли лес для себя и на продажу, вручную изготавливали плахи и тес. С постройкой железной дороги и образованием Анжеро-Судженского угольного района возросла потребность в лесоматериалах, и на Яе появились паровые лесозаводы. Первый однорамный завод в Жарковке, как тогда называлась Яя, в 1917 г. построил предприниматель из судженских крестьян Петр Маркелович Тимофеев, лесопромышленник, владелец Лебедянских угольных рудников. В начале 1918 г. социалисты-революционеры из Судженского совдепа социализировали предприятие, которое вскоре сгорело по неизвестной причине.

Второй двухрамный завод П.М. Тимофеев не достроил, за неимением средств, и продал все свои лесные и каменноугольные предприятия Л.А. Михельсону, владельцу Судженских копей. Однако пустить достроенный завод в 1920 г. пришлось не ему, а управлению национализированных Советской властью Анжеро-Судженских копей, которые входили в объединение угольных копей Западной Сибири («Сибуголь»). Затем Яйский лесокомплекс вместе с анжеро-судженскими рудниками переходил от одного государственного объединения к другому до октября 1991 г. Основной его задачей всегда было снабжение Кузбасса строевым и крепежным лесом. В августе 1922 г. лесозавод вошел в государственное объединение каменноугольной промышленности Кузнецкого бассейна («Кузбасс-

трест»), в 1928 г. - в трест «Сибуголь», затем в трест «Востуголь», с 1932 г. - в трест «Кузбассуголь». Жарковка (с 1934 г. - пос. Яя) была центром лесного управления заготовки леса для Анжеро-Судженских копей. С 1930 г. - центром Яйского леспромпхоза. В 1936 г. комбинат вошел в трест «Запсиблестяж» Наркомата тяжелой промышленности, в 1939 г. - в трест «Кемеровостройлес» Наркомата строительных материалов, а с марта 1940 по 1947 г. входил в трест «Северокузбасслес» комбината «Кузбассуголь» Наркомата угольной промышленности. В апреле 1947 г. Яя - лесокомбинат был приписан для использования труда заключенных к ГУЛАГу МВД и стал центром обширного «Северокузбасслага». Только в январе 1960 г. комбинат вышел из системы ГУЛАГа и стал лесоперевалочной базой Управления лесной промышленности Кемеровского совнархоза.

С 1 января 1967 г. яйские предприятия вновь вошли в лесокомбинат, который объединил остатки некогда могучей лесной промышленности севера Кузбасса - Алчедатский, Анжерский, Сурановский лесоучастки. В январе 1991 г. комбинат одним из первых в России перешел на аренду, а в октябре того же года стал акционерным обществом закрытого типа «Яялес». В настоящее время его дополняют два совместных предприятия: с австралийскими предпринимателями - «ЯяОзи» и с Туркменией - «ЯяТур».

Яйские лесопромышленные предприятия за свою историю многократно реконструировались и сейчас работает фактически на том же месте пятый заводской комплекс.

Однорамный заводик Тимофеева - ровесник Октября - сменил двухрамный завод в 1920 г., а в 1929 г. - новый двухрамный завод, оборудованный шведскими пилорамами фирмы «Болиндер». В 1932-1935 гг. завод перестроили в четвертый раз, поставили новый корпус, третью пилораму, сортировочный бассейн, бетонную плотину и гавань на р. Яя. Эти завод и лесоперевалка перерабатывали до полумиллиона кубических метров леса в год. При этом оснащении комбинат пережил войну, лагерную систему и к 60-м гг. был совершенно изношен, истощилась и лесосырьевая база.

В 60-70-е гг. комбинат находился в состоянии непрерывной реконструкции, смысл которой был в переходе на глубокую переработку древесины, на безотходную, экономную технологию. Именно в Яя был пущен в 1964 г. первый в стране завод древесной муки. В 60-70-е гг. комбинат получил разделочные станки, новые пилорамы, краны. Автомобили и тракторы сменили лошадей, лучковая пила

уступила место электро- и бензопилам, в это время перестроили сортировочный бассейн, смонтировали машины для производства технологической щепы, сушильные камеры.

В 1980 г. в строй вступили полуавтоматические деревоперерабатывающие линии, уровень делового использования древесины достиг 80%. Ныне комбинат выпускает нужную и ходовую продукцию, конкурентоспособную на внутреннем и мировом рынках. Современная технология позволяет комбинату держаться на плаву в рыночный шторм.

За годы существования предприятия на нем сложился коллектив кадровых работников, специалистов своего дела, многоопытных управленцев, которых возглавляет ныне генеральный директор акционерного общества Петр Романович Гура.

Он и выступил инициатором подготовки книги по истории лесокombината. Мысль эта возникла не случайно, в Яе всегда был силен интерес к истории комбината, поселка. Местные краеведы не раз писали статьи к юбилейным датам. Первая статья по истории завода за подписью «Яйский рыбак» появилась в декабре 1922 г. В ноябре 1934 г. газета «Борьба за уголь» посвятила комбинату, его истории и успехам отдельный номер. Пятидесятилетию предприятия посвятил статью И. Стерехов, шестидесятилетию - С. Мосин. Интересные статьи по истории поселка написали археолог В.И. Матющенко, В. Пономарев, Д. Худяков. В. Швайбович составил летопись завода, которая ныне хранится в Яярайгосархиве, там же находится и летопись района. Есть сведения об истории завода и в прекрасном фотоальбоме, посвященном комбинату.

Подготовка настоящей книги стала возможной благодаря финансированию работы дирекцией предприятия, помощи ветеранов и работников комбината, которые поделились воспоминаниями, оказали содействие в сборе материала и его обработке. Авторский коллектив особо признателен техноруку П.И. Иванову, экономисту Т.С. Моисеенко, нормировщице Т.Б. Киселевой, пенсионерам И.С. Стерехову, А.О. Макаренко.

Авторы выражают надежду, что книга будет полезна всем, кто интересуется историей Яи, руководителям акционерного общества при анализе положения дел и перспектив развития, для воспитания на предприятии новых кадров работников. Прочитавшие историю лесокombината уже не уподобятся Ивану, не помнящему родства.

Г л а в а I

СЕЛО ЖАРКОВСКОЕ

Древние обитатели Яи

Лес издавна укрывал и кормил обитателей яйских берегов. Долина реки состоит из двух резко различающихся частей: до впадения Золотого Китата и после слияния его с Яей. В верховьях река порожиста, стремительна, бедна рыбой, берега же, ранее покрытые густой черневой тайгой из пихты, осины, кедра и ели, богаты зверем. В среднем течении Яя более спокойна, полноводна, была раньше рыбна и богата водоплавающей дичью, окружена светлыми березовыми лесами и лугами. Проходящая по устью Золотого Китата граница тайги и лесостепи в древности всегда манила к себе охотников и рыболовов и рано заселялась ими. Долина Яи в том месте, где сейчас стоит районный центр, имела хозяев уже 5-6 тыс. лет назад, судя по результатам раскопок известного российского археолога В.И. Матющенко, проведенных им в 1955-1956 гг.¹ В 50 метрах от закрытого в 1952 г. кирпичного завода на высоком мысу правого берега Яи он произвел раскопки двух чудом уцелевших могил, где обнаружил каменные топоры, наконечники стрел, ножи, пластинки с изображением птиц, костяные бусы и т.д. Находки свидетельствовали, что охотники и рыболовы жили здесь еще в каменном веке - неолите.

Находки археолога, библиотекаря Томского университета С.К. Кузнецова, обнаруженные им в 1891 г. на Лысой горе (в 35 км выше пос. Яя) и в устье Золотого Китата, говорили о том, что в первом тысячелетии до нашей эры древние обитатели яйских берегов умели плавить металл, делать бронзовые ножи, наконечники стрел и копий, отливали украшения в виде фигурок зверей и птиц².

В первом тысячелетии нашей эры на Яе предки современных чулымских тюрков уже были знакомы с железными изделиями, занимались главным образом скотоводством, немного земледелием, большим подспорьем для них были охота и рыболовство³. Жили древние чулымцы большими патриархальными семьями, во главе

которых стояли младшие из братьев, если их было несколько. Жилища представляли собой полуземлянки из тонкого леса, крытые дерном, с отверстием для выхода дыма из очага.

Происхождение их до сих пор до конца не выяснено. Исследователь С.Чугунов, бывший на Яе в конце XIX в., писал о коренных жителях: «По объяснениям одного инородца, с которым мне пришлось беседовать, все они одного улуса и раньше были татарами. Но их выше среднего рост, характерное длинное лицо с густой бородой, их более или менее правильный тонкий нос, с узким межглазничным промежутком не говорят ни за их родство с чистыми татарами, ни за родство с неизвестными мне остяками, точно так же, как русые волосы и карие глаза, свойственные большинству из них, еще не указывают на принадлежность их к финскому или татарскому племени. Эта народность, очевидно, представляет отрывок какого-то неведомого народа, смешавшегося ранее с татарами-завоевателями, а позднее с русскими переселенцами. Ни их анатомический тип, ни их язык, ни быт, ни верования - ничто до сих пор неизвестно, да в целом едва ли и может быть узнано, так как национальный тип сглаживается, быт меняется, древние верования исчезают, язык умирает»⁴. Историки все же могут с большой долей вероятности утверждать, что современные чулымцы - результат слияния древнейших жителей Сибири - кетов и селькупов с тюрками (татарами)⁵.

Мужчины у чулымцев обязаны были уметь воевать, чтобы защищать свои стада и жилища от набегов соседей. Однако они вряд ли могли противостоять киргизам, нападавшим с востока, калмыкам - с юга и томским татарам - с севера и запада. К приходу русских в низовья Томи и Чулыма в конце XVI-начале XVII вв. южные роды чулымских тюрков оказались в трагическом положении. Они подвергались постоянным набегам соседей. Так, в 1611 г. киргизский князь Номчи увел с Яи 5 пленников и угнал скот. В 1630 г. калмыки перебили на Яе почти всех плательщиков ясака. В 1701 г. киргизы разграбили имущество татар с Яи⁷. Набеги продолжались до начала XVIII в., т.е. до полного разгрома киргизов русскими и откочевки их в долину р. Или.

Количество жителей на Яе-реке в таких условиях сокращалось. В 1623 г. в Ячинской волости по Яе числилось 10 плательщиков ясака (55 чел.) во главе с родовыми старейшинами Куземышем и Маатаком. В 1624 г. Куземыш с 7 товарищами откочевал к киргизам, остался Маатак с 3 товарищами. В 1631 г. остался один Маатак, остальных убили калмыки. В 1631 г. вернулся Куземыш с 4 товари-

щами. В 1640 г. платили ясак 5 семей, в 1692 г. - 6 семей⁸. В 1692-1718 гг. родовым старейшиной (князьцом) был Ачигеч. В 1720 г. Ячинскую волость возглавил князец Иван Мешьянов. Все коренные жители были уже крещены архиепископом Филофеем⁹. Ревизией, состоявшейся в том же году, на Яе было учтено 10 татарских юрт: Ивана Матвеевича Мешьянова, Гаврилы Прокопьевича Сангиякова, Ивана Ивановича Кушакова, Федора Петровича Бекшенева, Ивана Яковлевича Котурова, Ивана Тимофеевича Котурова, Федора Абрамовича Котурова, Ивана Петровича Ажечакова, Дмитрия Даниловича Кожечакова и Степана Ивановича Арышева¹⁰. Приведем запись из ревизской сказки о юрте И.М. Мешьянова (Мешьяновы до сих пор живут в Яе и, может быть, юрта их предков стояла на территории нынешнего поселка): «Спасского прихода волости Ячинской по Яе-реке. В юрте князец новокрещеный Иван Матвеев сын Мешьянов оказался сорока пяти лет от роду, у него жена Марья двадцати пяти лет от роду, дочь Марья полутора (лет от роду), брат Кузьма пятидесяти пяти лет, у него жена Дарья, сорока лет, дочери Пелагея восьми (лет от роду), Татьяна пяти лет, и владеет он Иван с братом своим Кузьмою по Яе-реке отсовскими старинными еланскими и луговыми местами и всякими угоди и рыбными ловли и на те угоди у него Ивана данной крепости нет а на том месте ловит он Иван всяких зверей временно и теми зверьми платит в казну Великого Государя ясак со всеми своими улусными людьми по окладу поминку бобра... два соболя ясаку... соболя да на тех же своих местах сена косит тридцать копен, а ежели он Иван в скаске сказал что ложно или утаил людей и какое угодьё и за такую утайку указал я Великий Государь казнить его смертью. К подлинной скаске вместо Ивана Матвеева князца по его велению Федор Черной руку приложил»¹¹.

По той же сказке на Яе учтены русские деревни Дорохова, Воронино и Жирова, в которых жили и русские, и татары.

Жарковские хлебопашцы

Старожилы еще, наверняка, помнят, что самым старым населенным пунктом на территории современного поселка Яя являлось село Жарковское (Жарковка, Жаркова), имевшее и другое название - Шигарка. В альбоме лесокомбината упомянуто, что село возникло в начале XIX в и связано его название с золотопромышленником Жарковым. Однако это вряд ли правильно. Золотопромышленность в Сибири появилась только в 1828 г., когда екатеринбургский купец

Федот Иванович Попов открыл по притокам Кии - Кундату, Берикулю, Закроме и Сухому Берикулю - промышленное золото, вогнав перед этим за три года в сибирскую землю более трети миллиона, громадные по тем временам деньги, без всякого результата¹². Кстати, следует признать легендой, что золото показал ему ссыльный бродяга Егор Лесной, а Федот Попов убил его вместо благодарности. Егора Лесного прибили крестьяне за то, что он брал с них дань за рыбалку на озере Берчикуль. Золото по Китату открыли в 1830-е г. Среди золотопромышленников Жарков не упоминается, проверить это просто, так как добывать золото в России тогда имели право немногие - именитые купцы и дворяне, списки которых известны. Возможно, что село названо по имени основателя села - Жаркова, что в Сибири было не редкостью, но такой фамилии среди жителей не было, а вернее всего имя селу дали по названию цветов - жарков, или огоньков.

Село на самом деле древнее, чем считают местные краеведы. В списке населенных мест 1926 г. датой его основания считается 1761 г.¹³ Появилось оно, вероятнее всего, на месте стойбища (юрты) чулымских тюрков. «Яй» по-тюркски означает лето. Кочевники ставили когда-то на реке свои летние жилища. Так она и осталась летней рекой Яей, где на лугах пасли скот, ловили рыбу. Русские приняли это название.

По сведениям знаменитого русского статистика А.А. Кауфмана, обследовавшего Томский округ в 1890-е г., с. Жарковское уже существовало в начале XIX в. В 1822 г. к старожилам подселлись семьи из Пермской губернии, а в 1850-е гг. в Ишимскую волость переселялись крестьяне Воронежской, Тамбовской, Орловской, Курской губерний¹⁴. Возможно, они пополнили и Жарковское. В 1859 г. Жарковское (Шигарка) насчитывало 63 двора с 358 жителями¹⁵.

К истории села действительно имеет отношение барон-золотопромышленник, как об этом пишет краевед Д. Худяков¹⁶. Им является Гюллесем фон Мершейд, барон Гильзен, родственник Григория Николаевича Потанина, владевший прииском Онуфриевским по реке Золотой Китат и разорившийся в 1858 г. Покровителем прииска был святой Онуфрий, икона которого висела в доме барона. Он любил шутить, принимая управляющего с докладом о ходе работ: «Скажите-ка, сколько нам сегодня св. Онуфрий подсыпал золота в пески?»¹⁷ Жарковка была ближайшей (в 45 верстах) к прииску

деревней. Не исключено, что именно барон Гильзен дал деньги на постройку местной церкви во имя святого Онуфрия.

Среди крестьян села Жарковского довольно много было ссыльных. Между 9-й и 10-й ревизиями сюда сослали 119 чел., из них к 1865 г. осталось 56 чел., остальные либо бежали (43), либо были причислены в крестьяне (11 чел.), либо умерли (18) и только один уехал назад в Россию. Это был перечисленный из Богородской волости с Керевского каторжного винокуренного завода Феликс Толь, революционер-демократ, сосланный на каторгу и поселение в Сибирь вместе с М.В. Буташевичем-Петрашевским, Ф. М. Достоевским и др. в 1849 г.¹⁸

В 1889 г., по сведениям волостного правления, из 446 жителей села было 77 поселенцев обоего пола. Из взрослых поселенцев налицо были 12, на заработках - 10, в бегах - 23 чел.¹⁹ Значит, оседало в селе более четверти ссыльных, и они составляли около десятой части всего населения. Впрочем, они довольно быстро осваивались в Сибири. А.А. Кауфман писал, что «... уже «посельские внуки» совершенно сливаются с коренным местным населением, не отличаясь от последнего ни в бытовом, ни в экономическом отношении, и не отделяясь от него в самом сознании населения»²⁰. Так, в Жарковском на поселении по ревизской сказке 1859 г. числился Данила Хитров с сыновьями Кириллом, Ефимом, Маркелом и Василием, а в 1901 г. в списке дворохозяев села учтены уже 4 крестьянских двора Хитровых - Федора, Алексея, Андрея и Маркела, вероятно, трех внуков и сына поселенца Данилы²¹.

Жарковка была большим по сибирским масштабам селом, в 1859 г. в нем насчитывалось 358 душ в 63 дворах, в 1893 г. - 555 душ в 117 дворах, в 1911 г. - 530 душ в 136 дворах²². В селе была церковь во имя святого Онуфрия, двухклассное училище. Представление об училище дает сообщение в Управление Западно-Сибирского учебного округа от 1899 г.: «Должность попечителя возложена на крестьянина села Жарковского Якова Яковлевича Беспалова, человека состоятельного, занимающегося торговлею, неграмотного и по невежеству своему не понимающего роли возложенных на него обязанностей, за ходом преподавания наблюдает священник Судженской церкви, обязанности учителя исполняет Константин Федорович Березняков, окончивший в Омске учительскую семинарию, который получает 240 р., учащихся 10 девочек и 20 мальчиков, в т.ч. 2 ясных, 2 католика, в возрасте от 8 до 11 лет, все выбывают досрочно, научившись писать и читать, школа расположена в крестьян-

янской избе, крытой соломой, общество дает дрова для отопления и 5 р. на освещение, нанимает сторожа и дает 50 р. на учебные пособия, библиотека насчитывает 97 книг». ²³

В 1896 г. в версте от Жарковки была построена железнодорожная станция Яя и поселок, куда ушла часть жителей, этим и вызвано падение численности населения к 1899 г. Судя по данным «Списка населенных мест Томской губернии на 1911 год», количество жителей в Жарковке вроде бы и не росло, хотя крестьяне сюда переселялись: так, в 1908-1909 гг. в общество были приняты переселенцы из Курской губернии А.К. Исаенко и из Псковской губернии П.И. Иванов ²⁴. Дело в том, что в статистику попадали полноправные члены крестьянских обществ, а в них сибиряки допускали не всякого и не сразу. Переселенцы подолгу жили непричисленными. В 1889 г. в Жарковке было 15 таких семей, хотя 12 из них уже имели свое хозяйство ²⁵. Чтобы стать полноправным домохозяином, переселенец должен был получить от общества приемный договор следующего содержания:

«Приговор № 16 Жарковского сельского схода Судженской волости Томского уезда.

Домохозяев, имеющих право голоса, - 78, находилось на сходе - 54.

1908 года октября 19 дня под председательством старосты Тихонова слушали:

предложено ходатайство явившегося на сход крестьянина Псковской губ., Островского уезда, Туровецкой волости Петра Иванова Иванова, который просит наше общество принять его с женой и детьми в среду крестьян нашего общества с правом пользования всеми как земельными, так и сенокосными угодьями равно и с отводом усадебного места, не рассчитывая на прирезку земли от казны. По обсуждению между собою единогласно постановили: принять и принимаем крестьянина Псковской губ., Островского уезда, Туровецкой волости, дер. Лозорье Петра Иванова 31 года с женою Дарьей Титовой 25 лет, дочерьми Акулиной 4 лет, Степанидой 2 лет на равных с нами правах и с тем, чтобы Иванов уплачивал все подати и повинности наравне с нами и отнесением общественной службы, в чем и подписуемся неграмотные Алексей Хитров, Алексей Субач, Евсей Ревин, Семен Кобызев, Михаил Беспалов, Демьян Нетигон, Никифор Хитров, Андрей Хитров, Прокопий Филиппов, Иван Сухотский, Ефим Ревин, Ларион Беспалов, Константин Горбунов, Алексей Аницкий, Иван Машьянов, Федор Тихонов, Семен

Крицкий, Петр Матусевич, Федор Андреев, Михаил Самков, Александр Белоногов, Николай Шаинов, Михаил Шаинов, Андрей Машьянов, Афанасий Самков, Роман Аницкий, Иван Самков, Ондрей Лютов, Василий Ревин, Василий Григорьев, Григорий Наумов, Тихон Григорьев, Семен Дубовский, Антон Наумов, Александр Лютов, Гордей Белянкин, Егор Кадыков, Федор Корчиганов, Григорий Беспалов, Секрит Мустафин, Яр Мухаметов, Федор Радионов, Кузьма Машьянов, Федор Цабут, Сергей Самков, Павел Субач, Егор Самков, Иван Наумов, Иван Машьянов, Александр Субач, Яков Беспалов»²⁶. Сколько заплатил Петр Иванов за этот приговор, история умалчивает.

Резко выросло население села после 1911 г., когда интенсивно продолжалось начатое еще П.А. Столыпиным переселение. По переписи 1926 г. в Жарковском селе Судженского района Томского округа Западно-Сибирского края числилось 336 хозяйств и 1569 жителей. В селе было две школы, изба-читальня, 2 лавки. В Бекшеневке (основана в 1913 г.) насчитывалось 19 хозяйств и 114 жителей, в станционном поселке - 58 хозяйств и 188 жителей, в поселке лесопильного завода, образованном в 1919 г., - 64 хозяйства и 252 жителя. Все эти поселения находились в радиусе одной - трех верст от станции.

Чем же занималось население Жарковского? В основном - земледелием. Села Жарковка, Мальцево, Ольговка, Ишимское, Медведчиково имели лучшие земли в Ишимской волости, раскинувшейся по Яе и ее притокам. Первые поселенцы еще в XVIII в. вырубали старые березовые рощи между Яей и Китатом. Переселенцы первой половины XIX в. свели лес окончательно. В конце прошлого века разрабатывались обычно старые давно заброшенные поля - «выпаши», которые, как говорили крестьяне, «от сибиряков остались». Этим полям было по 30-40 лет давности. Такие «выпаши» давали 3-4 хороших урожая и вновь запускались на 5-20 лет. При таком обороте земель из 18 десятин наделной земли, принадлежащей на один двор, под пашней ежегодно находилось около 5, остальные были в запуске. Распаханные целики - «залогии» - давали до 10 добрых урожаев подряд, однако подъем пашни стоил адского труда: лес подсаживали (очерчивали), сушили, жгли, корчевали, на три раза пахали, боронили. В 1899 г. общество с. Жарковского имело 5975 десятин земли удобной и 498 неудобной, а в 1911 г. - 8142 удобной и 1667 неудобной.

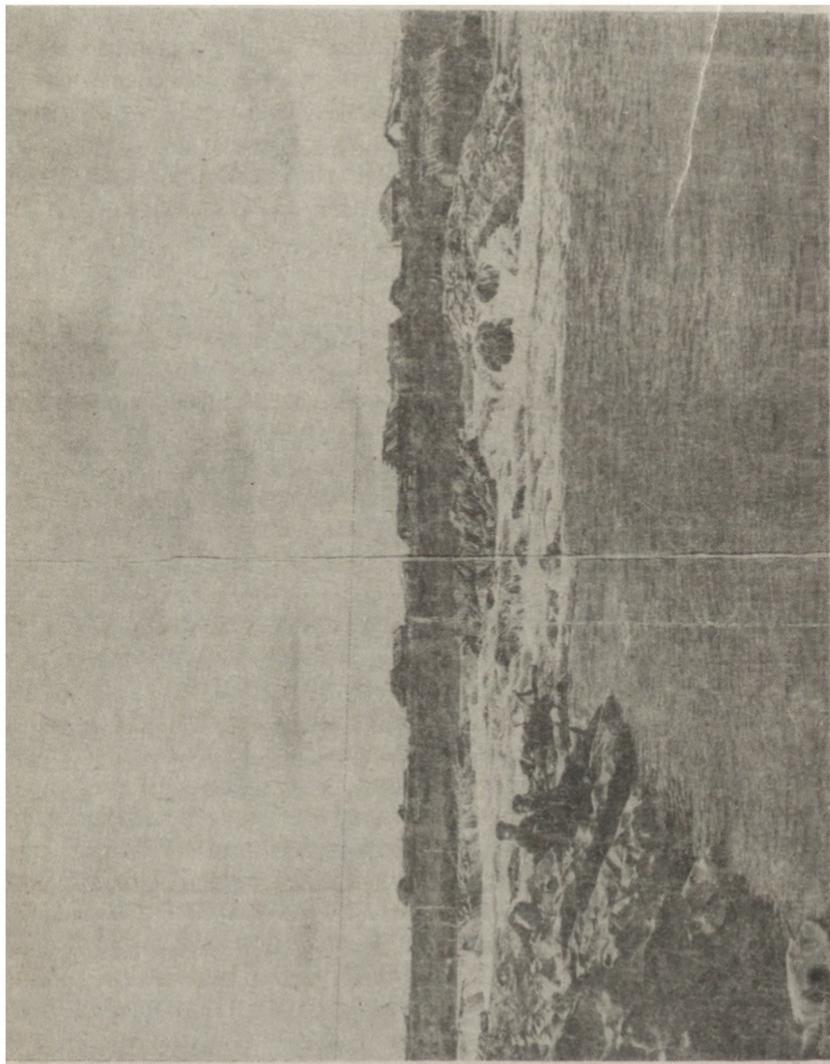
Пахали деревянными сохами-колесухами, сабанами, боронили

деревянными боронами с железными зубьями, хлеб жали серпами и косами, сушили в снопах в ригах, обрабатывали молотилками и веялками, мололи на водяных мельницах, построенных на Золотом Ките.

Урожайность на новых землях составляла 16 ц и более с десятины, в хорошие годы - до 32 ц. С «выпашей» снимали вдвое-втрое худшие хлеба. Жарковцы в конце XIX в. засевали до 650 десятин, наполовину - озимой рожью, держали под паром - 487 десятин. В Ишимской волости в 1890 г. собирали свыше 400 тыс. пуд. хлеба, или по 5 ц на душу населения. Сейчас считается, что для нормального функционирования сельского хозяйства нужно зерна не менее 1 т на человека, однако крестьяне волости еще и продавали шестую часть хлеба в притрактовые села. Пуд ржи стоил 50 к., овса - 30 к., пшеницы - 75 к. С проведением железной дороги цены удвоились, так как появилась возможность вывозить зерно на запад и восток. Для того чтобы не переплачивать перекупщикам, жарковцы 4 мая 1916 г. организовали у себя потребительское общество и открыли общественную лавку. В Жарковке держали много скота - более тысячи голов, заготавливали для него ежегодно по 25 тыс. копен сена²⁷.

Жарковцы были не только хорошими пахарями, они слыли лучшими охотниками в округе. Белкование давало хороший заработок еще в середине прошлого века, но к концу его зверь был в ближних борах уже выбит, и только несколько человек продолжали настоящую охоту, добывая в сезон пушнины на 10-15 р. Славилась когда-то Жарковка и своим медом, пока на горях рос кипрей и стояли нетронутые рощи. Иные хозяева держали до сотни ульев. К концу прошлого века об этом уже только вспоминали.

Много деревенских занимались извозом. Ямщиками на тракт уходили зимой по двадцать и более хозяев, т.е. пятая часть мужиков. Извоз в Сибири был организован как крупное коммерческое дело. Фирмы Кухтериных, Каменских, Королевых, Пушниковых, Корниловых и др. нанимали доставщиков-подрядчиков, имевших по 40-60 возов. Доставщики, в свою очередь, брали в артель или нанимали возчиков-связочников. На каждого возчика приходилось пять возов, так называемая связка. Жарковка выставляла 120-150 лошадей, т.е. 25-30 связок. Связочники зарабатывали за зиму за две ходки от Томска до Иркутска 250-400 р. при расходе 200 р. Удачный сезон мог поправить или расширить хозяйство, а беда на тракте могла и разорить вконец²⁸.

Пороги на реке Яя около д. Шигарки. Из альбома «Великий Сибирский путь» (начало XX в.)

Яйские лесопромышленники

Издавна жители Жарковки занимались лесозаготовками, хотя доброго леса вокруг никогда не было. Березовые леса, росшие по гривам, и осиновые рощи - по мочагам, крестьяне вырубали еще в середине прошлого века. С тех пор окрестности села дают только дровяной хлам, а «лес (сосновый) заготавливается крестьянами при-яйских селений на верховьях Яи и сплавляется оттуда по течению этой реки»²⁹. Сплавлялся строевой лес из Ижморского бора по Золотому Китату. Заготовки леса велись для себя, потому что рынка сбыта до проведения железной дороги не существовало, ведь Жарковское было последним селом по Яе вплоть до конца XIX в.

Со строительством Транссибирской магистрали, а в Томской губернии она сооружалась в 1893-1896 гг., Жарковка из медвежьего угла превратилась в оживленный перекресток водного и стального путей. На нем возник позднее поселок Яя, присвоивший себе безраздельно название реки.

Населенных пунктов, в название которых входит гидроним Яя, было и есть много - Спасояйское, Воронино-Яя, Яя-Петропавловка, Яя-Венедиктовка, Яя-Борик и др. Просто Яей мог называться только пункт значительный, непохожий на остальные. Поставить на карту такое название мог также человек посторонний, увидевший реку в одном месте. Такими людьми были строители железной дороги. Пересекая реки, они не мудрствовали над названиями станций. Так появились станции Обь, Енисей, Байкал, Шилка, Амазар, разъезд Яя. Пересечение водного и железнодорожного путей всегда очень удобно для массовой перевалки груза. Алтайский хлеб создал Ново-николаевск, а основой для возникновения крупного населенного пункта на Яе стал лес. Он был нужен для железной дороги, Анжеро-Судженских копей.

Жарковка не сразу привлекла внимание лесозаготовителей. Сначала вырубался лес вдоль железной дороги, при этом с таким варварством, что инспекторы Лесного департамента в 1897 г. отмечали: «Допущенное железнодорожной администрацией при постройке дороги беспощадное истребление ценных насаждений, в наиболее доступных местах, теперь сильно дает себя чувствовать». Однако лес по заказу сибирской железной дороги и в 1897 г. рубился около ст. Тайга, Ижморская, Мариинск, Боготол³⁰. На дрова переводился здоровый березовый и сосновый лес. Одним из героев сибирского лесостроения был красноярский подрядчик Аким

Жоголев, который вел поставку строевого леса и дров на железную дорогу от Оби до Енисея. Он через агентов скупал лес, заготовленный крестьянами, и продавал его Управлению железной дороги с большой выгодой для себя, наживая 100 и более процентов³¹. Он имел с 1909 г. лесопильный завод в Красноярске, конторы на станциях и в лесопромышленных селах. Наверное, такая закупочная контора была у Жоголева и в Жарковке, потому что старожилы и краеведы вспоминают именно этого купца. Аким Жоголев отошел от дел в 1915 г.³².

Лесопромышленники, скупавшие лес, устраивали свои склады и конторы на железной дороге - в Тайге, Анжерской, Судженке, Ижморке, Иверке, Мариинске, Боготоле. Действия их укладывались в следующую схему: подрядчик покупал у крестьян право на вырубку леса на общинных наделах или переселенческих участках, утверждал сделку в конторе Переселенческого управления и приступал к заготовке. В 1912 г. корреспондент из Тайги описывает это так: «В большинстве случаев пила деревьев производится теми же крестьянами. Дневной заработок такого пильщика колебался от 80 к. до 1 р. 50 к. Работа производится сдельно и своим инструментом. В этот год вообще тяжелый для крестьян заработок несколько уменьшился. Крестьянин с лошадыю вырабатывает в день 1 р. - 1 р. 20 к. Вместе с пилой деревьев производится и окантовка их, и распиловка их на сутунки и плахи, различной длины, ширины и толщины. После сортировки на месте же весь лесной материал доставляется в Тайгу, весной и в первой половине лета по р. Яе и на лошадях, глухую осенью и зимой на лошадях. Часть идет на небольшой местный рынок, часть на удовлетворение заказов из степной полосы. Срубается кедр, ель, пихта. В среднем кедр из всей лесной массы только 25-30%, из остальной большая часть приходится на пихту и меньшая на ель. Другие породы для лесных промыслов не имеют никакого значения, и поэтому лесопромышленники их совсем не рубят. Сортировка материала производится очень немногими лесопромышленниками; большинство обходится примитивным способом деления на брак и на годный лес»³³.

Попытка одного из местных промышленников продавать кедровые плахи ручной пилки в Англию по договору с фирмой Ф. М. Бест и Оскар Стевен оказалась неудачной. Плахи были забракованы. Комментируя эту неудачу, корреспондент писал: «Пока в этой богатой лесом местности не будет выстроен лесопильный завод, пока ведется хищнически разработка лесных богатств, возможности

поставлять большие партии леса в Англию не предвидится»³⁴. Лишь в марте 1912 г. в газетах прошел слух, что «один из тайгинских промышленников собирается строить на Яе лесозавод»³⁵. Уже в августе 1913 г. «Сибирская жизнь» сообщала, что переселенческие поселки по Яе вырубали за 10 лет половину леса, а по течению реки Яи примостились две лесопилки Маркелова и «Михельсон, Миронов, Деренков и К». Они, кроме беспощадной закупки леса десятинами и расплаты за него товарами, запрудили Яю крепями и другим лесным материалом на протяжении 30 верст и волей-неволей переселенцу и его скотине приходится все лето пить не воду, а какой-то бурый деготь. «Пихтовый спирт пьем. - выражаются, шутя, переселенцы. - Ото всех болезней спасает»³⁶. Сведения краеведов о том, что на Яе были лесозаводы, таким образом, подтверждаются. Совпадает то, что одним заводом владел Андрей Степанович Деренков на паях с Л.А. Михельсоном и Мироновым. Д. Худяков полагает, что это завод в Яя-Венедиктовке³⁷. Другим заводом на Яе, вероятно, был Судженский (Ступниковский), основанный в 1906 г. близ Центрального рудника³⁸. Возможно, он принадлежал Маркелову. Однако лесопромышленника с такой фамилией найти не удалось. Зато известен Судженский лесозаводчик Петр Маркелович Тимофеев, владевший в 1918 г. лесозаводом в с. Ступниково. Может быть, его неизвестный корреспондент определил по отчеству в Маркеловы?

Если обратиться к документам, то обнаружится, что в 1918 г., по данным фабричной инспекции, в районе Судженских копей учтены 4 завода: П.М. Тимофеева в с. Жарковском, о котором разговор пойдет позднее; И.И. Вальстада у с. Судженского в 28 л.с., имеющий паровой котел в 250 кв. футов поверхности нагрева, с 30 рабочими и 120 тыс. р. суммы производства продукции; два завода акционерного общества Судженских копей Л.А. Михельсона: у ст. Судженка на Центральном руднике с 2 двигателями в 52 л.с., двумя паровыми котлами в 600 кв. футов, 55 рабочими, с распиловкой в год 50 тыс. бревен и суммой производства в 500 тыс. р. и у с. Яя-Венедиктовка с двигателями в 30 л.с., котлом в 450 кв. футов, 33 рабочими, с распиловкой 36 тыс. бревен в год и 400 тыс. р. суммы производства³⁹. На тот же 1918 г. есть и еще одно документальное свидетельство о том, что П.М. Тимофеев 5 мая уплатил в губернское казначество налог за паровой котел на лесопильном заводе в с. Ступниково Судженской волости. Котел имел поверхность нагрева 250 кв. футов⁴⁰. Хутор Ступниковский находился на р. Яе, в 9 верстах от ст.

Судженской. Видимо, Михельсон скупил заводы по Яе у своих компаньонов и конкурентов.

Однако эти лесозаводы к Жарковке отношения не имели, пило-материал с них шел на ст. Судженка гужом. Большое значение для развития Жарковки как центра лесоперевалки и для возникновения здесь центра лесопиления играли заготовки по Золотому Китату и Алчедату, где с конца XIX в. стали возникать переселенческие села: Ломачевка - в 1882 г., Мальцевка - в 1884 г., Ново-Николаевское - в 1889 г., Степановка, Ломовицы - в 1889., Ново-Александровка, Азановка - в 1906 г., поселенцы и стали основными работниками на лесозаготовках. Они работали на подрядчиков. В Жарковском тоже действовали конторы лесоторговцев. Как уже упоминалось, наверняка, среди них был Аким Жоголев, возможно Ващуков (Возчиков), который, по мнению краеведов, то ли купил, то ли продал завод Жоголеву⁴¹. Следы такого обнаружить не удалось, но можно определенно утверждать, что ручная распиловка бревен на плахи и тес была распространена в прирайских селах. Зажиточные хозяева продавали не по одной сотне тесу и плах ручной выделки. В 1919 г. в Жарковке значилось 9 крестьянских дворов, занятых лесным промыслом. В деревнях по Яе 128 крестьян занимались лесными промыслами, по Золотому Китату и Алчедату - еще 158 чел.⁴²

Первые массовые заготовки для железной дороги провело в Алчедатском лесничестве Управление Государственных имуществ в 1905 г., когда на Колпаковском переселенческом участке за р. Михайловкой были нарублены дрова. Не вывезенные вовремя, они сгорели через 10 лет⁴³. Удачливее был в 1909 г. ижморской лесоторговец Я.П. Ганцелевич, заготовивший руками поселенцев большую партию леса и 500 куб. сот. (4,5 тыс. куб. м) дров. В 1909 г. лес сплавляли до железнодорожного моста на Яе⁴⁴. В следующем году заготовок не проводилось, и переселенцы оказались в тяжелом положении. В «Сибирской жизни» писали: «Хлебопашеством заниматься почти совсем нет возможности: кругом лес. Прошлый, 1909 год переселенцы питались, работая у лесопромышленника Я.П. Ганцелевича. Ганцелевич поступал не совсем добросовестно в рубке, пилке и очистке леса, который покупал у тех же переселенцев, но они терпели, работали и кормились. Теперь Ганцелевич скрылся, положение получилось безвыходное. Хлеба нет, денег тоже»⁴⁵. В 10 переселенческих поселках начался голод, несколько семей умерло, крестьяне ели смесь из гнилушек, калины, рябины и муки, меняли скот на соломку, ржаной каравай - на кедровое бревно⁴⁶.

Дешевый лес с переселенческих участков, удобный сплав, близкий рынок сбыта - все это делало Жарковку идеальным местом для перевалки и переработки леса. До поры до времени в нем не было надобности, пока потребности копей удовлетворялись из ближних лесных дач, а сплавной лес с Яи вывозился на лошадях на ст. Судженка. Но резко увеличилась добыча угля: с 444 тыс. т в 1911 г. до 960 тыс. т в 1917 г.⁴⁷ Усилилась нужда в лесном материале на крепление шахт, жилье для рабочих. Ближайшие леса были истреблены, Алчедатское лесничество становилось крупнейшим резервом лесоматериалов. Сплав и перевозка непосредственно на железную дорогу позволяли покрыть дефицит леса. Первым это понял и попытался захватить инициативу Петр Маркелович Тимофеев.

¹ Архив в музея археологии и этнографии Сибири (МАЭС) Томского университета (ТГУ). № 195. С. 17.

² М а т ю щ е н к о В. И. Письмо в газету «Колхозная правда» 29 апреля 1958 г. // Архив МАЭС ТГУ. № 149. С. 1-3.

³ Т а м же.

⁴ Ч у г у н о в С. Экскурсия на реку Яя (из путевых заметок) // Сибирский вестник. 1898. 28 июля.

⁵ Д у л ь з о н А. П. Чулымские татары и их язык // Ученые записки Томского пед. ин-та. 1950. 1952. Т. 9. С. 113.

⁶ Б о я р ш и н о в а З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского ун-та. 1950. Т. 112. С. 86, 96.

⁷ Т ю р к и таежного Причулымья. Популяция и этнос. Томск, 1991. С. 46.

⁸ Б о я р ш и н о в а З. Я. Указ. соч. С. 80-89.

⁹ Д у л ь з о н А. П. Указ. соч. С. 83, 88.

¹⁰ Государственный архив Томской области (далее - ГАТО). Ф. 321. Оп. 1. Д. 1а. Л. 147-149.

¹¹ Т а м же. Л. 147.

¹² Государственный архив Омской области (далее - ГАОО). Ф. 3. Оп. 12. Д. 1760. Л. 95-96.

¹³ С п и с о к населенных мест Западной Сибири . Б. м., 1928. Т. 2. С. 150-151. В. Пономарев в подтверждение этого упоминает, что его прадед родился на Шигарском хуторе в 1771 г. (Пономарев В. Могу уточнить // Наше время. 1993. 17 февр.).

¹⁴ Э к о н о м и ч е с к и й быт государственных крестьян восточной части Томского округа и северо-западной части Мариинского округа Томской губернии. СПб., 1898. Т.1. С. 31.

¹⁵ С п и с о к населенных мест по сведениям 1859 года. Т. 60. Томская губерния. СПб., 1868. С. 16.

¹⁶ Х у д я к о в Д. Из прошлого Яи // Вперед к коммунизму. 1985. 12 марта.

¹⁷ П о т а н и н Г. Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т.6. С. 98-100.

¹⁸ ГАТО. Ф.321. Оп. 1. Д.57. Л.317- 333.

¹⁹ ГАТО. Ф.234. Оп.1. Д.136. Л.40.

- ²⁰ Экономический быт государственных крестьян. С.49.
- ²¹ ГАТО. Ф.321. Оп.1. Д.57. Л.317-333; Ф.3. Оп.44. Д.1401. Л.1-5. См. Приложение 2.
- ²² См. Приложение 1.
- ²³ ГАТО. Ф.126. Оп.2. Д.3000. Л.1.
- ²⁴ ГАТО. Ф.196. Оп.8. Д.727. Л.1-12.
- ²⁵ ГАТО. Ф.234. Оп.1. Д.136. Л.40.
- ²⁶ ГАТО. Ф.196. Оп.8. Д.727. Л.1.
- ²⁷ Описание по обследованию А.А. Кауфмана // Экономический быт государственных крестьян. С. 90-380; ГАТО. Ф. 196. Оп.7. Д.187. Л.1.
- ²⁸ Описание по обследованию А.А. Кауфмана // Материалы для изучения экономического быт государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1892. Вып. XVIII. Т.2. С.12-157.
- ²⁹ Экономический быт государственных крестьян... С. 461.
- ³⁰ Состояние нужды казенного лесного хозяйства в Сибири. СПб., 1898. С. 180, 184.
- ³¹ Комаров А. И. Правда о переселенческом деле. СПб., 1913. С.32-35.
- ³² Рабинович Г. Х. Указ. соч. С.112.
- ³³ По Сибири. От наших корреспондентов. Г. Тайга. Лесные промыслы // Сибирская жизнь. 1912. 10 апр.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Сибирская жизнь. 1912. 16 марта.
- ³⁶ Сибирская жизнь. 1913. 25 авг. В 1914 г. по Яе стояли переселенческие поселки Донской, Петропавловский, Путиловский, Крупец, Прутковский, Орлиный, Богословский, Яя-Венедиктовский (ГАТО, ф. 196. Оп. 19. Д.1980).
- ³⁷ Худяков Д. Из прошлого Яи // Вперед к коммунизму. 1985. 12 марта. Венедиктовка основана в 1896 г.
- ³⁸ Государственный архив Новосибирской области (далее - ГАНО). Ф.Р-22. Оп.1. Д.1266. Л.33. Ступниковский хутор основан в 1905 г.
- ³⁹ ГАТО. Ф.Р-58. Оп.1. Д.79. Л.16-17.
- ⁴⁰ ГАТО. Ф.196. Оп.25. Д.816. Л.80.
- ⁴¹ История развития лесозавода // Яярайгосархив. № 1-7. Л.6; Пономарев В. Могу уточнить // Наше время. 1993. 17 февр.; Худяков Д. Из прошлого Яи // Вперед к коммунизму. 1985. 12 марта.
- ⁴² ГАТО. Ф.Р-2. Оп.1. Д.230. Л.41; Д.299. Л.46.
- ⁴³ Сибирская жизнь. 1912. 7 июля; 1915. 4 июля.
- ⁴⁴ Сибирская жизнь. 1900. 5 июля.
- ⁴⁵ Сибирская жизнь. 1910. 25 марта.
- ⁴⁶ Сибирская жизнь. 1900. 13 апреля.
- ⁴⁷ Джаксон М. Н. Флеров А. Н. Сборник статистических сведений о горной и горнозаводской промышленности СССР за 1911-1924 гг. Л., 1925. С. 138-139.

Глава II

В ПЕРИОД НЭПА

Второй лесозавод. Основатели и строители

Петр Маркелович Тимофеев был родом из волостного села Судженского и принадлежал к разряду зажиточных крестьян-лесопромышленников, поставщиков леса для железной дороги и копей. Судя по списку дворохозяев с. Судженского на 1901 г., из четырех братьев Тимофеевых (Зиновий, Степан, Андриан и Петр) последний был наиболее состоятельным, хотя по сибирским меркам ему хвастать было нечем: на 4 чел. семьи имел 9 лошадей, 7 коров, 18 голов мелкого скота, 8 десятин посева и собирал до 100 копен сена¹. Вероятно, в 1905-1906 гг. он построил и пустил лесопромышленный завод в Ступникове.

В 1916 г. он вместе с инженером Д.К. Мачини купил копи у Лебедянского товарищества и основал «Судженское каменноугольное товарищество Д.К. Мачини и П.М. Тимофеев». Товарищество нанимало около 300 рабочих и добывало до 200 тыс. пуд. угля. В 1917 г., 14 августа компаньоны продали копи акционерному обществу Судженских копей Л.А. Михельсона².

О том, когда П.М. Тимофеев основал завод в Жарковке, точных сведений не сохранилось. Но документально удалось подтвердить, что в январе 1918 г. завод уже существовал. В Томском архиве обнаружился окладной лист сбора с паровых котлов 1918 г. за № 96, в котором читаем: «П.М. Тимофеев имеет уплатить в одно из казначейств с принадлежащего ему парового котла в пользу казны за 1918 г. а) подлежащий котел значится по списку Томской фабричной инспекции за № 280, б) место нахождения котла в Томской губернии Томский уезд при разъезде Яя Сиб. жел. д. при лесопил., в) площадь нагрева котла исчислена в 277 кв. фут., г) размеры сбора за вышеозначенный год двадцать два р. шестьдесят к. Старший фабр. инст. Томской губ. Х.Белицкий. Квитанция №1135 губ. казначейства от 23.01.1918 г.»³. Котел за тем же номером числился в Томской фабричной инспекции и в 1917 г. Следовательно, он был

в 1917 г. либо установлен, либо привезен с другого завода губернии.

У местных краеведов нет единой точки зрения относительно даты и места основания завода. Д. Худяков и В. Пономарев полагают, что завод построен в татарском конце или на татарском кладбище. А. Швайбович и С. Мосин считают, что завод был построен там, где сейчас находятся РММ. Д. Худяков пишет, что завод был пущен в 1918 г., А. Швайбович считает, что это произошло в августе 1917 г.⁴ И. Стерехов даже называет точную дату - 26 августа⁵. Сохранилась легенда о том, как П.М. Тимофеев, собрав сход в доме Мартынкуса, поставил крестьянам ведро водки и арендовал землю на 5 лет для строительства завода. Нет единства и в описании завода. Д. Худяков говорит о двухрамном заводе, А. Швайбович и С. Мосин - об одной раме. Все сходятся на том, что завод состоял из рубленого машинного отделения и дощатого рамного цеха, что паровая машина приводила в движение раму, обрезной станок, что электричества не было, что на заводе в 1918 г. был пожар, во время которого механик Михайлов спас паровой котел, что выкатка леса производилась лошадьми по покатам, таборовали лес в костры высотой до двух метров, что заготовка велась по Золотому Китату и Яе, в районе хутора Донского, в объеме до 20 тыс. куб. м. Упомянутый пилоправ Косулин действительно существовал*, реальное лицо и управляющий заводом Геннадий Александрович Чирков**.

Сопоставление сведений, полученных от старожилов, и документальных данных дает основания думать, что было два завода. Первый, построенный в 1917-1918 гг., был однорамным и стоял в татарском тупике. Он и погнал в список фабричной инспекции на 1918 г.: завод П.М. Тимофеева в с. Жарковском Судженской волости с двигателем в 18 л.с., котлом в 277 кв. футов нагрева, с 30 рабочими и производительностью в 100 тыс. р. в год⁶. Этот завод в 1918 г. сгорел. На восстановление его у П.М. Тимофеева не хватило средств, и он продал завод акционерному об-ву Судженских копей в июле 1919 г., которое и завершило строительство***. Но среди

* Косулин Андрей Максимович, 1887 г.р., пилоправ, старейший работник завода (с 1918 г.), член ВКП (б) с 1925 г. (ТЦХДНИ. Ф. 1. Оп.1. Д.1145. Л.763).

** Г.А. Чирков в советское время был десятником на заготовке леса.

*** Акционерное общество Судженских каменноугольных копей принадлежало Льву Александровичу Михельсону, одному из крупнейших предпринимателей России начала XX в. Он родился в 1868 г. в г. Тульчине, дворянин, в 1888 г. окончил юридический факультет Московского университета. Первоначальный капитал себе он составил, участвуя как доверенное лицо московских фирм в «Администра-

действующих завод в 1919 г. не числился. В корреспонденции в газету «Коммуна» о первом периоде работы завода написано следующее: «Вид и расположение лесопильного завода на Яе довольно удачное: лесопилка построена на самой реке Яя, в нескольких сажнях от завода проходит линия железной дороги, что очень важно для погрузки пиленого материала. Завод принадлежал ранее местному лесопромышленнику П.М. Тимофееву и был затем приобретен Судженскими копями. В момент покупки завод только устанавливался, массивная лесопильная рама «Стелла» стояла в капитальном ремонте, десятиильный мотор через стальной канат вертел лебедку на берегу реки, которая вытаскивала лес из реки. В это время на копи прибыли уральские техники Суслов и Вознесенский, которые занялись переоборудованием завода, сооружением фундамента под машины и лесопильные рамы и т.д. Работа производилась в тяжелый момент «безвластия», когда отступили белые войска и наступала Красная Армия. Тем не менее работа не прекращалась и была проделана настолько добросовестно, что вот уже три года завод работает без всякого ремонта и еще совершенно не износил своего оборудования»⁷.

В Томском госархиве сохранились подробные отчеты о работе Яйского лесозавода в 1920-1922 гг. Он был оборудован двумя пило-рамами («Стелла» и екатеринбургского завода бр. Бажовых), обрезным станком, двумя локомотивами в 45 и 4 л.с., динамо-машиной, дававшей ток в 10,5 ампер, 220 вольт. Производительность завода в рамосмену составляла 900 куб. футов, или 24,3 куб. м³.

Завод национализировали с приходом советской власти. В декабре 1919 г. район Яя был освобожден. В феврале 1920 г. бывшие лесозаводы А.Л. Михельсона (Анжерский № 1, Яйский № 2, Судженский № 3) вошли в состав предприятий Анжеро-Судженской группы рудников Объединенных сибирских государственных копей («Сибуголь»). П.Тимофеев промысла своего не бросил и в период нэпа арендовал Яя-Венедиктовский завод, который давал до 7 тыс. куб. м

ции» по делам несостоятельного должника -Торгового дома нерчинских купцов бр. Бутиных. Полученные путем финансовых афер деньги он вложил в 1897 г. в разработку каменноугольных копей, стал крупнейшим поставщиком угля в Сибири, построил снарядный завод в Москве, купил механический завод. Капитал его исчислялся десятками миллионов рублей (Р а б и н о в и ч Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX - начала XX вв. Томск, 1975. С. 165-174).

пиломатериала в год. Еще в феврале 1928 г. П. Тимофеев поставлял лес на Судженские копи и владел лесозаводом⁹.

В отделе снабжения угольного района был образован лесной подотдел, которым управлял Франц Антонович Казачковский. Яйский лесозавод входил в Восточный район, заведующим которого являлся в 1920-1924 гг. Иван Дмитриевич Миронов, в апреле-сентябре 1920 г. он же был и заведующим лесозаводом. С 12 сентября 1920 г. до 1921 г. временно заводом заведовал П. Коныш, а с 1921 г. по март 1924 г. - Г.Д. Феклистов*.

С 1920 г. Яйский лесозавод, включенный в систему Анжеро-Судженского угольного района, пережил вместе с ним множество организационных перегруппировок. Объединение сибирских госкопей («Сибуголь»), созданное 12 января 1920 г., уже 18 февраля было переименовано в Угольные копи Западной Сибири («Сибуголь»). Это крупное региональное образование было разделено, и 18 августа 1922 г. появилось Гособъединение каменноугольной промышленности Кузнецкого бассейна («Кузбасстрест»). С 1924 г. «Кузбасстрест» контролировал только копи Анжеро-Судженского района. В 1928 г. на базе всех сибирских копей был воссоздан трест «Сибуголь», затем опять началось его дробление, появился трест «Востокуголь», а с 1932 г. - трест «Кузбассуголь».

До 1929 г. яйские лесопромышленные предприятия входили в Анжеро-Судженское управление «Кузбасстреста» («Сибугля»), центр управления находился в Яе (Шигарке). Здесь же была оставлена лесозаготовительная контора «Востугля» («Кузбассугля»), которой подчинялись предприятия всего севера Кузбасса. В 1930 г. из Анжерского, Китатского, Невского лесоучастков, Яйского лесозавода был образован Яйский леспромхоз, разделенный в 1933 г. на Тайгинский, Китатский, Барзасский ЛПХ и Яйский лесокомбинат. В августе 1935 г. в комбинат был включен Азановский лесоучасток.

В 1936 г. лесопромышленные предприятия Кузбасса были переданы в подчинение Наркомату тяжелой промышленности. Для управления ими был создан Западно-Сибирский трест - «Запсиблес-тяж». В 1939 г. трест был уже разбит на два управления и подчинен Наркомату строительных материалов. 23 марта 1940 г. предприятия лесной промышленности были включены в созданный Наркомат угольной промышленности. Тресты «Кемеровостройлес» («Северокузбаслес») и «Сталинскстройлес» («Южкузбаслес») в мае были

* См. Приложение 3.

приняты в систему комбината «Кузбассуголь», созданного в 1936 г. В прямой зависимости от угольно-металлургической промышленности Кузбасса Яйский лесопромышленный комплекс оставался до января 1960 г., пока не был включен в Лесное управление Кемеровского совнархоза.

В 1920 г. в Яе находилась лесозаготовительная экспедиция Восточного района, лесозавод, контора. Штат района в апреле 1920 г., судя по опросному листу, состоял из 28 служащих и 256 рабочих, которые распределялись следующим образом: контора - 6 служащих, экспедиция - 18 служащих, 7 сторожей, 2 конюха, на погрузке леса - 24, на возке - 44, на элеваторе по выгрузке леса из воды - 10, на сплаве - 51, на других работах - 44, всего 200 человек. Лесопильный завод - 4 служащих, 3 сторожа, 18 человек в РММ, 22 плотника, 18 человек на пилке леса, 8 человек на других работах, итого 73 человека. Всего с откомандированными по разным надобностям - 284 человека. На лесозаводе работала в 2-3 смены одна рама, которую обслуживали машинист, кочегар, 5 человек при раме, на подаче бревен - 2, на уборке лесоматериала - 2, уборке опилок - 1¹⁰. При более интенсивной работе людей добавляли.

Работа завода и лесного склада шла в невероятно трудных условиях, вызванных дефицитом оборудования, кадров, продуктов питания и фуража, перебоями в поставке леса. Завод в 1920-1923 гг. продолжал монтироваться, шла отладка механизмов, работала то одна, то другая рама, старые котлы постоянно выходили из строя, снабжение котла и рабочих водой не было отлажено. На заводе не было даже токарного станка для ремонтных работ.

В октябре 1921 г. в Судженский райком сообщалось, что яйская лесопилка остановлена из-за поломок¹¹. И.Д. Миронов докладывал в январе 1922 г. о том, что пилорама «Стелла» вышла из строя, разобрана и отправлена в ремонт на копи¹². В мае 1921 г. управляющий лесным подотделом Ф.А. Казачковский отмечал, что шигарская лесопилка работает на 50% из-за изношенности оборудования, мастерские копей не справляются с заказами на ремонт, а в сентябре того же года констатировал: «Яйская лесопилка, назначенная для обслуживания всех копей и исполняющая зачастую заказы «Сибугля», остается пасынком, отчего ее производительность пала в 2/3»¹³. В отчете «Кузбасстреста» за 1924-1925 гг. показано, что на Яйском заводе был поставлен самодельный обрезной станок, сделан ремонт котла, трансмиссий и рам. Приведена и оценка изношенности оборудования: рам - на 60%, парового хозяйства - на 80%, зданий

котельной и лесопильного цеха - на 90%¹⁴. Если бы не изобретательность техников и рабочих, завод давно бы остановился. Слесарь А. Я. Понеделков, «человек с твердой волей, энергией и пролетарской смекалкой», наладил водоснабжение, пробив скважину в колодце, и приспособил топки паровых котлов к сжиганию опилок. За это райком Всероссийского союза горняков наградил Понеделкова английским костюмом, а газета «Коммуна» напечатала по этому поводу статью, которая заключалась словами: «Так органы Соввласти, в отличие от шкурников, лодырей, отмечают действительных тружеников, честных, добросовестных работников, приносящих посильную помощь Сов. Республике»¹⁵. Надобность в положительных примерах была чрезвычайная, потому что молодые рабочие, пришедшие из деревни, быстро усваивали психологию гегемона, но не имели опыта капиталистической дисциплины труда. Они кичились своей пролетарской принадлежностью, хотя толком не знали профессии, вызывая недовольство кадровых, ответственных работников. Справедливости ради, надо сказать об исключительно тяжелом положении рабочих, которые в сильные морозы не выходили в смены из-за отсутствия теплой одежды. Уполномоченный по Восточному лесопромышленному району К. Баталов писал: «Яйский список не блещет героями трудового фронта, в трудовой армии таких много, а на Яе их оказалось только трое», называя рабочих Ильбехтина, Ковалевского и машиниста Берговилова¹⁶. Добрую память о себе оставили такие руководители предприятия, как Иван Дмитриевич Миронов и Петр Васильевич Падузов*. И.Д. Миронов, по воспоминаниям ветеранов, был человеком высоким, плотным, с усами. Он обладал большой инициативой и добротой. В отчетах по лесному подотделу каменноугольного района его отмечали как старательного, исполнительного работника, умеющего справляться со сложными делами. Благодаря его стараниям завод оборудовали элеваторами на паровой тяге для выгрузки леса производительностью в 1,5 тыс. бревен в 8-часовую смену, лесотаской, запустили вторую пилораму, установили новый паровик. В 1924 г. И.Д. Миронова сменил П.В. Падузов, человек незаурядных организаторских способностей, технически грамотный, позднее он заведовал лесной частью «Кузбасстреста».

Яйский завод, несмотря на частые поломки, был лучшим из трех заводов Анжеро-Судженского района и с пуском второй рамы стал полностью покрывать нужду угольного района в пиломатериалах.

* См. о нем в Приложении 3.

Распил с 7-8 тыс. куб. м в 1920-1921 гг. увеличился до 17,6 тыс. куб. м в 1926 г. Это дало возможность к 1928 г. закрыть Анжерский и Судженский заводы. В то же время было принято решение о строительстве на Яе нового, более мощного завода.

Самым большим вопросом для лесопромышленности на Яе был кадровый. Не хватало специалистов, рабочих. Технические специалисты уходили из-за отсутствия жилья, враждебного отношения к ним рабочих. Подобное настроение даже получило в 20-е гг. особое название - «спецеество». Проявилось оно и на Яе. Неверную позицию в этом вопросе занимала партиячейка, возникшая в 1920 г. Секретарь ячейки Матвей Семенов на производственном совещании в августе 1924 г. заявил, что рабочий должен получать больше руководителя, так как «последний живет за счет первого»¹⁷. Среди рабочих были распространены, по сообщениям парткомов, настроения такого рода: «Надо все дать нам - рабочим, власть-то ведь наша, мы захотим и баста, на тачке вывезем... выгоним, нам все простительно»¹⁸.

Нехватку рабочих восполняли традиционным для России способом - принуждением. С началом работы завода была развернута мобилизация крестьян с лошадьми. Крестьяне должны были отбывать особую повинность - трудгужналог. Гужналог составлял, по решению Губисполкома от 17 ноября 1921 г., 6 тыс. пудов верст на работника, при этом считалось, что одна куб. сажень пиломатериала весит 300 пудов, а на одного работника должно приходиться не более 6 куб. сажень дров или 4 куб. сажень (40-60 куб. м) бревен. От налога освобождались однолошадные дворы без мужчин. В октябре 1922 г. трудармия в Сибири насчитывала 18,5 тыс. чел., из них в «Сибугле» было занято 5,5 тыс. чел. Они были заняты на заготовке и вывозке леса¹⁹. На лесозаводе в Шигарке мобилизованных было немного, в основном они были сосредоточены на перевалке леса, выгрузке его из воды, перевозке на склады, ж.д. станцию, погрузке в вагоны. В зимнее время мобилизованных было 130-140 чел., в летнее на выгрузке леса их число возрастало до 300 чел. В докладе о ходе работ Ф.А. Казачковский подчеркивал: «Недостающую рабочую силу как лошадиную, так и пешую можно добыть только путем мобилизации, так как рассчитывать на добровольную дачу рабочей силы местным населением не приходится»²⁰. Мобилизованные работали неохотно, являлось не более третьей части, несмотря на репрессии властей. Причина такого поведения была очевидной - маленькая заработная плата. Норма выдачи равнялась

в 1925 г. 25 ф. муки и 2 ф. крупы на человека в месяц. Чтобы удержать рабочих, нужно было увеличить норму в два раза²¹. Вместо этого партиячейка завода запросила у сельского Совета сведения о мобилизованных крестьянах, чтобы не выдавать продовольствия тем, кто имеет хлебные запасы²².

Выгрузка леса в 1920-1922 гг. вследствие дефицита рабочих рук затягивалась до ноября. Для ускорения работы устраивались воскресники. Так, 28 августа 1921 г. работали 28 чел., в том числе 6 коммунистов²³. В 1922 г. на выгрузку леса приехали шахтеры с копей, однако, не проработав и недели, они демонстративно уехали, недовольные заработком. Крестьянские артели потребовали увеличить заработную плату. Ударили морозы, река замерзла, и пришлось вырубать из льда 47 тыс. бревен (13% всего приплава). Управляющий Анжеро-Судженскими рудниками откровенно рапортовал, что в этих условиях «главным регулятором работ являлся спирт»²⁴.

С постепенным восстановлением рыночных отношений и укреплением крестьянских хозяйств дефицит труда уменьшился. Мобилизованные сменились вольными крестьянскими артелями, которые нанимал подрядчик Михаил Иванович Демин. Однако выгрузка леса так и осталась узким местом, потому что в летний сезон найти руки, свободные от сельхозработ, было в Сибири непросто. В 1924 г., по воспоминаниям старожилов, во льду оказалось не менее 30 тыс. бревен²⁵. Еще большую сложность для предприятия составляли заготовка и сплав леса.

В лесу и на реке

Организация заготовки леса в Сибири в 20-е гг. оставалась прежней. Основной рабочей единицей был крестьянин со своим верным Сивкой. Привлекался он к труду на лесоповале и лесовывозке теми же способами - мобилизацией или через подрядчика-посредника. После установления Советской власти Лесной отдел Томского совнархоза объединил все лесозаготовительные организации и приступил к работе. Однако зимой 1919/20 г. его деятельность была в значительной мере парализована. Склады лесных отделов были разграблены во время военных действий. В частности, склады Томского лесного отдела реквизировали представители Красной 5-й армии²⁶.

«Сибуголь» был поставлен перед необходимостью самоснабжения и создания своего лесозаготовительного подразделения²⁷. Им

стала экспедиция Лесного подотдела, расположенная в Шигарке. В ее обязанности входила организация заготовки и сплава леса, снабжение мобилизованных и вольнонаемных рабочих продовольствием, фуражом, инструментами. Агенты на местах заготовок в 1920-1922 гг. расплачивались с рабочими из крестьян натурой - хлебом, овсом, - денег никто не брал. В 1920 г. из-за несвоевременных поставок продовольствия и фуража работы останавливались, агенты сами голодали.

В день на работника в сезон 1921/22 г. выдавалось муки 1,75 фунта (700 г), крупы, соли, рыбы или мяса 14 золотников (60 г), чая, мыла по 2 золотника (8,5 г), жиров - 3 золотника (13 г), табака и дрожжей по 1 золотнику (4,3 г), спичек 1/5 коробка, овса - 16 фунтов (6,4 кг), сена - 32 фунта (12,8 кг), соломы - 8 фунтов (3,2 кг). Поденная плата пешему работнику составляла 30 тыс. р., конному - 79 тыс. р. Много это или мало, можно судить по тому, что пуд муки стоил 250 тыс. р., мяса - 200 тыс. р., масла - 1 млн. р., овса - 100 тыс. р., сена - 15 тыс. р.²⁸

В январе 1921 г. на лесозаготовках для Анжеро-Судженских копей работали 543 чел. и 744 лошади, в том числе на Яе 287 чел. и 384 лошади, а на Золотом Китате - 40 чел. и 38 лошадей. На Золотом Китате в Кельбесской даче лесным агентом был Емельянов, а помощником Архип Иванович Расщупкин, на Яе - Елагин, помощником - И.М. Зорин. В январе 1922 г. на Яе работали 160 чел., 173 лошади, а по Золотому Китату - 1123 чел. и 1482 лошади²⁹.

Работы организовывались следующим образом: «Сибуголь» (затем «Кузбасстрест») подавал заявки в Томскую губернскую комиссию по распределению лесосечного фонда и в конкуренции с другими лесозаготовителями (Железнодорожным лесным комитетом, «Гублесстроем», Гублесзагом») добивался распределения себе ближайших к угольным копиям лесных дач. В Петуховском лесничестве они получали обычно леса по Яе, в Алчедатском - по Золотому Китату и Алчедату, в Томском - в районе Сураново. Управление треста просило даже запретить другим организациям вести рубки леса в дачах Анжеро-Судженского района, утверждая, что «лесное хозяйство при настоящих условиях выработки каменного угля в жизни рудников играет настолько же важную роль, сколько самая добыча угля»³⁰. Нанимать рабочих и привлекать мобилизованных трудармейцев угольным трестам также приходилось в конкуренции с Сиблесстроем, Желескомом, золотыми приисками. На этом крестьяне выигрывали в зарплате 25-60%.

В 1924 г. «Сиблестрест» и «Сиблесзаг», постепенно налаживавшие лесное хозяйство и лесопользование, взяли на себя снабжение угольных копей лесными материалами. Однако они не смогли справиться с этой задачей даже наполовину, и в 1927 г. перед Кузбасстроем вновь встала задача самоснабжения. Одновременно «Сиблестрест» и «Сиблесзаг» добивались лишения других организаций прав самозаготовителей. В войне ведомств одержал победу набирающий силу «Кузбасстрест». Мало того, наследник «Кузбасстреста» - «Сибуголь» в 1929 добился приписки к своему ведомству на 30 лет Томского, Таежного, Петуховского, Алчедатского, Тисульского лесничеств «в целях непрерывного снабжения каменноугольной промышленности Кузнецкого и Томского округов лесными материалами и долготелетнего сохранения лесов, прилегающих к угольным районам»³¹.

Заготовки вели самым примитивным образом. Вся техника состояла из топоров, пил и подпилков. Их постоянно не хватало. Крестьяне по одному или парами возили лес, обрубали сучья, раскряжевывали и вывозили его на станции или на берега сплавных рек, где агенты Анжерской лесозаготовительной экспедиции принимали бревна и крепи, расгладывались. Инспектор лесной части «Сибугля» И.А. Нахманов, обследовав в январе 1929 г. работы Анжерского участка, писал в отчете: «Жалкая и обидная представляется картина, когда мы видим, что люди на расстоянии 18-20 километров, в лучшем случае с полувозами по разбитой дороге, упорно тянут таском лес крепкими сибирскими лошадьми, такая жуткая картина нисколько не представляет из себя организованного современного советского хозяйства и целиком отражает быт русской первобытной капиталистической промышленности эпохи начала лесозаготовок 50-60 лет тому назад»³².

Последствия заготовок нарисованы в докладной записке Рабрину ученых-лесоводов В.А. Данилевского и Н.И. Позднякова после обследования районов около г. Тайги, Анжеро-Судженска и вдоль р. Яи. «Правильнее было бы эту рубку назвать «от произвола», так как в отведенных кварталах лесозаготовитель рубил что хотел и как хотел. Общая картина такова: в квартале, где производились рубки, на корне оставлена осина, фаутные или перестойные березы, ель, пихта, которые или вырываются с корнями ветром, или ломаются бурей, увеличивая без того большую захламленность кварталов остатками от заготовок. Пни оставались высокие, до 2-2,5 аршин высоты, и большие (по-видимому, рубка велась при глубоком снеге),

вершины деревьев от 4-5 вершков, наряду с дровами, бревнами, неизвестно кем заготовленными и которым истекла не менее чем 10-летняя давность, валяются и бревна, оставленные заготовителем и почему-либо им не использованные в текущем году. Кварталы, где производились рубки, представляют из себя лесные кладбища, которые нагоняют печаль и тоску не только на лесовода, а и на всякого человека, посетившего их. Картина полного хаоса усугубляется в тех кварталах (напр., 290, 291, 292 - Анжерский р-он), где прошел огонь, погибший молодняк - ели, пихты и осины, обуглившиеся заготовленные материалы, остатки от заготовок леса, почерневшие, усыхающие стволы, оставленные на корню потребителем, - все говорит о полной бесхозяйственности, о злостном истреблении леса. В меньшей мере сказанное относится к местам, где велась хоззаготовка и главным образом относится к заготовкам «Кузбасстреста», «Транслеса» и «Лестреста»³³.

С 1928 г. лесозаготовки «Сибугля» стали принимать все более организованный характер. Были образованы в составе Анжеро-Судженского лесоправления Анжерский, Невский (по Кельбесу, Барзасу и Кайгеру), Китатский (по Золотому Китату, Ампалыку) лесозаготовки. Управляющим Невского участка был В.З. Ахмелев, Китатского - Яков Васильевич Егоров, Анжерского - Николай Михайлович Левчук. Участки состояли из контор с 13-16 десятниками, фельдшером и десятком сторожей при бараках. Среднесуточное число рабочих на заготовке составляло в январе 1929 г. 887, на вывозке - 1058. Десятники были неопытны, наполовину неграмотны, специальное образование имел только Я.В. Егоров. Конторы располагались на станции Анжерской, в пос. Невском, в 50 в. от ст. Яя, и в с. Красный Яр, в 60 верстах от ст. Яя (Китатский участок). Особой нужды в рабочей силе заготовки в 1927-1929 гг. не испытывали. Заработная плата рабочих была весьма приличной. Конкурентами выступали Центральный золотой рудник, Яшкинский цементный завод, «Лесзаг». Вывозка 1 куб.м на 1 версту оценивалась в 1929 г. в 43,3 к. Возчики зарабатывали в день по 2 р. 10 к. Рубка одной куб. сажени оценивалась в 2 р. 20 к. - 3 р., вывозка - в 3 р. 75 к. - 7 р. 70 к. в зависимости от дальности возки³⁴. Из пролетарской солидарности райком пытался предоставить возможность заработать на лесозаготовках деревенской бедноте, однако зажиточные крестьяне, имевшие лучших лошадей, составляли большую часть вольнонаемных рабочих.

В каких объемах велись заготовки Анжерским лесным управ-

лением в 20-е гг., дает представление обзор лесозаготовительных операций «Кузбасстреста»³⁵.

1920/21 г. - 13813 куб. саж., 84,6% сметы

1921/22 г. - 24071,4 куб. саж., 112,1% «

1922/23 г. - 14428 куб. саж., 86,2% «

1923/24 г. - 20760 куб. саж., 116,6% «

1928/29 г. - 23278 куб. саж., 100,4% «

Больше половины этого леса поступало на яйскую лесоперевалку сплавом.

Заготовливался лес трех видов. Строевые и пиловочные бревна объемом в среднем в 14 куб. футов (0,4 куб. м), длиной от 4,5 до 8,5 аршин (3,2-6 м). Они составляли 40-50% объема древесины, крепи объемом в 2,38 куб. футов (0,06 куб. м) - тонкие хлысты в комле сечением до 18 см (20-30% заготовки) и дровяное долготье в виде разнокалиберных бревен (30-40% древесины). Учет велся по объему, поэтому заготовители были заинтересованы в рубке бревен, а копи требовали тонкомер на крепи. Лесное управление вынуждено было иногда, особенно при выгрузке, переходить на поштучный счет и приравнивать при оплате крепи и бревна.

Сплав в техническом и организационном плане был значительно сложнее лесозаготовок, тем более на своенравных и бурных реках системы Яи. Шел он в мае-июне, иногда задерживаясь до августа. На сплав труднее всего было найти рабочих. Кому хотелось наживать ревматизм в холодной весенней воде? Сезонные кадры ежегодно формировались при помощи кнута и пряника. Самой большой приманкой был спирт. Ф.А. Казачковский в феврале 1921 г. откровенно писал в месячном отчете: «Заявляю, среди указанных в предыдущих докладах мер, гарантирующих успех сплава, пропущена одна, пожалуй, главнейшая. Это -необходимость иметь, в особенности в первом периоде сплава, в предупреждение простуды рабочих, для поддержания их сил и бодрости винный спирт, потребность которого для 100-130 рабочих-бурлаков в два месяца сплава выразится ведер в восемь»³⁶. Меры принуждения не были разнообразны. Крестьянам-трудармейцам грозили трибуналом, голодом. В 1921 г., когда на сплав не вышло до 200 трудармейцев, начались аресты, а семьи «дезертиров» трудового фронта были лишены продпайка³⁷.

Подготовка к сплаву предполагала завоз продовольствия, спирта и его складирование по маршруту сплава, ремонт и изготовление новых лодок, запас спецодежды - сапог, ботфорт, брезентовых

курток и брюк, теплого белья, лаптей. Из оборудования нужны были топоры, багры, канаты, цепи. Сплав шел модем. Перед скаткой бревен русло готовили - взрывали камни, расчищали завалы, перекрывали бонами мелкие широкие места, рукава реки, ставили гавани. Главная гавань устраивалась в Шигарке, у церкви, заградительные цепи ставились у лесосклада № 2, на реке Золотом Китате - близ мельницы Морозова и в устье Китата, у железнодорожного моста, у элеваторов и на Курье.

О том, как проходил сплав в 1921 г. по Золотому Китату, можно судить по отчету Архипа Расщупкина. Вода в этом году была высокая, и сплав начался с установкой 22 и 23 мая цепей для накопления бревен в двух верстах ниже Тихеевки и близ хутора Артамонова. 24 мая началась скидка леса силами заготовщиков и мобилизованных сплавщиков. 25 мая вода поднялась на полтора метра, и цепи были сорваны корягами. Цепи были восстановлены только 29 мая, а скидка леса до этого прекращена, 31 мая восстановили сорванную цепь ниже Сироталки и начали сброс леса в Романовке и Сироталке, тогда же началась очистная сгонка с верхнего Покровского участка. К 2 июня очистка дошла до Тихеевского поселка, сделав за 2,5 дня 30 верст. Второго же июня начали сброс леса в участках Логовом, Двуречном, Больше-Китатском и следом очистную сгонку. Сплав на расстоянии 210 верст был к 1 июля завершен. Из 2879 куб. саженей на место прибыли 2810, или 97,6%, работали 60 сплавщиков и 48 рабочих на скидке леса.

На Яе в этом же году сплавили на 185 верст 4804 куб. саженей леса, доставили 4689 куб. саженей, или 97,6%, при 61 сплавщике и 80 рабочих на скидке. На Мазаловском Китате сплавили на 25 верст 487 куб. саженей леса, прибыло в нижнюю гавань 476, или 97,7%, при 36 сплавщиках. После дополнительной очистки потери года при сплаве составили 1,2%, было выгружено 206 тыс. бревен и крепей³⁸. Можно при таких результатах согласиться с неожиданным выводом Ф.А. Казачковского о сезоне заготовок 1920/21 г.: «В общем лесное дело при переживаемом экономическом кризисе, надо считать, идет нормально»³⁹.

Однако успех не был гарантированным. Многие зависело от матушки-природы. В 1923 г. сплав затянулся. В газете «Коммуна» сообщалось: «Сплавные операции на реке Яя в нынешнем году в большей части прошли успешно. Первые два сплава по рр. Яя и Китату уже выгружены на берег и рассортированы. Общее количество бревен и крепей достигает до 160 тыс. штук. Несколько хуже

обстоит дело со вторым яйским сплавом, который в данное время находится в 80-70 верстах от главной цепи. Продвижение леса идет с большими трудностями и притом очень медленно, вследствие низкого горизонта воды в реке, обмелевшей от засухи. Необходимо напряжение всех сил административно-хозяйственного аппарата, иначе сплав угрожает зазимовать в воде»⁴⁰. Сплав в том году был выгружен в Яя-Венедиктовке, как в старые времена.

В сезон 1928/29 г. сплав велся на Невском участке по Кельбесу, Барзасу, Кайгеру от 11 до 105 км до Яи, а затем до главной запани - 200 км. С инструментом, рабочей силой, фуражом проблем не было. На Китатском участке сплав велся по Ампальку и Золотому Китату на 250 км, проблемы были с продовольствием, кадрами, потому что на золотых приисках платили в 3-4 раза больше, завоз же припасов в верховья реки был крайне сложен. Вообще жизнь на Яе в 20-е г. была трудна, но интересна.

В кровавом зареве родился новый свет

Бурные политические события первой трети XX в. не обошли стороной Яя-Жарковку. Волна революции 1917 г. докатилась до нее в марте, когда в Судженске был создан Совет рабочих депутатов, а 20 декабря он взял власть в свои руки. Вероятно, в январе 1918 г. изменилась власть и в Жарковке. Тон здесь задавали социалисты-революционеры, под влиянием которых была «социализирована», т.е. признана имуществом местного Совета, новая лесопилка П.М. Тимофеева. Конференция представителей Кузнецких копей назвала этот акт незаконным и посчитала, что нужно органичиться рабочим контролем. Вот тогда-то и сгорела лесопилка. Это было в январемарте 1918 г. В марте 1918-го Анжерский Совет направил в Яя-Жарковку отряд красногвардейцев С. Сластухина, чтобы вернуть село под свой контроль, среди зажиточных крестьян были произведены аресты.

Положение в рабочих районах и городах тем временем становилась все напряженнее. Советская власть быстро утрачивала свое влияние среди всех слоев населения. А реквизиции хлеба в деревне вызвали недовольство и вооруженные мятежи. Когда в конце мая в Сибири начался мятеж белочехов, Советская власть смогла опереться только на плохо вооруженные, необученные отряды шахтеров-красногвардейцев. К середине июня 1918 г. власть в Жарковке вновь перешла под контроль земской управы, а реально - к бело-

чехам. Здесь стоял отряд, охранявший стратегический мост через р. Яю⁴¹.

События гражданской войны еще дважды коснулись Жарковки. 23 июня 1919 г. партизанский отряд Лубкова атаковал караул на мосту через Яю и разъезд. Мост был захвачен, убиты 9 белых - чехов, русских, ранены 6 человек. Лубковцы быстро ушли в сторону Почитанки, приняв паровоз за бронепоезд, что помешало им разобрать пути⁴². 26 декабря 1919 г. части 27-й дивизии 5-й армии выбили из Яя-Жарковки белополяков и воткинских рабочих, по иронии судьбы, воевавших на стороне Колчака. Был захвачен эшелон с 30 автомобилями, 4 орудия, много военной амуниции и боеприпасов. Здесь же белыми был брошен санитарный поезд⁴³. Советская власть в Судженской волости утвердилась надолго, до октября 1993 г. Большинство населения приветствовало восстановление советской власти так же радостно, как провожали ее полтора года тому назад. Колчаковский режим оказался круче большевистского. Однако поддержка власти Советов со стороны крестьян была условной. Им была нужна своя власть, а коммунисты защищали прежде всего власть рабочих. Столкновение интересов двух классов - победителей было неизбежным. Эта «разборка» как раз и произошла в 1920-1922 гг., когда по стране прокатилась волна крестьянских восстаний против власти большевиков под лозунгом «Советы без коммунистов». Яя-Жарковка не была захвачена Сибирским крестьянским восстанием 1920-го, зато в 1921 г. была ликвидирована банда в соседней Таловской волости в верховьях Яя⁴⁴, а П.К. Лубков, успешно воевавший с белыми, в сентябре 1920 г. воевал уже с красными и был убит чекистами.

С начала 1920-го в Яе было 4 точки опоры для новой власти - сельсовет и ячейки РКП(б) в с. Жарковка, на лесозаводе и на разъезде. Коммунисты весь 1920 г. спали с оружием. Первыми коммунистами и организаторами общественной жизни на заводе и в Жарковке были Лука Николаевич Тетерев (председатель ячейки), Михаил Осипович Чингис, Петр Васильевич Дмитриев, Гавриил Леонтьевич Кириллов, Сергей Баженов, П. Коныш, Иван Зорин. Позднее секретарями ячейки были П.В. Падузов, М. Семенов, В. Ахмелев, М.И. Рузаев, П.С. Томашевич и др. В условиях военного коммунизма партия пыталась наладить снабжение рабочих завода всем необходимым, контролировать дисциплину. Был организован общественный огород (комиссия из Матвея Семенова, Федота Исаченко, Сергея Баженова), открылись портняжная и са-

пожная мастерские, контролировалась продовольственная лавка, для чего был назначен заведующим лавкой коммунист Гавриил Кириллов. Характер деятельности партийной ячейки полностью отражен в докладе секретаря райкома РКП(б) М. Черняка за октябрь 1921 г.: «Ячейка лесопилки Яя. Состоялись два собрания президиума и 3 общих собрания и, кроме того, два крестьянских беспартийных собрания. Прочитали своими силами 3 лекции. Производится информация беспартийных из газет. Ячейкой производятся занятия по «Азбуке коммунизма». Среди беспартийных живой интерес к текущей жизни сов. строительства. Члены ячейки занимают посты в сов. и др. учреждениях. Библиотеки объединены в одну и работают хорошо. Газеты получаются исправно. В новый рудком прошло 6 коммунистов, 3 беспартийных. Рудком будет работоспособен, имеется согласованность с администрацией. Выгрузка леса закончена, лесопилка стоит, так как поломалась какая-то часть. Работа по доставке балласта исполнена. Производится постройка барачков для зимних лесных работ. Был конфликт с зав. столовой, который тратил продукты столовой на свои надобности, личные нужды. Продналог выполняется удовлетворительно».

Комячейка руководила работой мобилизованных, устраивала воскресники. Комячейка в своих постановлениях обязывала коммунистов к хорошей работе и товарищескому поведению. Вот запись из протокола ячейки за 12 сентября 1920 г.: «Постановила комячейка принять строги меры с разгильдяйством к работе и тем товарищам которые отказываются от работы и семулируют»⁴⁵. (Орфография и стиль сохранены).

Доклады волостной комячейки в Томский уком РКП(б) вплоть до 1924 г. свидетельствуют о враждебном отношении крестьян к коммунистам. Типичная запись. «Авторитетом ячейки среди беспартийных крестьян не пользуются, отношение беспартийных к последним большинство враждебное». Лишь с лета 1923-го отмечается: «Политическое состояние района Судженской волости неудовлетворительное, но видно, что взгляды населения к сов/власти меняются в хорошую сторону и положение улутшается»⁴⁶.

На выборах в сельсовет в апреле 1921 г. почти все коммунисты, баллотировавшиеся в Совет, были провалены. Председателем был избран беспартийный десятник лесокомплекса Афанасий Романович Аницкий, заместителем - Ефрем Федорович Самков⁴⁷. В 1923 г. отношение к коммунистам уже изменилось, так, из 9 членов сельсовета двое были коммунистами - Михаил Иванович Рузаев и

Николай Захарович Расщупкин. Они представляли завод. В 1924 г. из 6 членов сельсовета было три коммуниста - И.В. Дмитриев, Н.З. Расщупкин, Р.В. Ревин.

Однако и в 1924-м авторитет коммунистов был не особенно высок. Рабочие относились к представителям своего авангарда без всякого почтения. Рабкор из Яи писал: «Арефьев Леонид, Горбунов Иван и Шумилин Петр, все трое - штатные работники лесопильного завода, члены В.С.Г., а двое даже члены драмкружка Яйского Рабклуба, напали на проходившего по улице гр-на Безина и с криками «убивай коммунистов» сшибли его с ног и нанесли побои». На улицах можно было услышать такие песни: «Никто не даст нам избавленья, ни ГПУ, ни Губчека. Дождемся мы освобожденья от адмирала Колчака»⁴⁸. Старые рабочие к коммунистам относились так: «Будет Вам, знаем сами. На фронте агитировали, в хозяйстве агитируете, надоели уже. Попробуйте сами с наше поработать». Они требовали дела, а не слов: «Мы пердячим паром производительность подняли до уровня, как велела партия, прибавьте нам на хлеб, чтобы мы этот уровень удержали и не подохли, а еще подняли»⁴⁹.

Одним из самых серьезных просчетов в работе жарковских коммунистов было пренебрежительное отношение к специалистам, объясняющееся невежеством и комчванством. Обследование парт-организации Анжеро-Судженского района в 1923 г. показало, что «бичом организации является пьянство и неграмотность». В августе 1926 г. инструктор райкома отмечал, что на заводе «пьянка, уравнительность среди членов и кандидатов развита, взаимоотношения рабочих с администрацией ненормальные»⁵⁰. Секретарь партийки П.С. Томашевич за пьянство не раз получал выговоры. В 1928 г. яйские коммунисты выступали на партконференции против специалистов⁵¹. В 1929 г. Ф. Гаврилов, десятник лесоконфлекса, отвергая в своей речи на XVII райпартконференции обвинения в «спецеестве», говорил о том, что специалисты и администраторов меняют сверху, а своих разложенцев они из партии исключили. Здесь старый рабочий был прав: классовую исключительность пролетариата воспитывали не они, она насаждалась всей официальной идеологией, специалистов унижали, подозревали в кознях. Чего стоит объяснение в газете «Коммуна» содержания фильма «Борьба за «Ультиматум»: «Ультиматум» - это завод, который пытаются взорвать группа инженеров. На экране зритель видит, как заговорщики старательно хотят помешать рабочим в налаживании своей промышленности...

Не лишне отметить, что Рабклуб, получая такие картины, дает рабочим полезный отдых»⁵². После Шахтинского дела настроение специалистов было подавленным. Прелюдия к репрессиям 30-х гг. была уже сыграна.

Комсомольская организация, созданная на Яе в 1922 г. (первый секретарь Матвей Семенов), если чем и отличалась от партийной, то только в худшую сторону. В протоколе XVI райпартконференции отмечается: «Работу на Яе комсомольцы ведут очень слабо. Райком ВЛКСМ не руководит их работой. В пьянке там комсомольцы берут пример с партийцев. Имеется в наличии антогонизм между сельской и заводской ячейкой комсомола на Яе. Там у нас непрерывная цепь конфликтов и склок. Пьянство и хулиганство процветают. В октябре 1926 г. пошел под суд секретарь ячейки РЛКСМ завода Т.Ф. Глазунов за драку, пьянство и растрату»⁵³. Не надо думать, что пьянством отличались только коммунисты и комсомольцы, просто оно зафиксировано протоколами, потому что в партийных рядах с ним велась беспощадная борьба. Новые психология и отношение к жизни и работе формировались медленно, переход от революционного натиска и фразы к созидательной, будничной работе давался нелегко. По мере того, как партячейки и комсомол налаживали нормальную жизнь, рос их авторитет.

Рабочим и крестьянам в Яя-Жарковке жилось в 20-х гг. очень трудно. Крестьянам, кормившимся от земли, было полегче. Рабочим, не имевшим возможности заняться побочным промыслом или огородом, было тяжелее. Сравните пайки времени военного коммунизма на лесозаготовках в Судженском районе и нормы потребления рабочих на приисках до 1914 г. (в кг)⁵⁴.

	Лесозаготовки		Прииски до 1914 г.
	1920 г.	1921 г.	
Мука	18	18	54
Крупа	1,6	1,5	4
Соль	1,4	1,5	1,2
Мясо	3,0	1,5	20,0
Чай	0,2	0,185	0,13
Табак	0,4	0,1	0,8
Жиры	0,4	0,37	1,6
Сахар	0,4	0,37	1,0
Дрожжи	0,2	0,1	-

Мыло	0,2	0,185	0,4
Спички	4 кор.	3,6 кор.	-
Ситец	1,4 м	-	-

В период нэпа пайки были заменены на деньги, однако выдача была крайне нерегулярной, задержки случались на несколько месяцев. Так, в июле 1924 г. рабочие побросали работу из-за невыдачи денег «Кузбасстрестом»⁵⁶. Зарплата на лесозаводе и лесозаготовках была ниже, чем на золотых приисках, железной дороге. Поэтому задержать кадровых специалистов было трудно. В оплате труда долгое время не могли изжить уравниловку. Квалифицированный рабочий получал в 1928/29 г. 38-40 р, в месяц, а грузчик - 35-38 р.⁵⁶

В этих условиях процветало воровство. Хищение пиломатериалов, дров было обычным делом. Заводскую лавку (с июня 1923 г. лавку от Анжеро-Судженского Центрального Рабочего кооператива, а с апреля 1926 г. - лавку сельпо) постоянно проверяли партиячейка, профорганизация, Рабкрин, ЧК, а продукты также постоянно утекали налево.

Другим сложнейшим вопросом для завода оставалось жилье. Первые рабочие были из жителей Жарковки и имели свои дома, нанятые со стороны жили по крестьянским дворам. Для закрепления кадров в 1921 г. был построен первый заводской барак на 4 семьи⁵⁷. В 1924 г. в докладе врача Хромова после обследования Яйского лесозавода отмечалось, что на 58 рабочих и служащих с семьями по 4-5 душ имеется 220,87 кв.саженей жилья (1003 кв. м). На одного человека приходилось менее 4 кв.м, «поэтому многим приходится жить в крестьянских избах, которые и так достаточно плотно населены, но все же несмотря на это яйские рабочие находятся в лучших сравнительно условиях, чем копейские»⁵⁸.

В 1928 г. было решено для обслуживания нового завода построить 2 барака - общежития на 120 человек и 4 барака для семейных рабочих⁵⁹.

В 1920-х гг. поселок завода мог предоставить некоторые социальные услуги. Имелись баня, амбулатория, которую, правда, редко посещал врач, а фельдшер, по старости, сам нуждался в помощи⁶⁰. Кроме русской школы, в Жарковке в 1925-м открыли татарскую. Детей школьного возраста из татар насчитывалось до 30, учитель М. Сахитов имел за плечами 1,5-месячные курсы татарского училища⁶¹. В августе 1923 г. новая динамомашинa позволила осветить поселок

копей, свет провели в контору, клуб, бараки, в контору поставили телефон⁶².

Старые традиции, кроме пьянства и воровства, рухнули. Жизнь в поселке организовывалась по-новому. Коммунисты и комсомольцы вели агитацию против церкви, старых христианских и мусульманских праздников, против венчаний и крестин, вводили октябрины, пытались по-иному организовать общественную активность населения, досуг.

Какие-то из мероприятий тех лет выглядят сейчас наивно и нелепо, но тогда это одними воспринималось как новая победа революции, другими - как трагедия всей жизни. Нечто подобное происходит и сейчас.

Партячейка устраивала, кроме воскресников, сборы солидарности рабочим-забастовщикам в странах капитала, в 1921 г. комиссия Помголод собрала в Жарковском и поселке лесозавода в пользу голодающих 1 пуд 24 фунта муки, 1 пуд ржи, 1 пуд 12 фунтов гречихи, 35 фунтов луку, 11 кулей картофеля, 200 вилок капусты, 4 куля разных овощей, 56,9 тыс. р. Комячейка пожертвовала 30 фунтов муки, 10 фунтов ржи, 9,6 тыс. р.⁶³ В 1923 г. собирали деньги на воздушный флот, и мельник Григорьев пожертвовал на это 10 пуд. муки, за что партийцы вынесли ему «общее приветствие»⁶⁴. Это, впрочем, не помешало лишить его потом избирательных прав и раскулачить.

Пропаганда велась через избу-читальню, при которой действовали кружки - политический, чтецов, литературный, драматический. В 1923-м молодые рабочие лесозавода построили из старого барака клуб (на месте, где сейчас расположен хлебозавод), в который провели электричество, устроили в нем библиотеку, стали ставить спектакли. «12 марта, - писал в 1924 г. рабкор в газету «Коммуна», - в день памяти свержения самодержавия яйским рабклубом был поставлен бесплатный спектакль. Шла пьеса «Богомолы», довольно интересная по содержанию, раскрывающая темные стороны религии»⁶⁵.

Старые праздники в Жарковке отмечались, несмотря на противодействие коммунистов, с размахом. Новые обычаи формировались медленно. В 1920 г. в Жарковке впервые отметили праздник Октябрьской революции. О чём в протоколе № 7 общего собрания комячейки Яи сделана любопытная запись: «Провиден праздник 3-й годовщины Октябрьской революции 7-го ноября в 10 час. ут. с пением революционных песен стройными рядами шли красноар-

мейцы 1-й роты охраны моста п/с Яя к помещению комячейки с железнодорожниками с песнями. Соединившись две организации с флагами пошли в село Жарковка. Там нас встретили круг красной молодежи комячейки и рабочие лесопильного завода и крестьяне-жарковцы. Соединились эти организации с пением ревпесен прошли по селу в обратном пути провиден митенг у конторы лесопильного завода. Выступали ораторы с приветствием. Ревшествие закончилось в 3 ч., в 7 ч. вечера поставлен спектакль с митенгом»⁶⁶. (Орфография и стиль сохранены).

Об атмосфере той поры можно судить по корреспонденции из Жарковки о праздновании 1 Мая 1924 г.: «В нынешнем году день 1-го мая прошел с большим подъемом, чем в прошлые годы. Празднование отличалось также многолюдностью, чему благоприятствовала хорошая погода и участие комячейки, комсомола, женотдела и пионеров рабочей школы и в праздновании, и в проведении подготовки к празднику.

Подготовительная работа была строго продумана и проведена полностью. Шествие началось от Нардома рабочего поселка. Присоединились школьники русской и татарской школ и в стройных колоннах, с пением, с знаменами манифестация двинулась в село Жарковку. Здесь присоединились ученики крестьянской школы и женотдел.

Были сказаны приветственные речи о значении 1-го мая. Особенно горячим было выступление пионерки Соптыхиной, которая, разъяснив, что из себя представляет организация ю.п., призвала родителей посылать своих детей в эту организацию. Манифестация, пройдя по всему селу, остановилась у Нардома, где детям-манифестантам было сделано угощение и поставлен детский спектакль. Детишки так были довольны праздником, что на их лицах можно было прочесть неподдельную радость.

Крестьяне, которые за прошлые годы относились к празднику 1-го мая не особенно одобрительно, при виде в своем селе такого торжества и, сравнивая пасхальную заутреню, на которой было полтора десятка старух и стариков, поняли, что 1-е мая это праздник рабочих и крестьян.

Вечером в Нардоме был поставлен спектакль для взрослых. Народу полно, яблоку негде упасть.

Председателем рудкома В.С.Г. был сделан доклад «1-е мая и Ильич».

Так прошел день великого смотра пролетарских сил всего мира.

Без самогона, без дикарских обычаев. Радушно и хорошо»⁶⁷.

Кроме главных революционных праздников - 7 Ноября, 8 Марта, 1 Мая, отмечались агиткампаниями годовщины свержения колчаковщины, Неделя вождей, выборы в Советы, годовщина Красной Армии, годовщина свержения самодержавия, День Парижской коммуны - День МОПРа (международной организации помощи борцам революции), годовщина ленских событий, День авиации, Международный день кооперации, День молодежи, День урожая, День леса. В 1924 г. к Дню леса (до революции это был праздник дендронасаждения) молодежь завода проводила среди крестьян беседы о лесе, садила деревья. В газете «Коммуна» можно было прочитать экологическую тираду. «Спросите у своих отцов о том, какие леса были у нас вокруг копей и близлежащих деревень 15-20 лет тому назад. Они вам скажут, что «леса были - не пройдешь, не проедешь». Но, благодаря нашему неумению пользоваться лесными богатствами, теперь у нас кругом выжжено, поломано, порублено. Если так и дальше будем обращаться с лесом, то мы останемся без него. Умеем мы лес портить, уничтожать, а беречь его и выращивать не хотим»⁶⁸. Эти слова не утратили своего значения до сих пор.

К Дню леса в газетах можно было прочитать такие вот плоды рабочего творчества.

«ЛЕСОПЕСНИ»

Лес - пушистый и курчавый.
Лес - оплот наш трудовой.
Лес - детина общеправый,
Богатырь земли родной.
 Широко стоит детина
 В ветрошумном сюртуке,
 Из зеленого ватина
 В раскудрявом колпаке.
И поет, поет детина
Лесохорым голоском
Про широкие долины
И про волюшку кругом.
 Лес - наш главный покровитель,
 Отец сел и деревень.
 Веселись, топор-строитель,
 Щепозубое бекрень.
Много пользы в дивном лесе,
Много дум и много грез.
Так и пел бы лесопесни
В тени миленьких берез.

Эх, детина, лес зеленый,
Ты расти, расти, расти,
С твоей песнею ядреной
Жизни хочется цвести.

Вейся лестницей, желанный,
Поднимайся до небес!
Люди! Клич вам атаманский -
Берегите дивный лес.

К. Горемычный.

Вот так! Не хуже Велимира Хлебникова.

В 1925 г. в Жарковке действовали организации МОПР - 130 членов, Женская комиссия. Не миновало Жарковку движение рабкоров и селькоров. Наиболее активным из них был Федор Безин, писавший в анжерскую «Коммуну». Как и везде, прошли здесь кампании борьбы с хулиганством, матом, увлечения авиацией, физкультурным движением. В 1925 г. в Жарковке секция Авиахима насчитывала 90 человек.

К удивительным явлениям нужно отнести увлечение рабочими лесозавода футболом. Еще в 1924 г. на производственном совещании района молодежь ругали за то, что она играет в футбол вместо того, чтобы заниматься освоением техники, а позднее - в 30-е гг. - здесь сформировалась прекрасная команда.

Главным идеологическим противником ячейки РКП(б) в Жарковке был молодой настоятель Онуфриевской церкви Андрей Петрович Булаев. В 1924 г. его вместе со всем церковным советом лишили права голоса, обложили дополнительным налогом наряду с мельниками, пасечниками и промышленными предприятиями. Церковь закрыли, вероятно, между 1925-1930-м. Крестины заменили «октябринами». В газете «Коммуна» от 15 ноября 1924 г. первые «октябрины» на заводе описаны так: «Организатору «октябрин» - ячейке РКП(б) при содействии ячейки РЛКСМ удалось обставить их торжественно. Помещение рабклуба было выбелено, украшено зеленью и освещено (чем раньше, кстати сказать, похвалиться нельзя было).

Представителями ячейки, механической мастерской, Судкопи, шефствующей над нашей ячейкой, было коротко рассказано о разнице между поповским крещением и «октябринами». Некоторые из присутствующих беспартийных выступили с речами, призывая заменить крещение «октябринами». Зачитали имена новорожденных, одновременно рассказывая биографии того или иного революционного деятеля, в честь которого дано было имя новорожденному. Дальше была передача новорожденных пионерам и комсомольцам

и партийцам, вручены родителям адреса и подарки. Из разговора между присутствующими выяснилось, что вечером все остались довольны».

Об энтузиазме, пафосе времени 20-х гг. можно судить также по стихам, которые писали рабочие поэты. Такой «шедевр» из Яи в газете «Коммуна» был опубликован 5 июня 1925 г.

«Я был простец, а вы - аристократка.
Страдал я и молчал в течение многих лет.
Не вытерпел, сказал... Ответили вы
Кратко: «Нет».
Ударил гром, и многие упали.
В кровавом зареве родился новый свет -
Ничтожный стал вверху.
Вы «да» мне написали
Но я скажу вам : «Нет».

Или вот такой стих поэта К. Горемычного:

Ты звучи, первомайский голос,
Зовущий в коммуны - рай,
Привет тебе, дивный колос,
Товарищ озаревый май!⁹⁹

¹ ГАТО. Ф.3. Оп.44. Д.1408. Л.3-5.

² Там же. Ф.428. Оп.5. Д.5.Л.54; Оп.4. Д.3035. Л.160.

³ ГАТО. Ф.196. Оп.25. Д.816. Л.63.

⁴ Яярайгосархив. № 1-7. С.7; Худяков Д. Из прошлого Яи; Пономарев В. Могу уточнить // Наше время. 1993. 17 февр.; Мосин С. Ровесник Октября. 1977. 28 мая.

⁵ Стерехов И. Ровесник Октября. 50 лет Яйскому ЛПК // Лес Кузбасса. 1967. 23 авг.

⁶ ГАТО. Ф.Р-58. Оп.1. Д.79. Л.16-17.

⁷ Яйский рыбак. Яйский лесопильный завод // Коммуна. 1922. 31 дек.

⁸ ГАТО. Ф.Р-272. Оп. 1. Д.60. Л.91.

⁹ ГАНО. Ф.Р-12. Оп.1. Д. 165. Л.4. Томский областной центр хранения документов новейшей истории (далее - ТЦХДНИ). Ф.76. Оп. 1. Д.757. Л.41.

¹⁰ ГАТО. Ф.Р-272. Оп.1. Д.60. Л.3,37.

¹¹ ТЦХДНИ. Ф.1. Оп.1. Д.360. Л.96.

¹² ГАТО. Ф.Р-272. Оп.1. Д.60. Л.241, 247.

¹³ (Государственный архив Кемеровской области - далее ГАКО). Ф.Р-69. Оп.1. Д.20. Л.51.

¹⁴ ГАНО. Ф.Р-918. Оп.1. Д.757. Л.30.

¹⁵ Коммуна. 1922. 8 марта.

¹⁶ Там же. 6 дек.

¹⁷ ТЦХДНИ. Ф.1. Оп.1. Д.581. Л.108.

¹⁸ Там же. Ф.76. Оп.1. Д.185. Л.12.

- ¹⁹ ГАНО. Ф.Р-1. Оп. 1. Д.176. Л.2,6.
²⁰ ГАКО. Ф.Р-69. Оп.1. Д.20. Л.39.
²¹ Там же. Д. 73. Л.47.
²² ТЦХДНИ. Ф.1. Оп.4. Д.8. Л.22.
²³ Коммуна. 1921. 4 сент.
²⁴ ГАКО. Ф.Р-89. Оп.1. Д.34. Л.15.
²⁵ Яярайгосархив. № 1-7. Л.10.
²⁶ ГАТО. Ф.Р-60. Оп. 1. Д.4. Л.16-17.
²⁷ ГАКО. Ф.Р-89. Оп. 1. Д.73. Л.4.
²⁸ ГАТО. Ф.Р-272. Оп.1. Д.76. Л.24-26.
²⁹ ГАКО. Ф.Р-89. Оп.1. Д.20. Л.1; ГАТО. Ф.Р-60. Оп. 1. Д.102. Л.22,33.
³⁰ ГАТО. Ф.Р-196. Оп. 1. Д.7. Л.31-32.
³¹ ГАКО. Ф.Р-92. Оп.1. Д.462. Л.109.
³² ГАКО. Ф.Р-92. Оп.1. Д.448. Л.75.
³³ ГАНО. Ф.288. Оп.1. Д.170. Л.123.
³⁴ ГАКО. Ф.Р-92. Оп. 1. Д.452. Л.17-23; ГАТО. Ф.Р-393. Оп. 1. Д.170. Л.11-12;
Ф.Р-394. Оп.1. Д.144. Л.52.
³⁵ ГАНО. Ф.Р-12. Оп. 1. Д.73. Л.10-11; ГАКО. Ф.Р-92. Оп.1. Д.448. Л.59; ГАТО.
Ф.Р-394. Оп.1. Д.144. Л.117.
³⁶ ГАКО. Ф.Р-89. Оп.1. Д.20. Л.15.
³⁷ ТЦХДНИ. Ф.1. Оп.1. Д.344. Л.49.
³⁸ ГАКО. Ф.Р-89. Оп.1. Д.20. Л.39; ГАТО. Ф.Р-272. Оп.1. Д.59. Л.184-185, 301.
³⁹ ГАКО. Ф.Р-89. Оп. 1. Д.20. Л.51.
⁴⁰ Коммуна. 1923. 23 сент.
⁴¹ Ист о р и я Кузбасса. Кемерово. Ч.1-2. С.224, 248, 259-260, 274, 276.
⁴² Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917-1919). - Томск, 1957.
С. 442-443.
⁴³ Ист о р и я Кузбасса. С.325.
⁴⁴ ТЦХДНИ. Ф.1. Оп.360. Л.114.
⁴⁵ ТЦХДНИ. Ф.1. Оп.4. Д.1. Л.26; Оп.1. Д.360. Л.96.
⁴⁶ Там же. Ф.4. Оп. 1. Д.180. Л.16,40.
⁴⁷ ГАТО. Ф.Р-202. Оп.2. Д.203. Л.42-43.
⁴⁸ Коммуна. 1924. 1 апр., 15 марта.
⁴⁹ ТЦХДНИ. Ф.76. Оп.1. Д.185. Л.118.
⁵⁰ Там же. Д.179. Л.83; Ф.1. Оп.1. Д.493. Л.77.
⁵¹ ГАКО. Ф.П-1. Оп. 1. Д.183. Л.8.
⁵² Там же. Д.201. Л.21; Коммуна. 1924. 30 сент.
⁵³ Там же. Д. 183. Л.8; ТЦДНИ. Ф.76. Оп.1. Д. 183. Л.25.
⁵⁴ ГАТО. Ф.Р-173. Оп.1. Д.85. Л.32. Ф.Р-60. Оп.1. Д.9. Л.31; Раб оч и й класс
Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С.142.
⁵⁵ ГАНО. Ф.Р-1180. Оп.1. Д.227. Л.13.
⁵⁶ Там же. Л.21.
⁵⁷ ГАКО. Ф.Р-89. Оп. 1. Д.20. Л.41.
⁵⁸ Коммуна. 1924. 24 сент.
⁵⁹ ГАКО. Ф.Р-92. Оп.1. Д.448. Л.21.
⁶⁰ Коммуна. 1921. 26 нояб.
⁶¹ ТЦХДНИ. Ф.4. Оп.1. Д.506. Л.26.
⁶² Коммуна. 1913. 23, 25 сент.
⁶³ Коммуна. 1921. 29 окт.
⁶⁴ ТЦХДНИ. Ф.4. Оп.1. Д.180. Л.69.

⁶⁵ К о м м у н а . 1924. 1 апр.

⁶⁶ ТЦХДНИ. Ф.1. Оп.4. Д.1. Л.25.

⁶⁷ К о м м у н а . 1924. 11 мая.

⁶⁸ Т а м ж е .

⁶⁹ Т а м ж е . 1925. 17 апр., 1 мая, 5 июня.

Глава III

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

Третий лесозавод. 1929-1931 гг.

Начавшаяся индустриализация Сибири требовала опережающего развития топливно-сырьевой базы, прежде всего углепромышленности, что предполагало высокие темпы прироста заготовок леса. Потребность Анжеро-Судженского района в лесопродукции планировалось увеличить с 162,4 тыс. куб. м в 1928/29 г. до 317,7 тыс. куб. м в 1932/33 г.¹ Основная лесосырьевая база оставалась прежней - Яйский лесокомплекс, а центром переработки леса в районе, по мере истощения лесов, оставался Яйский лесозавод. Оборудование его было изношено, техника пополнялась из старья, скупо выделяемого управлением Анжеро-Судженских рудников.

Бедственное положение лесоперерабатывающей промышленности в Сибири накануне индустриального скачка было известно планирующим органам, и для обеспечения хозяйственного развития края предполагалось по генплану 1926-1941 гг. удвоить количество лесозаводов, вчетверо увеличить их мощность. Для обслуживания углепромышленности было намечено построить 3 новых лесопильных завода. При реконструкции лесопильной промышленности специалисты Госплана пришли к выводу, что из имеющегося в мире оборудования для сибирских условий лучше всего подойдет шведское. Рекомендовано было отказаться от американских ленточных пил, рассчитанных на крупные деревья. Специалисты исходили в выборе оборудования также из того, что сибирские рабочие хорошо знакомы как раз с западноевропейской техникой. Отмечалась необходимость механизации транспортировки леса из-за дефицита в крае рабочих рук. Настоятельно рекомендовалась также электрификация всех вспомогательных производств.²

Сметная стоимость строительства двухрамного завода, включая соцкультбыт, составляла 331 тыс. руб. Таких средств у «Кузбасстреста» и его наследника «Сибугля» не было, поэтому строительство

завода затянулось. Первоначально планировалось заменить хотя бы одну пилораму и построить новые корпуса. В объяснительной записке к производственной программе «Кузбасстреста» на 1925/26 гг. предусматривалось «... построить каменную котельную, деревянное машинное здание и корпус лесопильного завода.

1) Котельная на три котла, каменная с железными стропилами, площадь 285 кв. м, объем 1618 куб.м.

2) Машинное отделение деревянное, объем 621,5 куб. м.

3) Лесопильный корпус на две рамы и четыре станка из однорезки с железной крышей, площадь 446 кв. м, объем 1784 куб. м.

Стоимость работ на переоборудование лесопильного завода выражается в сумме 28000 рублей.

Надо отметить, что переоборудование лесопильного завода было утверждено в прошлом году разрешением покупки лесопильной рамы. Общее состояние завода на текущий год значительно ухудшилось, а котельная совершенно стала неудовлетворительной, почему котлы за негодностью приходится заменять из числа освобождающихся на шахтах ланкаширского типа по 50 кв. м площадью нагрева. Поэтому считаем время переоборудования лесопильного завода вполне назревшим и не терпящим отлагательства, тем более что лесопильный яйский завод за ликвидацией копеейских лесопилок остался единственным рациональным...»³.

Постройка нового завода была разрешена Центральным управлением горной промышленности отношением за № 3383609 от 19 апреля 1926 г. План предусматривал пуск лесопилки в июле 1927 г., закончить до холодов в 1926 г. земляные и каменные работы, сделать плотницкие работы зимой, а до лета 1927 г. смонтировать машины⁴. Намеченное не было выполнено. На 1927/28 г. на продолжение строительства было выделено 45 тыс. р. В 1928 г. на заводе были установлены две новые пилорамы шведской фирмы «Болиндер» и обрезной станок. Максимальная мощность рам составляла 75 л.с., бревнотаски - 10 л.с., транспортера - 1 л.с., сбрасывателя леса - 5 л.с. В летописи завода А. Швайбович так описал технику 1929-1932 гг.: «Строительство завода проходило под руководством инженеров, командированных сюда из Новосибирска: Шмидта И.В. и Николаева. В 1929 г. завод был сдан в эксплуатацию. Директором завода был Дмитриев, механиком - Вороновский. Это был одноэтажный завод, оснащенный двумя более производительными рамами РЛБ-75 с непрерывной подачей, числом оборотов 290 в мин. Трансмиссия располагалась в подвале. Новшеством были скребковые,

ленточные транспортеры, но опилки частично все равно носили в мешках от рам на себе в топки котлов. Горбыли, срезку, плахи из корпуса завода вытаскивали вручную. Все оборудование приводилось в движение от паровой машины «Бромлей» мощностью в 120 л.с., электрический ток вырабатывался от динамомашин в 12 л.с. Динамомашину приводила в движение вертикальная паровая машина. Электрического света хватало на скудное освещение территории цехов. Моторов не было, внутризаводской транспортер приходил в движение от главной трансмиссии локомотива ЛМ-10, все это затрудняло работу, выйдет из строя один ремень - останавливается весь завод. Был один обрезной станок марки «Болиндер» с двумя пилами. Была пилоправная мастерская, но пилы правили на глазок. Основным инструментом пилоправа были наковальня и молоток»⁵.

Слабым местом нового завода оказалось энергетическое обеспечение. Изношенные котлы ланкаширского типа, доставленные с копей, были мало пригодны для эксплуатации. В газете «Борьба за уголь» в 1931 г. секретарь парткома А. Иванов писал следующее: «Я-лесо-завод под угрозой остановки, недостаточно его паросиловое хозяйство. Завод работал на трех старых котлах, из которых один совершенно пришел в негодность. С мая перешли на работу на двух котлах, на которых инспекция разрешила работать временно».

Лесоконтра своевременно обеспечила завод хорошим локомотивом, но лесоуправление «Востугля» для установки локомотива послало инженера Шмитова, который делал проект установки четыре месяца в Новосибирске, запрашивая с Яи все детали локомотива. И только тогда, когда яйская контора заявила категорический протест против этого и довела это дело до сведения РКИ, Шмитов выехал на Яю, где уточнял проекты тоже больше месяца. Когда волынка с проектами была закончена, приступили к работе, сделали пристройку к заводу, фундамент для локомотива, затащили на него локомотив, стали уже заканчивать топку.

Но 2 сентября приехал второй техник по паровым установкам, посланный лесоуправлением из Новосибирска. Он заявил, что локомотив установлен неправильно, что его надо переставлять в другое место.

На установку затрачено 15 тысяч, сорвана работа завода. Стройки Кузбасса ежедневно недополучают 10 вагонов пиломатериала»⁶. По этой заметке можно представить обстановку тех лет, условия работы специалистов: недоверие, подозрение во вредительстве, стремление свалить последствия неверных решений вышестоящего

начальства на нижестоящее. Инженеры И.В. Шмидт и Николаев, устанавливавшие локомобиль в пожарном порядке, представлены чуть ли не диверсантами. На самом же деле в плохой работе завода «виновата» нехватка средств на надежную силовую установку.

Несмотря на слабое паросиловое обеспечение, новый завод заметно прибавил в производительности. Так, если рама в 1920-1923 гг. давала около 6 тыс. куб. м пиломатериала, а две старые рамы в 1924-1928 гг. - от 15 до 33 тыс. куб. м, то новый завод - от 62 до 69 тыс. куб. м, в том числе обрезаемого - 51,2 тыс. куб. м. После пуска нового завода старые рамы были отправлены для оборудования лесопилок в Черембасс.

В 1929-1932 гг. значение яйского лесокомплекса в народном хозяйстве Сибири возросло. С пуском нового завода Яя начала поставку лесоматериалов на стройки Кемерово, Кузнецкстроя, Средней Азии. Перевалка леса выросла с 30 тыс. куб. м в 1920 г. до 70 тыс. куб. м в 1926 г., 299 тыс. куб. м - в 1930 г. и до 294 тыс. куб. м - в 1932 г. Яйский лесокомплекс и лесопильный завод были крупнейшими в системе «Сибугля». Обеспечить этот комплекс лесом должна была лесозаготовительная контора, расположенная в Яе. Выполнение планов конторы напрямую зависело от деятельности вербовщиков рабочей силы и принудительных разверсток по районам. В 1929 г. трест завербовал на Новосибирской бирже труда 200 чел. для работы на заводе и перевалке⁷. В 1930/31 г. дефицит рабочих рук еще более возрос. По расчетам специалистов Госплана, при ручной заготовке и возке леса для выполнения расчетных объемов лесозаготовок в Сибкрае понадобилось бы к 1931/32 г. 300 тыс. рабочих и 266 тыс. лошадей, т.е. исчерпать все трудовые ресурсы⁸. Вербовщики рабочей силы не могли найти желающих. В снабжении рудников лесом сложилась тревожная ситуация. Анжеро-Судженское управление в письме к секретарю Сибкрайкома Эйхе 26 февраля 1931 г. сообщало: «Положение с лесом на руднике становится с каждым днем все серьезнее. Начиная с января месяца запасы леса для крепления не превышают 5-6 дней, а за последнее время 2-3 дней. В работе шахт уже сейчас ощущаются перебои из-за недостатка леса. В связи с наступлением весны и распутицы положение может еще больше обостриться. Обычно рудник всегда имел на период распутицы 3-4-месячный запас леса...»

Были предусмотрены следующие меры: посылка коммунистов в районы для вербовки крестьян, увеличение оплаты возчикам и лесорубам, снятие всех льгот по гужовинности, снятие с работы

всех лиц, не справляющихся с вывозкой леса⁹. План заготовок на январь по Лесному управлению «Востугля» и по Яйской конторе был выполнен на треть. «Кузнецкстрой», «Кемеровострой» опередили лесные организации по вербовке наиболее работоспособной зажиточной части крестьян, они и платили больше. В конъюнктурном обзоре «Востугля» за I квартал 1931 г. отмечалось: «Кулацкие зажиточные элементы деревни, учитывая размеры разрыва между ставками оплаты труда у строительных организаций (на новостройке заработок конновозчиков доходит до 15 р. в день) и у лесозаготовителей, поспешили заблаговременно законтрактоваться на продолжительные сроки в строительных организациях; оставшиеся же в деревне бедняцкие и маломощные слои по большей части не могли быть использованы на лесозаготовках из-за отсутствия у них теплой одежды, фуража и исправных сбруй и саней». Тут же управление жаловалось на районные организации, не желающие помогать в вербовке рабочих¹⁰. Конечно, Лесному управлению трудно было тягаться со стройуправлениями, если оно платило в среднем в месяц в 1929/30 гг. - 36 р., а в 1930/31 - 42 р.¹¹ Яйская лесоконтора на 30 мая 1931 г. из потребных 2500 чел. имела лишь 1728, или 69%, в том числе вербованных 150 чел., тылополченцев и лагерников - 1400 чел., кадровых - 178 чел. Всего в системе «Востугля» требовалось 9474 чел., а было налично 5507 чел., или 60%, в том числе вербованных - 3242 чел., кадровых - 825 чел., тылополченцев и из Сиблага - 1490 чел.¹²

В конъюнктурном обзоре «Востугля» за 1931 г. причиной провала в лесозаготовках назван прежде всего недостаток рабочих рук из-за низкой оплаты труда, которая была в 2-3 раза ниже, чем на стройках. При этом проводился жесткий классовый принцип выдачи продовольствия. Нормы выдачи муки (в граммах на чел. в день) были таковы:

	На заготовке	На вывозке леса
Постоянному рабочему	535	800
Сезонному	347	225
Кулакам	173	75

Неудивительна поэтому низкая производительность труда трудополченцев (т.е. мобилизованных по гужналогу). Сезонники из крестьян вольной наемки работали в 2,5 раза эффективнее, а постоянные кадровые рабочие - на 30-100% лучше сезонников. Кадровые вы-

рабатывали до 4,5-5 куб. м в смену, прочие 1,5-2 куб. м¹³. Отмечены также отсутствие механизации, плохое снабжение фуражом и продуктами питания (вплоть до выдачи гнилого мяса и затхлой муки), слабое медицинское обслуживание. Вместе с тем показана хорошая обеспеченность лесозаготовок жильем. «Востуголь» располагал в 1931 г. 425 бараками на 22380 человек, 61 столовой на 10111 обедов, 58 кухнями на 9800 обедов, 43 ларьками, 63 пекарнями, 69 овощехранилищами, 61 зернохранилищем, 73 банями, 43 конюшнями, 13 кузницами.

Указано в отчете, что «соцсоревнование и ударничество в рабочие массы на лесозаготовках не внедрены как основной метод работы, что говорит о недостаточности развертывания производственной пропаганды на местах». Меры тогда были приняты жесткие. Были смещены и отданы под суд 3 заведующих конторами, в том числе В.З. Ахмелев - руководитель Яйской лесоконторы; 6 техноруков, 4 прораба, 5 старших специалистов¹⁴.

Разгром и без того слабых кадров вряд ли помог делу, однако видимость энергичных действий была соблюдена. Пожарные меры, вроде «ударных месячников» по заготовке леса, регулярно проваливались. Так, в ударный месячник с 15 июня по 15 июля 1931 г. в Яйской лесоконторе работали 3 крестьянина с 1 лошастью¹⁵.

Анжеро-Судженский райком в декабре 1929 г. для выполнения плана лесозаготовок постановил организовать бригады вербовщиков крестьян на заготовку леса и «считать совершенно правильным доведение плана лесозаготовок до кулацкого двора и добровольного обязательства граждан через общие собрания, что должно служить безоговорочному выполнению. Предупредить через директивное письмо всех лесозаготовителей о мерах борьбы с саботажем, имевшим место как стимул срыва выполнения плана лесозаготовок»¹⁶. Это не были пустые угрозы.

В январе 1931 г., например, судебно-прокурорская бригада осудила за пятимесячным принудработам председателя Кайлинского сельсовета Жихарева, к полутора месяцам принудработ - председателя комитета содействия лесозаготовкам Гречушников, сняла с работы уполномоченного сельсовета Попова, а в Ольгинском сельсовете за злостное уклонение от лесозаготовок был осужден к 200 р. штрафа и трем годам ссылки Ф. Ноздреватов¹⁷.

Режим власти в стране суровел на глазах, тон газет сменился с оптимистического энтузиазма 1920-х гг. на военно-административный. Лозунги в газете «Борьба за уголь» стали носить приказной,

штурмовой характер: «Большевики должны овладеть техникой», «Сильнее огонь по правому уклону», «Больше заботы о лошадином копыте», «За большевистское отношение к коню», «Шахты ждут леса», «Его нужно дать» и т.д.

Реальной причиной провала лесозаготовок в 1931 г. была слабая механизация и архаичность их организации. Главной ударной силой оставался по-прежнему мужик с топором, пилой и лошадыю. Рубка и возка были разделены только на 20%. В Яйской конторе работали всего 9 бригад, в которых было 82 чел. Только эта организационная мера повышала производительность труда на 30%. Повышению производительности труда мог бы способствовать собственный обоз конторы - 318 лошадей, но он только на 15% использовался в лесосеке, а в основном был занят на хозработках.

Внешней причиной невыполнения заданий стала начавшаяся коллективизация, отвлекшая деревню от заработка и разорившая главных поставщиков рабочей силы - зажиточные хозяйства.

Планом на 1931 г. предполагался сплав с Китатского участка 100 тыс. куб. м леса на 180 км, с Нижне-Китатского - 60 тыс. куб. м на 30 км (с Азановки), с Невского участка (по р. Барзас, Кайгер, Кельбесс, Яя) - 76,4 тыс. куб. м на 100 км и с Барзасского участка (по Конюхте и Барзасу) - 35 тыс. куб. м. Сплав предполагалось завершить (с выгрузкой) к 1 сентября. Выгрузку планировалось осуществить 2 элеваторами и 5 лесотасками. Предполагалось занять на ней 1828 чел.¹⁸ Была произведена расчистка на 50 км Алчедата и Золотого Китата, построена ряжевая плотина, гавань на Яе. Однако из запланированных к сплаву 271,4 тыс. куб. м Яйская контора дала в 1931 г. только 184 тыс. куб. м, механизмы не были установлены, рабочие не наняты, в наличии оказалось 900 человек, десятники пьянствовали.

Старая система лесозаготовок уже не справлялась с запросами крупной индустрии, нужны были механизированные предприятия с постоянным кадровым составом. Выход был найден чисто российский - на лесозаготовки бросили ссыльнопоселенцев из раскулаченных крестьян и заключенных Сиблага.

Кадры для индустриализации

Коллективизация и индустриализация - два великих достижения сталинского «социализма» - были неразрывно связаны друг с другом. Не только потому, что первая давала средства и товарный хлеб

для городов, а вторая - технику для села, но и потому, что коллективизация поставляла необходимые для индустриального развития страны людские ресурсы. В конце 20-х гг. процесс добровольного и принудительного раскрестьянивания значительной части деревни принял обвальный характер, стихийное самораскулачивание было неуправляемо. Зато мероприятия по выселению раскулаченных давали в руки хозорганов необходимый материал для социального конструирования. Послушной рабочей силой являлись и уголовно-арестованные, которых в 1928 г. замнаркома Рабкрина РСФСР Н. Янсон предложил использовать на крупных стройках и заготовках леса¹⁹.

18 августа 1930 г. было принято секретное постановление Совета народных комиссаров РСФСР «О мероприятиях по проведению спецколониации в Северном и Сибирском краях и Уральской области», в пункте 3 которого признавалось необходимым «максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, остро нуждающихся в рабочей силе районах»²⁰.

11 сентября 1930 г. совещание ЗапСибкрайисполкома постановило утвердить план расселения спецпереселенцев, в котором значилось переселение в районе реки Яя на сплавные работы «Востугля» 624 семей трудпереселенцев общей численностью в 2426 чел. В лесную же промышленность была направлена 1000 тылополченцев из осужденных к принудработам и мобилизованных на два года лишенцев. Они находились в полувоенном режиме и размещались в казармах²¹. 20 мая 1931 г. в Яйской конторе «Востугля» числилось на сплаве 1400 чел. из СибУЛОНА и трудпоселенцев²². В дальнейшем тылополченцев перевели в другие места, а в Яе остались трудпереселенцы (спецпереселенцы). На 31 мая 1931 г. их насчитывалось 860 чел. По мере прибытия членов семей количество спецпереселенцев росло²³. В начале 1932 г. их было в Яйской комендатуре 2 тыс. чел., на 1 апреля 1932 г. насчитывалось 1226 семей в 4310 чел., в том числе трудоспособных 2369, из них работали 772 мужчины, 128 женщин и 74 подростка с 12 лет, всего 974 человека, использовались они на лесорботах - 316, в строительстве - 121, на других работах - 487. В июле 1932 г. было уже 2186 работников, из которых смогли занять на производстве 1499 человек. В октябре числилось 1835 семей в 3772 едока (т.е. лиц старше 12 лет). В ноябре спецпереселенцы Анжеро-Судженской участковой комендатуры распределялись следующим образом:

Комендатуры	Кол-во поселков	Трудпоселенцев
Анжерская	1	8461
Лебедянская	2	1236
Яйская	1	1163
Невская	2	608
Романовская	1	457
Ампалыкская	2	1181

По русскому обычаю к размещению и продовольствованию такой массы населения местные власти и хозорганы были не готовы, не получили они под эти мероприятия и необходимых средств. Управление Сибирских ИТЛ доносило в ГУЛАГ ОГПУ и Сибкрайком 22 мая 1932 г., что «планы строительства для спецпереселенцев, занятых по лесу, разработанные в «Кузбассугле», расходятся с местными планами, индивидуальное жилищное строительство, предусмотренное договором, не поощряется на местах (Анжерка, Яя). Общее состояние по «Кузбассуглю» характеризуется совершенно неподготовленностью его к стройсезону, является опасность срыва строительства во втором квартале из-за нерешенности основных вопросов, обеспечивающих строительство. Между тем по самому скромному подсчету Сиблага, исходя из нормы 3 кв. метра на человека, требуется построить не менее 47% жилой площади, потребной для спецпереселенцев, занятых в «Кузбассугле» по этой норме»²⁴. В Яйской комендатуре было построено к этому времени 184 дома в 5640 кв. м, барак и 62 землянки в 1075 кв. м, на спецпереселенца приходилось 2,55 кв. м, т.е. меньше нормы. В других комендатурах «Кузбассугля» было еще хуже, вместо договорных 5 кв. м жилья на человека приходилось 1,5-2 кв. м, качество построек всюду плохое, были случаи обвалов неудачных построек²⁵. Система социального обслуживания также не успевала за административными переселениями. Больницы, бани не строились вовремя, в школах учились не все дети спецпереселенцев.

О положении в Яе свидетельствует акт по обследованию лесозавода в 1932 г.: «26-27 января с.г. санврачом Тетериной Е.А. в присутствии зав. хозяйством лесозавода т. Пиврик и старшего барака спецпереселенцев Машинского произведено обследование санитарно-эпидемического состояния Яйского лесозавода, 6 общежитий, бани, прачечной и столовой.

В общежитиях за № 21, 20 и 25 живут семейные спецпереселенцы

в количестве 585 человек, каютная система, в каждой каюте 2-4 семьи, приблизительно от 6 до 16 человек. Квадратура на одного человека доходит от 1,2 кв. м до 2,1 кв. м. Почти в каждой каюте имеются 2-ярусные нары. Во всех бараках темные коридоры. В общежитиях, где заселено меньше народа, как № 20, 25, койки содержатся удовлетворительно, что касается № 21, 19 барачников, там имеется перегрузка и каюты содержатся грязно. Стирка белья и сушка обуви и одежды рабочих производятся в каюте, вследствие чего получается испарение и сырость в № 25 барака и № 20 частично. Кладовок при бараках не имеется, за исключением 20 и 25, все получаемые продукты приходится держать в каютах. Уборные загрязнены, помойные ямы были сделаны из снега, но сейчас все залиты и помои разливаются по территории почвы. Насекомых, как клопов и тараканов, нет, что касается вшей, то имеется вшивость, по заявлению живущих, клопов много в холостяцких общежитиях, где имеются нары в два яруса и сделаны из теса двойные и влажным путем никак клопы не хватает*, а серную дезинфекцию делать нельзя, мало щелей. В холостяцком общежитии уборка производится неудовлетворительно. Сушилка занята для жилья, и рабочие сушат обувь в помещении барака. Белье спецпереселенцы холостые стирают в прачечной. С 1-го января с.г. санобработка холостяков систематически не ведется, и вшивости достаточно.

Столовая рассчитана на 1500 человек, содержание грязно. Повара совершенно не следят за чистотой кухни. Котлы требуют полуды. Сода для чистки посуды и дезинфекции нет, посуда загрязнена. Спецпереселенцы пользуются баней и вошебойкой Сиблага два дня в неделю, мыло получали только за декабрь.

Медобслуживание производится врачом, 2 фельдшерами, 4 сестрами, 2 сестры выполняют работу по экстренной помощи, одна акушерка. Больница не открыта за отсутствием помещения, работает только амбулатория. Что касается заразных заболеваний, последние случаи сыпного тифа были 20, 22 декабря 1931 года, брюшного тифа - 16 и 19 декабря, скарлатины не было ни одного случая в последние три месяца. В Сиблаге последний случай был 21 января с.г., но спецпереселенцы частенько сообщаются с Сиблагом, так что имеется возможность передачи сыпного тифа, так как живут в бараках, арендованных лесозаводом у Сиблага. Кроме того, у частных жителей на старой колонии появились случаи натуральной

* Так в тексте документа.

оспы: у рабочего трансстроя. Семья рабочего приехала с большим ребенком из с. Нижегородского Ижморского района, и теперь в этом доме три случая натуральной оспы. Стоит вопрос об экстренной изоляции больных, т.е. об экстренном открытии больницы».

Комиссия рекомендовала во избежание эпидемий освободить под больницу один барак, оборудовать прачечную, провести оспопрививание, ежемесячную дезинфекцию барачных, уборных, помойных ям, разгрузить общежития 19 и 21, прорубить окна в коридорах, оборудовать колодец.

Надо сказать, что Яйская комендатура была не самой худшей, в Анжерской комендатуре большинство спецпереселенцев жили в землянках. Жесткие меры, принятые Управлением ОГПУ, дали результаты, в июле 1932 г. в Яйском ЛПХ было уже 3 больницы, 1 дезокамера (вошебойка), 13 бань, 15 школ²⁶.

Хуже обстояло дело с продовольствием. Управление Сиблага признавало положение катастрофическим. В письме в Президиум Сибкрайисполкома от 11 октября 1932 г. сообщалось, что «с конца июня и в июле месяце перебои в снабжении хлебом вновь стали принимать на этот раз уже катастрофический характер, вылившийся в форменный голод со значительным количеством смертных случаев от истощения (телегр. из Яйской комендатуры от 8/VI)». В частности, «по Яйскому ЛПХ продукты в июне м-це вовсе не выдавались, хлеб же выдавался со значительными перебоями, как, например, с 10 по 20 июня хлеба не было, а с 20 по 25/VI выдача хлеба производилась лишь в размере 125-150 грамм на человека в день». В конечном результате такого продовольствования «с/п разбредались по соседним деревням, меняя свои вещи на хлеб и продукты, а иногда и просто занимались собиранием подаяний». Начальник Сиблага Горшков отмечал, что зарплата спецпереселенцам не выдается по 3-5 месяцев, что Лесное управление «Кузбассугля» не снабжает их продуктами, что бегство носит массовый характер. Он требовал привлечь к ответственности виновных в гибели спецпереселенцев²⁷. Вероятно, после этого были произведены изменения в Лесном управлении «Кузбассугля»: начальник управления Пиняев назначен директором Яйского ЛПХ, а Д.Т. Набоких - директором Китатского ЛПХ. Это Пиняев, в целях экономии, снизил нормы выдачи хлеба и снял некоторые категории поселенцев с довольствия, в результате чего упала производительность труда, а трудпоселенцы питались исключительно одним хлебом. Еще ранее, в мае-апреле, из Яйской комендатуры докладывали, что запас

продуктов меньше чем на неделю, а школьники не ходят в школу, побираясь по деревням²⁸.

К осени 1932 г. на Яе снабжение более-менее наладилось, муки, рыбы, сахара отпустили в достаточном количестве. Собственные огороды дали спецпереселенцам уже более трети нужного количества овощей (весной спецпереселенцы продавали все за семенной материал)²⁹.

Весной 1933 г. голод повторился. В донесениях Рабкринина отмечалось, что «основную пищу т/поселенцев составляет вода с травой и лепешки из размолотых трав с примесью небольшого количества муки и льняного масла», что в столовых «обед состоит из воды, нескольких картофелин и крупы, к тому же стоит до 40 к., в то время как заработок т/поселенцев основных профессий не превышает 40 р. в месяц». Прожиточный минимум лесорабочего исчислялся в это время в 54-60 р. В той же записке Рабкринина отмечалось, что за 1933 г. с лесоразработок «Кузбассугля» бежали 28% общего числа трудпоселенцев, 11 чел. умерли от голода. Положение усугублялось воровством. За 1932/33 г. в ОРСе «Кузбассугля» было украдено 157 т продуктов, заготовки составили не более половины нужного количества продовольствия³⁰.

Отношение к ссыльнопоселенцам со стороны комендатуры и руководства лесопромышленных предприятий как к людям второго сорта приводило к злоупотреблениям, издевательствам. Инспекция отмечала, что трудпоселенцев лишают пайков, подвергают арестам, избиениям, женщин насилюют, больных не лечат, не выдают больничных листов, труд не оплачивают, используют на самых тяжелых работах, снабжают спецодеждой в последнюю очередь, и делала вывод, что невыполнение норм выработки трудпоселенцами - «прямое следствие срыва снабжения и безобразной организации труда»³¹.

По Яйскому ЛПХ, в частности, писалось в докладной записке информационно-следственного отдела Сиблага ОГПУ в сентябре 1932 г., что «административно-технический персонал грубо относится к с/п-цам и не желает с ними разговаривать, без причины снимают с пайков, арестовывают, сажают в карцер»³².

В самом плохом положении оказались спецпереселенцы Китатского ЛПХ в 1933 г. Инспекция там отметила все возможные и невозможные нарушения правил и норм спецпереселения. Прежде всего, здесь снизили нормы выдачи хлеба работникам с 600-700 г до 500-580 в день, беременным женщинам - до 200 г. Иждивенцам,

кроме хлеба и сахара, ничего не выдавали, фонды, выделенные Сиблагом ОГПУ, разворовывались, в яслях на Тихеевском участке на 30 детей в день выдавали 300 г мяса и ботву, на Покровском участке взимали за хлеб для детей плату. При невыходе на работу пайка не выдавали, женщинам с детьми и больным хлеба не давали совсем, бюллетени не оплачивали. Так, трудпоселенец Назаров, тихий работающий мужик, заболел и месяц с семьей питался травой, затем покончил жизнь самоубийством, оставив жену и 3 детей. О размерах воровства говорит тот факт, что руководство ЛПХ и комендатуры отчитывалось за распределение пайков на 3374 иждивенца, а реально их было 2133 чел. Яйца, предназначенные для яслей, ели десятники, мука перегонялась на пиво, на что было списано 1,2 т муки.

Издевательство со стороны руководства участков, десятников было обычным делом. Работников перебрасывали с места на место, использовали нерационально, заработную плату задерживали, расчетных книжек не выдавали, нормы выработки завышали, а затем недоплачивали. Так, на косьбе назначили такую норму, которую наполовину не могли выполнить и здоровые мужики - 0,57 га в смену, цинично заявляя: «Ведь будут косить кулаки, пусть косят 0,57 га». В то же время жилье строили медленно, медицинского обслуживания не было. Когда дети заболели скарлатиной, зав. участком в пос. «Путь к социализму» Власов запретил посылать за сывороткой, двое детей умерли. Управляющего Тихеевским участком Валуха прямо обвиняли в хищениях, там одного трудпоселенца заморили голодом по приказу десятника. Не случайно в 1932 г. из Китатского ЛПХ бежали 280 чел., а в 1933 г. бегство было повальным. Беглецов принимали и ставили на учет на Ольховских золотых рудниках. Смертность за год составила 64 чел., а рождения - 13 на 1350 чел. оставшегося населения. Директор Китатского ЛПХ Д. Набоких отказался подписывать акт инспекции. Думаю, что усилия РКИ были напрасны, беспределу не был положен конец, потому что репрессивных мер к руководству не было применено³³.

Как и двадцать лет назад, в годы столыпинского переселения, русские мужики вновь оплачивали своими жизнями и здоровьем государственные планы освоения сибирской тайги. В 1933 г. в системе «Кузбассугля» трудились 41512 трудпоселенцев, что составляло 40% рабочей силы, лесоразработки почти целиком обслуживались трудпоселенцами, даже из Нарыма в Кузбасс доставили 12486 чел.³⁴ В Лесном управлении «Кузбассугля» работало до 14

тыс. поселенцев. Эти меры позволили обеспечить лесную отрасль «Кузбассугля» постоянными рабочими. Заготовка леса в основном стала производиться кадровыми лесорубами³⁵.

Годы	Заготовлено рабочими:			
	постоянными		сезонными	
	тыс. куб.м	%	тыс. куб.м	%
1930	-	-	946	100
1931	986,3	62	529	38
1932	1270	84,8	227,7	15,2
1933	632	70,8	261,1	29,2
1934	710,7	70,7	295,0	29,3

Следует сказать, что спецпереселенцам, попавшим в ряды его величества - рабочего класса, значительно больше повезло, чем сосланным в Нарым, согнанным в колхозы и промартели. В течение 5-6 лет они перековывались в «железные ряды» рабочего класса и получали полные права советских граждан, хотя в своем сознании они продолжали нести память о несправедливости властей и передавали это из поколения в поколение.

«Перестройке - большевистские темпы и качество». Реконструкция 1932-1935 гг.

Потребность в лесоматериалах на стройках страны продолжала расти. Кадровый вопрос в лесной отрасли, хотя и варварским способом, был решен. Количество поступавшей на Яйскую перевалку древесины достигло в 1932 г. 450 тыс. куб. м, запасы же ее в лесах Кузбасса оставались еще значительными. Все это делало целесообразным увеличение мощности Яйского лесозавода. Реконструкция завода была предусмотрена пятилетним планом развития лесной промышленности Западной Сибири. Лесозаготовки в Кузбассе предполагалось увеличить с 2700 тыс. куб. м в 1932 г. до 6175 тыс. куб. м в 1937 г., количество сплавной древесины - с 1200 тыс. куб. м до 4220 тыс. куб. м в те же годы. Планировалось постройка трех механизированных лесоперевалок - Кемеровской, Кузнецкой (Абагурской) и Яйской. На освоение лесных массивов направлялась десятая часть всех капиталовложений Кузбасса.

Реконструкция Яйского лесозавода планировалась на 1932-1936 гг. В июне 1933 г. намечался ввод в строй лесопильного цеха,

а с мая 1936 г. - цеха пластмасс. На лесопильный завод мощностью в 175 тыс. куб. м леса в год планировалось 1,2 млн. р. затрат, а на цех пластмасс мощностью 150 тыс. куб. м - 3,0 млн. р.³⁶ Половину всех капиталовложений Лесного управления «Кузбассугля» предполагалось направить в Яю. Вопрос о реконструкции рассматривался на бюро Анжеро-Судженского горкома ВПК(б) 25 мая 1932 г., и было принято постановление о скорейшем пуске завода. Из только что образованного Яйского ЛПХ (в составе Невского лесозаготовительного участка и Яйского лесокомплекса) 27 июня 1932 г. был выделен лесозавод. Директором назначили Демидова, а Д.Т. Набоких стал директором Китатского ЛПХ. Реконструкции лесозавода и лесоперевалки оказались разделены³⁷. В 1933 г. лесозавод и лесоперевалку объединили в лесокомбинат, а Невский лесоучасток стал Барзасским ЛПХ.

Проект Яйского ЛПХ предполагал запас леса для него на 12 лет, исходя из пропускной способности лесозавода в 180 тыс. куб. м в год. Мощность механизмов лесозавода предполагалась в среднем в 213 л.с., в том числе три рамы по 48 л.с., 3 сбрасывателя бревен по 2,8 л.с., 3 бревнотаски в 5,6 л.с., три опилочных транспорта в 1 л.с., живые ролики - 1,9 л.с. (два комплекта). Максимальная мощность механизмов составляла 376 л.с. В проект было заложено строительство лесопильного корпуса на кирпичном фундаменте, с каркасом, обшитым тесом, с железной крышей на висячих фермах, объемом в 8,5 тыс. куб. м, электростанции, сортировочной площадки, утепленного бассейна в 2,4 тыс. кв. м. Стоимость постройки по смете предполагалась в 342 тыс. р.³⁸

Как всегда, смету урезали, и на строительство было выделено в 1933 г. 323,7 тыс. р. с учетом того, что 155,7 тыс. р. пойдет на социально-культурное строительство, в 1934 г. - 154,4 тыс. р.³⁹ Тем не менее реконструкция была закончена в срок, и мощность завода более чем удвоилась: с 62,1 тыс. куб. м пиломатериала в 1932 г. до 149 тыс. куб. м в 1934 г. Следует перечислить основное оборудование лесозавода, потому что оно не менялось затем в течение 30 лет: 3 рамы фирмы «Болиндер» мощностью в 75 л.с., одна из них установлена в 1928 г., две - в 1932 г., два обрезных станка фирмы «Болиндер» (с 1932 г.), 4 торцовые пилы фирмы «Болиндер» (с 1932 г.), маятниковая пила (с 1932 г.), 4 циркулярные пилы (с 1933 г.), локомобиль Людиновского завода в 295 л.с. (с 1932 г.), паровая машина завода «Бромлей» в 200 л.с. (с 1928 г.). В III кв. 1934 г. был пущен утильный цех (цех ширпотреба) с 6 станками для произ-

водства снеговой рейки, штакетника, тарной решетки, штукатурной драпки. Были пущены точильные автоматы для заточки пил. В 1935 г. были введены в строй бетонная лесосглавная плотина, затраты на которую составили почти 3 млн. р., лесосортировочный бассейн, каменное здание мехмастерских, построен деревянный корпус утильцеха. Кроме того, достроена кузница на 8 горнов, каменный склад горючего, лесосклад и подъездные пути, были закуплены мотопомпы, оборудование для погрузки леса⁴⁰. Электростанция Яйского лесокombината мощностью в 195 кВт давала за год 800-900 тыс. кВт, снабжала производство и поселок электроэнергией.

Параллельно шло переоборудование лесоперевалки, на устройство плотины ушли все средства, предназначенные на завод пластмасс.

В 1932 г. на выгрузке леса работали 8 стрел Молгачева общей производительностью в 2450 куб. м в сутки, три элеватора - в 1800 куб. м, три бревнотаски - в 1800 куб. м, итого 14 механизмов общей производительностью в 6050 куб. м в сутки. На выгрузке трудились 500 рабочих и всего 31 лошадь. В 1934 г. на Яйском лесокombинате действовали 2 бревнотаски, 5 стрел Молгачева, 1 элеватор, 4 таборочные лебедки. Все механизмы имели мощность 1446 л.с., на 1 л. с. приходилось 755 куб. м выгрузки за сезон, производительность одного рабочего достигала 7,3 куб. м в день. Простой механизмов составлял менее 10%. Лучшими механизмами были стрелы Молгачева, первую из которых монтировал сам изобретатель. Они не требовали использования лошадей, были просты в эксплуатации, надежны, удешевляли стоимость выгрузки на 10% по сравнению с бревнотасками⁴¹.

Основным сооружением была плотина и гавани для приема леса. Бетонную плотину строили под руководством инженера Тустановского зимой 1932 г. Вручную, тачками, вагонетками на лошадях возили землю, воду из разреза откачивали насосами. Устройство плотины и гавани А. Швайбович в летописи завода описал так: «Вырыли грунт до белой глины, забили сваи, заложили бетонные бычки, между бычками сделали настил пола из плах, пропитанных смолой в два слоя. Укрепили береговые устои, поставили мертвяки. Опустили щиты, и плотина была готова, но поднялся пол, тогда снова откачали воду, залили бетонные ряжи, и в таком виде в 1932 г. плотину сдали в эксплуатацию. Ряжевая гавань (нижняя и верхняя) строилась в 1931-1932 гг. под руководством инженера Полякова. До 1932 г. были выносные ряжевые запаны, и сплавливали лес при малых

водах. Установка первой запани проводилась после весеннего паводка в течение семи дней с помощью воротов, на верхней гавани стояло шесть воротов и обслуживали постановку гавани 150 человек, на нижней гавани работало четыре ворота, которые обслуживало 100 человек. Большое участие в реконструкции запани принимал И.Г. Середя: он сделал подвеску нижних рабочих тросов на верхней гавани и в 1937 г. на нижней гавани - подвеску центральных лежней.

До этого плитки устанавливались на верхней гавани поперечные двухрядные, на нижней гавани однорядные, продольные и трос продевался в правухи и за него крепился центральный лежень, но позднее по предложению И.М. Зорина и П.А. Яшина, начальника сплавного участка, были пробиты окна в ряжах, что упростило, обезопасило и ускорило установку гавани, и в 1936 г. гавань ставили за двое суток после прохождения тяжелых льдов. В 1940/41 г. установка запани занимала уже 12 часов, в 1949 г. еще раз реконструировали нижнюю гавань, установили тумбы, закрепили в окна ряжей 63 лежня, центрально-лежневой трос продевался в окна с соответствующим пригибом, ставились двухрядные составные плитки, что позволило ставить гавань после прохождения тяжелых льдов на вторые сутки и сократить установку до 4 часов. На поставке гавани уже работали трактора»⁴².

Таким образом, Яйский лесокомбинат в 1932-1935 гг. был в основном механизирован, поэтому, если в 1931 г. два элеватора и лесотаска «Болиндер» давали в смену 900 куб. м леса, а в две смены - 1800 куб. м, то в 1932 г. производительность механизированной выгрузки достигла 6 тыс. куб. м в день. Весь приплав 1920 г. можно было выгрузить за пять дней, а весь лес того года распилить за месяц. Все это давало полное право директору лесокомбината И.И. Бреусу заявить в 1935 г.: «Мы не являемся перевалочной базой, а исключительно механизированным предприятием индустриального типа, и на каком основании Крайбанк и Анжерский филиал относят нас к перевалочной базе, тогда как в системе комбината работает около 50 механических установок, на которых работают исключительно квалифицированные рабочие»⁴³.

**«У Яйского лесокомбината учиться тому,
как надо работать».
Лесокомбинат в 1933-1940 гг.**

Яйский лесопильный завод, хотя и не стал четырехрамным, одним из крупнейших в Сибири, как это предполагалось по Гене-

ральному плану развития и реконструкции государственной лесной и деревообрабатывающей промышленности Сибири на 1926-1941 гг., был крупнейшим в системе Лесного управления «Кузбассугля». В управление входили Тайгинский, Китатский, Барзасский, Тайдонский леспромхозы, Кемеровский и Яйский лесокомбинаты (северная группа), Терсинский, Усинский, Кондомский, Кабырзинский леспромхозы, Абагурский и Шушталепский лесокомбинаты (южная группа).

Яйский лесокомбинат являлся центром переработки и перевалки леса для Тайгинского, Китатского, Барзасского леспромхозов. Лес шел в основном молевым сплавом по Яе и ее притокам. Только Тайгинский ЛПХ вывозил лес в основном посуху - автолежневкой (Кузель), подвесной дорогой (Анжерка), гужевым транспортом («235 км», «10 км»). Вся транспортная техника «Кузбассугля» сосредоточивалась в Тайгинском ЛПХ. Из 1300 куб. м леса в 1935 г. предполагалось вывезти механическим способом 120,8 тыс. куб. м, рационализированным конным (лежневка, лежневка) - 346 тыс. куб. м, а по снежным дорогам - 833,2 тыс. куб. м. Половина леса должна была дальше транспортироваться сплавом.

С 1933 г. Яя-лесокомбинат был освобожден от забот о заготовке и сплаве леса. Это возлагалось на леспромхозы, за комбинатом оставалась выгрузка, разделка, погрузка леса в вагоны, распиловка, утилизация отходов.

Производственные успехи комбината в 1930-е г. показаны в приложении 4 и таблице, составленной по материалам народнохозяйственного плана Анжеро-Судженского района на 1937 г.⁴⁴ Надо сказать, что динамический ряд однородных показателей производственной деятельности комбината удалось составить с трудом из-за частой смены форм отчетности вследствие непрерывных реорганизаций. В какой-то мере можно было восстановить данные о распиловке сырья, количестве полученного пиломатериала, выгрузке леса, об общей стоимости производства. Сведения о комбинате редко указывались отдельно, а в основном - в общих сводках Лесного управления или треста «Северокузбасслес».

Т а б л и ц а 1

Основные показатели работы лесокombината в 1918-1937 гг.

Годы	Валовая продукция, тыс р., цены 1926-1927 гг.	Выработка тыс. куб. м		Среднесписочное число рабочих	Выработка на 1 рабочего, тыс. р.	Заработная плата, тыс. р.
		сортового пиломатериала	отгрузки круглого леса			
1928	1240	33	40	563	1,2	0,5
1932	3318	55	234	1478	2,2	0,9
1933	3215	80	125	1387	2,3	1,3
1934	5718	156	170	1412	3,0	1,5
1935	4305	108	164	1409	3,1	1,7
1936	5095	110	262	1574	3,2	2,3
1937 (план)	4934	128	172	1818	2,7	2,8

Если судить по этим данным, то реконструкция резко усилила производительность предприятия. С 1932 по 1941 г. выгрузка леса более чем удвоилась, почти в четыре раза увеличился распил сырья и втрое - выход товарной пилопродукции. Под товарной продукцией имелось в виду разное: то только сортовой обрезной пиломатериал, то обрезной материал, шахтная затыжка и деловой горбыль. Таким образом, эти сведения неоднородны и не во всем точны, но других нет.

Сведения, приведенные в табл. 1, несколько расходятся с данными приложения 4, однако динамика показателей та же. Она демонстрирует неравномерный рост производства.

Проследим год за годом производственную жизнь комбината. При этом оценку деятельности будем производить с двух позиций: от реальных достижений завода и лесоперевалки и в зависимости от выполнения планов, спущенных комбинату хозяйственными органами. 1933 г. со стороны реальных достижений следует признать успешным: заметно выросла выгрузка леса, увеличился распил сырья, хотя уменьшилась отгрузка круглого леса (стройматериала и крепежа) и пиломатериалов.

Однако если смотреть из кресла вышестоящих организаций, год был полностью провален, леса было распилено лишь 87,6% (от 144,2 тыс. куб. м плановых), отгружено круглого леса в два раза меньше, чем в предыдущем году. Реальные причины невыполнения

планов были в отвлечении работников на разбор заторов в верхних гаванях и в поломке коленчатого вала рамы № 3, что вывело ее из строя на 2 месяца. Другой, не менее важной, причиной была неопытность рабочих, текучесть кадров из-за неустроенности и управниловки в заработной плате. Квалифицированные рабочие получали кое-где меньше чернорабочих. Так, водовоз получал 160-170 р. в месяц, а кузнец 7-го разряда - 140-150 р. На комбинате был всего один нормировщик, который, конечно же, не успевал делать все⁴⁵.

Меры, принятые «Кузбассуглем», были чисто административные. Виновный в поломке коленвала И.З. Секаренок* получил год принудработ, все начальство комбината было сменено. В ноябре 1933 г. на Яе появился новый директор - Иван Иванович Бреус**. Он был типичным выдвигенцем из старых «партийцев», малограмотный, любитель побряжничать, но руководитель крепкий, способный, умеющий нажать, заставить, уговорить.

В 1934 г. комбинат достиг существенных успехов - в полтора раза увеличилась выгрузка леса, распила сырья. Сказалось освоение новой техники, внедрение сдельщины, начавшееся движение ударников. К XVII годовщине Октября комбинат был отмечен Красным знаменем Крайкома союза деревообделочников, которое «приехало» в Яю с Новосибирского лесозавода № 1. Комбинат выгрузил 340 тыс. куб. м леса и дал полмиллиона рублей экономии. Газета «Борьба за уголь» посвятила комбинату почти весь номер от 18 ноября 1934 г. Причины успеха комбината в передовой статье «У Яйского комбината учиться тому, как надо работать» назывались, конечно же, идеологические. Автор писал: «Поистине блестящие производственные победы Яйского лесокомбината. В его достижениях, как солнце в капле воды, отражается мудрая политика партии Ленина, ведущая страну Советов к небывалому расцвету, невозможному в капиталистических странах» и далее: «Руководство комбината (директор т. Бреус) служит образцом конкретного, большевистского руководства, для которого директивы и указания партии и ее вождя т. Сталина - закон, а дело партии и рабочего класса - цель и смысл личной жизни». Конкретностью руководства Бреус, оказывается, по-большевистски боролся за 6 указаний товарища Сталина. Сами указания, действительно, были своевременны и разумны. Они призывали трудящихся и руководителей производства к механизации,

* См. о нем в приложении 3.

** См. там же.

ликвидации уравниловки в оплате, текучести кадров, овладению техническими знаниями и т.п. Усиленные партийной идеологической машиной, они приобретали силу магических заклинаний. Однако вряд ли указания Сталина помогли И.И. Бреусу. Он, как рационально мыслящий руководитель, упростил схему управления производством, усилил контроль за выполнением своих приказов, за правильной эксплуатацией механизмов, за дисциплиной труда, обратил внимание на улучшение бытовых условий работников комбината, чтобы сократить текучесть кадров. Особенно наглядно «секреты» успехов продемонстрировал в своей заметке секретарь парткома И.И. Губинский*: «Прежде всего, И.И. Бреус оперативно распоряжался рабочими ресурсами. Летом он бросил все силы - до 800 человек - на выгрузку леса, что и было сделано на 45 дней раньше планового срока, выходные дни на время выгрузки леса он отменил и всех, в том числе инженерно-технический персонал, направил на реку. Сам также держал багор в руках. Он организовал курсы мотористов, лебедчиков, что позволило удвоить производительность механизмов. Так, стрелы Молгачева в 1933 г. выгружали за сутки 90-110 куб. м, в 1934 г. - 160-249 куб. м. Управляющий заводом М.У. Нестеров был направлен для пополнения опыта на Архангельский лесозавод, откуда он перенял немало, в частности доставку опилок к топкам транспортером. На заводе И.И. Бреус перестроил структуру управления. «Что было? Был заведующий заводом, технорук, зав. распилом, «смотрак» (сменный мастер), бригадир и уже на 6 месте - рабочий. Результат этого: зав. заводом по существу только фотографировал факты, указания давал из кабинета, неконкретные. Процветала функционалка и обезличка ответственности. Тов. Бреус оставил: зав. заводом, сменного мастера и рабочего».

Своевременный профилактический ремонт сократил простои механизмов до 6% и устранил крупные аварии. Ликвидация уравниловки в оплате и контроль снизили брак с 3-4% до 1,5%. Производительность за рамосмену поднялась до 80 куб. м при 74 куб. м по техническим нормам. Зав. заводом М.У. Нестеров гордо констатировал: «Ни один завод Западной Сибири не дает такой производи-

* Иван Иванович Губинский, секретарь парткома, затем председатель завкома Яялескомбината в 1934-1937 гг., 1898 г.р., член ВКП(б) с 1922 г., образование 2 класса приходской школы, до 1917 г. крестьянствовал, с 1917 г. служил в старой, колчаковской и Красной армии, с 1926 г. на хозработе, неоднократно исключался из ВКП(б) под предлогом пьянства, в июле 1937 г. репрессирован как враг народа.

тельности!» Кроме того, на заводе стала механизироваться подвозка и отвозка лесоматериалов, появились автомашины, была налажена работа утильцеха, действовали курсы по обучению рабочих лесопилению.

Тот же номер газеты дает представление о работе РММ в статье механика завода Ф.О. Цветкова*. Восемьдесят рабочих мехмастерских он разделил на шесть бригад, организовал соревнование с еженедельным подведением итогов, ремонтом механизмов в выходные дни, укрепил дисциплину, уволил несогласных. Ф.О. Цветков переделал винтовые транспортеры опилок на цепные, улучшил работу бревнотаски, изобрел штабелер-погрузчик. Завершая свой рассказ, Ф.О. Цветков сказал: «В дореволюционное время я не смог бы и мечтать обо всем этом. Не покладая рук, я буду работать и дальше в области рационализации, буду повышать свои техзнания».

Ударниками труда на заводе названы бригадир плотины Э. Биклебаев, старший десятник на погрузке леса Н.Ф. Купреев, пилоправ Зозуля, работница Филиппова.

1933-1934 гг. были переломными в изменении оплаты труда в «Кузбассугле». Нормирование утвердилось на лесозаготовках (бригадный метод с коэффициентом оплаты от 1,0 до 1,5), на сплаве (введены 5 категорий со ставками от 3 р. 10 к. до 5 р. 75 к. в день) и на лесокомбинате. В отчетном докладе «Кузбассугля» за 1934 г. отмечено, что «основная форма оплаты труда на лесозаготовках, сплаве, выгрузке и лесопилении - прямая неограниченная сдельщина». Средний заработок на рабочего лесного управления составил в 1934 г. - 1275 р. в год, ИТР - 5254, служащих - 2271, младшего обслуживающего персонала - 805, учеников - 603 р. в год⁴⁶.

В 1935 г. на комбинате в основном была завершена реконструкция. Коллектив работал слаженно. За первое полугодие план по выпуску пиломатериалов был выполнен на 125%, по выгрузке леса - на 100,1%, по сплаву - на 108%, по разделке крепи - на 122%, по выпуску ширпотреба - на 136%. Но комбинат не был финансово самостоятельным, а в системе «Кузбассугля» ему отводилась роль мальчика для битья. Основной заказчик - рудники - не перечисляли

* Цветков Федор Осипович, 1896 г.р., начал работать с 11 лет на спичечной фабрике Кухтериных в Томске, в 1912-1915 гг. работал на Анжерской шахте №14, затем работал слесарем мехмастерских, с 1929 г. - член ВКП(б), направлен в Яю, с 1930 г. - механик завода, в 1936 г. - зам. директора комбината по технической части. В 1939 г. - секретарь парткома, образование домашнее.

вовремя деньги за лес. Железная дорога не подавала нужное количество вагонов для продукции комбината. За последние два месяца 1934 г. вместо 3669 вагонов было подано 1141, т.е. меньше трети, а за первое полугодие 1935 г. - вместо 8205 вагонов подали 5225. Долг треста «Кузбассуголь» комбинату составил на апрель 1935 г. - 1061 тыс. р., на июль - 848 тыс. р. И.И. Бреус в письме секретарю крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе от 24 июля 1935 г. писал: «Яйский лесокомбинат - единственное предприятие в лесной системе Западной Сибири, которое работает без дотаций уже второй год, и ставить его в такие условия, как мы поставлены лесным управлением «КБУ», казалось бы, нет никаких оснований». Он просил всесильного вождя ЗапСибкрая заставить «Кузбассуголь» выплатить деньги. Однако и в октябре 1935 г. комбинат не имел ни рубля на горюче-смазочные материалы, на овес для лошадей, должен был банку 450 тыс. р. и рабочим недодал зарплаты 250 тыс. р., хотя «Кузбассуголь» должен был комбинату 1 млн. р.⁴⁷ В результате организационных и финансовых неурядиц в тресте «Кузбассуголь» Яйский лесокомбинат резко снизил в 1935 г. отпуск готовой продукции: пиломатериала - до 108 тыс. куб. м и отгрузку круглого леса - до 160 тыс. куб. м.

В 1935 г. произошло еще одно заметное событие в жизни комбината - в августе в его состав включили Азановский лесозаготовительный участок Китатского ЛПХ, оказавшийся там в положении Золушки. Начальником его назначили Михаила Устиновича Нестерова, бывшего управляющего Яйским лесозаводом. На Азановке работали 4 мотовоза на вывозке леса, 7 трелевочных лебедок. Лес заготавливался вручную - до 60 тыс. куб. м в год. Механизмы не были отлажены, железная дорога не достроена. Нестерова к концу 1935 г. сменил более энергичный инженер Гайдуков, который наладил производство. В промотдел крайкома ВКП(б) из Лесного отдела «Кузбассугля» главный инженер Блынский сообщал, что «опыт передачи Яйскому лесокомбинату механизированного Азановского участка, влачившего жалкое существование в составе Китатского леспромхоза, дал положительные результаты. В короткое время Яйский лесокомбинат, располагающий техническими ресурсами, сумел закончить строительство дороги с полной ее реконструкцией, освоив мотовозную тягу и трелевочные агрегаты». В 1936 г. планировалось сплавать из Азановки 59 тыс. куб. м леса, выполнено было 62,2 тыс. куб. м, но заготовка и вывозка леса не были до конца отлажены⁴⁸.

В 1936 г. Азановскую узкоколейку, единственную на весь Кузбасс, длиной в 3,5 км, удлиннили на 4 км, к 1940 г. - до 31 км. Здесь работали инженер-транспортник, инженер-механик, техник-дорожник, невиданные для лесной промышленности специалисты. Впрочем, мощности всех механизмов равнялись 42 л.с. Мотовозы при норме 28 куб. м погружали до 33 куб. м⁴⁹. В 1937 г. техника Азановского МЛП состояла из 4 мотовозов, 2 паровозов, 6 тракторов, 5 нефтяных двигателей на трелевке, 36 платформ и 49 вагонеток, в РММ и на шпалорезке работал двигатель в 30 л.с. В 1937 г. Азановский МЛП стал самостоятельным. Беды его, однако, не кончились, потому что нереальные планы выполнить просто было невозможно. В 1936 г., например, план заготовки оказался почти вдвое больше, чем в 1935 г., - 107,5 тыс. куб. м, заготовлено было лишь 88,4 тыс. куб. м. Начальник мехлеспункта Антон Леонидович Лысов исключен за это из партии⁵⁰. План же 1937 г. был провален по всем показателям, так же, как и план 1938 г. В этом году в Азановском мехлеспункте пустили в строй лесоклепочный цех, который в 1942 г. был переведен в Яю. Новым виновником неудач был признан начальник мехлеспункта Степачев, которого обвинили в том, что он «играет на руку классового врага»⁵¹. Но и план 1939 г. не был выполнен. Только в 1940 г. азановские лесорубы смогли настичь ускользающий план. На мехлеспункте постоянно не хватало рабочих, а Ижморский район также регулярно не выполнял разнарядок по поставке сезонников из колхозов на заготовку и подвозку леса. Не помогло ни развернувшееся стахановское движение (из 563 рабочих лесопункта в 1940 г. 80 были стахановцами), ни повышение зарплаты, ни бригадная организация труда, ни более производительные лучковые пилы, которым рабочие-стахановцы посвящали вот такие стихи:

Зимним утром, часов в восемь,
Барак рабочий опустел,
Под ногами лесоруба
Снег холодный заскрипел.
Росли быстро кубометры,
Работа кончена была...
В пять раз нормы перекрыла
Моя лучковая пила⁵².

Приведем нормы выработки, утвержденные в 1935 г. в «Кузбасс-угле»: заготовка - 2,44 куб. м в день на человека, ошкуровка - 3,95, трелевка - 3,7, подвозка конная - 3,61, механизированная трактор-

ная - 7,8, вывозка конная - 3,14, автовывозка - 9, железнодорожная (Азановская узкоколейка) - 4,26, подвесная дорога (Анжерский МЛП) - 4,32, сплав - 4,02, выгрузка - 6,5, лесопиление - 2,1 куб. м. Как видим, механизация не имела решительного перевеса над конем и санями. Самыми производительными оказались тракторная подвозка, автовывозка и механическая выгрузка. Не случайно на современных лесозаготовках остались именно эти элементы механизации⁵³.

В самой Яе в 1935 г. также назревали интересные события. В третьем квартале Яйский лесозавод в очередной раз получил переходящее знамя передового предприятия по лесной отрасли Сибири⁵⁴. Однако предприятие уже с прошлого года сотрясали скандалы, связанные с партийной чисткой и деятельностью тайных и явных доносчиков. В августе 1934 г. из парторганизации были исключены 14 человек во главе с секретарем парткома Антоновым, которого обвинили в службе у Колчака. Статья завершалась оптимистично: «Комиссия по чистке выгнала из рядов партии всю эту свору классово чуждых и морально разложившихся, разгромила кулацкое гнездо, засевшее в парторганизации Яйского лесокомбината. Вместе с этой сворой исключен и Антонов, как примазавшийся к партии элемент.

Нет сомнения, что партийная организация лесокомбината, очищенная от классово чуждых и морально разложившихся элементов, в ближайшее время перестроит свою работу на основе решений XVII съезда партии»⁵⁵.

С этого времени поток компромата на руководителей комбината не прекращался. Из предприятия выгоняли скрывших свое прошлое кулаков, которым нигде не было места: ни в деревне, ни в городе, оставался Нарым и могила. Руководителей производств обвиняли в укрывательстве кулаков. В июле 1935 г. Анжеро-Судженский райком ВКП(б) рассмотрел дело руководителей Яйского лесокомбината. Главной фигурой обвинения стал начальник ОРСа Блинов, он был обвинен в самоснабжении, в «блате» для знакомых и начальства, в попойках с Бреусом, Губинским, экономистом Л.Л. Грибановым, пом. директора Карлаковым и др. Блинов был исключен из партии, начальником ОРСа был назначен И.П. Белов, зам. директора комбината утвержден М. Копылов, а Губинский и Бреус отделались выговорами⁵⁶.

В октябре 1935 г. Анжеро-Судженский райком рассмотрел новую жалобу на Бреуса и Губинского в связи с тем, что на должность зав. заводом они назначили М.А. Яновича, а не доносчика Белоусова.

Практически все руководство завода - И.И. Бреус, Ф.О. Цветков, И.И. Губинский, П.А. Токарев (пред. завкома) и предпоссовета Пономарев - вынуждены были отмыываться от клеветы⁵⁷. В этот раз миновало, в 1936/37 г. выговоры были сняты, однако атмосфера подозрительности и доноительства сгущалась. Любая производственная ошибка, природный катаклизм, помешавший выполнить план, оборачивались повышенными потерями среди командиров производства. Многие способные люди стали отказываться от занятия партийных, советских, производственных должностей, предпочитая не высовываться.

В 1936 г. план по выгрузке леса был выполнен, однако объем лесопиления снизился. Валовая продукция комбината планировалась в объеме 6037 тыс. р., реально комбинат дал 5105 тыс. р.⁵⁸ При этом, если судить по сводкам, Яйский комбинат выполнил 9-месячный план на 106,4%, причем по выгрузке товарной продукции - на 128,7%, по сплаву - на 105%, по производству ширпотреба - на 112%. В обзоре народохозяйственной деятельности Анжеро-Судженского района показано, что «производительность одной рамосмены с 76,3 куб. м в 1935 г. увеличилась до 120 куб. м в среднем за III кв. 1936 г. Новая норма выработки на рамосмену в III кв. выполнена на 109%. Число стахановцев на лесокombинате с 20 чел. в октябре 1935 г. и 195 чел. на 1 января 1936 г. увеличилось до 722 чел. по состоянию на 1 октября 1936 г. Из 1138 рабочих-сдельщиков выполняют новые нормы менее 100% - 97 чел., от 100-105% - 167 чел., от 105-115% - 298 чел., от 115-125% - 395 чел. и свыше 125% - 181 чел. Комбинат добился значительных результатов в деле внедрения прямой и прогрессивной сдельщины. Из 1268 рабочих комбината переведены на прямую сдельщину 728 человек и на прогрессивную сдельщину - 507 человек. Таким образом, 92% всего состава рабочих комбината охвачены сдельщиной»⁵⁹. План лесопиления, однако, не был выполнен из-за простоев, перегруженные механизмы не выдерживали стахановской эксплуатации. Пренебрежение к технически обоснованным нормам выдавалось тем не менее за трудовой героизм. В заметке с символическим названием «Крах «технически обоснованной» нормы. Парторганизация Яйского лесокombината по-большевистски реализует решения декабрьского Пленума ЦК ВКП(б)» в феврале 1936 г. рапортовалось, что в январе комбинат дал на рамосмену 137 куб. м вместо 65 куб. м по технической норме, а рамщик комсомолец А. Давыдченко довел производительность рамы «Болиндер» до 246 куб. м в смену, т.е. в

4 раза выше технической нормы! На Азановском лесоучастке другой передовик - Назаров, бригадир лесорубов, нагружал трелевочный движок 45 куб. м леса вместо 28 по норме. Пилоставы Бычин и Белянкин меняли пилы вместо 50 мин за 15. Особо подчеркивалось в заметке: «Партийная организация с каждым стахановцем в отдельности проводит большую работу. Она помогает стахановцам разрушить старые теоретические догмы, ломать консерватизм и саботаж, улучшать производственную обстановку»⁶⁰.

Нет слов, стахановское движение помогло освоить новую технику, повысило производительность труда, помогло выбить из сознания рабочих уравнилельные идеи, однако и оборотной стороны медали - износа техники - не замечать нельзя. Яйский пример 1936-го показал, что цыплят, т.е. кубометры, считают в конце года, а их оказалось куда меньше, чем в 1935 г. В начале 1936 г. стахановцы Яйского лесозавода призвали всех колеблющихся опрокинуть старые нормы. Этот любопытный документ стоит привести полностью:

«Мы, стахановцы-рамщики и помощники рамщиков Давыдченко А.П., Кауш, Греков, Самков, Белянкин, Поляков и др., в ответ на речь любимого вождя тов. Сталина, реализуя решения декабрьского пленума ЦК ВКП(б) о необходимости заменить технические нормы, как устарелые, более высокими - требуем от администрации пересмотреть наши выработки на рамосмену. Своей стахановской работой в январе мы опрокинули старые нормы и вместо 82 кубометров на рамосмену в среднем даем 120-130 без особого напряжения труда. Мы считаем, что должна быть установлена как минимальная норма - 110 кубометров на рамосмену. Мы обязуемся перевыполнять ее систематически. Для всех остальных групп рабочих завода (подача сырья, обрезные, утильцех и т.д.) норма должна быть увеличена на 35-40 проц. В январе мы при стахановской работе выполняли февральскую программу как по распилу, так и по сырью и взяли на себя обязательство к дню Красной Армии закончить квартальную программу. Мы в комбинате имеем три переходящих Красных знамени, грамоту ВЦСПС, у нас есть лучшие стахановцы - Давыдченко, Башев, Светлаков, пленум ЦК нашего союза премировал их и записал в Книгу почета. Таких стахановцев у нас сегодня сотни. Целиком и полностью подтвердились слова любимого вождя т. Сталина, который сказал: «Сегодня стахановцев еще мало, но кто может сомневаться, что завтра их будет вдесятеро больше». Так оно и есть на самом деле.

Поэтому мы, передовые стахановцы, с первых дней пошедшие по

пути, указанному партией и правительством, обращаемся к тт. Яшеву, Кузьмину, Набоких, Дробышевской, Михайлову, Зотову Павлу, которые не идут с нами, не встали еще в ряды стахановцев, не выполняют заданий, таких у нас 67 рабочих. Мы призываем их встать в наши стахановские ряды. Тогда наша жизнь станет другой. Поглядите на наш заработок: Давыдченко зарабатывал 202 р., а сейчас 525 р., Белянкин зарабатывал 202 р., а сейчас 845 р., Башев 198-210 р., а сейчас - 494 р., у всех нас, стахановцев, увеличился заработок в 2 раза. Мы считаем, что отстающим товарищам должны помочь преодолеть их отставание завком и инженерно-технические работники.

Мы призываем всех рабочих комбината поднять свой культурно-технический уровень до уровня работников инженерно-технического труда. У нас еще не все учатся, не все изучают технику производства. Мы призываем их ходить в школу, изучать технику, добиваться систематически повышения идейно-политического уровня. Вот тогда указание пленума ЦК будет выполнено с честью.

Поляков, Журавлев, Давыдченко, Кауш, Белянкин, Гайдукасов, Поляков Г., Греков, Самков, Бычин, Суслов, Янович, Аксенов, Евсеев, Ющенко, Архипов, Соколов, Бреус»⁶¹.

Конечно, проще всего посчитать, что письмо это инспирировано руководством завода и парткомом, ведь его подписали все начальники - Гайдукасов (технорук), М.А. Янович (зав. заводом), В.Д. Аксенов (зав. плановым отделом), И.И. Бреус (директор лесокombината). С нашей точки зрения, выглядит совершенной глупостью добровольно надевать на себя хомут. Но тогда люди считали себя строителями нового мира, новых отношений и исключать искренность многих подписавших письмо нельзя. Об Анатолии Поликарповиче Давыдченко, рамщике-стахановце с 1939 г., долголетнем зав. лесоскладом, старые рабочие вспоминают уважительно: «Лихо работал, был беспощаден даже к своим ребятам, не давал продыху»⁶².

Об искренности передовиков 30-х гг. свидетельствует и их творчество. Такой вот неказистый стих по заказу написать нельзя:

Стахановец любит работу лесную,
Стахановец понял всю пользу труда,
Стахановец так глубоко уважает
Любимого Сталина речи всегда⁶³.

Руководящая и направляющая роль парторганизации в развитии стахановского движения также очевидна. На курсы техминимума и

стахановские курсы имелся план. В 1936 г. на курсах техминимума из плановых 400 чел. учились на комбинате 232, на стахановских курсах из 150 человек - 97⁶⁴. И.З. Секаренко за опытом работы ездил на лесозавод в Тулун.

Страшный 1937-й не обошел стороной комбинат и поселок на Яе. Комбинат получил на этот год абсолютно не выполнимые планы по заготовке круглого леса - 500 тыс. куб. м, на выход пиломатериала - 180 тыс. куб. м, на вал - 8347 тыс. р. Предполагалось ввести трехсменную работу на отгрузке леса и отгружать ежедневно - 97 вагонов вместо 64 в 1936 г. Стахановцы должны были обеспечить 11% увеличения производительности труда⁶⁵.

Начальник треста «Запсиблестяж», в который входил с 1936 г. комбинат, Д. Златников требовал уменьшить в 1,5 раза планы, директора леспромхозов писали, что нереальные планы морально убивают руководителей. На I кв. 1937 г. тресту был навязан план заготовок 1200 тыс. куб. м леса, тогда как предыдущий план, утвержденный в объеме 895 тыс. куб. м, также не был выполнен⁶⁶. Результат 1937 г. по тресту был удручающим с точки зрения плана, хотя благополучным по сравнению с 1936 г.⁶⁷

Производство (в тыс. куб. м)	1936 г.	1937 г. (план)	1937 г. (факт)
Заготовка	1265	2798	1550
Вывозка	1186	2585	1381
Сплав	977	1025	1038
Выгрузка	953	936	900
Лесопиление -	206	383	230

В 1936-1937 гг. по руководству промышленностью Кузбасса был нанесен репрессивными органами страшный удар, уничтоживший лучшую часть управленцев и научно-технических кадров. В отчете «Кузбассугля» за 1936 г. руководители треста отмечали: «Особо серьезным уроком для Кузбасса в 1936 г. было разоблачение контрреволюционной троцкистско-фашистской банды озверелых диверсантов, вредителей и убийц»⁶⁸. В отчете «Кузбассугля» за 1937 г. уже о них самих было написано: «Троцкистско-бухаринские бандиты, засевающие в комбинате (Юнов, Мигай, Юдкин, Принцев), в трестах и на шахтах, не только не вели борьбу в 1937 г. по ликвидации последствий вредительства, а наоборот, в важнейших звеньях работы и жизни Кузбасса продолжали вредительство». Руководители

ли 1938 г. также обвинялись в продолжении вредительской тактики разработки месторождений⁶⁹. На стрелочников было свалена ответственность за хищнические методы освоения Кузбасса, за 50-70% потери угля при добыче, слабую механизацию, подземные пожары, высокий травматизм шахтеров, неизбежный в таких условиях.

Конечно же, «вредители» нашлись и в лесной отрасли. В справке о работе треста «Запсиблестяж» это анализировалось деловито и подробно, без эмоций, проявленных заготовителями угля: «Вредительство в системе треста «Лестяж» было направлено главным образом: а) на организацию механизированных участков в таких местах, где механизированные дороги не обеспечивались необходимой сырьевой базой; б) на срыв подготовки и ремонта механизированного транспорта, а также дезорганизацию работы на механизированных дорогах, вплоть до поломки и выведения из строя механизмов (Азановская узкоколейка); в) на создание диспропорции в направлении капвложений между промышленным строительством и жилищно-бытовым строительством, причем последнее проводилось с заведомой подготовкой срыва. В результате капвложения по жилищному строительству в 1937 г. были освоены только на 57%, что привело к необеспеченности жилфондом и текучести рабочих. На 1.01.1938 г. на одного живущего приходилось только 2,5 кв.м жилой площади вместо нормы 3,7 кв.м; г) на омертвление капвложений путем приобретения ненужного дорогого и неприменимого пока в условиях «Лестяжа» оборудования; д) на запутывание отчетности и финансовой работы, что облегчало безотчетное расходование средств и хищения.

Очень тонко и длительно проводилась вредительская линия в области размещения лесозаготовок, заключающаяся в том, что основные массивы юга Кузбасса не осваивались, в то же время вырубались леса в северной части, где сосредоточены меньшие запасы древесины.

По ликвидации последствий вредительства в системе данного треста работа проводится совершенно недостаточно, о чем можно судить и по итогам работы I кв. 1938 г., план которого не был выполнен, а механизированная лесопоставка была сорвана (выполнено 63%)»⁷⁰.

Специалистов треста наказали за то, о чем они настойчиво предупреждали в отчетах предыдущих лет. В отчете треста за 1937 г. говорится прямо: «Аппарат треста и предприятий крайне засорен троцкистско-бухаринскими, германо-японскими шпионами, дивер-

сантами и вредителями, что подтверждается не только провалом производительной программы, но и разоблачением органами НКВД значительного количества вредителей и шпионов (Бреус, Пронин, Савельев и много других)»⁷¹.

В какую из сфабрикованных НКВД вредительских организаций попал Бреус, сказать трудно, тайны хранят архивы МБ России, но то, что дело против него и других руководителей Яи было фальсифицировано, очевидно. Достаточно просмотреть протоколы Анжеро-Судженского райкома ВКП(б). Суть дела в том, что на квартире у Бреуса некоторое время жил брат жены, приехавший с КВЖД. Его выдали за японского шпиона, исключили из партии и репрессировали в связи с этим работницу комбината Антонину Терентьевну Бреус, а параллельно взялись и за ее мужа. И.И. Бреус был обвинен в том, что пытался устроить на работу японского шпиона, принимал на работу преступников, растратчиков, кулаков, подрывал финансовое хозяйство комбината, приводил в расстройство его деятельность. Бреус отрицал все обвинения в свой адрес, кроме пьянства. Тем не менее товарищи исключили его из партии с такой формулировкой: «Бреуса И.И. как троцкиста, предателя дела партии и народа, агента иностранной разведки - снять с работы и исключить из партии. Поручить начальнику НКВД т.Петрову ускорить окончание следствия и привлечение Бреуса к уголовной ответственности»⁷².

Найти сообщников Бреуса было для районных органов НКВД делом пустяковым: со всем руководством поселка Иван Иванович имел обыкновение по праздникам выпивать. В преступное сообщество был включен Максим Васильевич Сальников, председатель Яя-посовета, за то, что «имел тесную связь с врагом народа, шпионом одного буржуазного государства Бреусом, совместно с ним выпивал, часто бывал у него на квартире и считал его хорошим преданным человеком». За Сальниковым последовали заместитель Бреуса М.А. Янович и заведующий яйским карьером Иван Потапович Лейбутин⁷³. Арестован был и рабочий Тютюнников, попытавшийся в июне 1937 г. агитировать среди рабочих комбината против выборов в местком коммунистов, предместкома И.И. Губинский. Успешно отлавливали «врагов народа» и комсомольцы комбината. Секретарь комитета ВЛКСМ Яя-лесокомбината Бавылкин на комсомольской конференции рапортовал: «В нашей комсомольской организации также был выявлен и разоблачен враг. Мы изгнали из комсомола Зотову, которая была завербована японским шпионом»⁷⁴. Пытавшийся противодействовать общему психозу секретарь горкома ВЛКСМ Роман

Никифорович Почуев восстановил Зотову в комсомоле, но сам был разоблачен за связь с «вредителями»⁷⁵. Таким образом, по делу «о японских шпионах» на Яе пострадали не менее 8 человек.

В 1938 г. коллектив комбината вступил без надежного руководства, запуганный арестами, изучая в газетах лозунги типа: «Где плохо - ищи врага». Призывы: «Расстрелять взбесившихся псов» или стихотворные опусы такого рода:

СМЕРТЬ ВРАГАМ

Они предавали родину нашу,
Ядом сжигали сердца вождей.
Весь путь бандитов был кровью окрашен,
Как у озлобленных хищных зверей.
Фашистские агенты! Мерзкие гады!
Их вражьей работе положим предел.
Одна по заслугам им будет награда:
Расстрел!⁷⁶

Планы 1938 и 1939 гг. по основным показателям были провалены, только в 1940 г. и трест «Северокузбасслес», и Яя-лесокомбинат выполнили свои планы и обязательства (в тыс.куб.м):

Годы	Сплав леса			Распил сырья		
	план	факт	%	план	факт	%
1938	453	440	17,1	251,1	233,8	93,1
1939	503,5	478	94,9	294,4	265,5	97,8
1940	478	484	101,3	-	-	-

После интенсивной варварской эксплуатации специалисты оценивали лесное хозяйство треста «Запсиблестяж» как «бесхозяйственность, граничащую с вредительством». Громадные площади лесосек были захламлены порубочными остатками, дающими пищу для лесных вредителей и пожаров. Северные дачи были вырублены, истощены лесосеки Тайгинского ЛПХ, Анжерского и Азановского мехлесопунктов.

Хозяйство лесокомбината состояло из трех лесотасок «Болиндер», 7 стрел Молгачева, 10 таборовочных лебедек, 2 тракторов. Летом 1938 г. на перевалке работали 596 чел., 69 лошадей. Сплав был закончен 22 июня, выгрузка - к середине августа.

Заводское оборудование изнашивалось, в апреле-мае завод стоял

в ремонте, но и после него частыми были простои из-за поломок механизмов. Силовое хозяйство завода состояло из 6 локомотивов, 4 паровых котлов, 3 нефтяных и 5 бензиновых двигателей, 2 электромоторов в 195 кВт и 39 моторов в 377 кВт. Нужен был новый паровой котел мощностью не менее 300 л.с. Завод обслуживали 3 автомашины, 3 трактора Челябинского завода, 4 лесотаски, 8 стрел. В РММ работали 3 токарных, строгальный, 3 сверлильных, 1 болторезный станки. Инструментальное хозяйство оценивалось как неудовлетворительное⁷⁷.

Не хватало половины специалистов. В 1939 г. при средней численности персонала в 1524 чел. за год принято было 1429, уволено 1327. В целом в 1938 г. программа комбината по валу была выполнена на 93,4%⁷⁸.

1939 г. был более удачным, в целом комбинат выполнил план на 104,4%, хотя ни по выгрузке леса, ни по погрузке его в вагоны, ни по распиловке его плановых показателей достигнуть не удалось. Комбинат перекрыл эти потери за счет разделки крепи и работы утильцеха⁷⁹.

Таблица 2

Показатели работы лесокombината в 1938-1939 гг.
(в тыс. куб.м)

Виды работ	Годы		
	1938 (факт)	1939 (план)	1939 (факт)
Разделка крепи	175,4	190,2	230,2
Выгрузка леса	436,0	503,5	432,0
Погрузка в вагоны	337,0	430,0	419,9
Распил сырья	233,8	294,4	265,5
Выход товарной пилопродукции	140,5	183,9	179,8
Работа утильцеха	3,1	41,0	78,3
Выпуск ширпотреба	113,0	110,3	110,4
Вал (тыс.р.)	-	7904,7	8258,3

Финансовое положение комбината оставалось тяжелым. В конце 1939-го комбинат был должен банку 900 тыс.р., в то же время должниками Яи (на 680 тыс.р.) являлись Караганда-уголь, Кызыл-Ординская база потребсоюза, Новосибирская лесоторговая база, Ашхабадский-мехстеклозавод и др. Задерживал выплаты и основной потребитель - «Кузбассуголь»⁸⁰.

Формально на комбинате активно развивалось стахановское движение. На 1 января 1941 г. число стахановцев составило 712 чел., или 55,9% персонала, ударников насчитывалось 260 чел., или 20,5%. Лучшими стахановцами в 1939 г. были названы в январе-мае⁸¹:

Калашников, токарь, зарплата в месяц от 244 до 336 р.; Шипачев, кузнец, - 213 до 380 р.; Рузаев, слесарь, - 393-653 р.; Астафьев, машинист, - 423-500 р.; Багаев, лучник, - 286-359 р.

В июне стахановцы на выгрузке леса зарабатывали еще больше: Глазырин, бригадир, - 923 р.; Демин, машинист, - 800 р.; Редкозубов, лебедчик, - 660 р.; Мурманцев, рабочий, - 533 р.; Крыжевская, прораб, - 450 р.

В декабре лучшими стахановцами стали:

Егоров П.А., рамщик, - 104,6% нормы, 302 р. в мес.; Илмагаев А.П., рамщик, - 117,6%, 484 р.; Прибылев И.М., рамщик, - 122,2%, 518 р.; Закомолкин И.Т., обрезчик, - 171,3%, 1081 р.; Гершалов П., обрезчик, - 169,1%, 1041 р.; Ежegov В., рабочий, - 132,6%, 300 р.; Киселев И., рабочий, - 128,9%, 280 р.; Никитин Я.Г., рабочий, - 128,7%, 295 р.; Нагорнов Л.М., рабочий, - 163,1%, 532 р.; Ильбахтин Г.И., рабочий, - 151,5%; Немыкина А.С., рабочая, - 138,0%; Зимин И., грузчик, - 141,0%; Пехтерев И., грузчик, - 139,0%; Брюхно М., рабочий, - 139,1%; Гавриленко Е., рабочая, - 126,8%.

Средняя зарплата на Яе в 1938 г. равнялась 232,7 р., в 1939 г. - 267,9 р. в месяц. В 1940 г. на лесопилении среднемесячная зарплата составила 220,8 р., на лесозаготовке 242,9 р., притом что выработка на рабочего в первом случае достигла 952 р., а во втором - 217 р.⁸² Так что передовики получали в 1,5-5 раз больше, чем средний рабочий. Но партийцы не обольщались успехами стахановского движения, понимали его поверхностный и формальный характер. В отчете за 1939 г. секретарь Д.И. Русаков отметил: «Социалистическое соревнование на Яелесокомбинате не стало еще в моде повседневной работы парторганизации, профсоюза и хозяйственников, хотя стахановцы и растут, но проверка договоров отсутствует, работы со стахановцами нет»⁸³.

Внешне ситуация на комбинате к 1939 г. нормализовалась. Директором на два года «задержался» Василий Никитович Бахарев. Комсомольцы и передовики вновь стали рапортовать о своих достижениях на райпартконференциях и благодарить великого Сталина за мудрое руководство.

1940 г. был исключительно благоприятным для комбината, план

по сплаву был выполнен на 101,3%, было получено рекордное количество товарного пиломатериала - 181,6 тыс. куб. м. С мая 1940 г. трест «Северокузбасслес» перешел в ведение Народного комиссариата угольной промышленности. В состав треста входили Анжерский, Азановский мехлеспункты, Тайгинский, Китатский, Барзасский, Тайдэнский, Ленинский леспромхозы, Кемеровский, Яйский лесокombинаты, конеферма Овражная и база техснабжения. О техническом состоянии треста можно судить по списку оборудования и инструментов: пил двуручных - 2044, улучшенных пил - 255, лучковых - 2969, электромоторных пил - 1, на бензиновом моторе - 2, топоров - 4980, колунов - 1461, сучкорубных топоров - 290, пил «Кроскот» - 245, станков древопильных - 3, шпалорезных - 5, крепережных - 8, тракторов «Сталинец» - 32 в 1980 л.с., колесных тракторов - 6 в 90 л.с.; автомобилей ГАЗ-АА - 2 в 70 л.с., ЗИС - 5 - 16 в 1200 л.с., прочих марок - 3 в 180 л.с., паровозов - 2, мотовозов - 4, вагонов - 2, платформ - 37, тракторных саней - 234, тракторных телег - 3, автоприцепов - 26, санных прицепов - 17, трелевочных саней - 482, лебедок - 57, кранов (стрел) - 12, лесотасок - 7, гаражей теплых - 6, прочих - 10, токарных станков - 14, сверлильных - 16, строгальных - 3, прочих - 8, сварочный аппарат - 1, вулканизаторов - 2.

Трест выполнил план по деловой древесине и поставке дров на 101%, заготовив 979,8% тыс. куб. м. Из этого объема крепеж составил 35%. Несмотря на успехи трест дал 6406 тыс. р. планового убытка, комбинат дал 256 тыс. р. убытка.

На лесозексплуатации в тресте было занято 4503 чел., в лесопилении - 464. За год в трест было нанято 2832 чел., уволено - 3059 чел.⁸⁴ После известных указов от 26 июня и 10 августа 1940 г. об укреплении дисциплины труда и выпуске качественной продукции и в тресте, и на комбинате началось завинчивание гаек. Если за первое полугодие 1940 г. на комбинате было 94 прогульщика, то после опубликования указа - 97. Осенью начались суды над прогульщиками и нарушителями дисциплины. 7 сентября на 4 месяца принудработ была осуждена З.С. Максимович, бригадир по выгрузке леса, 17 сентября В.С. Назаров, бригадир лесотаски № 4, 27 сентября - инспектор по технике безопасности А.И. Корольков, который еще раньше был не угоден начальству и отказывался работать в райкоме, помощником механика и т.д., рабочий П.П. Кислицын за опоздание на 45 минут получил 3 месяца принудработ⁸⁵. Как затем выяснилось, «в процессе реализации указа допуска-

лись искривления». В Яе, в частности, пришлось оправдать З.С. Максимович, оклеветанную охраной за неуживчивый характер.

На комбинате продолжало развиваться соцсоревнование. Из 1542 рабочих в соревновании участвовали, судя по отчету треста, 1168, из них 736 были стахановцами. Договора заключались между цехами, сменами, бригадами, работниками, звеньями. К февралю 1941-го в соревнование включили 100% рабочих. Лучшими назвали рамщиков Лаптева и Беспалова, обрезчика Закомолкина, машиниста Астафьева, грузчиков Казаченко, Анашкина, Зимина, кузнеца Никитина, токаря Шипачева и слесаря Арефьева. План сплава на 1941 г. был выполнен, завод работал ритмично, в смену одна пилорама распиливала 128,2 куб.м леса. Результат работы стахановцев 1936 г. закрепился, обычной стала норма, вдвое превышающая технически обоснованные рекомендации. Лесокомбинат в 1941 г. был одним из лучших предприятий лесной промышленности Сибири.

Поселок Яя

Быстрый рост лесокомбината в начале 30-х гг., закрепление на предприятии спецпереселенцев вызвали быстрый рост заводского поселка. В 1935 г. в Яе насчитывалось уже 5,6 тыс. жителей, а в 1937 г. в Яе-поссовете было учтено 8839 человек⁸⁸.

В 1934 г. руководство Анжеро-Судженского горсовета решило на месте населенных пунктов около станции Яя образовать один рабочий поселок. В Кемеровском архиве удалось обнаружить подлинник этого постановления:

«Постановление № 1644 президиума Анжеро-Судженского горсовета РК и КД Запсибкрая от 22 июля 1934 г.

О рабочем поселке «Яя» и об организации Яйского поселкового Совета

прот. №147

На основании постановления Президиума ВЦИК от 15 мая 1934 г. (прот. №103 п.27).

1. Считать отнесенным к категории рабочих поселков на территории присоединенных к Анжеро-Судженскому горсовету сельских

местностей - селение Яя, в составе жд. станции Яя, территории лесозавода и селения Жарковского с названием рабочий поселок «Яя».

2. Жарковский сельсовет с сего числа - распустить.

3. Для организации поселкового Совета утвердить оргбюро поссовета из 7 человек в составе:

Борисов - председатель оргбюро

Январев*,

Бреус,

Вихарева А.Л.,

Ракитин,

по одному представителю от рабочих Яйского лесозавода и от железнодорожников, кандидатуры которых утвердить дополнительно.

4. Обязать оргбюро закончить работу организации поссовета 15.08.34 года.

П.П. Предгорсовета (*Михалев*)

Ответсекретарь (*Лискунов*)».

Заводской поселок 1934 г. описан в газете розовыми красками: «Новые, весело блестящие тесом постройки - разительно контрастируют со старой колонией, печальным памятником эпохи купцов Жоголевых и Тимофеевых. Новая больница на 60 коек с амбулаторией, новая школа с широкими окнами, льющими свет. Каменная баня, 97 домов, выстроенных рабочими в порядке самозастройки на средства и материалы, отпускаемые в виде ссуды заводоуправлением, и 36 домов строящихся. 200 отремонтированных квартир, 1078 квадратных метров тротуаров, впервые появившихся в этом году. 1124 погонных метра оградок, которых до этого года не было, 4012 кв. метров спланированной дороги, первой на территории завода, школьный дом отдыха. Детсад. Дом техникумы, заканчиваемый строительством.

Все это, чем сейчас гордятся рабочие завода и что улучшает их материально-бытовые нужды и культурные запросы. Достаточно сказать, что 85% всех рабочих сейчас обеспечены квартирами».⁶⁷

* Январев Петр Григорьевич, 1894 г.р., участник гражданской войны, председатель Жарковского колхоза «Горняк» в 1932-1935 гг., в 1935 г. исключен из партии за утерю партбилета, саботаж и женитьбу на дочери кулака (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 9. Д.93. Л.163).

Если принять все это за чистую монету, то благополучию рабочих лесокombината можно было бы только позавидовать. Но в официальных же документах картина рисовалась далеко не такая отрадная. Недостаток жилья был главной причиной текучести кадров на лесокombинате. В бараках спецпереселенцев площадь жилья на человека была ниже 3 кв.м. В смету 1935 г. было заложено строительство одного дома для спецпереселенцев на 4 квартиры общей площадью 49 кв.м, 16-квартирного дома для ударников, общежития, детских яслей на 45 человек, достройка каменной бани⁸⁸.

В 1934 г. весь жилой фонд лесокombината насчитывал 5243 кв. м (3,6 кв.м на жителя), в 1936 г. - 7525 кв.м (5 кв.м на человека). Состояние жилищного вопроса оценивалось как сложное: «Жилищное хозяйство лесокombината незначительное. Наблюдается крайне тяжелое положение в размещении вновь прибывающих рабочих по квартирам в целях приближения их к месту работы. В 1936 г. для частичного разрешения этого вопроса комбинату необходимо построить два 8-квартирных дома и в порядке самозастройки построить 30 индивидуальных домов рабочим на ссуды, выданные лесокombинатом в рассрочку. Необходимо отметить, что проводимые мероприятия лесокombинатом по индивидуальному строительству характеризуют значительное улучшение бытового положения рабочих и способствуют закреплению на производстве».⁸⁹

Приведенные сведения позволяют приблизительно подсчитать количество домов в заводском поселке, в котором, кроме двух десятков барачков для спецпереселенцев и заключенных Яйского лагерного пункта Сиблага и общежития, насчитывалось 64 дома в старой колонии и около 180-200 домов в новой. Дома строили в основном сами рабочие на возвратные ссуды и на материалы комбината. Жилья не хватало и в 1939 г. Из 1600 рабочих имели квартиры от завода 300 человек. Некоторые из этих домов до сих пор стоят в поселке: двухквартирники с 4 окнами по фронту, с крыльцом и сенями на торце, оградой из штакетника. В конторе лежали 200 заявлений на квартиры, в то же время сносу подлежали три барака в 1550 кв.м⁹⁰. С пуском электростанции в поселке появился электрический свет. В 1936-1937 гг. был построен 2-километровый водопровод.

Все же в Яе положение с жильем было куда лучше, чем в системе «Кузбассугля» в целом. В Лесном управлении на одного жителя приходилось 2,5 кв.м, Не лучшим было положение и в соседнем Анжеро-Судженске. Это и сыграло в 1941 г. главную роль в переводе

центра Анжеро-Судженского района в Яю - нужно было освободить помещения для жилья.

Как самое крупное предприятие поселка* лесокombинат брал на себя основную заботу в обеспечении жителей социально-культурными и медицинскими услугами, в снабжении всем необходимым, в организации общественной жизни.

В 1928-1934 гг. в стране, а стало быть и в Яе, действовала карточная система распределения продуктов. Основным снабженцем населения поселка был Яйский ОРС Лесного управления «Кузбассугля». Рабочие и инженерно-технические работники снабжались из разных магазинов, питались в разных столовых. В магазинах существовали полки ударников, хлеб выдавался по карточкам в особом хлебном ларьке. При ОРСе существовало подобие комбината бытового обслуживания, где катали пимы, шили одежду.

Дефицит товаров порождал злоупотребления, хищения, тогда это называлось «самоснабжением». За 10 месяцев 1933 г. в Яйском ОРСе сменилось 5 начальников. Пришедший в начале 1934 г. В.Д. Блинов продержался 1,5 года. При нем процветало «самоснабжение» работников ОРСа. Заведующая магазином № 1 А.Т. Галецкая «отправляла домой рубашки пачками, чулки по 25 пар, трикотаж, детские платья, мясо, рыбу, сельди, сметану, масло, печенье. Не отставала и заместитель завмага Стародубова», - писал в газету контролер Губарев.

Другим «сильным» человеком был зав.магазином для ИТР Л.И. Арефьев, который распределял наиболее дефицитные товары. К магазину ИТР прикрепили работников ОРСа, участкового милиционера, фельдшерицу, т.е. местную «аристократию»⁹¹. Все это делалось с ведома руководства комбината и на глазах рабочих. Неудивительно, что в райком, газету постоянно поступали сигналы о «самоснабжении», а среди рабочих комбината прочной была неприязнь к спецам и начальству. Возмущение рабочих также вызывали грязь в столовых, магазинах, грубость продавцов.

К 1935 г. карточки отменили, но торговая система Яи не была к этому готова. Старая пекарня давала 2,7 т хлеба в день, а нужно было для снабжения поселка 5 т⁹². В 1935 г. ОРС Яя-лесокombината взял на себя снабжение Азановского МЛП.

* Кроме лесокombината, в Яе действовали железнодорожная станция, сыпной пункт «Заготзерно», гравийный карьер, колхоз «Горняк», разделившийся затем на два колхоза, лагерьный пункт «Сиблага».

В 1935 г. торговая сеть поселка состояла из 17 точек, в том числе 3 продуктовых магазинов, 6 промтоварных и 2 смешанных ОРСа Яя-лесокомбината, одного смешанного магазина райпотребсоюза, одного книжного магазина ОГИЗа. Оборот ОРСа составил от продажи промтоваров 318,3 тыс.р., от продтоваров 2461,5 тыс.р., в Азановке было продано товаров на 120 тыс.р. В 1936 г. промтоваров продано было на 666 тыс.р., продуктов на 2215 тыс.р., в Азановке оборот составил 360 тыс.р. Кроме того, 4 столовых ОРСа (по две в Яе и Азановке) дали соответственно в 1935 г. 127 тыс.р. и 56 тыс.р., в 1936 г. - 160 тыс. р. и 80 тыс.р. оборота. Стоимость условного блюда равнялась 33 к.⁹³ К торговой сети поселка нужно отнести и столовую Сиблага, который обосновался на Яе не позднее 1931 г.

Серьезным подспорьем для рабочих, кроме заработной платы, было приусадебное хозяйство. Когда коммунистическая горячка среди пролетариев стала гаснуть, кроме общественного огорода в 40 га для снабжения столовых стали развиваться индивидуальные. Дирекция завода оказывала помощь по вспашке огородов и приобретению семян. В 1933 г. огородная кампания шла под лозунгами: «Каждый рабочий-ударник Яйского лесозавода имеет свой огород!», «На каждого члена семьи 50 кв. метров огорода!». Инициатива огородного движения исходила от завкома (председатель Блинов), рабочих Курженова, Опенышева и Шуварова⁹⁴. Многие рабочие держали коров, свиней, овец, они требовали покосы, землю под огороды.

Вообще, можно сделать вывод, что рабочие на Яе после отмены хлебных карточек не жили впроголодь, трудности возникали только в случае задержки заработной платы, а это было частым явлением. Но, даже с учетом таких неурядиц, вывод о росте жизненного уровня работников в 30-е гг. не будет поставлен под сомнение. Для подтверждения скажем, что товарооборот в Анжеро-Судженском районе вырос с 31,5 млн.р. в 1933 г. до 75,8 млн.р. в 1937 г. В плане района на 1937 г. констатировалось: «Анализ структуры товарооборота показывает, что в нее с каждым годом входят большим удельным весом товары высокого качества: дорогие сукна, шелковые ткани, патефоны, велосипеды, радиоприемники, бытовые электроприборы и прочее, отображая одновременно с зажиточностью и рост культурных запросов трудящихся»⁹⁵.

Долгое время Яя оставалась без квалифицированной медицинской помощи. В 1934 г. больница лесоконбината не имела постоян-

ного врача, был только фельдшер. В 1939 г. врач уже работал постоянно.

Для обучения детей рабочие и служащие лесокombината имели достаточно возможностей. В 1939 г. школа № 2 была преобразована в полную среднюю школу, и поселок получил полный школьный цикл. В 1936-1937 гг. для нее было построено новое здание. В 1937 г. в Яе были три начальные школы с 1028 учениками и 26 учителями, неполная средняя школа с 509 учениками и 14 учителями и был сделан первый выпуск в 28 человек в средней школе. В 1941 г. в Яе-поссовете было две начальные школы: Бекшеневская и № 4, две неполные средние - № 1 и № 3 и одна десятилетка № 2, в которой было два выпускных класса. Кроме школ, в поселке были детские ясли и два детсада на 50 и 20 мест, пионерский лагерь им. А. Гайдара.

Шла в поселке и культурная жизнь, для ее организации в октябре 1934 г. был открыт новый клуб. В газете писали: «Клуб хорошо оштукатурен, имеет большой зрительный зал, фойе, настоящий буфет и читальню»⁹⁶. Клуб был, вероятно, помещен не в новом здании, потому что в 1936-1937 гг. на его ремонт комбинат истратил 50 тыс.р., а в 1939 г. был поставлен вопрос о финансировании строительства нового клуба. Второй клуб был в поселке железнодорожников.

Бедой поселка был дефицит электроосвещения. Электростанция комбината не могла обеспечить светом производственные помещения, общественные учреждения и соцгородок. Обсуждался даже вопрос о строительстве электростанции на плотине.

Клубы были центрами общественной жизни. Здесь находились библиотеки, залы, где проводились вечера, концерты, демонстрировались фильмы, ставились самодеятельные спектакли.

В Яе шла и спортивная работа. Здесь находилась крупная организация общества содействия обороне (ОСО), позднее - ОСОА-ВИАХИМ. В 1934 г. она насчитывала на комбинате в 14 первичных организациях 535 членов. Поначалу общество было активно⁹⁷.

В 1934-1935 гг. организатором ОСО был Иван Павлович Слесарев. При помощи комбината обществом был закуплен планер, подготовлены 10 планеристов, из которых 4 стали летчиками, в новом наборе было 16 человек. На комбинате действовали 4 кружка боевой подготовки, в них занималось 120-130 человек. Стрелковый кружок подготовил 16 ворошиловских стрелков. Комсомольцы собрали 2 тыс. р., построили парашютную вышку в 25 метров, помогли

деньгами строительству Анжерского аэроклуба, комбинат перечислил однодневную зарплату на нужды воздушного флота⁹⁸.

Позднее энтузиазм угас. К 1939 г. в Яе ОСОАВИАХИМ насчитывал в своих рядах 436 человек, однако большинство, в том числе и директор комбината В.Н. Бахарев, взносы не платили. Из 77 коммунистов комбината в обществе состояли 45, из 179 комсомольцев - 90. Но это было формально, как впоследствии мы сами участвовали в обществе гражданской обороны.

Из спортивных увлечений в Яе прижились два - лыжи и футбол. В Яе была перед войной хорошая лыжная команда, занимавшая на районных соревнованиях первые места, был построен трамплин. Гордостью поселка являлась футбольная команда «Лесопильщик Востока», созданная в 1937 г. В ней играли Евгений и Иван Купревы, Вениамин и Виктор Синева, Яков Грибанов и др.⁹⁹ Команда завоевывала первые места на профсоюзных соревнованиях в Сибири, успешно выступала на областных соревнованиях. Главными соперниками «Лесопильщика» были команды анжеро-судженских шахт, где также любили футбол. В газете публиковали отчеты об этих матчах. Так, в корреспонденции «Хулиганы на футбольном поле» Гр. Иванов писал: «6 июля на Судженском стадионе состоялся матч между анжерской сборной «Угольщик» и командой «Лесопильщик Востока» (Яйский лесокомбинат). Зрителей было много. Яйские футболисты далеко превосходят угольщиков по технике, скорости темпа, комбинационности. Не прошло и минуты после начала игры, а вратарю угольщиков пришлось после хорошо проведенной яйскими футболистами с центра поля комбинации вынуть из ворот первый мяч». Эту встречу «Лесопильщик» выиграл 3:2, несмотря на хулиганство шахтеров и необъективность судейства¹⁰⁰. В 1939 г. на анжерском стадионе «Лесопильщик Востока» вновь победил «Угольщика» со счетом 5:3. В этом году «Лесопильщик» взял кубок среди команд своего профсоюза, в 1940 г. играл в финале.

Нет нужды говорить о том, что вся общественная работа и даже военно-спортивная была пропитана идеологией классовой непримиримости. К работе в кружках военной подготовки не допускали детей кулаков, в районной газете призывали к бдительности, к готовности к борьбе с врагом, внутренним и внешним. На рабочих обрушивалось множество поборов в виде взносов в общественные организации, государственные займы.

Для пропаганды политики партии при парткоме комбината действовал парткабинет, назначались политагитаторы. Однако это ве-

лось вяло, на низком уровне. Так, в газете описывается изучение решений XVII съезда ВКП(б): «Комсомолка Зотова читает, часть из присутствующих слушает, а большая часть занимается посторонними разговорами»¹⁰¹. На заводе, как и по всей стране, прошла кампания изучения «Краткого курса истории ВКП(б)». Более менее грамотные коммунисты и комсомольцы были назначены агитаторами на пятидворках - 109 человек. Однако в 1938 г. парткабинет закрыли из-за отсутствия средств. Вошло в обычай празднование революционных праздников и Дня сталинской конституции - 5 декабря.

В целом, читая газету «Борьба за уголь», материалы партийной организации Анжеро-Судженского района, не можешь не прийти к выводу о падении энтузиазма, усталости людей от политических накачек, постоянных трудовых и идейных штурмов. Это выражалось в апатии, слабой активности не только беспартийных, но и коммунистов. Судите сами, к 1938 г. партийный кабинет закрыт, сад, посаженный комсомольцами, брошен на произвол судьбы, военно-спортивная работа затихла, трудовая дисциплина снизилась. Общественная жизнь еще теплилась в клубе, на стадионе и в школах.

В 1941 г. жизнь в поселке изменилась, началась война и мобилизация, а затем - перенос сюда центра Анжеро-Судженского района. 7 октября райисполком заседал уже в Яе, здесь был открыт банк, стала выходить своя газета - «Колхозная правда». Руководство района в значительной мере формировалось за счет кадров комбината. Им пришлось организовывать работу и жизнь Яи во время войны.

¹ ГАНО. Ф.Р-12. Оп.1. Д.1342. Л.23.

² ГАНО. Ф.Р-12. Оп.1. Д.173. Л.10.

³ ГАНО. Ф.Р-1180. Оп.1. Д.173. Л.10.

⁴ ГАНО. Ф.Р-918. Оп.1. Д.795. Л.122.

⁵ Яярайгосархив. № 1-7. Л.13-14.

⁶ Б о р ь б а за уголь. 1931. 6 нояб.

⁷ ГАКО. Ф.Р-92. Оп.1. Д.448. Л.21.

⁸ ГАНО. Ф.Р-12. Оп.1. Д.173. Л.90.

⁹ ГАКО. Ф.Р-101. Оп.2. Д.70. Л.53.

¹⁰ ГАНО. Ф.Р-22. Оп.1. Д.1825. Л.28.

¹¹ ГАНО. Ф.Р-12. Оп.1. Д.1993. Л.26.

¹² Т а м ж е . Д.2449. Л.120, 129.

¹³ Т а м ж е . Л.144-145.

¹⁴ Т а м ж е . Л.146.

¹⁵ Т а м ж е . Д.2377. Л.56.

- ¹⁶ ГАКО. Ф.П-1. Оп.1. Д.208. Л.169.
¹⁷ Б о р ь б а за уголь. 1931. 11 янв.
¹⁸ ГАНО. Ф.Р-12. Оп.1. Д.2279. Л.149.
¹⁹ С п е ц п е р е с е л е н ц ы в Западной Сибири. 1930 - весна 1931 г.
Новосибирск, 1992. С.13.
²⁰ Т а м ж е . С.33.
²¹ Т а м ж е . С. 218, 231.
²² ГАНО. Ф.Р-12. Оп. 1. Д.2449. Л.129
²³ ГАНО. Ф.Р-47. Оп.5. Д.177. Л.1, 40; Ф.Р-1353. Оп.1. Д.69. Л.4.
²⁴ ГАНО. Ф.Р-47. Оп.5. Д.117. Л.71.
²⁵ Т а м ж е . Л.92,93,144.
²⁶ Т а м ж е . Д.151. Л.69,192.
²⁷ Т а м ж е . Д.154. Л.16-18.
²⁸ ГАНО. Ф.Р-288. Оп.4. Д.216. Л.31.
²⁹ ГАНО. Ф.Р-47. Оп.5. Д.177. Л.1.
³⁰ ГАНО. Ф.Р-288. Оп.5. Д.11. Л.344-345.
³¹ Т а м ж е . Л.352-355.
³² Т а м ж е . Д.7. Л.112.
³³ Т а м ж е . Л.144-149.
³⁴ Т а м ж е . Л.132; Д.11. Л.344.
³⁵ ГАНО. Ф.Р-12. Оп.3. Д.218. Л.10-11; Д.476; Л.176; ГАКО. Ф.Р-177. Оп.5. Д.7.
Л.177.
³⁶ ГАНО. Ф.Р-12. Оп.3. Д.27. Л.2, 25, 47.
³⁷ ГАНО. Ф.П-1. Оп.4. Д.22. Л.145, 187; Д.23. Л.1.
³⁸ ГАНО. Ф.Р-22. Оп. 1. Д.1965. Л.3-19.
³⁹ ГАНО. Ф.Р-12. Оп.3. Д.754. Л.79.
⁴⁰ ГАНО. Ф.Р-12. Оп.3. Д.740. Л.127-129.
⁴¹ ГАКО. Ф.Р-177. Оп.5. Д.7. Л.189; ГАНО. Ф.Р-12. Оп.2. Д.924. Л.97.
⁴² Ярайгосархив. № 1-7. С.15.
⁴³ ГАНО. Ф.П-3. Оп.9. Д.779. Л.100.
⁴⁴ ГАНО. Ф.Р-12. Оп.3. Д.1388. Л.35-37.
⁴⁵ Б о р ь б а за уголь. 1933. 23 окт.
⁴⁶ ГАКО. Ф.Р-177. Оп.5. Д.7. Л.202.
⁴⁷ ГАНО. Ф.П-3. Оп. 9. Д.779. Л.14-16, 100.
⁴⁸ ГАНО. Ф.П-3. Оп.10. Д. 607. Л.129, 724.
⁴⁹ ПАНО. Ф.П-3. Оп.10. Д. 608. Л.190, 203, 206, 209.
⁵⁰ Т а м ж е . Д.103. Т.П. Л.33; Д.610. Л.29.
⁵¹ Т а м ж е . Ф.П-4. Оп.3. Д.336. Л.4.
⁵² Т а м ж е . Ф.П-3. Оп.3. Д.609. Л.370.
⁵³ Т а м ж е . Д. 610. Л. 146.
⁵⁴ ГАНО. Ф.Р-12. Оп. 3. Д. 740. Л.4.
⁵⁵ Б о р ь б а за уголь. 1934. 29 авг.
⁵⁶ Т а м ж е . 1935. 12 июля; ГАНО. Ф.П-3. Оп. 9. Д.91. Л.134.
⁵⁷ ГАНО. Ф.П-3. Оп. 9. Д.779. Л.418-420.
⁵⁸ ГАКО. Ф.Р-1005. Оп. 1. Д.5. Л.6; Д.2. Л.2.
⁵⁹ ГАНО. Ф.Р-12. Оп.3. Д.813. Л.41-42.
⁶⁰ Б о р ь б а за уголь. 1936. 6 февр.
⁶¹ Т а м ж е . 18 февр.
⁶² М о с и н С . Они были первыми //Вперед к коммунизму. 1984. 4 авг.

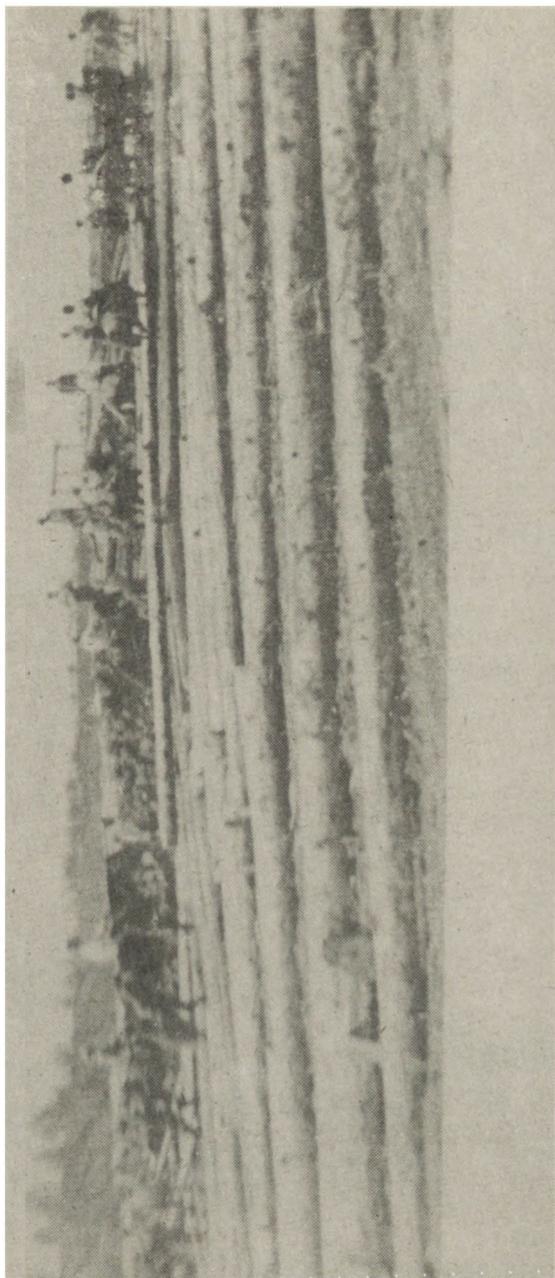
- ⁶³ ГАНО. Ф.П-3. Оп.10. Д.609. Л.374.
⁶⁴ Т а м ж е . Оп.10. Д.570. Л.9.
⁶⁵ ГАКО. Ф.Р-1006. Оп.1. Д.2. Л.9, 11, 13.
⁶⁶ ГАНО. Ф.П-3. Оп.11. Д.536. Л.134, 501.
⁶⁷ ГАНО. Ф.Р-12. Оп.3. Д.750. Л.21.
⁶⁸ ГАКО. Ф.Р-177. Оп.12. Д.5. Л.3.
⁶⁹ Т а м ж е . Д.20. Л.13.
⁷⁰ ГАНО. Ф.Р-12. Оп.3. Д.750. Л.15.
⁷¹ Т а м ж е . Л.30.
⁷² ГАКО. Ф.П-1. Оп.4. Д.93. Л.42-43.
⁷³ Т а м ж е . Л.33, 80, 106.
⁷⁴ Т а м ж е . Д.97. Л.62.
⁷⁵ Б о р ь б а за уголь. 1937. 18 сент.
⁷⁶ Т а м ж е . 1938. 9 февр.
⁷⁷ ПАНО. Ф.П-4. Оп.2. Д.232. Л.144.
⁷⁸ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.2. Л.33.
⁷⁹ Т а м ж е . Д.8. Л.30-31.
⁸⁰ Т а м ж е . Д.3. Л.134.
⁸¹ Т а м ж е . Д.2. Л.18, 28; Д.8. Л.32-33.
⁸² ГАКО. Ф.Р-177. Оп.13. Д.2. Л.12.
⁸³ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.8. Л.32.
⁸⁴ ГАКО. Ф.Р-177. Оп.13. Д.2. Л.1-21.
⁸⁵ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.10. Л.88-92, 112.
⁸⁶ ГАКО. Ф.Р-1006. Оп.1. Д.2. Л.6; ГАНО. Ф.Р-11. Оп.2. Д.72. Л.1.
⁸⁷ Б о р ь б а за уголь. 1934. 18 нояб.
⁸⁸ ГАНО. Ф.12. Оп.3. Д.740. Л.128-129.
⁸⁹ Т а м ж е . Д.1163. Л.22.
⁹⁰ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.2. Л.81.
⁹¹ Б о р ь б а за уголь. 1934. 15 марта.
⁹² Б о р ь б а за уголь. 1934. 11 дек.
⁹³ ГАНО. Ф.Р-12. Оп.3. Д.411. Л.23-24.
⁹⁴ Б о р ь б а за уголь. 1933. 1 июня.
⁹⁵ ГАКО. Ф.Р-1006. Оп. 1. Д.2. Л.3.
⁹⁶ Б о р ь б а за уголь. 1934. 15 окт.
⁹⁷ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.2. Л.10-11; Д.3. Л.15.
⁹⁸ Б о р ь б а за уголь. 1934. 20 нояб.
⁹⁹ М о с и н С . Ровесник Октября // Вперед к коммунизму. 1977. 28 июня.
¹⁰⁰ Б о р ь б а за уголь. 1938. 8 июля.
¹⁰¹ Т а м ж е . 1934. 4 мая.

Коллектив лесозавода. Во втором ряду, четвертый слева - первый управляющий комбината И.Д. Миронов. 1922 г.

Здание конторы лесокombината на Комсомольской улице. 1924 г.

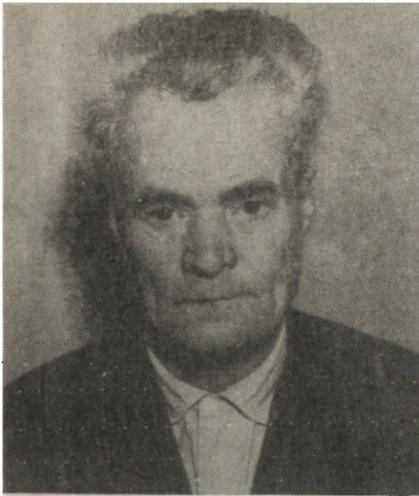
Выгрузка леса.
1923 г.

Постановка коренной заплани. 1923 г.

Группа первых ударников лесозавода. 1935 г.

Первый сахановец, рамщик лесозавода
А.П. Давыдченко. Снимок 1969 г.

Помощник рамщика В.А. Самкова.
Снимок 1948 г.

Рационализатор В.В. Лютов

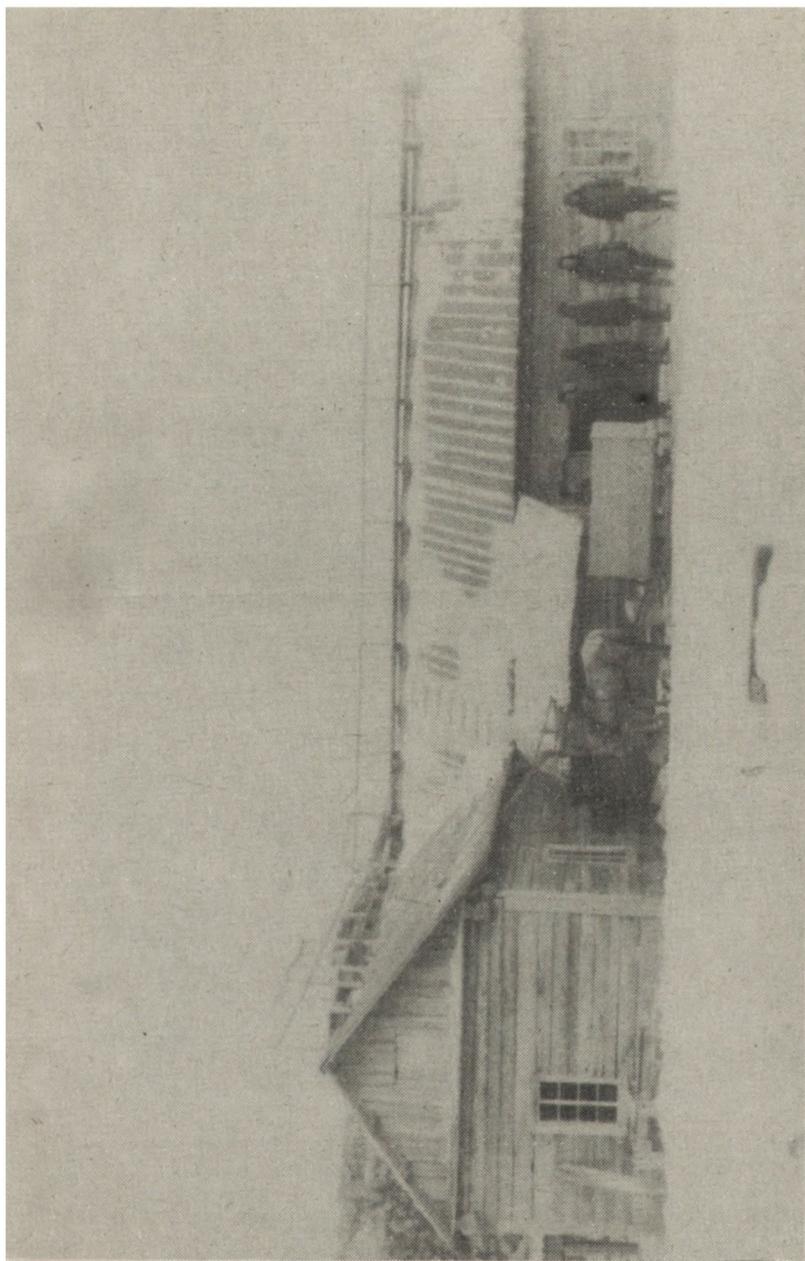
Рационализатор, краснодеревщик
Л. Драгунов

Лесозавод. 1947 г.

Электростанция. 1948 г.

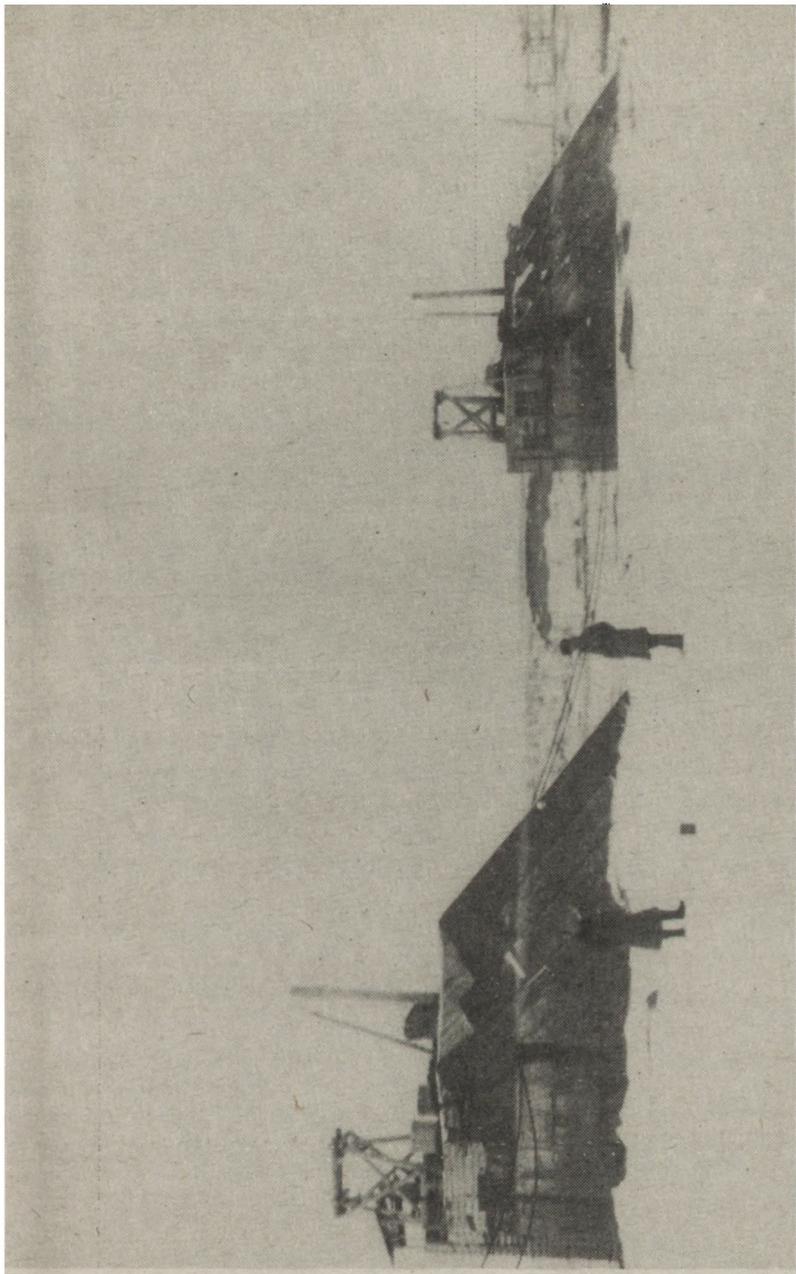
Цех тарной и заливной клепки. 1950 г.

Ручная погрузка леса на автомашины. 1948 г.

Вывозка хлыстов на автомашинах

Русловые ряжи нижней запани до реконструкции 1953 г. 1948 г.

Глава IV

В ГОДЫ ВОЙНЫ

4.1. День летнего солнцестояния

Издавна бытует в народе примета: в день летнего солнцестояния, 22 июня, солнце поворачивает на зиму, а лето - на жару. Думал ли кто-нибудь, встречая этот необычный день в 1941-м, какая долгая-долгая зима ожидает родную землю, каким обжигающим пеклом обернется лето?

Весть о нападении фашистской Германии на Советский Союз облетела Яю почти мгновенно, тем более что на лесокомбинате еще с февраля действовала своя радиостанция и имелся радист, Петр Максимов¹.

Но солнце сияло в небе по-прежнему радостно, июньская благодать все так же расстилалась над поселком, и трудно было поверить, что где-то уже гремят взрывы и гибнут люди. К тому же месяцы и годы внушалась советским людям мысль о непобедимости Красной Армии, которая будет бить врага только на его территории. Оттого, видимо, первые действия руководителей и лесокомбината, и вышестоящих инстанций были неторопливы.

Двадцать третьего числа состоялось внеочередное заседание бюро Анжеро-Судженского райкома ВКП(б), которое вел первый секретарь И.Ф. Брагин. Посовещавшись, постановили: послать в села района уполномоченных для проведения «партмассовой работы в период мобилизации»².

В тот же день по тресту «Северокузбасслес», в состав которого входил и Яя-лесокомбинат*, был издан приказ об отзыве из отпусков всех работников треста. Приказ директора лесокомбината В.М.

* Именно так, Яя-лесокомбинат, именовалось предприятие в документах военной и послевоенной поры. Полный его титул выглядел так: «Наркомат угольной промышленности СССР. Государственный союзный лесопромышленный трест северного района Кузнецкого угольного бассейна «Северокузбасслес». Яйский лесокомбинат. Станция Яя Томской железной дороги».

Кровикова, подписанный также 23 июня, гласил о замене специалиста по технике безопасности А.И. Королькова Л.И. Арефьевым, поскольку первый получил извещение «о явке на военные сборы»³. Однако уже вторая строчка этого приказа - «ввиду ухода в РККА дежурного десятника т.Башурова временно назначить десятником по погрузке Римовского Е.»⁴ - не оставляла никаких иных толкований кроме единственного: началась военная мобилизация.

Именно массовая мобилизация военнообязанных и стала в Яе, как и в других местах глубинной России, поначалу главным обозначением начавшейся войны. По воспоминаниям очевидцев, по свидетельству архивных документов, с лесокombината ушли на фронт сотни работников. В их числе - главный механик П.М. Россов, зав. центральным складом Шатунов, начальник II района Пахомчик, бригадир подачи сырья М. Юценко, начальник лесосклада А.П. Давыдченко и сменивший его на этой должности И.И. Рузаев, главный бухгалтер В.И. Ветров, а затем и новый главбух Гусев, начальник гужтранспорта П.П. Пургин, заведующий лесозаводом И.З. Секаренок, а кроме того, рабочие и специалисты Самойлов, Ероховец, В. Смирнов, Маслов, Гладышев, Суханов, Кузнецов, Николай Шипачев, братья Грековы, Н.Е. Малофеева, Н.Г. Великосельская и многие, многие их товарищи по труду*.

Ветеран лесокombината, станочник Дмитрий Павлович Сидоров вспоминал впоследствии: «Когда провожали нас на фронт, можно было подумать, что на вокзал шла вся Яя - столько было народу. Все желали скорого возвращения с победой»⁵.

Покидавшие родные места новобранцы слушали эти пожелания и сами страстно верили в скорое возвращение. Веру эту за всех кузбасских фронтовиков выразил в стихах жене прокопчанин В.И. Усов:

Мы скоро вернемся. Я знаю. Я верю.
И время такое придет:
Останется грусть и разлука за дверью,
А в дом только радость войдет...

Но до радостного возвращения дожили не все, как не дожил и сам автор стихов. Фронт требовал новые и новые пополнения, и по

* Указ Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации военнообязанных, родившихся с 1905 по 1918 год включительно, был подписан 22 июня 1941-го и на следующий день опубликован в «Правде». Оповещение военнообязанных первых очередей с призыве в армию началось в ночь на 23 июня.

городам и селам несли и несли повестки из военкоматов, а в иные дома пришли уже первые похороны. Сколько их было за войну - Бог весть! Страх и ужас сжимал сердца матерей и жен, а молодежь, воодушевленная боевыми призывами, с энтузиазмом стремилась на передовую.

За годы войны на земле Кузбасса были сформированы три стрелковые дивизии - 376, 237 и 303-я. Летом сорок второго в Новосибирской области, куда в то время входил Кузбасс, началось формирование стрелковой дивизии добровольцев-сибиряков, а в ее составе двух кузбасских стрелковых полков 856-го и 674-го. Запись в полки вели в нескольких городах, в том числе и в Анжеро-Судженске, куда отправились добровольцы с лесокомбината: Леонид Драгунов, Вера Дорофеева, Иван Бессмертных, Василий Ветров... К фронту сибирские добровольцы ехали с бравой песней:

Из сибирских далеких просторов,
От Оби, полноводной реки,
От колхозов, и шахт, и заводов
Лавой двинулись сибиряки...

Много пришлось им пережить, прошагать тысячи километров, испытать боль утрат, ранения, ожоги, контузии, гибель друзей, отступления и атаки, чтобы, подобно поэту-фронтовику Михаилу Кульчицкому, сказать: «Война совсем не фейерверк, а просто трудная работа...». Отличившихся в этой «работе» награждали орденами и медалями. Доброволец Леонид Драгунов был удостоен ордена Красного Знамени и двух медалей - «За отвагу» и «За победу над Германией».

До Берлина дошел другой посланец лесокомбината, стрелок-пехотинец С.А. Васильев. Дважды раненный, он вернулся домой с двумя орденами Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За победу над Германией» и «За взятие Берлина».

В Праге закончил свой долгий путь к Победе А.Е. Белов, награжденный орденом Красной Звезды и медалью «За освобождение Праги».

Три ранения и контузия - такую высокую цену заплатил за Победу В.А. Овчинников, удостоенный ордена Отечественной войны II степени, медалей «За победу над Германией» и «За взятие Кенигсберга».

Но все эти ордена и медали были заслужены и получены потом,

а пока стоял над Яей жаркий июнь сорок первого, и жители поселка осваивались в новой для них жизни военного времени.

24 июня в райкоме партии состоялось очередное заседание бюро, на котором с докладом о ходе мобилизации для нужд РККА лошадей и транспортных средств выступил райвоенком С.П. Фролов.

Из доклада выяснилось, что мобзадание (в обиход быстро вошло это не очень благозвучное сокращение), выданное лесокombинату, срочно поставить 73 лошади, грузовую и легковую машины и трактор, выполнено не в срок и не полностью. Из 53 поставленных лошадей, 23 оказались негодными, автомобили за-поздали на сутки, а трактора вовсе не оказалось. Виновных долго не искали и вопрос, мог ли лесокombинат выполнить это задание без риска сорвать выполнение производственных планов, не задавался. Директора Василия Михайловича Кровикова тут же постановили исключить из партии⁶. А в те времена это практически означало исключение из жизни.

Так оно и случилось: 13 июля работники лесокombината прочли приказ: «Доводится до сведения начальников цехов, ИТР, рабочих и служащих, что 12.07.41 г. директор лесокombината Кровиков органами прокуратуры арестован*. Поэтому до назначения директора руководство лесокombинатом принимаю на себя. - Зам. директора Астахов»**7.

Одни на фронт, другие - в тюрьму: менялись довоенный состав и численность работников лесокombината. В Госархиве Новосибирской области, в фонде статистического управления сохранилось несколько разрозненных месячных отчетов о деятельности предприятия в 1941 г. Они позволяют проследить динамику числа рабочих, связанную с призывом их в действующую армию. Если в январе

* В. М. Кровиков был утвержден в должности директора лесокombината на заседании Анжеро-Судженского райкома ВКП(б) 30 октября 1940 г. После отбытия тюремного заключения в конце 40-х вернулся в Яю, работал агрономом подсобного хозяйства, затем начальником сельхозчасти лесокombината. Личные документы В.М. Кровикова, как и других работников предприятия, по которым можно было бы подробнее рассказать об их жизни, хранились в фонде Яйского РК КПСС в партархиве Кемеровской области. В 1970-х гг. по неизвестным причинам почти все они были бесследно уничтожены.

** С.А. Астахов, главный инженер лесокombината и зам. директора, возглавлял предприятие чуть больше двух недель; 31 июля и.о. директора был назначен бывший заведующий плановым отделом лесокombината Аксенов. В начале сентября сменился и главный инженер, им стал Сергей Дмитриевич Вязьмин.

41-го на операциях лесопиления и деревообработки трудилось 434 рабочих, а также 18 инженерно-технических работников, 28 служащих, 23 человека младшего обслуживающего персонала и 2 ученика, всего 505 человек, то в сентябре - только 317 человек, из них 264 рабочих. В последующие месяцы цифры эти стали немного увеличиваться: в октябре - 298 рабочих, в ноябре - 352.

Характерно, что с началом войны в отчетных документах стали особой графой выделять количество работавших на производстве женщин. В сентябре их было 66%, в октябре - около 50%, в ноябре - 45% занятых в производстве⁸. Как видим, за три осенних месяца удельный вес женщин на предприятии сократился, но все же оставался очень высоким. К тому же немалая часть рабочих, означенных в документах как «лица мужского пола», зачастую были подростками, только что пришедшими на лесокombинат⁹.

О почти полном обновлении состава рабочих и служащих лесокombината в годы войны говорят цифры, приведенные в отчете бюро райкома ВКП(б) на III районной партконференции в марте 1944 г. Согласно данным райкома, в 1941-м с лесокombината уволилось 1280 и было вновь принято на работу 1063 человека, в 1942-м соответственно 974 и 890, в 1943-м - 796 и 584 человека¹⁰.

Что это были за люди, вновь принятые, откуда они появились на предприятии? Это не праздные вопросы. Ответы на них могут немало прояснить в деятельности лесокombината в годы войны и после нее.

Многие женщины и подростки пришли на лесокombинат на места, оставленные их отцами, братьями, мужьями. По решению комсомола стала слесарем в мехцехе Александра Баженова. Мария Нестерова освоила специальность электросварщика, Мария Полякова - лебедчика, Т.С. Жалкина - кочегара, З.А. Сахибова и А.В. Салипова - тракториста.

Замена мужского труда женским происходила не только на основном производстве, но и на приданных лесокombинату лесозаготовительных предприятиях. В Азановском МЛП места ушедших на фронт Т. Гулова и Косенко заняли их жены. Еще одна женщина - М. Голодок - изъявила желание работать мотористом электростанции и освоила эту специальность¹¹.

Приход на производство сразу нескольких сотен женщин и подростков поставил перед руководством трудную задачу: новичков надо было обучить как можно быстрее. Уже 27 июня 1941-го появился приказ директора: с завтрашнего дня открыть курсы по следую-

щим дисциплинам и специальностям - паросиловое хозяйство, двигатели внутреннего сгорания, трактора; таборовочные лебедки; стрелковые лебедки, механическая мастерская; техника безопасности. Этот перечень, охвативший почти весь круг профессий на лесокомбинате, говорит сам за себя: из-за мобилизации мужчин в РККА производство оказалось практически оголенным.

Подготовка рабочих возобновлялась ежегодно - ведь пополнение, как и призыв в армию, происходило все годы войны. В 1943 г., например, через различные курсы прошли 99 человек, индивидуально-бригадным методом был обучен 21 человек. В следующем году обучалось около полутораста рабочих.

По воспоминаниям очевидцев, опубликованным впоследствии в районной газете «Вперед к коммунизму», многие новички обучались индивидуально у опытных производственников. Слесарь ремонтно-механических мастерских Степанов за успешное обучение своему делу многих учеников получил даже Почетную грамоту наркома угольной промышленности¹². А Тоня Старостина научилась управляться с лебедкой у Ефросиньи Пулягиной. Позже она освоила специальность слесаря, сама стала ремонтировать и лебедки, и лесотаски. Не женский это был труд, но иного выхода Антонина не видела и делала его почти всю свою жизнь. Уже и мир сошел на землю, а все не находилось ей достойной замены...

Подростки, которые оставили школу и трудились на лесокомбинате - кто на конном дворе, кто и на выгрузке, - со временем все же получили возможность продолжить учебу. Произошло это после того, как в ноябре 1943-го Анжеро-Судженский райисполком принял решение об организации обучения работающих подростков. Но осуществить это постановление оказалось непросто. Отработав тяжелую смену, немногие испытывали желание отбыть еще одну за партой. Райисполкому пришлось потребовать от дирекции принять меры «вплоть до издания приказа об обязательном обучении», а в случае дальнейшей неявки подростков в школу директору лесокомбината грозило взыскание¹³.

Как ни значительны были пополнения рабочей силы лесокомбината за счет добровольно пришедших на производство женщин и подростков, они все же не могли восполнить потери. И был использован еще один источник, характерный для того времени, - применение принудительного труда.

Уже летом 41-го на погрузочные работы на лесокомбинате привлекались по договору заключенные Сиблага¹⁴. В сентябре того же

года в Анжеро-Судженский район прибыли так называемые немецкие переселенцы, а в действительности насильственно выселенное с родных мест органами НКВД население АССР немцев Поволжья. Для приема репрессированных немцев в райкоме партии была сформирована «тройка» в составе начальника Анжеро-Судженского отдела НКВД Соловьева, второго секретаря РК ВКП(б) П.Шешина и председателя райисполкома В. Новикова¹⁵. Тогда-то на лесокомбинате появилась большая группа чернорабочих с немецкими фамилиями - Антон Зигель, Михаил Шрейнер, Ализий Зацер и др.

В начале 1942-го на лесокомбинат прибыла рота строительного батальона¹⁶. Правда, в нем не было никаких строителей, а служили в чем-то проштрафившиеся солдаты РККА, в их числе и местные яиские жители. На период, когда рабочих стройбата негде было разместить, местных распустили по домам, но с условием обязательной явки на работу и проверки.

Начальником одного из отрядов стройбата на лесокомбинате оказался Мартын Баер (в других документах - Байер), 32-летний летчик, член ВКП(б) с 1931 г., по национальности немец. Возможно, именно по этой причине военный летчик после ранения попал в стройбат. В апреле того же 42-го совместным постановлением двух наркоматов - обороны и угольной промышленности - стройбат был преобразован в рабочую колонну с непосредственным подчинением ее руководству лесокомбината. Начальником колонны назначили М.М. Баера. Он же, рискуя партбилетом, требовал в военкомате иного назначения. И добился-таки своего, месяца через два-три на посту начальника колонны его сменил И.П. Якубеня, бывший до того политруком¹⁷.

В 1942-1945 гг. в качестве мобилизованных так называемой трудармии, а точнее принудительно, с ограничением в правах привлеченных к труду на лесокомбинате*, работали уроженцы Средней Азии, выходцы из Кировской области. На условиях мобилизованных привлекались к лесозаготовкам на нужды предприятия колхозники.

Принудительные мобилизации проводились и в самой Яе. Так, в мае 1942-го положение с рабочей силой на лесокомбинате и в целом

* В протоколе заседания бюро Анжеро-Судженского райкома ВКП(б) от 3 сентября 1942 г. отмечалось, например: «...до сих пор сохранилось отношение к мобилизованным и взгляд на них как на заключенных, а не как на рабочих, которые являются решающей силой - основным контингентом рабочей силы завода» (ГАКО, Ф.П - 137. Оп.1. Д.20. Л.100).

в тресте «Северокузбасслес» обсуждалось на заседании бюро Анжеро-Судженского РК ВКП(б). В постановлении бюро записали: «Для пополнения рабочей силой Яйского лесокомбината просить обком партии разрешить провести частичную мобилизацию населения рабочего поселка Яя из числа не участвующего в производстве и сельском хозяйстве...»¹⁸.

Дело мобилизации местного населения оказалось, однако, не легким. Месяца через два бюро райкома констатировало, что из 250 жителей поселка, назначенных для мобилизации, привлечено к работам лишь 57 человек. Более того, по свидетельству ответственных за эту мобилизацию, «...некоторые из работающих в порядке мобилизации стали получать издевательские письма от неработающих, обвиняющих их в трусости, подхалимстве...»¹⁹.

Помощник райпрокурора Аболешкин принялся было «заводить дела» на не выходящих на работу. Но прокурор Пикас деятельность эту прекратил как незаконную. И в результате «заработал» выговор бюро райкома²⁰.

Кого же могли мобилизовать в Яе? Немногочисленных домохозяек да школьников - вот и все. Известно, например, что летом и осенью 42-го трудилось на лесокомбинате более двухсот учащихся, были среди них и дети рабочих, и дети начальства - Наталья Кровикова, Лев Овчинников, Виктор Сутормин, Лидия Арсентьева, Мария Рузаева и др.²¹

Испытывая постоянный дефицит рабочих рук, руководство лесокомбината и треста «Северокузбасслес» с удовлетворением встретило Указ Президиума Верховного Союза СССР от 11 июня 1942 г., который позволял всех работников Яйского лесокомбината на период войны считать мобилизованными и закрепить их на рабочих местах²².

Так день за днем, месяц за месяцем война меняла жизнь предприятия и всего поселка. Одна перемена, впрочем, оказалась для Яи благотворной. Дело в том, что эвакуация в сибирские города многочисленных промышленных предприятий, различных учреждений и массы населения из прифронтовой полосы вынудила власти совершить некоторую передвижку местных учреждений. Так, управление «Северокузбасслеса», находившееся до этого в Новосибирске, переехало в Яю. Сюда же в конце сентября - начале октября 41-го переместился центр Анжеро-Судженского района: из Анжеро-Судженска в Яю перебрались райкомы ВКП(б) и ВЛКСМ, райисполком, редакция районной газеты «Колхозная правда»²³. В начале

следующего года в поселке открылось районное отделение Госбанка, что значительно упростило финансовую деятельность лесокомбината²⁴.

Почти сразу же после переезда в Яю, в феврале 42-го, бюро райкома партии решило ходатайствовать перед обкомом о переименовании Анжеро-Судженского района в Яйский²⁵. Прошло два с лишним года, когда в июле 1944-го исполком Кемеровского областного Совета* обратился в Верховный Совет РСФСР с просьбой переименовать Анжеро-Судженский район в Яйский, а рабочий поселок Яя преобразовать в город районного подчинения. Это обращение было повторено еще раз, в 1948-м, но безрезультатно²⁶. Все ходатайства оставались без последствий, и долгие двадцать лет поселок Яя, так и не ставший городом, был центром сначала Анжеро-Судженского, затем - Ижморского района. Яйский район на карте Кузбасса появился только в 1962-м.

Иной читатель может укорить нас в том, что далеко ушли мы от истории лесокомбината военной поры. Но ведь все, что происходило в Яе, не обходило стороной предприятие, и, в свою очередь, деятельность лесокомбината со всеми проблемами, успехами и неудачами напрямую сказывалась на развитии всего поселка.

Лес - шахтам Кузбасса

Многое изменилось в Яе и на лесокомбинате в годы войны, но продукция оставалась в основном прежняя. Как и в довоенные времена, выпускал комбинат сортовые пиломатериалы и шахтный обпол, поставляя кузбасским горнякам рудостойку и крепежный лес, изготовлял тарную дощечку, нефтерешетку. Выпуск ширпотреба - мебели, дранки, щитопланки - осуществлялся только до конца 41-го.

Летом 42-го на лесокомбинат пришло новое задание - выработать тарную клепку в количестве 1400 тыс. штук, а кроме того, отсортировать десять тысяч кубометров тарного кряжа в течение июня-августа²⁷. Изготовление клепки, ставшее постоянным, было вскоре выделено в особое производство, речь о котором - в последующих главах. Здесь же считаем важным заметить, что выпуск тарного кряжа во всем Наркомате угольной промышленности в годы

* Кемеровская область была выделена из состава Новосибирской решением Верховного Совета СССР от 26 января 1943 г.

войны осуществлялся только трестом «Северокузбасслес» и в том числе - на Яйском лесокомбинате²⁸.

Не возросли особенно и планы производства (конкретные цифры плановых заданий лесокомбината и их выполнения в годы войны читатель найдет в приложении 7). Но поскольку ситуация коренным образом изменилась, на производстве оказалась масса новичков, то и не увеличившиеся как будто задания стали выполняться с большим напряжением сил, с большими затратами времени. Напряженность в работе и, как следствие, срыв некоторых планов вносили еще два обстоятельства: слабая техническая обеспеченность производства и неритмичность подачи железнодорожных вагонов, отчего на срочную погрузку нередко отвлекались рабочие с других операций.

В оценке производственных сложностей в годы войны нужно учитывать и тот факт, что сбои, авралы, штурмы в сфере советской промышленности были самой характерной чертой ее развития в 30-е гг.* В военную пору они по вполне понятным причинам еще более возросли и очень сильно утяжеляли и без того нелегкий труд на лесокомбинате.

Главными производственными циклами в деятельности предприятия оставались по-прежнему лесозаготовки, сплав и прием леса в гавани; выгрузка из воды и штабелевка его; распил сырья, разделка крепи; погрузка и отправка леса и пиломатериалов по железной дороге.

Как и до войны, лесокомбинат получал лес из двух закрепленных за ним механизированных лесных пунктов (МЛП) - Анжерского и

* Справедливо считается, что работа железнодорожного транспорта является как бы мерилем всего состояния экономики, ее «здоровья» или «болезни». А вот что, в частности, сообщалось в документах плановой комиссии Новосибирской области о работе железнодорожного транспорта в предвоенную пору: «Несмотря на огромные капиталовложения в развитие железнодорожного транспорта Новосибирской области за вторую пятилетку, Томская дорога работала неудовлетворительно и систематически не выполняла планов перевозок даже важнейших грузов, тормозила нормальную работу промышленных предприятий области... К началу III пятилетки дорога подошла, находясь в глубоком прорыве в виде невыполнения планов погрузки и перевозок, с большим числом аварий и крушений, с низким состоянием трудовой дисциплины, с низкими эксплуатационными показателями работы, с наличием нерациональных перевозок и целым рядом организационных неувязок как между отдельными звеньями внутри дороги, так и вне ее, с клиентурой...». (ГАНО. Ф.Р-1170. Оп. 1. Д. 90. Л.29).

Азановского*. С 1 июля 1943-го Анжерский МЛП был передан в трест «Анжероуголь» для непосредственного снабжения лесом анжерских шахт 9/15 и «Физкультурник»²⁹. Лес на комбинат поступал также из Китатского и Барзасского леспромхозов, из расположенных в бассейне Яи Покровского, Тихеевского, Романовского, Верхне-Яйского, Кельбесского, Усть-Барзасского, Конюхтинского, Кайзасского лесозаготовительных участков³⁰.

О том, что запасы хвойной деловой древесины на территории, прилегавшей к лесокомбинату, почти истощились и нужно использовать лиственные породы, начальник треста «Северокузбасслес» К.К. Арсеньев писал еще в годовом отчете за 1941 г.** Через три года об этом же заговорил заместитель заведующего отделом лесной промышленности Кемеровского ОК ВКП(б) Чернов³¹. Но в условиях военного времени предупреждениям этим не вняли (а последствия беспощадной рубки без какого-либо восстановления лесов сказались лет через двадцать), более того, в том же 44-м, в мае вышло постановление ГКО «О мероприятиях по расширению заготовки леса Наркомуглем в Кемеровской области для обеспечения крепежным лесом угольных шахт комбинатов «Кемеровоуголь» и «Кузбассуголь».

Постановление наряду с прочими мерами обязывало ввести в строй в первом квартале 1945 г. Алчедатский МЛП, а в Азановском МЛП - летом 44-го открыть новый лесозаготовительный пункт с добычей ежегодно по десять тысяч кубометров древесины³². Таким образом, в 1944 г. Азановский МЛП заготовил более 85 тыс.куб. м против 72,6 тыс.куб.м в 41-м³³.

На лесозаготовительных работах, как и повсюду, существовал дефицит рабочей силы - частью как следствие административного абсурда. Есть свидетельства, что опытные кадровые лесорубы волею партийных и советских чиновников направлялись на работу в шахты и даже в военизированную охрану стройбатальонов, может

* В 1941 г. трест «Северокузбасслес» имел в своем ведении 894 тыс. га лесных угодий, из них - 453,6 тыс. га были покрыты спелыми и приспевающими хвойными породами. Запасы годной к рубке древесины составляли 32,7 млн. куб. м, в том числе хвойных пород - 27,5 млн. куб. м. Из этого количества на долю Анжерского МЛП приходилось 558 тыс., Азановского - 220 тыс. куб. м деловой древесины (ГАКО. Ф.Р - 177. Оп.13.Д3. Л.1).

** Как ни странно, но в «Справке о производственной деятельности треста «Северокузбасслес» за 1941 г., хранящейся в Госархиве Новосибирской области, сообщалось, что в сезон 1940/41 г. лесные запасы Азановского МЛП только выявлены и разбиты на деляны (ГАНУ. Ф.П-4. Оп.5. Д.585. Л.116).

быть, и тех, кто в зимнее время отправлялся с Яйского лесокомбината на лесозаготовки³⁴. Туда же сгоняли колхозников на трудловинности.

Документы Анжеро-Судженского райисполкома и райкома партии в Госархиве Кемеровской области хранят множество свидетельств того, с каким нежеланием ехали колхозники на лесозаготовки и как неохотно отпускали их из деревень, где и своих сельскохозяйственных работ всегда было вдоволь. К тому же от колхозников требовалось прибыть в лес со своими лошадьми и кормом для них. Характерно, что в планах по труду и заработной плате, которые «спускались» из Москвы в Кемерово и далее в Яю и другие места, для всех категорий работников фонд зарплаты предусматривался, а для рабочих по лесозаготовке - нет³⁵.

Разумеется, такая организация лесозаготовок не способствовала их выполнению. Сезонники из колхозов, случалось, самовольно уходили из леса, не получив необходимого инструмента или пищевого довольствия³⁶. Стремясь наладить более производительный труд сезонников, руководители района и треста разрабатывали, например, в 1943 г. обязательные задания. От лесоруба требовалось отработать 110 дневных норм, от возчика с лошадью - 100 дневных норм, после чего они могли вернуться к себе домой. В обкоме вырабатывались предложения внедрить на лесозаготовках бригадный метод, при котором квалифицированные лесорубы учили бы мастерству и контролировали труд сезонников и других привлеченных³⁷.

Труд на лесозаготовках оставался по преимуществу ручным; лес валили лучковой пилой, затем конной тягой доставляли его по бездорожью к первичным складам. Всю эту самую трудоемкую операцию пытались механизировать в первую очередь*. На Анжерском МЛП действовала, например, однополосная железная дорога, по которой лес трелевали на двухколесных вагонетках, толкая их, однако, вручную. На других заготовительных участках существовали подвесные дороги - 18-километровая дорога в Анжерском, 10-километровая - в Алчедатском МЛП. В Азановском МЛП действовала

* По данным на 25 марта 1944 г. в Кемеровской области действовало 22 лесозаготовительных предприятия, в которых имелось 2 паровоза и 9 мотовозов с 93 вагонами, 33 трактора, 5 автомашин. Постоянных рабочих трудилось 15 тыс. человек с 2500 лошадьми, а кроме того, на осенне-зимний сезон привлекалось свыше 7 тыс. мобилизованных колхозников с 3300 лошадьми (ГАКО. Ф.П-75. Оп. 1. Д. 194. Л.7).

узкоколейка, в 1944-м здесь построили еще четыре километра железнодорожной колеи. Имелись и тракторы, а противопожарную инспекцию лесов северного Кузбасса осуществлял специальный самолет из Кемерова³⁸.

Состояние техники, отношение к ней, использование ее, увы, оставляли желать лучшего. В областной газете «Кузбасс» в 1943 г. отмечалось, в частности, что на лесозаготовках треста «Северокузбасслес» в ходу только треть тракторного парка, автомашины используются только на десять процентов. Причина? Поломки, неуккомплектованность деталями*, небрежное отношение рабочих к механизмам³⁹.

Поразительную картину разбойного отношения к технике - другого слова не подберешь - сохранили документы Кемеровского обкома партии. Составители справки «О работе лесной промышленности», датированной мартом 1944-го, сообщали: «Во всех мехпунктах треста «Северокузбасслес» и «Южкузбасслес» как только трактор или автомашина стала на ремонт, ее немедленно раскулачивают. В результате приходится делать капитально-восстановительный ремонт, стоимость которого обходится выше всяких нормативов, или окончательно бросить машину». Причем сам управляющий трестом К.К. Арсеньев, не видя, скорее всего, иного выхода из-за отсутствия запасных деталей, «предлагал снять части с одного трактора и перебросить на другой». В результате в Азановском МЛП из двух имевшихся паровозов работал один, из четырех мотовозов - два⁴⁰.

Ситуация с запасными частями складывалась тогда повсеместно очень трудная. В январе 42-го Анжеро-Судженский райком партии обратился в обком с просьбой прикрепить лесокombинат к Анжерскому механическому заводу «Свет шахтера» для изготовления запчастей⁴¹. О результатах этих хлопот, к сожалению, сведений в документах не сохранилось.

Преодолев массу препятствий, пережив немало авралов, лесорубы все же заготавливали плановое количество леса. Его складывали по берегам рек и речек, притоков Яи, в ожидании сплава. Но и здесь не обходилось без своих сложностей. Не сочетались, как выражались специалисты, сплавные горизонты. Когда небольшие лесные реки были готовы к сплаву, на основном речном пути еще

* Порой проблемы создавались смежниками. В газете «Кузбасс» от 21 декабря 1943 г. сообщалось, например, что Азановской МЛП получил от Кемеровского углемашзавода 100 пар колес для железнодорожных платформ, но... в необработанном виде. Чтобы довести их «до ума», потребовалось 150 рабочих смен.

стояла слишком высокая вода. А позже лесные притоки быстро мелели, появлялась опасность «обсушить лес». Вот почему качественно провести сплав, доставить лес в гавани лесокомбината, а затем держать там необходимый уровень воды (для чего и существовала плотина) - эта задача становилась самой главной в весенние и летние месяцы. Главной, но не всегда выполнимой. Всяческих ЧП случалось немало.

В августе 41-го произошла крупная авария на плотине. О масштабах ее говорит то, что директор лесокомбината Аксенов приказал переключить для ликвидации аварии весь штат коммунально-хозяйственного отдела и всех лошадей, привлечь к работам 25-30 сотрудников главной конторы. Одни рабочие спешно выгружали скопившийся лес, другие - укрепляли запань перед плотиной, чтобы сдержать усиливавшийся вследствие спада воды напор леса⁴².

Контроль за состоянием плотины и зимой, и летом имел для лесокомбината большую важность. И в том, что плотина худо-бедно все же держалась и выполняла свое назначение, большая заслуга принадлежала Александру Михайловичу Шипачеву. Начав с рабочего выгрузки, поработав на сплаве, он еще в 37-м пришел на плотину мастером и выполнял эту обязанность не один десяток лет. Добросовестная эта работа была замечена. Летом 44-го ему вручили значок «Отличник социалистического соревнования наркомугля СССР»⁴³.

Напряженная ситуация со сплавом и выгрузкой сложилась в 1943 г., когда уровень воды в реках вследствие малоснежной зимы оставался невысоким и навигация складывалась неудачно. Да и к сплаву, и приему леса в ту весну подготовились плохо, что отмечалось в особом постановлении райкома ВКП(б). Не все бревнотаски и стрелы были вовремя отремонтированы, недоставало багров, топоров, т.е. основного инструмента сплавщиков и рабочих на выгрузке. Несвоевременной установкой гаваней задержали проход древесины и упустили время - уровень воды резко упал, произошла обсушка леса. На берегах Яи и Золотого Китата осталось до половины заготовленных к сплаву бревен⁴⁴.

Причин такой неудачи имелось немало, и не в последнюю очередь - невысокая квалификация рабочих: женщин, подростков, полузаклученных, каковыми были спецпереселенцы и мобилизованные, а также и руководителей производства. То обстоятельство, что с июня 1941-го до мая 1945-го на лесоксминате сменилось четырнадцать директоров и пришел пятнадцатый (полный их список

дан в приложении 3), говорит, конечно, о многом. К тому же профессиональные качества главных специалистов и руководителей предприятия не всегда отвечали необходимым требованиям.

В апреле того малоудачного 43-го директором лесокомбината был назначен Иван Исаевич Неизвестных, имевший всего три класса образования. Практически всю свою жизнь он занимался партийной работой в угольной промышленности, был директором дома отдыха, а на лесокомбинат прибыл только в декабре 1941 г. в качестве секретаря партбюро. Располагая, видимо, только навыками организаторской работы, вряд ли мог он квалифицированно руководить лесопромышленным производством. К тому же был серьезно болен туберкулезом, поэтому через несколько месяцев ушел по собственному желанию⁴⁵.

Сменивший его на посту директора Александр Тимофеевич Поляков до этого заведовал лесозаводом, работал и сменным инженером, хотя тоже имел всего лишь начальное образование⁴⁶. Низкий образовательный уровень рабочих и специалистов был, впрочем, характерен в 30-40-х гг. для всей советской промышленности*.

Так или иначе, но лето 43-го оказалось для лесокомбината, может быть, самым трудным за все время войны. Приглавленного по весенней воде леса явно не хватало: решено было его доплавливать по Яе и Китату. А где же взять лишние рабочие руки - ведь все заняты на основном производстве? И тут, как во всех экстремальных ситуациях, решение нашел райком, причем единственным для него возможным способом - способом принуждения.

Бюро райкома постановило привлечь к работам на весь период лесовыгрузки десять процентов всех занятых на предприятиях и учреждениях района, а также «просить обком партии обязать ГУЛАГ НКВД выделить из числа заключенных... 500 человек»⁴⁷.

Одновременно все лето устраивались воскресники по доплаву древесины, по выгрузке ее из воды. Решением штаба воскресника, созданного при райисполкоме под председательством заведу-

* Обсуждение итогов 18-й партийной конференции весной 1941-го всколыхнуло на время партийно-административный интерес к вопросу о квалификации и образовании кадров. На собрании партактива Анжеро-Судженского района выяснились вопиющие факты из жизни лесокомбината. Зав. плановым отделом, будущий директор Аксенов сообщил, например, что главный механик завода не мог даже расписаться, а некоторые передовики производства не умели ни читать, ни писать, хотя в поселке работала тогда средняя вечерняя школа. Начавшаяся вскоре война далеко отодвинула не только решение, но и само обсуждение этой проблемы (ГАКО. Ф.П-137. Оп. 1. Д.15. Л.8).

ющего райфинотделом Иващенко, служащие разных поселковых учреждений, в их числе и конторы лесокомбината, с восьми до двадцати часов трудились на своем месте, а с трех до восьми вечера - на сплаве и выгрузке⁴⁸.

Чрезвычайные меры сделали свое - план 1943 г. по выгрузке леса из воды, кстати, почему-то гораздо более низкий, чем в предыдущие и последующие годы, возможно скорректированный, был не только выполнен, но даже немного перевыполнен.

Экстремальная ситуация 43-го не означала, однако, что раньше или позже дела складывались легче. В предыдущее лето, например, задания по лесопогрузке были такие напряженные, что работали над их выполнением круглые сутки, посменно. Лес из воды шел прямым ходом в вагоны. На одну лесотаску (всего их работало четыре) подавали только требуемый в тот момент получателями крупный размер. Короткомер и тонкомер отсортировывали в воде в специальные кошелки.

Как и на лесозаготовках, на самом лесокомбинате главной тягловой силой служили лошади. Недаром в сохранившихся документах лошадям, их содержанию, уходу за ними отведено так много места. Их клички, трогательные, а порой забавные* - Гусыня, Гулюшка, Графиня, Гвардеец, Горошек и даже Гамлет (почему-то весь молодняк, переведенный в 1941-м в группу рабочих лошадей, получил имена на одну и ту же букву), - присутствовали в деловых бумагах наряду с названиями механизмов и именами людей.

Выносливы были лесокомбинатовские лошади, хотя и кормили их не всегда вволю**, и работой утомляли, и подростки порой пытались на них джигитовать, работали они безотказно и на выгрузке, и на лесоскладе, и на лесозаводе, на них возили сено и овес, в полной готовности день-деньской держали их пожарные. Имелись три выездные лошади для руководства. И все же в самых серьезных случаях люди предпочитали им технику, трактор, например. Когда в марте 43-го лесокомбинат получил срочное повышенное задание по

* Осенью 1941-го отправились с лесокомбината служить в РККА лошади с самыми «боевыми» кличками - Сокол, Клятва, Буян, Воин, Кузнец, Заря.

** В феврале 42-го в тресте «Северокузбасслес», по сведениям руководства «Кузбассуголь», из-за недостатка корма рабочие лошади получали по полтора килограмма овса в сутки вместо положенных 4,5-5 кг (ГАНУ. Ф.П-4. Оп.6. Д.377. Л.25). Не случаен сильный падеж лошадей. На 1 января 1943 г. на лесокомбинате числилось 226, а через год уже только 164 рабочие лошади, причем почти половина их была крайне истощена (ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.37. Л.6; Д.33. Л.8).

отправке леса шахтам Кузбасса, то для подвозки его к месту погрузки позаимствовали трактор у клепочного завода. Своего-то тогда не имели. Этот же трактор использовали и в мае, когда понадобилось доставить камень для укрепления плотины⁴⁹.

Год спустя собственным трактором все же разжились, и колесное это «чудо» марки ЧТЗ работало и в подсобном хозяйстве, и на выгрузке, и на сортировке леса. Однако желание как можно интенсивнее эксплуатировать технику привело к неожиданной аварии. В двенадцать часом ночи 27 мая 1944 г. тракторист Гвоздев, перегоняя машину с поля к верхней гавани, чтобы помочь в разборке пьжа, засадил ее возле бани на Украинской улице в яму. Да так крепко, что вытащить ее удалось только на следующее утро. Случай этот так возмутил руководителей лесокомбината, что материал о проступке Гвоздева был передан на рассмотрение районного прокурора⁵⁰.

Как правило, в годы войны на лесокомбинате продолжало работать то оборудование, те станки и механизмы, которые были приобретены еще до войны. Перечисление их не займет и трех строчек. Это - 4 уже упоминавшиеся бревнотаски, несколько стрел Молгачева, таборовочные лебедки, крепорезные станки, 3 пилорамы на лесозаводе. Но кое-что появилось новое. В мае 42-го открылся на предприятии собственный кирпичный завод, первым мастером которого стал В.С. Копалкин⁵¹. Это позволило вести кое-какое строительство, ремонт. Не случайно в начале 1943-го возник самостоятельный строительный цех, вышедший из состава коммунально-хозяйственного отдела. Начальником-прорабом стройцеха был назначен П.Ф. Васючков⁵².

Самым значительным приобретением военных лет стала, конечно, установка в мае 1944-го второго локомотива с генератором. Это позволило не только улучшить ситуацию с работой лесорам, но и отстроить новую стационарную электростанцию, которая действовала от паровой машины и двух локомотивов. Топливом для них служили отходы лесопиления⁵³. Поскольку к тому времени на лесокомбинате существовала водонасосная станция и котельная, то приказом директора И.И. Борисова* все эти объекты были объеди-

* Иван Иванович Борисов возглавлял лесокомбинат с февраля по август 1944 г. После его увольнения и.о. директора в течение месяца был начальник выгрузки Я.Ф. Степачев, пока в сентябре 44-го не прибыл в Яю 40-летний Михаил Юлионович Лях, бывший до этого директором Кемеровского лесокомбината. Один из немногих на предприятии, М.Ю. Лях имел высшее образование, позже он стал управляющим трестом «Северокuzбасслес».

нены в единое энергохозяйство на правах цеха. Первым его начальником стал инженер-электромеханик В.П. Павлов, бывший до того начальником механического цеха⁵⁴.

Кстати сказать, механическая мастерская, позже цех, а затем ремонтно-механическая мастерская (РММ) также существовала с довоенной поры. В распоряжении ремонтников имелось три токарных станка и электросварочный аппарат⁵⁵. Судите сами, можно ли с таким «парком» оборудования избежать долгих простоев и поломок, от которых особенно сильно страдал лесозавод.

Завершающим циклом деятельности комбината служила сортировка и погрузка леса и лесопродукции в железнодорожные вагоны. Работа физически тяжелая, поскольку многое делалось вручную, хотя использовались стрелы Молгачева. Шесть этих стрел стояло вдоль железнодорожного тупика, куда со станции Яя подгоняли пустые вагоны.

В случаях срочных требований со стороны потребителей - шахт Кузбасса - погрузка велась круглые сутки, невзирая на дождь, метель и мороз. Так, праздничный день 7 ноября 1943 г. был объявлен днем усиленной погрузки леса: требовалось ежедневно отправлять на шахты по сто вагонов крепежа⁵⁶. По свидетельству очевидцев, в темные ночи вагоны грузили, освещая их фонарем «летучая мышь».

Работа по погрузке требовала не только выносливости, но и определенной квалификации, знания нормативов загрузки, соблюдения установленных габаритов. От умения правильно сочетать лес и различный пиломатериал по видам и размерам зависело то, как полно использовалась грузоподъемность вагонов*. Серьезной проблемой на погрузке стал дефицит проволоки. Приходилось, как свидетельствовал начальник треста «Северокузбасслес», рубить сплавные тросы, чтобы увязывать лес, немало нареканий раздавалось и в адрес железнодорожников, которые не всегда соблюдали ритмичность в поставке вагонов. Но о том, какие усилия требовались, чтобы обеспечить регулярную поставку порожняка и отправку загруженных вагонов по сибирской магистрали, могли бы рассказать только сами железнодорожники. Недаром же начальник станции Яя Андреев получил в 44-м орден «Знак Почета»⁵⁷.

Сохранившиеся в архивных документах данные о работе лесозавода

* Для повышения квалификации грузчиков-лесоукладчиков дирекция лесозавода организовала летом 1942 г. курсы техминимума, занятия на которых вели работники железнодорожной станции Яя.

комбината в годы войны показывают, что плановые задания не всегда выполнялись, чему всегда находились объяснения. И это очень понятно, ведь при формировании планов вряд ли задумывались над возможностями их выполнения при том состоянии техники и той квалификации работников, какими располагал лесокомбинат.

Главной «причиной» невыполнения планов по выпуску пиломатериалов назывались простои пилюрам. И действительно, в 1941 г. простои эти вследствие поломок составляли 1129 часов (т.е. более 141 нормальной рабочей смены), в следующем году - уже 2786, в 43-м - 1439, в 44-м почти столько же - 1416, а в 45-м опять больше - 1944 часа⁵⁸.

О неблагоприятии дел на лесокомбинате говорят и данные о невыполнении заданий по производительности труда (с другой стороны, не ясно, на основе чего формировались эти планы по производительности), в чем можно убедиться, заглянув в приложение 8. До половины сдельных рабочих не выполняли норму выработки, но опять же неизвестно, насколько эти нормы соответствовали возможностям их выполнения. Не зная этого, не будем выносить окончательного вердикта о деятельности предприятия в годы войны. Тем более, что с главной своей задачей - отгрузкой леса - оно справлялось⁵⁹.

Все годы войны лесокомбинат отправлял положенное ему по плану количество леса, а в 41-м и 44-м даже немного перевыполнил этот план. Как же это удавалось? Руководители лесокомбината и треста не скрывали секрета: К.К. Арсентьев во всеулышание заявлял, что предприятие дало лес Кузбассу «за счет излишка рабочей силы»⁶⁰. Оттого-то и себестоимость продукции оказывалась очень высокой, и убытки росли. Но главный лозунг военного времени - «Лес Кузбассу любой ценой» - оправдывал тогда все издержки.

Когда в эфире звучит популярная песня: «Нам нужна одна Победа, одна на всех, мы за ценой не постоим!» - кажется, что это поется и о лесокомбинате. Приказ директора Аксенова от 1 июня 1942 г., к примеру, так и начинался: «Учитывая исключительную важность обеспечения лесом шахт Кузбасса, также руководствуясь распоряжением начальника Кузбасскомбината т. Задемидко, который обязал обеспечить отгрузку леса **любыми способами и средствами и при любых условиях**, приказываю...» (подчеркнуто автором). И этот приказ был не единственный, они множились и множились. Правда, А.Н. Задемидко, как оказалось, все же недоста-

точно жестко требовал с подчиненных выполнения непосильных заданий. В августе того тяжкого 1942-го приказом наркома угольной промышленности В.В. Вахрушева его сняли с должности, назначив начальником «Кузбассугля» заместителя наркома угольной промышленности СССР К.И. Поченкова⁶¹. И давление, и цена безусловного выполнения заданий увеличились.

Разумеется, сказанное не означает, что на лесокомбинате не принимали собственных мер для выполнения плановых и внеплановых заданий. Другое дело, насколько они оказывались эффективными в чрезвычайных условиях войны. Начали, как и повсеместно, с удлинения рабочего дня. Уже 5 июля 1941-го рабочие лесосклада «ввиду усиленной подачи вагонов» были переведены на десятичасовой рабочий день. Через две недели на двухсменный режим работы, по десять часов каждая смена, - первая начиналась в 4 утра - перешел весь лесокомбинат. Позже, в 1943-1944 гг. практиковался и одиннадцатичасовой, и двенадцатичасовой рабочий день. В зимние месяцы, бывали такие времена, переходили порой на восьмичасовую смену, чтобы в авральные случаи вновь ее удлинить⁶².

Недостаток дисциплины на производстве, прогулы и опоздания на работу - эти явления широко бытовали в народном хозяйстве в предвоенное десятилетие. Они отражали общее неблагополучие так называемого планового социалистического хозяйства, невысокий уровень производственной культуры. Не помог и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. Применяя против прогульщиков драконовские меры, власти не устраняли, однако, главную причину недисциплинированности - слабость, а порой и полное отсутствие заинтересованности в добросовестном труде. В годы войны ситуация изменилась - возник и окреп новый, моральный стимул к труду, желание хорошо трудиться ради Победы. Но и он по ряду причин действовал не всегда.

В приказах по лесокомбинату нет-нет да и мелькали фамилии опоздавших и прогульщиков, которых согласно Указу от 26 июня привлекали к судебной ответственности*. Судя по всему, осужденные за прогулы продолжали трудиться здесь же, но на других, более

* Порой работников судили за незначительные случайные проступки. Так, 23 июня 1941 г. направлялось в суд дело рабочей лесотаски Варвары Пусяковой за опоздание на работу на 27 минут. Через две недели такая же участь постигла Павла Заложных, рабочего лесосклада за отказ от работы в течение 35 минут и уход с рабочего места раньше положенного времени на 5 минут. Какова была истинная причина этих опозданий и преждевременных уходов, мы не знаем. Но

тяжелых условиях. Им, в частности, снижали нормы хлеба, выдаваемого по карточкам⁶³. Поразительно, что недисциплинированность и даже пьянство допускали не только рядовые работники, но и руководители предприятия. Фамилии их звучали на заседаниях бюро райкома ВКП(б).

Пытаясь наладить производительный труд, дирекция разрабатывала графики работ, принимали иные меры. В 1942-м Аксенов предложил ввести путевки по приемке агрегатов на выгрузке от смены к смене. В них следовало отражать состояние механизмов, рабочего места. Позже использовался метод давать задания на пятидневку. Пригодилась и пытливость ума рационализаторов, особенно в тех случаях, когда не доставало запчастей или изношенный механизм не справлялся с работой. В годы войны были внедрены рацпредложения Россова, Цветкова, Епифанцева, Ермана, Радзиона, Степачева. По предложению рационализаторов стали использовать стрелы для сброски глашкоутов, установили автоблокировочное ограждение, двухстороннюю звуковую и световую сигнализацию на обрешных станках и т.д. Степанов изобрел особые дисковые ножницы для резки увязочной ленты, а Гулевский усовершенствовал пассивный транспортер, что дало экономии 8403 р.⁶⁵

Традиционной мерой поднятия дел на производстве считалось соцсоревнование. Показательно, что райком ВКП(б), разбирая причины невыполнения плана на лесокомбинате, полагал главной из них отсутствие соревнования. В действительности же соревнование на предприятии существовало, но в ходе его случались, видимо, и спады, и подъемы. О соревновании вспоминали чаще тогда, когда требовалось для выполнения срочного задания разжечь азарт молодежи и подростков. Так, в приказе от 1 июня 1942 г. директор Аксенов писал: «Для стимулирования социалистического соревнования между бригадами на выгрузке устанавливаю Красное переходящее знамя цеха»⁶⁶.

В том же 1942-м лесокомбинат включился и во Всесоюзное соревнование, но призовые места стали доставаться ему только в послевоенные годы.

позже, когда война была в разгаре, в подобных проступках, по нашему мнению, проявлялась не столько недисциплинированность, сколько хроническая усталость работников, чаще - женщин. Вот один случай, отраженный в директорском приказе, согласно которому дело рабочей лесовыгрузки Анны Добряковой направлялось в суд: в зимнюю ночь 3 февраля 1942-го, в четыре часа, она зашла в Красный уголок погреться, незаметно для себя уснула и проспала до шести утра.

Для соревнования внутри цехов были учреждены переходящие флажки. Причем держателям этих флажков обеспечивалось лучшее питание и даже обед с доставкой на рабочее место⁶⁷. Конечно, это не могло не стимулировать соревнующихся.

В феврале 44-го было создано специальное жюри. Председатель его, главный инженер А.В. Бурцев и члены - начальник отдела рабочего снабжения П.В. Шешин, главный механик В.М. Коновалов, старший нормировщик Черепанов, председатель профсоюзного комитета Семейкин, секретарь комитета ВЛКСМ Е. Дорофеева и секретарь партбюро В.Е. Шуриков* - ежемесячно подводили итоги межцехового соревнования и присуждали победителям переходящее знамя⁶⁸.

Рабочие, выполнявшие и перевыполнявшие норму, по традиции назывались стахановцами и получали за это дополнительное питание, талоны на промтовары. Премирование промтоварами появилось на лесокомбинате в 1943 г. и существовало потом довольно долго. В 44-м, например, за успешное выполнение июньского задания премии получили 320 человек⁶⁹. Среди них были не только производственные рабочие и специалисты, но и служащие конторы, работники детского сада и даже «лучшие драмкружковцы клуба лесокомбината»^{**}.

В недавние времена, обращаясь к теме экономической жизни, историки, как правило, делали большой упор на роль партийного руководства. И действительно, такое руководство существовало, ведь на лесокомбинате, например, имелся освобожденный парторг^{***}, в райкоме и вышестоящих партийных комитетах трудились целый штат специальных работников⁷⁰.

* Именно в таком порядке был перечислен в директорском приказе состав жюри.

** Это были Е. Иванова, Е. Григорьева, М. Овчинникова, М. Казак и Штанько.

*** Парторгамы лесокомбината в годы войны были: «Дмитрий Иванович Русаков, 1899 г.р., член ВКП(б) с 1929 г., по специальности товаровед. Утвержден секретарем партбюро лесокомбината в апреле 1940 г. В ноябре 1941 г. перешел на должность председателя райпотребсоюза г. Анжеро-Судженска (ГАКО. Ф.П-137. Оп.2. Д.1487. Л.3-6). Иван Исаевич Неизвестных, 1903 г.р., член ВКП(б) с 1930 г., образование 3 класса, был парторгом шахты, директором Дома отдыха, с декабря 1941 по апрель 1943 г. - секретарь партбюро лесокомбината, затем директор лесокомбината (ГАКО. Ф.П-137. Оп. 2. Д.1430. Л.2-4). Вера Ивановна Голикова - в 1943-1944 гг. Василий Ефимович Шуриков, 1906 г.р., член ВКП(б) с 1938 г., образование начальное, работал командиром отряда противопожарной команды лесокомбината. Был секретарем партбюро в 1944-1945 гг. (ГАКО. Ф.П-137. Оп.2. Д.1053. Л.2).

На заседаниях бюро райкома постоянно обсуждались различные аспекты деятельности лесокомбината, там выступали с отчетами или информацией руководители предприятия. В райкоме подбирались и утверждались кандидатуры директоров, не говоря уже о партторгах. Читая, однако, протоколы заседаний бюро райкома, его пленумов и другие партийные документы, видишь, как много в них общих слов и малозначащих указаний. Вот, например, 18 марта 1942 г. собрание районного партийного актива постановило: «Обязать директора Яйского лесокомбината т. Аксенова и секретаря партбюро т. Неизвестных в десятидневный срок проверить работу по подготовке кадров к сплаву и кадров,готавливаемых для сельскохозяйственных работ»⁷¹. Но разве подобная проверка не составляла непосредственную обязанность директора и неужели без напоминания он не сделал бы этого? Такая опека хозяйственных руководителей со стороны партийных структур порождала лишь неуверенность в действиях, а в ряде случаев и прямо создавала условия для безответственности в выполнении служебного долга.

Размышление над партийными документами наводит и на такой вопрос: возможно, все же пристальный контроль со стороны райкома, постоянные угрозы выговора и даже исключения из партии (а это, как мы уже видели, вело к жизненной катастрофе) как-то стимулировали руководителей предприятия? Иначе зачем бы райком принимал такое, к примеру, постановление: «Обязать главного инженера лесокомбината тов. Астахова полностью осуществить на предприятии техническую политику и строго соблюдать технологический процесс в работе». И следующий пункт этого документа, составленного в сентябре 41-го: «В целях улучшения состояния конского поголовья обязать тов. Аксенова и тов. Русакова провести необходимые мероприятия среди рабочих, работающих на лошадях»⁷².

Смысл в этих и многих других подобных им решениях и постановлениях партийного комитета, кажущихся порой лишенными всякого смысла, все же имелся. И заключался он в том, что через эти постановления райком выполнял главную свою миссию - служить пусковым механизмом в административно-командной системе управления экономикой, которая в СССР заменила существующую во всем цивилизованном мире рыночную систему. Именно партийные комитеты и осуществляли тот административно-силовой нажим на местных руководителей, которые, в свою очередь, направляли его

на своих подчиненных, рядовых тружеников, принуждая разными доступными им мерами к труду.

Одновременно райком, имеющий «выход» на обком, а тот - в ЦК партии, позволял местным руководителям более или менее успешно решать проблемы снабжения, сбыта и т. д. Потому-то во взаимоотношениях со смежниками, поставщиками необходимого оборудования и т. п. руководство лесокомбината зачастую пользовалось посредничеством райкома ВКП(б).

Что же до роли рядовых коммунистов на производстве, то она, судя по всему, ничем не отличалась от той, что выполняли беспартийные. Директор М. Ю. Лях высказался, например, в феврале 1945г. так: «В парторганизации насчитывается свыше 60 человек, а дело воспитания масс не поставлено на должную высоту. Комсомольская организация насчитывает более 90 человек, но работа с молодежью проводится слабо»⁷³.

Самый дотошный читатель, возможно, будет допытываться: чем же держался лесокомбинат, за счет чего выполнял немалые задания? Ответим на этот вопрос так: прежде всего за счет упорного и тяжелого труда рабочих, тех самых женщин, подростков, мобилизованных, спецпереселенцев. Не все могли выполнять нормы, но находились люди, работавшие вдвое-втрое быстрее и результативнее других. Они-то подобно кореннику в упряжке тянули воз всего хозяйства лесокомбината.

Фамилии лучших работников были хорошо известны в Яе - сменный мастер С. Беспалов, мастер сплава А. Заушицин, кочегар И. Завьялов, машинисты Синушкин и Бежан, рамщик В. Волков, обрезчик С. Моисеенко, слесари Родзион и Т. Емелин, бригадир С. Гребенкин, десятники Фурсова, Волкова, грузчики Зюзина, Фадеева, Крушинская, Чернышев, плотники Комаров, Нонко, Красоткин, Солодовников, М. Ситкович, Ф. Суворин.

В 1944 г. шесть работников лесокомбината - машинист Обожи-на, рамщик Ситько, чернорабочая Вислова, механик Ф. Цветков, слесарь Семенов и директор И. Борисов - были награждены наркомом угольной промышленности значком «Отличник социалистического труда». Тогда же значок «Отличник социалистического соревнования Наркомугля СССР» получили слесарь выгрузки Ф. П. Парфенов и упоминавшийся уже мастер плотины А. М. Шипачев⁷⁴.

В добросовестной, как тогда говорили, ударной работе, не вытравленной, к счастью, из российского человека никакими принудительными и социалистической бесхозяйственностью, в трудовую

бии, искони присущем россиянину, проявили самый подлинный патриотизм, любовь к родной земле, стремление отстоять ее от фашистского нашествия. Высокие эти чувства и торжественные слова вряд ли когда-либо произносились рядовыми тружениками лесокомбината. Просто они работали на совесть, потому что иначе нельзя. И потаенный их героизм тем более велик, что работали и жили они в чрезвычайно тяжелых условиях.

Отрез сатина

Война всегда означает смерть, разруху, голод, отсутствие самого необходимого. И это понятно, если речь о прифронтовой полосе. Отчего же в глубоком тылу, в Сибири, едва ли не с первых дней войны люди испытывали самые серьезные трудности? Все станет понятным, если вспомнить, что никогда в предвоенное десятилетие россияне не жили в достатке.

Откуда, скажите, возьмется достаток, если средняя урожайность зерновых в Новосибирской области, по данным 1937 г., наиболее благоприятного в погодном отношении, составляла 12,2 центнера с гектара, а пшеницы и того меньше - 11,4 центнера. Это официальные данные, завышенные, так как использована так называемая биологическая методика определения урожайности. В пересчете на амбарную средняя урожайность зерновых составляла 9,7 центнера с гектара. Надои молока от одной коровы в среднем в 1939 г. равнялись 1200 литрам, в следующем, сороковом - 1157 литрам. В последнюю предвоенную зиму в колхозах Новосибирской области не хватало не только сочных, но и грубых кормов, от бескормицы пал каждый четвертый поросенок и каждый пятый теленок⁷⁵.

Откуда же возьмется достаток, если всякого мало-мальски предприимчивого хозяина прижимали и ограничивали всеми возможными средствами?! Мы не говорим здесь о трагедии раскулачивания, об этом уже много написано, но вот вам частный случай, попавший на страницы «Колхозной правды» 18 февраля 1941 г.

Рабочий мастерского участка Черемошка Азановского МЛП Селяев приноровился покупать и откармливать телят, а мясо их продавал на месте рабочим или возил на базар. По здравому размышлению, такие действия в условиях недостатка продуктов питания следовало поощрять или, в крайнем случае, не мешать им. Но не так думала «общественность». Автор заметки, а вернее публичного доноса, недаром назвал ее «Вниманию прокурора».

Тяжелое положение в сельском хозяйстве стало катастрофическим в первое же военное полугодие. К январю 1942 г. поголовье лошадей, главной тягловой силы общественного хозяйства, в колхозах Новосибирской области уменьшилось вследствие падежа на 21 процент, крупного рогатого скота - на 16 процентов⁷⁶. Уборка урожая осенью 41-го затянулась на два месяца, а в иных районах продолжалась до конца октября, и все же собрали меньше, чем в предыдущем 1940 г. В Анжеро-Судженском районе хлеб убрать успели, но планы по сдаче молока, мяса, картофеля не выполнили⁷⁷.

Неблагоприятная ситуация складывалась и в сфере обеспечения населения промтоварами. В легкой промышленности Новосибирской области на военные заказы были переведены 95 процентов всех ее мощностей. Небольшие районные промпредприятия, ранее выпускавшие так называемый ширпотреб, также получили военные задания. Для гражданского населения выпускались самые незамысловатые вещи: телеги, лыжи, хозяйственные веревки, гончарная посуда, обувь на деревянной подошве, жесткие и мягкие кожаные ботинки, замки, гребенки, расчески, хозяйственное мыло, шорно-седельные изделия, спички, деревянные ложки, детские игрушки, верхний трикотаж, валенки, скипидар, макаронные и кондитерские изделия, известь (порядок перечисления и названия товаров такие же, как в документе)⁷⁸. Но их не всегда доставало.

Не удивительно, что карточная система снабжения хлебом и другими продуктами была введена в стране едва ли не в первые дни войны. Нормы обеспечения хлебом по карточкам - 600 - 800 г рабочим, 400-500 - служащим, по 400 г в сутки детям и иждивенцам - кажутся вполне достаточными по нынешним меркам, ведь хлеб лишь дополнение к мясу, овощам, молочным продуктам. Но когда хлеб превратился в основной, а нередко и единственный продукт питания, этих 600-800 г не хватало. К тому же норма эта не всегда оставалась постоянной. Как уже отмечалось, хлебные нормы снижали прощтрафившимся работникам (правда, стахановцам выдавали дополнительное питание, устраивая так называемые стахановские обеды). Во время мобилизации населения на предприятия некоторые ретивые служаки отбирали хлебные карточки, принуждая мобилизованных работать⁷⁹.

Осенью 1943 г. в стране сложилось особо тяжелое положение с хлебом, и нормы были уменьшены на 100 г каждая вплоть до 45-го года. Анжеро-Судженский райисполком принял решение с 7 октября недостаку против установленной в 41-м нормы компенсировать

400 г картофеля. Кроме того, пекарням района предписывалось выпекать хлеб с примесью картофеля, до десяти процентов общего веса⁸⁰.

Картошку не зря называли вторым хлебом. Она выручала сибиряков в сложные времена. Изголодавшиеся люди, подчас, не могли дожидаться нового урожая. В июле 44-го Кемеровский облизполком был даже вынужден принять специальное решение, в котором копка раннего картофеля на подсобных хозяйствах предприятий должна была начаться не ранее 1 августа. При этом ставились два условия: собирать ранний картофель не более чем с трех процентов всей площади посадки и чтобы выкопанная картошка имела не менее четырех сантиметров в диаметре⁸¹.

Рабочие лесокомбината, давно жившие в поселке, имели все же огороды, кое-кто корову или иную живность. Конечно, и им было голодно. А что скажешь о работниках из стройбата или мобилизованных? Для них, правда, устанавливалось трехразовое питание в столовой. Но проверка бытового положения мобилизованных рабочих лесокомбината осенью 42-го выявила удручающую картину. Оказалось, что порой они выходили на работу без завтрака или оставались без ужина. А когда питание все же получали, оно, по выражению проверяющих, было «крайне низкое качеством»⁸².

Недостаточное питание и изнурительный десяти-двенадцатичасовой труд - эти вещи не очень-то сочетались между собой. На лесокомбинате, естественно, искали источники пополнения продовольственной базы. Выступая в январе 42-го на собрании партийного актива района, директор Аксенов посетовал: «Плохо у нас дело с подсобным хозяйством».

И действительно, на отведенных предприятию землях в Колыонском и Ольговском массивах издавна выращивали только овес, да косили сено для лошадей. Но сказано - сделано. Собрание райпартактива решило ходатайствовать перед обкомом ВКП(б) о содействии в организации подсобного хозяйства.

Три с небольшим месяца спустя начальник треста «Северокузбасслес» К. К. Арсентьев, получив соответствующее распоряжение «сверху», подписал приказ о создании отдела рабочего снабжения (ОРС) и о развитии подсобного хозяйства на лесокомбинате. Одновременно с этим ликвидировалась районная контора «Кузбасслеспродторга», и ее функции - торговля продовольственными и промышленными товарами, организация общественного питания и

хлебопечение - передавались ОРСу. Первым его начальником был назначен В. С. Прорвин⁸³.

Поначалу реорганизация снабжения ухудшила дело. Рабочие на лесозаготовках, например, стали получать по 600 г хлеба вместо положенных им 800, вспомогательные рабочие - по 500 вместо 600, а иждивенцы - по 300 вместо 400 г⁸⁴. Но со временем ОРС устранил сбои.

На подсобном хозяйстве лесокомбината начали садить картофель и другие овощи для общественного питания. Убирали осенью всем коллективом, выезжая на поля порой в выходные дни, как это произошло в 44-м. Приказом директора М. Ю. Ляха день отдыха 15 октября объявлялся рабочим и всем свободным от погрузки труженникам лесокомбината предписывалось отправиться на поля. Желая поощрить лучших копщиков и учитывая, видимо, промозглую погоду, директор приказал начальнику ОРСа П. В. Шешину «выделить водки и отпускать по 200 г во время обеденного перерыва»⁸⁵.

Уже к концу 1942 г. имелась в подсобном хозяйстве и небольшая свиноферма. Свиней, а также выбракованных рабочих лошадей забивали в исключительных случаях, когда для выполнения срочных заданий по отгрузке леса работа велась круглосуточно, а работникам готовили усиленные* обеды⁸⁶.

Помимо собственного подсобного хозяйства работники лесокомбината обрабатывали и часть колхозных земель, оказывая так называемую шефскую помощь. Весной 42-го на предприятии организовали курсы по подготовке трактористов-плугарей для МТС Анжеро-Судженского района. И это было справедливо: ведь в колхозах почти не оставалось мужчин, а какие и были, те каждую зиму горбатились на лесозаготовках для комбината. Помогал лесокомбинат и запчастями, например Первомайской МТС, хотя и сам испытывал в них острейшую нужду⁸⁷.

Как ни тяжела была проблема питания, она все же поддавалась хоть какому-то решению на месте. Гораздо сложнее обстояло дело с обеспечением одеждой, обувью, другими промтоварами. Впрочем, и тут пытались что-то придумать. В январе 42-го из наркомата угольной промышленности через комбинат «Кузбассуголь» и трест «Северокубасслес» пришло в Яю распоряжение: начать изготовле-

* Готовили так называемое «второе горячее блюдо», т.е. сверх того, что отпускалось по карточкам. На второе горячее разрешалось использовать до 50 г мяса или рыбы, 50 г крупы, 10 г жира, картофель и овощи, какие были. Порой давали по 100-200 г хлеба без зачета карточек.

ние обуви на деревянной подошве с тканевым или брезентовым верхом. Для этого предлагалось использовать всю негодную брезентовую спецодежду, непригодные ремни, транспортные ленты. Был «спущен» и план - 300 пар обуви в первом квартале⁸⁸.

Изготовить такую невиданную в Сибири обувь - мудрено, а носить и подавно. Тем более, что первая военная зима выдалась необычайно морозной и многоснежной. Произошло много несчастных случаев с людьми, немало оказалось помороженных, иные и насмерть замерзали.

Изготавливая «деревянную» обувь, организовали на лесокombинате и две починочных мастерских - сапожную и портняжную. Починочным материалом в них служила совсем уже негодная к носке обувь, береста, старые ремни, разный утиль. В самом поселке Яя «по линии райпотребсоюза» открылись две пимокатные и две сапожные мастерские. Несколько таких заведений действовало и в селах района⁸⁹.

На одном ремонте четыре года все же трудновато было прожить. Кое-что жители Яи приобретали по специальным промтоварным книжкам. И то-то было радости у работников лесокombината, когда, признав их труд ударным, дирекция распорядилась выдать ордера на промтовары «без зачетов промтоварных книжек»⁹⁰.

Настоящим праздником на предприятии стал день 11 июля 1943 г., когда впервые за военное время лучшим работникам выдали в качестве премии кое-какие вещи. Грузчики Хай Хасанов и Андрей Редкозубов и рабочий лесозавода Федор Шипачев получили ботинки, И. Ф. Скрипкина - одеяло с простыней, Клавдия Судейкина и Мария Руженко - по пять метров мануфактуры (т. е. какой-то ткани), а работники лесозавода Семенов и Лидия Болшева - ичиги (мягкую кожаную обувь)⁹¹.

Позже вещевые премии получали и другие работники. Объявляя о них, директор явно торжествовал, недаром же кусок простенькой ткани именовал... отрезом сатина, словно это дорогой шелк или добротный бостон.

Однако и в те суровые времена не все жили одинаково скудно. Имелась и в Яе прослойка привилегированного населения - номенклатурные работники*. В сентябре 1943 г. Анжеро-Судженский райис-

* Привилегии властных структур не ограничивались одним снабжением. Так, 26 февраля 1943 г. Комиссия при СНК СССР приняла секретное постановление: «Предоставить отсрочки от призыва по мобилизации на 1943 год работникам аппарата Центрального Комитета и местных организаций Всесоюзной коммунисти-

полком постановил открыть в помещении недействовавшего КОГИЗа раймаг для партактива. Товары в нем приобретали по разовым талонам, после победы замененным лимитными книжками⁹².

Чтобы требовать от рабочего производительного труда, надо было не только накормить, одеть и обуть его, но и предоставить крышу над головой. А с жильем в Сибири всегда было туго. В городах и рабочих поселках Новосибирской области в предвоенные годы приходилось всего три квадратных метра жилой площади на человека, а в отдельных поселках Кузбасса и по два-два с половиной метра⁹³. На лесокombинате практически не существовало общественного жилого фонда, рабочие жили, в основном, в собственных домах. Когда же стали поступать в Яю мобилизованные и стройбат, селить их оказалось некуда. Пользуясь безответностью прибывших, поместили их в совершенно непригодные помещения. Рабочая колонна ютилась первоначально в здании с выбитыми окнами, и это ранней весной. Только позже вставили стекла, побелили стены, организовали стирку белья⁹⁴.

Не лучше «принимали» рабочих стройбата и на лесозаготовках. По официальным сообщениям, «из-за недостатка постельных принадлежностей, одежды и обуви привлеченные на лесозаготовки стройбатальоны работали крайне неудовлетворительно, наблюдались массовые случаи невыхода на работу»⁹⁵.

Мобилизованных на лесокombинат рабочих поселили в бараче ширпотреба, на нижней гавани и в красном уголке лесосклада 1 района⁹⁶. Спали они на матрасах, набитых соломой. При общежитии имелась прачечная для стирки белья, камера хранения личных вещей, сушилка для одежды. Кстати, и соломенные матрасы, и прачечная, и другие элементы «культурного быта» в виде, например, деревянных тротуаров возле общежития, появились только тогда, когда бытом мобилизованных заинтересовались в райкоме партии. На заседании бюро РК ВКП(б), где обсуждался этот вопрос, выяснились ужасные подробности проживания рабочих в грязи и сырости. Выявились случаи завшивленности, что не могло не встревожить руководство всего района⁹⁷.

К счастью, угроза инфекций и эпидемий в Яе оставалась лишь угрозой, возможно, и потому, что здесь не было большой скученнос-

ческой партии (большевиков) по перечню должностей, согласно приложению № 1». Перечень этот включал в себя, помимо прочих, секретарей райкомов. Судя по всему, такие постановления издавались ежегодно. (См.: Неизвестный Кузбасс (1943-1991 гг.): Сборник архивных документов. Кемерово, 1993. Вып. 1. С.6).

ти, и эвакуированных прибыло немного. В то же время и ответственные за дело всегда стояли на страже. В начале 1944 г. при райисполкоме была создана чрезвычайная противоэпидемическая комиссия, которая в поисках помещения для инфекционного изолятора вступила в настоящий конфликт с дирекцией лесокombината.

Спорили, с привлечением райпрокурора Цокурова, из-за дома, который занимал в свое время главный инженер и и. о. директора комбината С. Д. Вязьмин, к тому времени уже покинувший Яю⁹⁸. Квартиру эту занял вновь назначенный директор лесокombината Коростелев, которого эпидемиологи и пытались выселить. Чем закончился спор, неизвестно - документы не сохранились, известно лишь, что Коростелев пробыл в поселке очень недолго, не более одного-двух месяцев.

Испытывая большие трудности в повседневной жизни, недоедая, труженики тыла тем не менее готовы были жертвовать буквально последним, чтобы помочь фронту. Традиция помощи армии со стороны гражданского населения имела в России глубокие исторические корни. К этому обязывала и общая, крайне сложная ситуация в стране, когда государство не могло обеспечить воюющую армию всем необходимым.

Сбор подарков для Красной Армии рассматривался властью имущими как важная идеологическая акция, как средство укрепления патриотизма населения, как осуществление лозунга о единстве фронта и тыла. Не случайно в протоколе Анжеро-Судженского райисполкома появилась 7 октября 1941 г. такая запись: «Отдельные руководители учреждений, предприятий и сельисполкомов проводили работу по сбору вещей под лозунгом пожертвования, тогда как это мероприятие является важнейшим политическим государственным мероприятием, укрепляющим ряды рабоче-крестьянской Красной Армии, и способствует для быстрейшего разгрома врага»⁹⁹.

Мы намеренно сохранили стиль сочинителей этого документа, ибо он очень характерен для полуграмотных чиновников, стремившихся по указке «сверху» вынуть душу из народного начинания. А сбор вещей для армии был действительно великой, святой жертвой, когда полураздетые, полуголодные, измотанные непосильным трудом женщины, отдав Родине своих сыновей, мужей, братьев, отрывали от себя и детей буквально последнее, сдавали в Фонд обороны носильные вещи, продукты, лакомства. А свое отношение к посылкам на фронт выразили в частушке¹⁰⁰.

В ночи, полные тоски,
Связала милому носки,
Носи, Ваня, не жалея,
Да врага покрепче бей!

Организация сбора средств в помощь Красной Армии, дела как будто добровольного, быстро приобрела бюрократическую окраску. Появились планы, высокие, не всегда посильные для населения (существовали ведь еще и государственные, и военные налоги). В Анжеро-Судженском районе их выполнить не могли, как, впрочем, и по всей Кемеровской области¹⁰¹. И причина крылась вовсе не в том, что «секретари горкомов и райкомов ВКП(б) не занялись по-настоящему сбором и изготовлением теплых вещей» (в тексте именно так. - *Авт.*), поскольку «не поняли важнейшего военно-политического значения обеспечения фронта и Красной Армии на зиму теплыми вещами», - как заявлял об этом секретарь Кемеровского обкома партии С. Задюнченко¹⁰². Дело было в том, что у населения не было требуемого количества теплых вещей. Собирали и отправляли столько, сколько могли.

В самом начале войны, 7 октября 41-го, рабочие лесокомбината провели воскресник и отчислили в Фонд помощи армии свой однодневный заработок. Всего же в 1941-м они внесли в Фонд обороны заработок за 20561 человеко-день, или 96 тыс. р.¹⁰³ Отправляли и продуктовые посылки. В канун Нового 1942 г. Александра Лисина и ее подруги по лесокомбинатовской столовой напекли за два дня 500 кг пирожков и послали их на фронт¹⁰⁴.

В 43-м работники лесокомбината смогли собрать 73 пары варежек и 20 пар носков. Немало по тем временам, но задание - 200 пар варежек и носков - осталось невыполненным. В целом по району сдали в том году в Фонд обороны 353 пары варежек, 82 пары носков и 119 кг шерсти¹⁰⁵.

Вот так, в трудах, жертвованиях, лишениях жили люди Яйского лесокомбината, жили, как и все россияне, одной мечтой, одной думой - дожить до Победы. И дожили.

Выжили, победили

День Победы, который так ждали и в который так верили, пришел как будто совсем неожиданно. Работники лесокомбината были заняты кто на выгрузке, кто на подсобном хозяйстве. Посевные работы шли как-то вяло, погода что ли не благоприятствовала.

Директору М. Ю. Ляху пришлось даже выпустить приказ о введении двенадцатичасового рабочего дня на посевной, чтобы уложиться в сроки. И только девчата напевали порой:

На земле весна бушует,
В речке синяя волна,
Ой, девчонки, сердце чует -
Скоро кончится война.

Спустя полвека, пытаюсь восстановить и понять душевное состояние, настроение людей в тот день, когда пришла долгожданная весть о мире, мы видим не радость, а печаль и слезы. Многие потеряли на войне родных и близких и в день Победы особенно остро ощутили свое сиротство. Но война научила и другому - вместе и горевать, и радоваться легче. И словно по команде стали собираться жители Яи на площадь перед райкомом партии.

Долго митинговать в то время было некогда. И конечно, никто не подумал подвести итоги сделанного, оценить достижения и утраты военного времени. Попытаемся, насколько позволяют сохранившиеся документы, сделать это сейчас.

Поскольку речь о лесокомбинате, то естественно подсчитать количество леса и пиломатериалов, которое было отгружено из Яи потребителям. К сожалению, цифры эти будут приблизительными и процентов на двадцать преувеличенными: поскольку в нашем распоряжении оказались данные только годовых отчетов, то мы подведем итоги деятельности 1941-1945 г. целиком.

Итак, судя по данным приложения 3, за пять лет на Яйском лесокомбинате было выгружено из воды 1904,8 тыс. куб. м. древесины. Часть ее была обработана на месте, другая - отправлена в сыром виде потребителям. Обработку производили в виде разделки крепи - 300,8 тыс. куб. м - и лесопиления: было распилено всего 670,9 тыс. куб. м. Главный в годы войны показатель деятельности лесокомбината - погрузка и отправка на шахты Кузбасса и другие предприятия леса и лесопроductии - составил 1685,7 тыс. куб. м.

Цифры эти, конечно, впечатляют. Интересно и важно поэтому суммировать здесь те средства, силы и методы, с помощью которых была проделана вся эта работа. Если говорить о техническом состоянии предприятия, о составе его оборудования, то надо еще раз отметить его слабость, физическую и моральную изношенность. Годы войны, за редким исключением, ничего не дали в этом отношении лесокомбинату, а лишь усилили степень изношенности.

Главная тяжесть выполненной работы легла на плечи и руки специалистов и рабочих. Их трудом, терпением, мужеством, их потом и болью обеспечивал лесокombинат крепежом кузбасские шахты, чтобы те, в свою очередь, отправляли уголь на металлургические заводы, откуда металл шел на строительство танков, военных судов, самолетов. Здесь начиналась цепочка, которая разворачивалась, набирала мощь, чтобы обрушиться на врага лавиной ударов.

Неисчислимые жертвы принес на алтарь победы наш народ, непомерной оказалась цена Победы для лесокombината. Слабая техническая база предприятия, с одной стороны, и срочные задания по отгрузке продукции, с другой, создали на лесокombинате тяжелую ситуацию, характерную, впрочем, не только для него одного. Суть ее заключалась в том, что в выполнении планов руководство опиралось не на повышение интенсивности, производительности труда, а использовало факторы экстенсивного характера - удлинение рабочего дня, увеличение численности работников, использование элементов административного и силового принуждения. Меры эти как будто бы определились чрезвычайностью военного времени. Но вот враг был разбит, и советское общество и его малая частица - коллектив Яйского лесокombината - оказались перед серьезным выбором: как жить дальше?

¹ Приказы директора Яйского лесокombината, хранящиеся в отделе кадров а/о «Яялес» (далее Приказы) за 1941 год. Л. 25.

² ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.14. Л.149.

³ Приказы 1941 г. Л.91.

⁴ Т а м ж е .

⁵ Вперед к коммунизму. 1965. 27 апр.

⁶ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.14. Л.150-151.

⁷ Приказы 1941 г. Л.109.

⁸ ГАНО. Ф.Р-11. Оп.2. Д.637. Л.98,99,105,111,120 (Подсчет авт.).

⁹ Т а м ж е .

¹⁰ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.33. Л.41 об.

¹¹ В п е р е д к коммунизму. 1965. 20 июля.

¹² ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.3. Л.40 об.

¹³ ГАКО. Ф.Р-61. Оп.3. Д.6. Л.26.

¹⁴ Приказы 1941 г. Л.137.

¹⁵ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.14. Л.212.

¹⁶ Приказы 1942 г. Л.18.

¹⁷ Т а м ж е . Л.41,45,46; ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.20. Л.36.

¹⁸ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.20. Л.40-40 об.

¹⁹ Т а м ж е . Д.14. Л.54.

²⁰ Т а м ж е .

- ²¹ Приказы 1942 г. Л.129 об.
²² Там же . Л.80.
²³ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.14. Л.233; Ф.Р-61. Оп.3. Д.1. Л.274,286.
²⁴ Приказы 1942 г. Л.36.
²⁵ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.20. Л.13.
²⁶ ГАКО. Ф.Р-790. Оп.1. Д.29. Л.198; Д.198. Л.113.
²⁷ Приказы 1942 г. Л.77.
²⁸ ГАКО. Ф.Р-456. Оп.1. Д.22. Л.307; Д.10. Л.889.
²⁹ Там же . Д.2. Л.202; Ф.Р-349. Оп.1. Д.161. Л.3,6.
³⁰ Приказы 1942 г. Л.22; ГАНО. Ф.П-4. Оп.6. Д.377. Л.139.
³¹ ГАКО. Ф.Р-177. Оп.13. Д.3. Л.1; Ф.П-75. Оп.1. Д.194. Л.17-18.
³² ГАКО. Ф.Р-456. Оп.1. Д.10. Л.444-445, 448.
³³ ГАКО. Ф.Р-177. Оп.13 доп. Д.7. Л.18; Оп.13. Д.3. Л.1.
³⁴ ГАНО. Ф.П-4. Оп.6. Д.377. Л.24. Приказы 1945 г. Л.23; Приказы 1943 г. Л.66.
³⁵ ГАКО. Ф.Р-456. Оп.1. Д.2. Л.296.
³⁶ ГАНО. Ф.П-4. Оп.5. Д.587. Л.38.
³⁷ ГАКО. Ф.Р-61. Оп.3. Д.4. Л.326.
³⁸ ГАКО. Ф.Р-177. Оп.13 доп. Д.7. Л.1, 19; Ф.Р-456. Оп.1. Д.10. Л.444-445;
ГАНО. Ф.П-4. Оп.6. Д.377. Л.61,73.
³⁹ Кузбасс . 1943. 16 окт.
⁴⁰ ГАКО. Ф.П-75. Оп.1. Д.194. Л.11.
⁴¹ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.21. Л.4 об.
⁴² Приказы 1941 г. Л.137.
⁴³ Приказы 1944 г. Л.311; Лес Кузбасса. 1967. 23 авг.
⁴⁴ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.26. Л.61; Д.33. Л.38; Кузбасс . 1944. 4 апр.
⁴⁵ ГАКО. Ф.П-137. Оп.2. Л.1430. Л.2, 4, 11.
⁴⁶ Там же . Оп.1. Д.32. Л.12 об.
⁴⁷ Там же . Д.26. Л.61.
⁴⁸ Приказы 1943 г. Л.220; ГАКО. Ф.Р-61. Оп.3. Д.4. Л.199,209.
⁴⁹ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.26. Л.61; Приказы 1943 г. Л.66.
⁵⁰ Приказы 1944 г. Л.171.
⁵¹ Приказы 1942 г. Л.158.
⁵² Приказы 1943 г. Л.12.
⁵³ Приказ № 140 от 28 мая 1944 г.; Бухгалтерский отчет Яйского спецотд...
ния № 2 за 1953 г., хранящийся в бухгалтерии а/о «Яялес». Л.78.
⁵⁴ Там же .
⁵⁵ Приказы 1941 г. Л.27; Приказы 1942 г. Л.107; Приказы 1944 г. Л.55.
⁵⁶ Приказы 1943 г. Л.270.
⁵⁷ ГАКО. Ф.2. 137. Оп. 1. Д.21. Л.3 об.; Д.33. Л.22.
⁵⁸ Там же . Д.33. Л.39; Д.43. Л.43.
⁵⁹ См. Приложение 7.
⁶⁰ Там же . Д.33. Л.8.
⁶¹ ГАКО. Ф.Р-456. Оп. 1. Д.1. Л.46.
⁶² Приказы 1941 г. Л.100, 114; Приказы 1942 г. Л.65; Приказы 1945 г. Л.110.
⁶³ Приказы 1944 г. Л.16.
⁶⁴ Приказы 1942 г. Л.65.
⁶⁵ Приказы 1945 г. Л.69.
⁶⁶ Приказы 1942 г. Л.65.
⁶⁷ Приказы 1942 г. Л.77, 77 об.
⁶⁸ Приказы 1944 г. Л.47.

- ⁵⁹ Приказы 1944 г. Л.213-217.
⁷⁰ Там же.
⁷¹ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.21. Л.10.
⁷² Там же. Д.14. Л.216.
⁷³ Там же. Д.39. Л.1.
⁷⁴ Там же. Д.33. Л.40 об.; Приказы 1944 г. Л.311.
⁷⁵ ГАНО. Ф.Р-1179. Оп.1. Д.90. Л.5; Д.71. Л.29.
⁷⁶ Там же. Л.8,26.
⁷⁷ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.15. Л.3.
⁷⁸ ГАКО. Ф.Р-790. Оп.1. Д.29. Л.146.
⁷⁹ Там же. Л.261.
⁸⁰ ГАКО. Ф.Р-61. Оп.3. Д.4. Л.268.
⁸¹ ГАКО. Ф.Р-790. Оп.1. Д.29. Л.202.
⁸² Приказы 1942 г. Л.45; ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.20. Л.100.
⁸³ Там же. Д.21. Л.4 об.; Приказы 1942 г. Л.40.
⁸⁴ ГАНО. Ф.П-4. Оп.6. Д.377. Л.25.
⁸⁵ Приказы 1944 г. Л.313.
⁸⁶ Приказы 1942 г.Л.122 об.
⁸⁷ Там же. Л.16; Колхозная правда. 1942. 19 февр.
⁸⁸ Приказы 1942 г. Л.9.
⁸⁹ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.269. Л.13; Приказы 1942 г. Л.122 об.
⁹⁰ Приказы 1944 г. Л.114.
⁹¹ Приказы 1943 г. Л.198.
⁹² ГАКО. Ф.Р-61. Оп.3. Д.8. Л.672.
⁹³ ГАНО. Ф.Р-1179. Оп.1. Д.90. Л.126-127.
⁹⁴ Приказы 1942 г. Л.45.
⁹⁵ ГАНО. Ф.П-4. Оп. 6. Д.377. Л.25.
⁹⁶ Приказы 1942 г. Л.122, 142.
⁹⁷ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.20. Л.100.
⁹⁸ ГАКО. Ф.Р-61. Оп.3. Д.6. Л.45; Приказы 1944 г. Л.18.
⁹⁹ ГАКО. Ф.Р-61. Оп.3. Д.1. Л.290.
¹⁰⁰ Здесь и далее частушки цит. по: «О г н и Кузбасса». 1985. № 1-2. С.69-70.
¹⁰¹ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.269. Л.7.
¹⁰² Там же.
¹⁰³ ГАКО. Ф.Р-61. Оп.3. Д.1. Л.290; Ф.П-137. Оп.1. Д.15. Л.2.
¹⁰⁴ Колхозная правда. 1942. 6 янв.
¹⁰⁵ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.269. Л.32.

ГЛАВА V

В ТИСКАХ СЕВЕРОКУЗБАССЛАГА

Из огня да в полымя

Закончилась кровопролитная, истощившая все ресурсы общества война, и народ ждал передышки и облегчения. Но не дождался. «После побед хочется еще побед», - эта характеристика А. И. Солженицына¹ чрезвычайно точно описывает ситуацию в нашей стране в середине 40-х гг.

Не только восстановить, но намного превзойти довоенный уровень производства - такую задачу поставил перед советскими трудящимися четвертый пятилетний план, рассчитанный на 1946-1950 гг. Уже на втором - третьем году пятилетки начались мощные перекачивания средств (до 22 процентов национального дохода против 17 процентов в предвоенные годы) в тяжелую промышленность. Это вызвало сильнейшее потрясение и без того плохо сбалансированной экономики, консервацию, а для большого числа людей, особенно сельских жителей, и понижение и без того очень низкого жизненного уровня.

Рост капиталовложений и повышение плановых заданий по угледобыче в Кузбассе оказывали прямое воздействие на деятельность Яйского лесокомбината. К тому же в 1945 г. СНК СССР принял постановление о прекращении завоза леса в Кузбасс и о расширении собственных лесозаготовок². А ведь до этого в Кемеровскую область ввозилась едва ли не половина необходимого количества леса. Где же было взять силы и средства для столь решительного подъема производства? Ответ на этот вопрос можно отыскать в секретной переписке руководства наркомата угольной промышленности и местных руководителей.

Седьмого июля 1945 г. нарком угольной промышленности В. В. Вахрушев подписал секретный приказ № 291 с. Для укомплектования рабочей силой шахт, жилищного строительства и леспромхозов Кузбасса в третьем квартале 45-го он предписывал начальнику

главного управления рабочих кадров наркомата Т. Т. Литвинову совместно с НКВД СССР обеспечить отправку 52500 человек военнопленных и спецконтингента (власовцев)³ Таких приказов и распоряжений хранится в архивах много. Кроме двух названных категорий (причем в Яе использовались поначалу военнопленные японцы), вскоре появилась третья - репатриированные. Так называли советских граждан, побывавших в немецком плену или насильно вывезенных туда из оккупированных районов и возвращавшихся на Родину*.

Приказом начальника комбината «Кемеровоуголь» А. Шелкова на Яйский лесокombинат в июне-июле 45-го направлялась одна тысяча военнопленных⁴. Они были размещены в специальном лагере, получившем номер 503. Намучились с ними на лесокombинате - надо ведь было и научить их работать, и общаться как-то. Поставили их на работу на лесовыгрузке, использовали и на полях. Работали они, согласно приказу, бригадами. Для облегчения учета каждому военнопленному японцу выдали рабочий номер, его-то и записывали, чтобы не путаться с труднозапоминаемыми фамилиями⁵. Работали японцы в Яе, по некоторым сведениям, до начала 48-го⁶.

Репатриированные работали сначала на положении мобилизованных (все же не заключенные), часть контингента ПФЛ направлялась в «рабочие колонны»**. В ноябре 1945-го на лесокombинат

* А. И. Солженицын свидетельствует: «Та весна 45-го года в наших тюрьмах была по преимуществу весна русских пленников. Они шли через турьмы Союза необозримыми плотными серыми косяками, как океанская сельдь... Мало кто из военнопленных пересек советскую границу как вольный человек, а если в суете просочился, то взят был потом, хоть и в 1946-1947 годах. Одних арестовывали в сгонных пунктах в Германии. Других будто и не арестовывали, но от границы везли в товарных вагонах под конвоем в один из многочисленных, по всей стране разбросанных проверочно-фильтрационных лагерей (ПФЛ)... (Архипелаг ГУЛАГ). Именно из ПФЛ доставлялась рабочая сила в Яю.

** В «совершенно секретном» приказе начальника комбината «Кемеровоуголь» А. Шелкова, направленном 29 декабря 1945 г. в трест «Северокузбасслес», говорилось о неудовлетворительных условиях содержания, о плохом трудовом использовании рабочих из бывших советских военнопленных и предписывалось выдать каждому по паре нательного белья, обуви, теплой одежды, по комплекту постельных принадлежностей, по одному полотенцу, шапку или башлык, обеспечить трехразовое питание и аванс - 300 р. на ближайшие полгода. (См.: ГАКО. Ф.Р-456. Оп.1. Д.23. Л.99-100). Если бы это распоряжение было выполнено, то рабочим из военнопленных наверняка бы позавидовали многие на лесокombинате, не имевшие порой самого необходимого. Но, скорее всего, благое это намерение кемеровских руководителей осталось только на бумаге, в документах лесокombината сохранилось много свидетельств того, что так называемый спецконтингент работал в холодное время года в рваных гимнастерках и нередко отказывался выходить на работу из-за отсутствия обуви.

поступило 316 мобилизованных рабочих, чуть погодя - еще 42 человека⁷. Одновременно увольнялись мобилизованные военного времени: в марте 46-го, например, получили «вольную» двадцать рабочих из Средней Азии⁸. Когда же с 1 апреля 1947 г. в системе комбината «Кемеровоуголь», куда входил и Яйский лесокombинат, было отменено действие Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» 1941 г., поток увольнявшихся расширился.

Правда, тогда же происходило и обратное - началась демобилизация действующей армии, сначала возвращались женщины и призывники старших возрастов, а позже и остальные. Вернулись на лесокombинат и приступили к оставленной в военные годы работе начальник гужтранспорта П. П. Пургин, зав. лесозаводом И. З. Секаренок, главный бухгалтер В. И. Ветров, главный механик П. М. Россов⁹ и многие другие. Но переход с военных, как тогда говорили, на мирные рельсы оказался очень и очень непростым и для каждого конкретного человека, и для лесокombината в целом.

Если смотреть на изменения количества ассортимента выпускаемой продукции, то они наметились сразу же, в первые мирные месяцы. И это понятно - в восстановлении народного хозяйства не обойтись было без леса и пиломатериала. Если в первом и втором кварталах 45-го трест «Северокузбасслес» получал задание выпустить по 10 тыс. куб. м ширококолейных шпал, то в третьем квартале - уже 20 тыс. Объем планируемого к выпуску в третьем квартале пиломатериала увеличился до 33 тыс. куб. м против 11 тыс. во втором квартале, кряжей для нефтеклепки - до 9 тыс. против 6 тыс. куб. м¹⁰.

Лесокombинат получал и разовые специальные задания. В октябре 1945 г., например, понадобилось срочно заготовить и отгрузить 82 вагона строительного бруса. В 46-м заказы на строительный брус и другие детали для возведения многоквартирных домов возобновились. Выпускали их на лесозаводе при спаренной работе двух пилорам¹¹.

Разумеется, основную часть продукции лесокombината по-прежнему составлял крепезный лес, рудостойка. И если на весь 1945-й планировался выпуск 60 тыс. куб. м крепи и почти 107 тыс. распиленного сырья, то только во втором квартале 46-го лесокombинату предписывалось выдать 80 тыс. куб. м пиловочника и рудостойки плюс 13 тыс. куб. м других пиломатериалов¹².

К сожалению, у нас нет систематических цифровых данных о планах и их выполнении в первые послевоенные годы. Есть лишь качественные оценки и оценки отрицательные. Срывы плановых заданий происходили в 1945-1946 гг. едва ли не каждый месяц. Неудовлетворительно работал не только лесокombинат, а весь трест «Северокузбасслес». Да что говорить, в целом по стране в 1946 г. промышленной продукции было выпущено на 17 процентов меньше, чем в предыдущем¹³.

Что могли сделать в такой ситуации на лесокombинате, в отрасли? Первым делом, конечно, озаботились состоянием техники и механизмов. В созданных к тому времени центральных ремонтно-механических мастерских треста (ЦРММ) задумали своими силами подновить изрядно изношенные станки и оборудование лесокombината. Почти полгода, с июня 46-го, простаивала одна из трех лесорам лесозавода - требовались новый коленчатый вал и шатун, а поставщик - Амурский машиностроительный завод - не спешил с исполнением заказа. Начальник ЦРММ, инженер В. М. Коновалов решил выполнить необходимую работу своими силами. И вот бригады токарей и фрезеровщиков Телегина и Семенова изготовили шестидесятипудовый разъемный коленчатый вал, а поломанный шатун - восстановили¹⁴.

В конце того же 46-го пополнился автопарк предприятия - были получены четыре автомашины и два трактора ЧТЗ. Для обслуживания имеющегося и в ожидании новых поступлений на лесокombинате создали новое подразделение - автотракторный парк, во главе которого поставили механика М. И. Корчуганова с окладом 600 р. в месяц¹⁵.

Большие и оправданные надежды на сокращение межоперационных потерь возлагались на лесокombинате на совершенствование технологии производства и, как следствие, изменение внутрицеховой структуры. И вот, когда в феврале 1946 г. произошла очередная смена директоров и должность эту занял (уже во второй раз) Я. Ф. Степачев, бывший до этого начальником цеха выгрузки и хорошо знавший все проблемы производства изнутри, была проведена перестройка всего производственного цикла.

Приказом от 17 апреля 1946 г. Я. Ф. Степачев упразднил существование цеха выгрузки и лесосклада и ввел новую структуру производства. Было создано три самостоятельных подразделения: цех I района, цех II района и лесозавод. Каждому из них вменялось в обязанность комплексное выполнение заданий - выгрузка леса из

воды, разделка сырья и отгрузка продукции к потребителям. По мнению организаторов этой перестройки, она позволяла «устранить противоречивые производственные ненормальности и промежуточную передаточную операцию, а также повысить ответственность цеховых руководителей как в правильном учете выгружаемой древесины, так и ее отгрузке».

Первым двум подразделениям, руководителями которых были назначены Н. Ф. Купреев, бывший начальник выгрузки, и С. Ф. Юхнев, начальник лесосклада, передавались соответственно первая и четвертая лесотаски. Лесозавод, которым по-прежнему заведовал (до возвращения из армии И. З. Секаренка) Ф. О. Цветков, получал вторую и третью лесотаски и пилоплощадку. Прием от заготовщиков, хранение и передачу древесины выгрузочным цехам осуществлял отдел сбыта во главе с А. Е. Синевым, а все рейдовые работы передавались вновь созданной рейдовой конторе под руководством А. И. Заушицина.

Имела ли новая структура производства преимущества перед старой или скорее всего повторила бы все имевшиеся пороки и недостатки в новом варианте - сказать трудно, поскольку просуществовала она всего месяц. Назначенный 7 мая 1946 г. новый директор лесокombината Иван Петрович Белов переделал все по-своему. Немного мы знаем об этом человеке, кроме того, что вступил он в должность в возрасте тридцати девяти лет, был членом ВКП(б) с 1931 г. и до этого не занимал, по-видимому, столь высокой должности или же только что прибыл в Яку*. Иначе не объяснить то, что в декабре того же 46-го его избрали в состав Анжеро-Судженского райкома партии в первый раз¹⁶. По сравнению со своими многочисленными предшественниками И. П. Белов оказался более пригодным к нелегкой руководящей работе и продержался на ней вплоть до декабря 49-го. Перевод его на более низкую должность (И. П. Белов скончался в 1955 г. в должности начальника подразделения № 2, т. е. бывшего Анжерского МЛП) можно вполне объяснить: административно-командная система опиралась на сильных руководителей. Все сбои производства, порожденные самой этой системой, относились на счет руководителей, и в их перетасовке находили выход из тупиковых ситуаций. Директора под постоянной угрозой выговора, увольнения работали зло, на износ. Не случайно, многие яйские

* Вполне возможно, что И.П. Белов был только что мобилизован из РККА, поскольку с организацией лагеря он довольно скоро стал именоваться майором.

руководители страдали пристрастием к выпивке. Не избежал такой беды и И. П. Белов. Но все это случилось позже, пока же вновь назначенный директор был полон энергии и напора.

Приказом от 25 мая 1946-го И. П. Белов отменил ранее введенную структуру производства и организовал сплавовыгрузочный цех с объемом работ: сплав, доплав, сортировка леса, упаковка сортировочных кошелей и выгрузка леса из воды на всех имевшихся четырех лесотасках. Начальником цеха назначался А. И. Заушицин. Создавался складоотгрузочный цех, которому вменялось ведение складского хозяйства, выгрузка леса из воды стрелами, погрузка лесоматериалов в железнодорожные вагоны, разделка леса на рудостойку, а также прием древесины от леспромхозов и все коммерческо-сбытовые операции. Руководство цехом поручалось С. Ф. Юхневу. Лесозавод по-прежнему оставался самостоятельным подразделением с тем же начальником и теми же заданиями - распиловка леса. Но изменялись взаимоотношения с другими цехами. Теперь лесозавод не своими силами выгружал лес из воды, а получал его от выгрузочного цеха и сдавал пилопродукцию на лесосклад, а не грузил его самостоятельно в вагоны, как предусматривалось ранее в распоряжении А. Ф. Степачева. Правда, в случаях недоподачи сырья на лесозавод его работники должны были сами организовать подвозку леса из штабелей.

Говорят, от перестановки мест слагаемых сумма не изменяется. И как бы ни переставляли руководители лесокombината людей и немногочисленные механизмы по территории предприятия, без существенной технической реконструкции, без заинтересованного отношения работников к исполнению своих обязанностей выполнить резко возрастающие задания предприятие не могло. Нужда в лесе росла, механизировать производство было не на что, дополнительную рабочую силу могли дать только лагеря. По этой причине Яйский лесокombинат превратился в отдельный лагерный пункт обширного архипелага ГУЛАГ.

ОЛП-16, ЛО-2 и другие

Сейчас немногие в Яе способны сразу расшифровать эти аббревиатуры - ОЛП, ЛО, - а было, к сожалению, время, когда их знали все. Началось это время утром 16 апреля 1947 г., когда работники лесокombината прочитали директорский приказ, обозначенный № 1.

Он гласил: «Согласно приказа начальника управления Северокузбасслага МВД СССР от 10 апреля 1947 г. объявляю:

Именован Яйский лесокомбинат Северокузбасслага МВД, а не треста Северокузбасслес.

Именован директор лесокомбината начальником лесокомбината.

Начальник лесокомбината
Северокузбасслага МВД Белов».

Конечно, работники лесокомбината жили не на небесах, они прекрасно знали о существовании лагерей НКВД, тем более что в Яе с довоенных времен существовал один из них. При самом лесокомбинате, как уже отмечалось, был создан лагерь военнопленных. Ну, так то военнопленные - японцы или немцы, а если даже и наши, советские, но тоже побывавшие в плену у немцев, их заключение в лагерь казалось вполне понятным*. А вот чтобы всех, с незапамятных времен живших и трудившихся в Яе, взять да объявить... нет, не заключенными, упаси Бог, но все же принадлежностью лагеря...

Вполне возможно, что не у всякого и не сразу возникали такие размышления. Для большинства, привыкшего к временам ведомственной принадлежности предприятия (а может, и не подозревавшего о таком), к частым сменам директоров, новое положение не показалось таким уж страшным. Прозрение могло прийти позже, когда лесокомбинат и имя-то свое потерял, а стал именоваться ОЛП-16, а потом и того чище ЛО-2, СО-2, но это уже позже. Пока же изменялись лишь названия, а кто их серьезно воспринимал, недаром же русская пословица говорит: «Хоть горшком назови, только в печку не ставь»**.

* А.И. Солженицын писал об этой невероятной способности советских людей оправдать действия органов госбезопасности по отношению к таким же, как они: «...удивительно, что лжесвидетели, понимая, что сами они никак не вредители, высказывали, что военных и священников трясут правильно. Военные, зная про себя, что они не служили иностранной разведке и не разрушали Красной Армии, охотно верили, что инженеры - вредители, а священники достойны уничтожения. Советский человек, сидя в тюрьме, рассуждал так: «Я-то лично невиновен, но с ними, врагами, годятся всякие методы... Даже самые емкие из нас способны объять лишь часть правды, в которую ткнулись собственным рылом» (Архипелаг ГУЛАГ).

** Вполне возможно, что вхождение лесокомбината в Севкузбасслаг показало кое-кому и вполне приемлемым: у ряда руководителей повысились оклады, появились звания. Их получили, в основном, бывшие фронтовики. Как уже отмечалось, начальник предприятия И.П. Белов стал именоваться майором, главный механик П.М. Россов - старшим лейтенантом, зав. лесозаводом И.З. Секаренко - техником-лейтенантом и т.д.

Двадцать первого апреля 1947-го начальник лесокомбината Белов издал приказ, используя чисто военную терминологию: «Для наведения порядка в вопросах принятия на довольствие контингента рабочих, служащих, инженерно-технических работников и членов их семей...».

Началось наведение нового порядка и на производстве. Начальство пыталось ввести ежедневную отчетность о проделанной работе: от руководителей цехов требовалось подавать к девяти утра точные сведения о распилке и пропуске сырья, о выходе пилопродукции, о разделке крепи, о выгрузке леса и погрузке его в вагоны, о расстановке рабочей и гужевой силы, о простоях. Собранные и обобщенные в плановом отделе, они в десять утра должны были уже лежать в управлении Северокузбаслага¹⁷.

В апреле 1948-го и в мае 1949-го дважды повторились приказы о ежедневном, а потом и о ежемесячном учете сделанного и не сделанного¹⁸. Поистине претворялся главный лозунг социализма: «Контроль и учет».

Подчинение лагерной системе ознаменовалось еще одним новшеством: все отделы, цеха и подразделения стали называться частями. Появились производственная и плановая части, часть технического снабжения (ЧТС), сельхозчасть, часть сплава, часть лесоскладского хозяйства, коммунальная часть и т. д. На этом административная перестройка, однако, не закончилась, она проводилась впоследствии не однажды.

Тем временем усилился приток так называемого контингента рабочей силы*. В апреле 1947 г. прибыли досрочно освобожденные (откуда? - неизвестно). Поселили их в общежитии и куда-нибудь отлучаться кроме работы и столовой запретили¹⁹. Месяца через два на использование труда заключенных перешел лесозавод, поначалу же их труд применялся лишь на выгрузке и погрузке.

По имеющимся в нашем распоряжении документам, не всегда удается представить все конкретные обстоятельства превращения лесокомбината в отдельный лагерный пункт**. Одни заключенные

* С созданием при лесокомбинате, т.е. ОЛП-16, большого лагеря содержащихся в нем лиц стали в официальных документах именовать «з/к», а для обозначения множественного числа использовалась аббревиатура «з/к з/к».

** Как уже говорилось, нумерация и обозначение лесокомбината в лагерной системе менялись. В течение 1947-1951 гг. он назывался ОЛП-16. Тогда же входившие в систему Северокузбаслага леспромхозы и лесозаготовительные участки имели следующую нумерацию: ОЛП-6 (Ампалык), ОЛП-7 (Сиротальский участок), ОЛП-8 (Кайгадат), ОЛП-9 (Муржук), ОЛП-14 (Азаново), все они объеди-

прибывали, другие, как японцы, уезжали. Одни трудились на правах мобилизованных, в бывшей японской зоне весной 48-го стала устраиваться женская зона. Наконец, не позднее мая того же 1948 г. при ОЛП-16 (к тому времени это обозначение лесокомбината вполне прижилось) открылся лагерь.

Кто находился в этом лагере, какова численность заключенных, откуда они поступали? Не на все эти и им подобные вопросы можно ответить. Информации о деятельности Севкузбаслага сохранилось немного. Недаром о нем нет упоминания в литературе, в статьях, которые стали выходить в последние годы благодаря деятельности общества «Мемориал». Все, что мы можем здесь сообщить, почерпнуто из приказов начальника ОЛП-16 и других архивных документов, авторы которых не стремились раскрыть картину лагеря. И все же шила в мешке не утаишь.

Сначала несколько слов о самом Севкузбаслаге. Он явился правопреемником треста «Севкузбаслес» и включал в себя почти те же предприятия и леспромхозы, которые ранее входили в состав треста в 1952 г. (например, 20 подразделений). Примечательно, что для непосвященных трест продолжал свое существование. Все годы своей деятельности Севкузбаслаг (как и Южкузбаслаг) скрывал свое истинное лицо и имя и на страницах областной газеты «Кузбасс», например, всегда назывался «Севкузбаслесом».

Управление Севкузбаслага располагалось в Яе. Помимо административного управления производственными подразделениями имелся политотдел*, возникший 1 августа 1947 г. Равноценный партком на свободных предприятиях, лагерьный политотдел подчинялся непосредственно Кемеровскому обкому КПСС, минуя райком. В 1948 - 1951 гг. партийная организация Севкузбаслага, в том числе и Яйского лесокомбината, не входила формально в районную, не участвовала в районных партконференциях. В 1952 г. эта «ненор-

нились в Китатский куст; ОЛП-12 (Рудниковский участок) и ОЛП-13 (Барзасский, В.-Кельбес и В.Хутора) - Барзасский куст. В 1952-м лесокомбинат стал называться ОЛП-2, а затем лаготделение № 2, в 1953-1954 гг. - спецотделение № 2, СО-2. В августе 1954 г. получены новые номера и обозначения: лесокомбинат - лаготделение № 1, ЛО-1, Анжерское отделение - ЛО-2, Сиротальское - ЛО-3, Красноярское отделение снабжения - ЛО-4, Алчедатское - ЛО-5, Ампалькское - ЛО-6, Кайгадатское - ЛО-7, Мурыжское - ЛО-8, Камжалинское - ЛО-9, Барзасское - ЛО-10 (см.: Приказы 1954 г. Л. 190).

* В 1951-1952 гг. политотдел включал в себя 10 освобожденных работников, занятых организационно-партийной и партийно-политической работой. При этом в парторганизации Севкузбаслага состояло 816 членов и 123 кандидата ВКП(б).

мальность» была устранена. Однако тут имелись и свои сложности, ведь политотдел Севкузбаслага объединял 20 первичных парторганизаций, расположенных не только в Анжеро-Судженском, но и Троицком, Верх-Чебулинском, Барзасском и Яшкинском районах.

Политотдел Севкузбаслага вел «воспитание» трудящихся не только через кружки и политшколы, в которых, в основном, из года в год «изучалась биография Сталина и «Краткий курс ВКП(б)». Издавалась и собственная многотиражная газета «Красное знамя». Первый ее двухполосный номер вышел 9 октября 1948 г. В библиотеке Госархива Кемеровской области сохранились все годовые комплекты газеты, исключая 1956-й, вплоть до 18 декабря 1958 г.

Конспирация, характерная для деятельности Севкузбаслага, распространялась и на выпуск многотиражки. Ни титул ее - «Красное знамя», орган политотдела, - ни содержание не позволяют определить место издания. Ни разу ни в одной публикации не прозвучало ни одно географическое название. Все предприятия и леспромхозы были нумерованы, сам Севкузбаслаг именовался «наше предприятие», Яя - «поселок» и т. д. Потому-то в библиотеке архива эта газета до последнего времени лежала невостребованной. И только найдя в документах сообщение об издании этой газеты политотделом Севкузбаслага, мы смогли «расколдовать» ее. Тем более, что в материалах и публикациях газеты использованы все же настоящие фамилии руководителей и рядовых работников лесокомбината, или, как писали в многотиражке, подразделение № 16.

Каждый выпуск газеты помечался ремаркой: «Распространяется только среди вольнонаемных сотрудников предприятия». А старожилы Яйского лесокомбината вспоминают, как ээки крутили из газеты самокрутки, не очень-то интересуясь содержанием. Да и вольнонаемные, думается нам, не много могли взять в этой многотиражке, переполненной славословием в адрес партии и правительства, скучными назиданиями вроде таких: «выше уровень политико-воспитательной работы», «развивать критику и самокритику снизу», «бдительность - наше оружие» и т. д.

Стараясь, видимо, идти в ногу со временем, редакция «Красного знамени» стала помещать более живые материалы и даже стихи под рубрикой «Творчество наших читателей». Некто Н. Правдин пылко признавался:

Люблю я партию родную,
Люблю ее орлиный взлет,
Люблю за силу боевую,
За то, что любит весь народ.

Вряд ли это «творчество» могло кого-то увлечь. Да и сами руководители политотдела Севкузбаслага характеризовали газету так: «Мало освещает положительного опыта в работе партийных организаций, пропагандистов, партийных групп, комсомольских и профсоюзных организаций. Мало передается опыта работы передовиков предприятия. Газета еще плохо вникает в содержание работы отдельных подразделений, не анализирует их работу, а поэтому не в состоянии правильно осветить отдельные вопросы...»²⁰.

В системе Севкузбаслага действовала и профсоюзная организация. Райком союза леса и сплава объединял в начале 50-х 4602 члена профсоюза. Но, являясь «приводным ремнем» партийной машины, профсоюзы не играли сколько-нибудь заметной роли в жизни советского общества, не был исключением и профсоюз лесокомбината и всего Севкузбаслага. Политотдел невысоко оценивал деятельность местного отделения союза леса и сплава: «Не проявляет должной настойчивости в постановке вопросов перед хозяйственными руководителями об улучшении жилищно-бытовых и культурных условий трудящихся. Часто эти вопросы приходится решать партийным организациям* помимо райкома союза и рабочих комитетов...»²¹.

Попытка установить численность работающих на лесокомбинате в послевоенные годы - заключенных и вольнонаемных, - кажется, обречена на провал: не обнаружено таких данных в документах. Сказывается все та же тяга к секретности, присущая всей деятельности Севкузбаслага. Здесь можно привести лишь сведения 50-х гг. Известно, что в 1951 г. на лесокомбинате трудилось примерно полторы тысячи рабочих, служащих и ИТР, судя по контексту документа - вольнонаемных²². Наверняка, заключенных было гораздо больше, коли одна военизированная охрана в том же 1951-м (правда, всего Севкузбаслага) включала в себя 1933 человека, в том числе 232 офицера²³.

Существуют данные за 1953 г., сохранившиеся в бухгалтерском

* Трудящиеся зачастую и не требовали ничего от своего профсоюза, справедливо обращая свои упования на единственно реальную силу - парткомы. Характерно в этом отношении выступление на IX районной партконференции в 1952 г. главного инженера лесокомбината Яшина. Он сказал: «...благоустройством поселка ни райком ВКП(б), ни политотдел не занимаются до сего времени..., ни политотделом Севкузбаслага, ни райкомом ВКП(б) не было оборудовано место для купания на реке Яя, поэтому большинство населения вынуждено было ходить для купания за 3 км в район плотины.

отчете: по плану на лесокомбинате предполагалось 1364 рабочих, в их числе 769 заключенных, 165 ИТР, 66 служащих и 212 работников военизированной и пожарной охраны. В действительности же в том году на предприятии насчитывалось 1415 рабочих, из них 581 заключенный, 151 ИТР (3 заключенных), 66 служащих (4 заключенных) и 142 охранника, среди которых также имелись заключенные - 12 человек (см. приложение 9). В середине 50-х численность работавших (видимо, за счет заключенных, количество которых не показано в документах) уменьшилась, но к концу десятилетия стала примерно такой, как и в его начале. Путем косвенных подсчетов и сопоставлений можно заключить, что в «лучшие времена» содержалось в лагере при ОЛП-16 никак не меньше двух тысяч человек.

О том, кто были эти люди, мы здесь уже упоминали: «власовцы», красноармейцы, побывавшие в плену, - все, кого гребли и гребли неумолимые энкаведешники. Ведь им надо было отрабатывать свой хлеб с маслом, да и «стройки коммунизма» нуждались в кадрах.

В некоторых приказах по ОЛПу есть указания на статьи уголовно-го кодекса и сроки, на которые были осуждены невольные жители Яи. Конечно, данные эти неполны, но все же могут дать представление о тех, кто жил и работал на лесокомбинате. В приказе 1952 г. было, например, перечислено 206 передовиков производства для их поощрения (об этом поощрении чуть позже). Напротив фамилии каждого был указан год рождения, статья, срок заключения. Самый краткий из этих сроков - 3 года - отбывало из перечисленных пятеро, 4 года - один, 5 лет - двадцать один, шесть лет - десять, 7 лет - четырнадцать, 8 лет - тридцать восемь, 9 лет - двое, 10 лет - семьдесят шесть, 11 лет - двое, 12 лет - двенадцать, 13 лет - двое, 15 лет - девятнадцать, 20 лет - трое и 25 лет (четвертак, по тогдашнему лексикону) - один человек.

Немного сложнее составить представление о том, по каким статьям попали в ОЛП-16 заключенные, потому что в документе использованы не всегда понятные сокращения. Видно все же, что десятеро из них осуждены по статье, обозначенной «7/8».

Это не что иное, как закон от 7 августа 1932 г., согласно которому лишались свободы на 10 лет те, кто занимался стрижкой колосков в колхозных полях, а позже - мелкими хищениями на предприятиях, в торговле, на стройках. Шестеро в списке - по печально знаменитой 58-й статье, «политические». Очень много - 141 человек - по статье, обозначенной одним словом «Указ». Для разъяснения опять обратимся к А. И. Солженицыну. Он пишет, что займись он описанием не

только политических, а всех потоков, создававших ГУЛАГ, то осветил бы многие Указы, поставлявшие в лагеря человеческий материал: за прогулы, за самогоноварение, за невыполнение установленных норм. Возможно, в лесокомбинатовский лагерь многие попали по Указу от 4 июня 1947 г. (на лексиконе тех лет, «4/6»), предусматривавшему заключение за мелкие хищения, подобно закону от 7 августа 1932 г.

Судя по всему, состав заключенных лагеря при ОЛП-16 не отличался ничем от тысяч ему подобных, разбросанных по всей стране, - сидели и политические, и бытовики, и матерые уголовники. Их-то и следовало научить работать с лесом, заставить трудиться производительно.

Дело это оказалось далеко не простым. Не раз в документах констатировалось то, что так простодушно прозвучало в приказе по лесокомбинату от 22 июня 1947-го: «На производстве целый хаос и неорганизованность... на уборке отлета люди сидят... рабочие на пилплощадке просиживают» и т. д. Хорошо бы только просиживали или опаздывали на работу, порой до полутора часов, как сообщил об этом на одном из партийных собраний зав. лесозаводом И. З. Секаренок²⁴. Нет, среди заключенных отыскивались настоящие разрушители машин, как в Англии XVIII в. Так, в приказе от 14 февраля 1951-го сообщалось, что заключенные из бригады В. В. Роньшина «умышленно выводят из строя циркулярные пилы, ломая зубья и изгибая полотно». В том же 1951 г. не раз обнаруживались случаи злостного мошенничества, когда заключенные во время загрузки вагонов лесом устраивали так называемые клетки, не догружая порой по четыре кубометра древесины. Подобные махинации, приписки невыполненной работы или, напротив, сдача одной и той же продукции дважды - все это проделывалось заключенными не в одном 52-м, а и раньше, и позже.

И еще с одной стороны несли заключенные опасность для лесокомбината - опасность пожаров. В холодную погоду, несмотря на все запреты, они грелись у костров, да и как уследишь за ними, полураздетыми, продрогшими, когда кругом дерево. Оттого и загорания случались часто. Причиной частых пожаров служило и курение в неположенных местах. И как ни строжилось начальство, как ни следили за порядком бойцы военизированной пожарной команды, но пожары случались, и порой с тяжелыми последствиями.

Страшное несчастье произошло весной 49-го: 4 апреля пожар практически уничтожил лесозавод и тарный цех. И это буквально в

канун навигации, когда, по имевшимся сведениям, ожидался при-
глас древесины в два с половиной раза больше, чем в предыдущем
году. Темпы пятилетки нарастали, всю древесину следовало пере-
работать.

Та весна на лесокомбинате запомнилась надолго. На восста-
новление лесозавода собрали все силы. Лагерное начальство ус-
тановило очень жесткие сроки реставрации лесозавода - чуть бо-
лее месяца. И выдержал эти сроки удивительный яйский народ!
Бригада М. Старкова занималась ремонтом генератора и восста-
новлением ограждения ремней. Бригада Гершалова - ремонтом
других механизмов. Комсомольцы лесокомбината создали три спе-
циальные комсомольско-молодежные бригады, которые возводи-
ли новый корпус, сортплощадку, амбар. Восстановили и две брев-
нотаски, крыши котельной и энергоцеха.

Героические усилия коллектива завершились настоящей побе-
дой - 11 мая 1949-го произошел пуск обновленного лесозавода²⁶.
Однако пожар и связанное с большим напряжением сил восста-
новление лесопильного производства не прошли бесследно. Весь
тот год лесозавод работал неудовлетворительно²⁶.

Добро бы этот случай пошел впрок, но в следующем, 1950 г.
лесокомбинат опять потерпел большой ущерб от пожара: 18 мая
сгорела вся деревянная часть лесотаски (а их всего-то на предпри-
ятии в то время имелось только три), деревянная конструкция стре-
лы, немалая часть леса²⁷. Опять аврал, восстановительные работы
в две смены, иначе срыв плана выгрузки, угроза поставкам леса
кузбасским шахтам.

Появление массы заключенных на лесокомбинате не могло не
отразиться на выполнении планов. Выступая на собрании районно-
го партактива в июле 1947-го, секретарь парторганизации лесо-
комбината В. Н. Бахарев откровенно заявил: «Наша парторганиза-
ция не справилась с задачами, стоящими перед ней в связи с пе-
реходом лесокомбината в новое министерство, - производитель-
ность труда понизилась»²⁸.

Об итогах следующего года сказал начальник Северокузбасла-
га Половков: «В 1948 г. мы переживали организационный период и
лесу дали меньше, чем давали в довоенные годы»²⁹. По-видимому,
перестройка затянулась еще на год, и, наблюдая ставшие постоян-
ными неурядицы на лесокомбинате, руководство Севкузбаслага
пошло на решительный шаг и сменило начальника ОЛП-16. В

декабре 1949 г. во главе лесокombината встал Михаил Владимирович Зиновский*.

Разумеется, срывы производственных заданий вызывались не плохим руководством со стороны И. П. Белова, вернее, не только им. Но в жесткой системе командного управления хозяйством многое зависело от личности командующего. Судя по всему, М. В. Зиновский обладал необходимыми качествами, чтобы заставить людей работать даже тогда, когда сделать это было уже почти невозможно, и справляться с планами.

А планы эти, спускаемые лесокombинату сверху, были нешутными. Прежде всего, в послевоенные годы, конечно же, расширился ассортимент выпускаемой продукции.

В 1947 г. расширился выпуск пилопродукции, так называемого ширпотреба, ориентированного на потребности населения. Верну-

* Для Михайла Владимировича Зиновского переход на лесокombинат с должности начальника одного из лесодобывающих подразделений был, конечно, серьезным продвижением вверх по служебной лестнице. И он вполне оправдал это продвижение. М.В. Зиновского до сих пор вспоминают на лесокombинате добрым словом. Он оказался жестким, решительным, но и заботливым руководителем, настоящим хозяином своего небольшого хозяйства, входившим во все его заботы, знавшим всех своих работников. То есть самым образцовым и желаемым типом руководителя, выпестованного системой командного руководства экономикой. М.В. Зиновский заботился, судя по документам, вполне искренне, и о вольнонаемных, и о з/к з/к. Вот два характерных примера этой заботы. В июне 1952-го рано установилась очень жаркая погода, и, находясь на берегу Яи, заключенные, естественно, стали купаться. Прознав об этом, Зиновский отправил двух купальщиков в ШИЗО за нарушение режима, но тут же распорядился отвести специальные места для купания, оградив их, во избежание несчастных случаев, предупредительными бонами, очистив от коряг и вывесив специальные оповещения «Места для купания».

О другом случае сообщила в политотдельскую газету «Красное знамя» (1957, 22 янв.) работница лесокombината П.Пономарева. Заболев и оказавшись в областной больнице, она написала Зиновскому о том, что дома остались без топлива ее 90-летняя мать и маленькая дочь. И тот нашел возможность не только обеспечить семью Пономаревой дровами, но и написал ей в больницу теплее письмо.

Сам Зиновский жил в Яе, естественно, как вельможа. Жена его, по свидетельству того же «Красного знамени» (1954, 22 окт.), за что-то «осерцавшего» на видного руководителя, могла самовольно снять с уборочных работ автомашину и отправить за сеном для собственной буренки. На базар, в пошивочную мастерскую она не ходила пешком, а пользовалась выездной лошастью лесокombината. Правда, автор этой разоблачительной статьи заканчивал ее словами: «Скажем прямо, Лариса Моисеевна не исключение, только очень жаль, что подобные нравы отдельных «руководящих» жен остаются без внимания общественных организаций». Зиновский стал позднее начальником ЛО-10 - Барзасского. (По воспоминаниям Б.Н. Буренина, и умер он в Барзасе).

лись вновь к изготовлению дранки, из лесоотходов же производили яблочную клепку, т. е. тару под яблоки и другие фрукты. Позже поставляли тарную дощечку на Петропавловский мясокомбинат в Казахстане, изготавливали нефтеклепку.

Тарное производство из отходов - горбыля, отлета, срезок - оказалось выгодным настолько, что летом 48-го на лесозаводе был восстановлен специальный утильцех, работавший в две смены по изготовлению тарной дощечки³⁰. Пожар 49-го, о котором здесь уже рассказывалось, уничтожил этот цех, именовавшийся уже тарным, подчистую вместе с лесозаводом. Но производство было вскоре восстановлено, причем в удвоенном масштабе. Дело в том, что в 1950 г. открыли сразу два тарных цеха при I и II районах³¹. Позже, судя по всему, он вновь стал единым подразделением, когда начальником его был назначен И. И. Шипачев³².

В самостоятельные цеховые единицы быстро выросло производство мебели и клепки. Как уже говорилось, лесокомбинат выпускал мебель до войны и вновь возобновил ее изготовление в таких масштабах, что в августе 1949-го открыли цех ширпотреба³³. За первый месяц работы цех выпустил 500 стульев, 3 тысячи парниковых рам. Другие изделия домашней обстановки изготавливали поштучно.

Постепенно и здесь освоили и приступили к более сложным работам. Недостаток документальных данных не позволяет нам представить полную картину производства мебели, известно лишь, что в 1953-м были изготовлены платяные и книжные шкафы, комоды, столы простые, на точеных ножках, а также кухонные, стулья жесткие и мягкие, кресла, табуретки, диваны мягкие и кровати, сундуки, этажерки, буфеты, качалки и стулья детские, раскладушки, а кроме того, - бочки, деревянные ведра, чемоданы, стиральные доски, доски для лозунгов, два бильярдных кия и даже 19 гробов³⁴.

Как видим, выпускалась продукция не только чрезвычайно нужная для населения, но и сложная в изготовлении, требующая немало умения и квалификации рабочих. Выпущенная на лесокомбинате мебель шла не только для местного населения. В 1954-м, к примеру, цех ширпотреба изготавливал школьные парты по заказу отдела народного образования Северо-Казахстанской области³⁵. Отсюда же шло внутреннее оборудование - плитуса, вагонка для панелей, двери вновь выстроенного здания Мариинского лесного техникума. К слову сказать, и здание-то строили рабочие-заключенные из Яи³⁶.

О производстве клепки, начатом в годы войны и выделенном в

самостоятельный завод, мы уже сообщали. Но поскольку потребности в ее изготовлении были велики, а лесокомбинат располагал к тому же и необходимым сырьем и оборудованием, постольку эпизодическое производство этой продукции в 1950-м вылилось в организацию специального клепочного цеха. Устраивалось все в чрезвычайной спешке, характерной не только для истории лесокомбината, но и всей советской индустрии того времени. В приказе начальника ОЛП-16 М. В. Зиновского, подписанном 21 ноября 1950 г., предписывалось удивительное: во-первых, «немедленно выбрать площадку для строительства цеха клепки», а во-вторых, «строительство цеха клепки закончить и сдать в эксплуатацию не позднее 25.11.50 г.». Как и следовало ожидать, приказ этот, за нарушение которого были обещаны «другие меры взыскания», остался невыполненным. А клепочный цех, названный уже заводом, был закончен и принят в эксплуатацию 29 декабря того же 1950-го³⁷.

Открытием клепочного цеха расширение производства не закончилось. Через четыре года на лесокомбинате возникло еще одно подразделение - строительный двор по выпуску сборно-щитовых домов³⁸. Факт этот в деятельности предприятия не случаен, ибо еще в 1953-м была отправлена из Яи в Китай партия строительного леса в количестве 76 вагонов³⁹. А в 1958-м на лесокомбинате, вернее в лаготделении № 1, как тогда именовался лесокомбинат, был создан цех бельевой прищепки. Созданный на базе лагерного пункта № 1 для использования труда инвалидов из заключенных, цех этот просуществовал недолго. В октябре 1959-го его закрыли, скорее всего, по причине роспуска, т. е. освобождения «кадров» из заключенных⁴⁰.

Что касается основной продукции лесокомбината, то и тут дело не стояло на месте, и тут требования потребителей вносили свои коррективы в производство. Помимо обычных пиломатериалов лесозавод выпускал продукцию для вагоностроения и для автомобильной промышленности. Осуществлялась отгрузка карандашного кедра. А в 1951-1952 гг. от работников лесокомбината потребовали внести изменения в производство самой массовой продукции - шахтного крепежа: потребителям понадобилась окоренная рудостойка.

Надо - значит, надо, тем более что имелось специальное распоряжение начальника Главка, и вот 31 декабря 1951 г. на лесокомбинате полностью прекратили разделку рудостойки, а все силы бросили на окорку имевшейся продукции. С 1 апреля 1952-го, распоря-

жением начальника управления Севкузбасслага должна была отгружаться только окоренная рудостойка. Но, судя по всему, ни лесокомбинат, ни шахты - потребители его продукции - не сразу смогли перестроиться на требования нового ГОСТа. По крайней мере, вышел еще один приказ начальника ОЛП-16, в котором начальникам районов строго предписывалось с 25 сентября 1952 г. отгружать только окоренную продукцию⁴¹.

Достаточно разноречивые и чрезвычайно неполные сведения об ассортименте и количестве выпускаемой лесокомбинатом продукции в 50-е г. (но тут мы ничего не можем поделаться - иных более полных сведений, к великому сожалению, не сохранилось)* сведены в виде таблицы и помещены в приложении под номером 10. Из таблицы этой видно, как нарастали планы производства. А кроме того, есть свидетельства об этих планах и более ранних лет. Так, на собрании коммунистов лесокомбината в конце 48-го начальник предприятия И. П. Белов сообщил, что в наступающем 1949 г. производственный план почти утроится⁴².

Разумеется, главная ставка в выполнении планов делалась на принудительный труд заключенных (не случайны отсюда и многочисленные срывы в выполнении планов). Но все же требовалась и кое-какая новая техника, и она поступала, хотя и не в таком количестве, как нужно было.

Приказы дирекции предприятия, другие документы позволяют проследить хронологию и темпы формирования технической базы лесокомбината за весь период его существования в системе Севкузбасслага. Судя по всему, во второй половине 40-х гг. никаких новых поступлений, кроме отмеченных ранее нескольких автомашин и тракторов, не было. Наблюдались даже утраты. Известно, что в годы войны в распоряжении предприятия имелось четыре лесотаски, а в 1950-м в документах упоминаются только три, да к тому же одна из них сильно пострадала в пожаре. Но, возможно, это крайнее оскудение и послужило, наконец, сигналом для новых поступлений. Ведь именно в 1950-м, впервые за предшествовавшее десятилетие,

* Возможно, документы утрачены вследствие небрежного к ним отношения. Но вполне вероятно и сознательное их уничтожение руководством Севкузбасслага, ибо практика - не оставлять следов - складывалась в системе ГУЛАГа издавна. В Госархиве Новосибирской области, например, нами обнаружено в фонде архивного отдела Новосибирского облисполкома дело с отборочными списками архивных документов Томасинлага. В объемном томе - перечень дел о деятельности лагеря: производство, личный состав, списки заключенных и др. 1937-1940 гг., уничтоженных в декабре 1940-го.

лесокомбинат получил новое оборудование. Появились три или четыре новые лесотаски, шесть-семь стрел Молгачева, несколько лебедек - пятитонная ручная, трехбарабанная, системы Рахманова. Разномастность оборудования говорила, что собирали его, скорее всего, «с миру по нитке».

Первые эти поступления тем не менее позволили тогдашнему начальнику Севкузбаслага, подполковнику Леликову заявить с трибуны IX районной партийной конференции в январе 1952-го, что лесокомбинат «оснащен новейшей техникой»⁴⁴. Вот так, знай наших!

Оборудование тем временем продолжало поступать, но в таких количествах, что перечисление его займет всего несколько строчек. В 1952-м было получено два погрузочных устройства марки «Унжлес» и СТ-5⁴⁵, а техническое состояние по итогам 1953 г. позволяет хорошо охарактеризовать сохранившийся бухгалтерский отчет. Итак, к 1 января 1954 г. на лесокомбинате имелось: 1 паровая машина мощностью 117 кВт, 2 локобиля, 4 электрогенератора, 214 электромоторов, 3 электросварочных аппарата, 17 силовых трансформаторов, 7 продольных лесотасок, 15 стрел Молгачева, 32 лебедки всех марок, по 2 погружателя «Унжлес» и СТ-5, 2 шпалорезки, 3 лесорамы (ЛРБ-75, РД-75-1), 33 тарных станка, 15 балансировочных станков, 12 электропил «ВАКОПП», 14 центробежных насосов, 8 грузовиков марки ЗИС-5 и 1 трактор С-80.

Пусть читатель простит нам это перечисление, оно, впрочем, и не столь длинное, чтобы утомить, но важное для оценки технических и экономических возможностей предприятия. В последующие годы парк оборудования продолжал расширяться, хотя совершенно по-черепашьи. В 54-м приобрели деревообделочные, а через два года - окорочные станки и в этом же 1956-м - первые бензопилы «Дружба», в следующем - погрузчик леса, работавший на базе по-прежнему единственного трактора С-80*.

Жизнь тем временем брала все-таки свое. В 1958-м на лесокомбинате появился первый легковой автомобиль! Машину эту марки

* Без единственного трактора едва не остались 10 мая 1958 г., когда тракторист Никитин, сталкивая в воду отражатели леса, не рассчитал, и задняя часть машины оказалась в воде. Тракторист успел выпрыгнуть на землю и вовремя, потому что трактор стремительно ушел под воду и скрылся, как потом выяснилось, на более чем пятиметровой глубине в 12 метрах от берега. Героическими усилиями, иначе не скажешь, водолазов Осминина и Вожжова трактор все же удалось спасти. Водолазы заработали благодарности и денежные премии, а тракторист - выговор.

ГАЗ-67-Б закрепили для служебного пользования, был назначен и водитель - И. Г. Рязанцев⁴⁶.

Итак, какая-никакая, а появилась все же техника на предприятии, продолжали расти планы и задания. Но как же справиться с ними, когда большую часть рабочих каждое утро приводят из-за колючей проволоки и которая правдами и неправдами от работы отлынивает? И вот начались поиски путей и способов, которые помогли бы заинтересовать заключенных в производительном труде. Поиски эти, конечно же, - одно из свидетельств несостоятельности, неэффективности системы принудительного труда. Попытки использовать экономические и моральные стимулы к труду заключенных, явно противоречащие самой сущности гулаговской системы, давали только временный эффект.

Поощрением производительного труда з/к з/к поначалу были, как и для вольных рабочих, продуктовые и промтоварные премии. В июне 1948-го, например, четырем бригадам грузчиков выдали за перевыполнение норм выработки по полкилограмма сахара, по паре носков и по две осьмушки табака на бригаду. Месяца через два хороших показателей добились заключенные на выгрузке леса из воды. Их также премировали сахаром и табаком, но продукты выдавали уже каждому рабочему отдельно⁴⁷.

Продуктовые эти выдачи, которые, конечно, в условиях полуголодного существования стимулировали труд заключенных, сопровождались фразами о «широко развернутом трудовом соревновании», нелепыми в данной ситуации здравицами в адрес «любимого вождя народов великого Сталина». Но таковы были правила игры, и никто от них не смел отступить. Придерживаясь этих правил, организаторы соревнования среди з/к з/к ввели осенью 1948-го наименование «авангардная бригада», призывали передовиков «взять на буксир» отстающих и т. п.

То ли идея соревнования, подкормленная продуктовыми призами, все же срабатывала и в среде заключенных, то ли руководство ГУЛАГа продолжало действовать по шаблону, но в мае-июне 1949-го в МВД СССР был издан приказ о формировании штабов трудового соревнования среди заключенных. Возник такой штаб и в ОЛП-16. Председателем штаба стал зам. начальника ОЛПа по лагерю мл. лейтенант Дольников, в состав штаба вошли главный инженер Яшин, ст. инспектор культурно-воспитательной части (КВЧ) Куксин, начальник плановой части Мясников, главный бухгалтер Тюменцев, начальник медико-санитарной части Шаповал, начальник части снаб-

жения, лейтенант Шулейлов, командир взвода охраны, лейтенант Березин, секретарь парторганизации ОЛПа, капитан Томашевич, председатель завкома Смирнов, инспектор спецчасти, мл. лейтенант Губарева. Ответсекретарем штаба стала инспектор КВЧ лагеря Латаева⁴⁸.

Создание и деятельность этого штаба - только один и, может быть, даже не самый яркий пример абсурдности ситуации, когда взрослые, солидные люди регулярно собирались для того, чтобы решить, кому дать осьмушку табаку, а кого - лишить ее.

В попытках стимулировать труд заключенных руководство лесокombината и Севкузбаслага шло и на более серьезные меры, в рамках гулаговской системы, конечно, чем организация соревнования. Меры эти потихоньку-полегоньку снимали некоторые ограничения, налагаемые на работников-заключенных и, по первоначальному замыслу организаторов лагерной системы, должностующие как раз принуждать к труду.

В течение первых пяти-шести лет деятельности Севкузбаслага в отношении заключенных, занятых на лесокombинате, были предприняты, в частности, следующие послабления. В январе 1950-го была введена в действие шкала дополнительного питания за производительную качественную работу. В следующем году начали практиковать выдачу так называемых платных блюд в дополнение к гарантированному и, значит, недостаточному питанию. Позже, когда гулаговская система стала потихоньку разваливаться, в качестве поощрения за хороший труд заключенные переводились с гарантированного котлового питания на питание за наличный расчет в платной столовой⁴⁹. Правда, вычеты за котловое питание производились по-прежнему.

Платное питание, пользование торговым ларьком, которое также предусматривалось как поощрение, предполагало наличие денег у заключенных. И действительно, в 1950 г. части заключенных, исполняющих обязанности специалистов, мастеров, бракеров, нормировщиков, стали выдавать зарплату. А таких специалистов на комбинате оказалось немало. Например, техноруком II района был заключенный Ф. Н. Капелько, IV района - Л. С. Грабовский, техником производственного обучения - В. А. Петренко, мастером пилоплощадки - Н. Г. Цимбалист, экономистом - Н. И. Карпов, юристом - А. Г. Спино, бухгалтерами - П. П. Варенников, И. В. Шишканов, Г. И. Бызов и др.⁵⁰

В августе того же 50-го на выплату зарплаты, зависевшей от

объема и качества работы, перевели всех заключенных⁵¹. Конечно, не вся зарплата выдавалась на руки. Часть ее шла на содержание лагеря, часть переводилась на личные счета заключенных и выдавалась им или пересылалась родственникам опять же в зависимости от поведения эков и отношения их к труду.

Серьезным стимулом для заключенных (а вместе с тем и свидетельством отказа от ставки на голое принуждение) стало разрешение для отдельных заключенных жить вне лагеря с семьей⁵².

Наряду с поощрением труда заключенных на лесокомбинате принимались меры поощрения производительного труда вольнонаемных рабочих. Характерно, что приемы и способы такого поощрения оставались те же - продуктовые и промтоварные премии, благодарности руководства, соцсоревнование*. Не будем поэтому повторяться и рассказывать о создании штабов соревнования, присуждении переходящих флагов и т. д. Но это не значит, конечно, что мы не назовем фамилий тех работников лесокомбината, которые, несмотря ни на что, трудились самоотверженно, с выкладкой всех своих сил и возможностей. Чьим трудом, собственно, и стоял лесокомбинат, как стояла и развивалась вся советская экономика. В ноябре 1947-го, в дни празднования тридцатилетия Октябрьской революции, большая группа работников предприятия получила Почетные грамоты Министерства угольной промышленности. Это сплавщики В. С. Федоров, А. П. Бойко, Ф. М. Максимов, машинисты И. Н. Астафьев и А. А. Ней, бригадир слесарей В. С. Шипачев, слесари Г. А. Барашев, К. В. Семенов, А. А. Закомолкин и А. А. Коробейников, нормировщик С. Е. Евтихийев, бригадиры грузчиков А. А. Ткач и Е. И. Дацук, кузнец А. П. Лукин, объездной сторож И. С. Кравченко, грузчики Ю. Н. Сирченко и И. Г. Кравец, диспетчер В. И. Павлюк⁵³.

* Как уже говорилось, заключенные вели трудовое, а вольнонаемные - социалистическое соревнование. Для руководства ими действовало два штаба. Позже, то ли наглядно показалось поддерживать два типа соревнования, то ли еще по какой причине, заключенных допустили к соцсоревнованию. И вот 6 ноября 1954 г. появился очередной приказ начальника лаготделения № 1 М.В. Зиновского: «Трудящиеся СССР уверенно идут вперед по пути к коммунизму. Заключенные 1 лагерного отделения активным участием в предоктябрьском социалистическом соревновании добились успехов в повышении производительности труда...». Этот, далеко не единственный документ - хорошее свидетельство того, как люди писали и говорили то, что требовалось от них «сверху», не вдумываясь даже в смысл произносимого ими. Обработывая этот навязанный им ритуал, они жили, конечно же, более реальными понятиями, чем соцсоревнование, движение по пути к коммунизму и т.д.

Характерно, что фамилии многих работников, отличавшихся высокими показателями в труде, повторялись в предпраздничных приказах из года в год. Не могли они, видимо, работать плохо. И порой чем сложнее оказывались условия работы, тем успешнее справлялись с ними люди. Может быть, в этом как раз и проявлялась природная сметка и особая удаля, издавна присущие русскому человеку? В апреле 51-го сплавщики и рабочие из других цехов установили, например, настоящий рекорд в постановке коренных запаней. По воде еще шел лед, но мастера и рабочие сумели поставить нижнюю запань левого пролета за один час десять минут, среднего пролета - за полтора часа, а верхнюю запань левого пролета - за час двадцать. Благодарность дирекции и премии тогда получили мастера Гребенкин, Разуваев, Заушицин, бригадиры Никитин, Кошкарев, Радзион, Кононенко, Дацук, Максимов, Голосовский, Пасюков, Юхнеев, Субоч, Ващенко, Гаврус и все члены их бригад⁵⁴.

Тот, 1951-й, вообще был для лесокombината удачным. Впервые после долгих лет отставания в выполнении планов коллектив лесокombината занял третье призовое место во Всесоюзном соцсоревновании среди родственных ему предприятий и получил денежную премию в размере 45 тыс. р.⁵⁵

Главным стимулом производительного труда и в тех условиях все же оставалась заработная плата. Другое дело, что применявшиеся формы оплаты труда и ненасыщенность товарного рынка - часто и полное его отсутствие - лишали зарплату ее изначального значения.

Труд производственных рабочих на лесокombинате оплачивался частью в виде повременной, частью - сдельной оплаты. В 1950-м рабочих, обслуживавших механизмы, перевели с повременной на косвенно-сдельную оплату, чтобы повысить их заинтересованность в производительном труде. Через два с небольшим года на сдельно-премиальную оплату были переведены бригадиры, а также слесари, лебедчики, пилоправы, пилоставы, инструментальщики и др. Доплата за повышение производительности практиковалась и в последующие годы.

Недостатки в нормировании труда резко снижали эффективность сдельщины. Так, в 1958 г. в мебельном цехе лесокombината были установлены новые нормы, превышавшие прежние на 50-90 процентов. Соответственно сократились заработки. Желая уменьшить напряженность, М. В. Зиновский вскоре распорядился временно понизить нормы на 10-25 процентов. То же наблюдалось на лезоза-

воде, когда в августе 59-го там снизили завышенные технические нормы на 5-10 процентов⁵⁶.

Мы не имеем возможности дать полную картину состояния оплаты труда на лесокомбинате, но представление об этом можно получить из приложения № 6. Из него видно, что размер зарплаты за 1953-1959 гг. увеличился, но очень незначительно. Оттого и жизнь работников лесокомбината продолжала оставаться нелегкой. Впрочем, вряд ли они в этом отношении чем-то отличались от миллионов других советских граждан.

В рассказах о послевоенном десятилетии у нас было принято упоминать как большое достижение советской власти отмену карточной системы в 1947 г., систематическое снижение цен. Это было верно, но принесло ли оно облегчение измученному войной народу? Отмена карточек, которые худо-бедно гарантировали минимум продуктов каждому по доступным ценам, сопровождалась повышением розничных цен. А кроме того, одновременно была проведена денежная реформа конфискационного типа, лишившая население, особенно колхозное крестьянство, не пользовавшееся сберкассами, их небольших накоплений.

Денежная реформа оказалась еще одним серьезным испытанием для россиян. Обсуждая первые ее результаты в Яе, участники районного партактива сообщили, например, немало подробностей. По словам управляющего Яйским отделением Госбанка Никитина, за два-три дня реформы все товары в местных магазинах были разобраны подчистую. Поэтому в первый день свободной торговли - 16 декабря 1947 г. - продавать было абсолютно нечего. Покупателей встречали в магазинах холод, грязь и пустые полки. Некоторые магазины по этой причине и вовсе не открылись в этот день⁵⁷.

Мифы о больших выгодах населения от регулярного снижения цен в конце 40 - начале 50-х опровергаются достаточно легко. Стоит только сопоставить две цифры: за 1948 - 1954 гг. население страны выиграло от снижения цен около 30 млрд. р., но в то же время более 20 млрд. р. выплатило в виде обязательных государственных займов. Искусственно заниженные цены на продовольствие в городах и рабочих поселках означали прямой неприкрытый грабег колхозного крестьянства: заготовительные цены на зерно покрывали лишь десятую часть затрат на его производство, на мясо - 5 процентов, на молоко - 20 процентов⁵⁸. Как видим, и в сфере потребления временное благополучие части городского населения

базировалось на нездоровой основе, на неприкрытой эксплуатации значительной массы крестьян.

Да можно ли назвать это благополучием? Зам. начальника «Севкузбасслеса» (пришедшего на смену Севкузбасслэга) В. П. Гудков в декабре 1956 г. выступил с критикой организации торговли и снабжения в Яе на районной партконференции. Он сообщил, что, исходя из имевшихся фондов, в магазинах треста имеется на одного «снабжаемого человека» по 9 г мяса, по 2 г мясных консервов, по 19 г сахара, по 9 г колбасы, по 5 г сливочного масла и по 7 г маргарина⁵⁹.

Нужны ли тут комментарии, если добавить еще, что случались постоянные перебои в торговле хлебом и другими жизненно важными продуктами и товарами. Да и как им было не случаться, если на той же декабрьской конференции 1956 г. директор заготконторы райпотребсоюза Устиненков поведал, что хороший урожай картофеля и овощей помешала собрать плохая погода. Годовой план по заготовке яиц выполнен на 24 процента, по шерсти на 64 процента*. Вместо 1552 т картофеля все колхозы района сдали 238 т⁶⁰.

Неудовлетворительно работала местная промышленность, снабжавшая население товарами первой необходимости. Сохранялась проблема обеспечения жильем, коммунальными услугами. Руководство лесокombината развернуло строительство жилых домов хозспособом. В феврале 47-го Анжеро-Судженский райисполком выделил для этих целей большой участок земли на северо-западной окраине Яи⁶¹. Поощряя индивидуальных застройщиков, лесокombинат отпускал им круглый лес и пиломатериалы.

* О бедственном положении в сельском хозяйстве всей Кемеровской области, не отличавшейся в этом отношении от других российских областей, говорят цифры из статистического справочника «Народное хозяйство Кемеровской области», изданного в 1958 г. Согласно им, поголовье продуктивного скота во всех хозяйствах области в 1951 г. составляло 511,3 тыс. голов (1941-м - 446,6 тыс.), а в следующем 52-м сократилось до 417,5 тыс., в 53-м - до 415 тыс. голов. В Анжеро-Судженском (читай - Яйском) районе в 1953-м имелось более 7 тыс. коров, а в следующем уже более 9 тыс., а в 1956-м только 8,5 тыс. Количество свиной также колебалось: соответственно - 12,6 тыс., 20,8 тыс., 13,9 тыс. голов. При этом от половины до двух третей всего поголовья скота содержалось в личных хозяйствах колхозников. Это, возможно, и поддерживало определенную стабильность обеспечения продуктами, так как общественное животноводство являло собой ужасающую картину. В 1952 г., например, на очередной районной конференции (партийной) прозвучал рассказ о состоянии дел в колхозе им. Фрунзе, находившемся непосредственно в Яе. За зиму там «отошло» 200 голов скота. И не мудрено, его порой не поили по шесть дней кряду. «Свиньи, - по словам начальника ОЛП № 2 М.В. Зиновского, - набрасываются на свинок, едят своих поросят в результате того, что их не кормят» (ГАКО. Ф.П-137. Оп.8. Д.1. Л.10).

В начале 50-х жилищное строительство происходило как-то скачкообразно. Если в 1951 г. в целом по Северокузбасслагу было сдано 2268 кв. м жилья, что составляло почти 118 процентов плана, то в следующем году выполнение плана по жилстроительству осталось на отметке 46 процентов. В 53-м - введено в эксплуатацию более 20 тыс. кв. м, из них половина - в Яе. По словам начальника «Севкузбасспецлеса» Леликова, это вдвое превышало площадь жилья, сданного в Яе за предыдущие семь лет⁶². Конечно, значительную часть вновь вводимого жилья составляли бараки и общежития. Тем не менее в октябре 1955 г. произошло весьма отрадное событие - на лесокомбинате появилась комиссия по распределению квартир для вольнонаемных работников⁶³.

Также медленно и трудно происходили перемены в благоустройстве, быту, возникали более цивилизованные нормы жизни.

Описание Яи первого послевоенного десятилетия осталось в некоторых документах: тротуары поломаны, «в осенние и весенние путины по поселку пройти невозможно», изгородей нет (возможно, их сожгли в суровые зимы), баня работает с перебоями, электроосвещение с перебоями⁶⁴. Чтобы разгрузить лесокомбинатовскую электростанцию, устраивали рейды по квартирам для выявления тех, кто потребляет электроэнергию слишком много.

В 1946-м начали строить 35-киловольтную линию Яя - Анжеро-Судженск, которая соединила поселок с государственной ЛЭП и сняла напряжение в снабжении электричеством поселка (лесокомбинат продолжал использовать энергию собственной электростанции)*. В следующем году в поселке появился радиоузел на 2500 радиоточек. Поначалу он имел чисто производственное назначение - обеспечивать связь управления Севкузбасслага с лесозаготовителями и небольшим аэропортом. Позже, уже в 50-е, когда силами лесокомбината началось строительство дорог, в частности в 56-м, проложили дорогу до аэропорта, он стал доступен и населению⁶⁵.

Говорить об изменениях в образе жизни поселка, лесокомбината в лучшую сторону трудно - уж очень тяжкие последствия имело пребывание здесь большого числа заключенных. Разными путями, исполняя какое-то поручение, освобождаясь от конвоя за хорошую работу, они получали свободу передвижения, ходили по поселку,

* ОЛП-16 был включен в ЛЭП-35 в декабре 1948-го, но одновременно продолжала функционировать и своя электростанция (Приказы 1948 г. Т.2. Л.225).

устраивали набеги на огороды и т. д.*. Правдами и неправдами ээки добивались того, чтобы вольнонаемные работники предприятия приносили им водку, хлеб, сахар, конфеты, курево, а однажды передали заключенному в ШИЗО з/к банку абрикосов! Нередко устанавливались и дружеские, и интимные отношения, за которые поплачивались некоторые вольнонаемные.

Сочувствие, страх, любовь, ненависть - все эти человеческие чувства и страсти буквально кипели в лагере и вокруг него и до сих пор не могут не волновать того, кто прикасается к документам, отражающим события тех далеких дней. Приказы начальника ОЛПа переполнены сообщениями о наказании того или иного работника лесокомбината за пронос водки, за курение вместе с заключенными в неположенных местах, за так называемое сожительство работниц с ээками. Лагерный термин «промот», т. е. проматывание казенной одежды, имущества, обмен его на водку или продукты, стал вполне официальным и использовался в деловых бумагах. Пьянки и дебоши в лагере и на рабочих местах стали настолько частыми, что руководство лесокомбината ввело обыски и ээков, и вольнонаемных, чтобы предотвратить принос и передачу водки. Для обыска вольнонаемных женщин каждое утро на вахту приходила экспедитор А. Е. Черненко⁶⁶. Характерно, однако, что «аморалку», т. е. пьянство, связь с заключенными, допускали и охранники лагеря⁶⁷.

Старые работники лесокомбината тяжело переживали то, что происходило на предприятии и в поселке. Но что и кому они могли сказать? Одни не выдерживали и сами начинали пить**. Другие пытались выразить свое неприятие происходившего гласно***. На

* Районный прокурор Галкин говорил на IX райпартконференции в 1953 г.: «Очень плохо поставлен контроль за расконвоированными заключенными в поселке Яя, в связи с чем имеется связь преступников с населением, что увеличивает в районе кражи, хищения. Со стороны работников Севкузбаслага, офицерского состава проявляется хулиганство, систематическая пьянка...» (ГАКО. Ф.П-137. Оп.8.Д.1. Л.20).

** В органе политотдела Севкузбаслага газете «Красное знамя» 1 января 1949 г. появилась такая эпиграмма на главного бухгалтера лесокомбината, участника войны В.И. Петрова: «Выпьем, ей Богу, еще по стакану. Бездельник, кто с нами не пьет...».

*** Настоящий конфликт произошел в 1948 г. между Анжеро-Судженским райисполкомом и руководством Севкузбаслага. Дело в том, что Яйский лесокомбинат с 1943 г. пользовался на правах арендаторов с внесением соответствующей платы участком берега р.Яя от железнодорожного моста вверх по течению на расстоянии 5 км для хранения леса. Правопреемник лесокомбината, Северкузбаслаг, договор об аренде участка расторг, а пользоваться им продолжал. Мало

одном из партийных собраний механик Ф. О. Цветков сказал: «Я проработал на комбинате 20 лет, и мне, старому производственнику, особенно обидно за наши промахи и слабости. Мы принесли стране значительные убытки»⁶⁸.

Возможно, и другие производственники осознали неладность вершившегося, а возможно, то было веяние времени, но в конце 40 - начале 50-х наблюдался какой-то всплеск общественной жизни в Яе. Летом 49-го здесь довольно широко отметили 150-летие Александра Пушкина. Празднование это, правда, носило совершенно официальный характер и навязывалось «сверху». Подчиняясь решению Кемеровского облисполкома, в Яе создали оргкомитет во главе с зав. районо З. М. Шалухиной. В июне в клубе лесокомбината состоялся вечер с чтением стихов, а в помещении управления Севкузбаслага была открыта фотовыставка, посвященная Пушкину. Восхищаясь этим официально признанным гением, вряд ли кто-то вспоминал тогда его яростное неприятие рабства. А если и вспоминали, то, конечно, относили это исключительно на счет эпохи Николая I.

Любимым времяпрепровождением стали в Яе спортивные состязания. Они, впрочем, тоже возникли по указанию сверху, хотя спортсмены-то, конечно, нашлись свои, местные и очень одаренные.

По приказу начальника управления Севкузбаслага в феврале 48-го на лесокомбинате было создано бюро спортколлектива общества «Динамо»*. Председателем бюро стал начальник ОЛП-16 И. П. Белов, заместителем его - П. М. Россов, членами бюро -

того, выставил вооруженную охрану и лишал местных жителей возможности подойти к реке. А кроме того, не желал вносить арендную плату в райфо, пожаловался сразу в Минфин СССР, сообщив туда ложные сведения о принадлежности якобы береговой полосы Севкузбаслагу.

Председатель райисполкома Е. Молчанов и секретарь Д. Овчинников проявили завидное мужество, вступив в тяжбу со столь мощным противником, отстаивая интересы поселка. Они обратились к замминистра финансов СССР Звереву с просьбой «отменить свое телеграфное распоряжение от 1.X.48. и освободить РИК от возврата утвержденных по бюджету закрепленных доходов» (ГАКО. Ф.Р-61. Оп.3. Д. 16. Л.151). Нам неизвестно, чем кончилось противостояние. Это, впрочем, не так важно, замечательно то, что находились люди, способные на такое противостояние.

* Судя по всему, спортивное общество «Динамо» объединяло спортсменов системы МВД. В Яе действовал одиннадцатый районный совет этого общества, во главе которого стоял начальник управления Севкузбаслага подполковник Автономов.

Кругляков, Астапенко, Филиппов, Петров, Мысак. Тогда же возникла судейская коллегия во главе с П. М. Россовым и начались тренировки по подготовке команды стрелков. Руководил ими все тот же Россов⁶⁹.

Летом 1948 г., а точнее 18 июля, впервые в Яе состоялось празднование Всесоюзного дня физкультурника. Открылся он торжественным парадом лесокомбинатовских спортсменов. Стройными рядами (недаром, освобожденные от работы, тренировались они до этого три дня) прошли волейболисты - Шапошников, Слесарев, Шиманович, Синев, Квасов, Петров, городошники - Шипулин, Милованов, Матухин, Патрушев, Усольцев, легкоатлеты - Лапин, Березин, Сайфулин, Крутов, Шиманович, Черепков, Александров, Семейкин, Лондарев, Бантыш, футболисты - Янин, Филиппов, Доманов, Шиманович⁷⁰.

На следующий год, 12 июня, в Яе открылся спортивный стадион. Состоялся футбольный матч на кубок ВЦСПС между командами «Красная звезда» и «Локомотив». Он-то и победил со счетом 3:1⁷¹.

Стадион не пустовал. Соревнования и тренировки проводились регулярно. Каждый год торжественно отмечался День физкультурника. На лесокомбинате вновь образовалась, как и до войны, дружная команда талантливых футболистов, не раз участвовавших в областных соревнованиях. В июне 56-го, например, яйские спортсмены выиграли футбольное первенство среди лесных предприятий области. Вся команда получила благодарность дирекции и по 50 р. премии*, а тренер В. Н. Шиманович и инструктор физкультуры А. И. Филиппов - по 100 р.⁷².

В честь 40-летия ВЛКСМ, в 1958 г., на лесокомбинате провели спартакиаду, которая длилась с мая по сентябрь. Тренировки и соревнования привлекли массу молодежи - ведь проводились они по десяти видам спорта⁷³.

Молодежь и подростки увлекались не только спортом. В клубе лесокомбината, новое, по тем временам просто роскошное, здание которого появилось в 1951 г. (сейчас он снесен), сложился прекрасный коллектив детской художественной самодеятельности. Руководители коллектива - В. В. Демин, Г. Г. Хмелевский, В. П. Титов, Г. Я. Грибанова - вопреки той суровой обстановке, в которой жила яйская

* В состав команды-победительницы входили: Н.Ф. Колесов, А.А.Баталин, Г.А. Платков, Г.С. Дубенко, В.Е. Ковалев, А.А.Роганов, А.Т. Подгорнов, В.Н. Федорин, А.Т. Сивуха, П.Р. Семейкин, В.И. Пахомов.

молодежь, воспитали в ней любовь к искусству. Зимой 1956/57 г. самодеятельные артисты из Яи заняли первое место в областном смотре художественной самодеятельности⁷⁴.

И спорт, и занятия искусством, и другие отрадные перемены в общественной жизни поселка отражали те перемены в обществе, которые происходили во всей стране. «Оттепель», наступившая после смерти Сталина и вызванных ею некоторых послаблений в тоталитарном режиме, неверная, перемежавшаяся «заморозками» и, в конце концов, сменившаяся новым резким «похолоданием», в Яе проявилась еще и значительными и, можно сказать, судорожными изменениями статуса, ведомственной принадлежности лесокомбината. Гулаговская система корчилась в агонии, и приступы ее сотрясали Яйский лесокомбинат.

Долгое прощание

Весна 53-го старожилам Яи запомнилась на всю жизнь: началась она с траура по поводу смерти Сталина, со слез, естественной для того времени тревоги: как-то сложится дальнейшая жизнь? А закончилась - массовой апрельской амнистией, когда из периферийных отделений Севкузбаслага на пересыльный пункт ЛО № 1 в Яю прибыло сразу чуть ли не десять тысяч бывших эзков. Амнистия эта, названная впоследствии бериевской, распространялась только на уголовников, не касаясь политических, тех, кто находился в заключении по 58-й статье. Они продолжали отбывать «наказание».

Освобождение сразу стольких заключенных, да весной, в канун сплава, неминуемо грозило катастрофой всей деятельности лесокомбината. Началась спешная вербовка новоявленных вольнонаемных из вчерашних эзков. Зам. начальника лесокомбината по лагерю, майор В. А. Перескоков был освобожден от всех других обязанностей и целиком занялся только вербовкой. Правда, чуть позже был создан специальный вербовочный аппарат, а майор вернулся к своей повседневной работе⁷⁵.

Нелегким оказался 1953 г. для лесокомбината! Перевод ряда цехов на вольнонаемный труд, а точнее на использование труда амнистированных, создал чрезвычайно сложную ситуацию. Во-первых, пришлось в кратчайшие сроки выстроить или переоборудовать общежития для «новых» рабочих. Во-вторых, изыскивать меры и средства того, как заставить этих рабочих трудиться. Освобожденные от лагерной принудилочки, они по несколько дней не выходили

на работу. Деятельность предприятия была осложнена и еще одним обстоятельством, а именно - разделом с лагерем.

В мае 1953-го Яйский лесокombинат, именовавшийся тогда лаготделением № 2 Севкузбаслага, был преобразован в спецотделение № 2 (СО- № 2) треста «Севкузбасспецлес» Министерства лесной и бумажной промышленности. Преобразование это длилось около месяца и полностью завершилось только в июне⁷⁶. Начальником СО-2 по-прежнему оставался М. В. Зиновский, лагерь же со всем его хозяйством и контингентом заключенных отошел от лесокombината и управлялся отдельно.

Отсутствие единоначалия в руководстве лагерем и лесокombинатом создавало в работе предприятия большие затруднения, ведь здесь продолжали использовать рабсилу заключенных (в части I и III районов, во II районе, на лесозаводе). Взаимоотношения с лагерем строились на договорной основе, которая не всегда выдерживалась. Как следствие, план 1953-го, хотя и уменьшенный, выполнить не удалось⁷⁷.

Не желая, видимо, далее испытывать судьбу, власть преержащие приняли новое решение: в феврале 1954-го лесокombинат вернулся в структуру Севкузбаслага МВД СССР и вновь стал именоваться ЛО №2. Одновременно начальник лаготделения старший лейтенант Зиновский отдал приказ: «Принять к сведению и исполнению по именованию впредь лагоотделения номером один, а по внешней переписке - «Яя, Кемеровской области, п/я 391/01... Установить с 25.08.54 года адреса для переписки заключенных: Яя, Кемеровской обл., почтовый ящик 391/01, о чем объявить всем заключенным»⁷⁸.

Дело как будто поправилось, тем более, что в Яю прибыла новая крупная партия заключенных. Закрытый было в поселке первый лагерный пункт (бывшее первое лаготделение) вновь открылся, к тому времени два яйских лагеря были объединены в одно лагоотделение № 1* во главе с тем же М.В. Зиновским⁷⁹. Тот год оказался выигрышным для лесокombината: годовой план был не только выполнен, но и перевыполнен. В счет будущего 55-го отгрузили

* В декабре 1954 г. швейная фабрика, работавшая до того в составе бывшего лаготделения № 1, была передана в управление местной промышленности. Эта бывшая женская колония Сиблага, существовавшая в Яе с конца 1930-х г., судя по всему, перешла на вольнонаемный состав в 1953-м. В списке 425 работников швейной фабрики в декабре 1954-го нет заключенных и практически все, перечисленные в списке, поступили на фабрику в 1953-м, исключая несколько механиков (См.: Приказы 1954 г. Т.5. Л.271).

дополнительно 88 тыс. куб.м круглого леса, 42 тыс. куб.м рудостойки, 84 тыс. куб.м пиломатериалов⁸⁰.

Казалось, вернулись старые времена: лесокombинат вновь стал занимать призовые места среди родственных предприятий отрасли. В первом квартале 55-го - III место, в третьем квартале и по итогам всего года - I место! Производственная программа пятилетки (1951-1955 гг.) были завершена к 1 ноября⁸¹.

А между тем токи оттепели незаметно, но настойчиво разъедали ледяной панцирь лагерного гиганта. Скажете, мелочь, несущественно: в органе политотдела Севкузбасслага газете «Красное знамя» появились кроссворды, а нам в этом видится метка - лагерная система начала мимикрировать, приспосабливаться к меняющейся действительности, очеловечиваться, а значит - готовить свою кончину*.

Новым рубежом в жизни лесокombината стал 1956 г., вернее разоблачение сталинизма, прозвучавшее на XX съезде КПСС в феврале того года^{**}. В июне 56-го лесокombинат, или лаготделение № 1, вновь, теперь уже во второй раз, стал спецотделением № 1 управления «Севкузбасспецлес» Министерства лесной промышленности СССР^{***}. А лагерный сектор предприятия опять получил самостоятельность и остался в ведении лаготделения № 1. Оно поставляло лесокombинату рабочую силу и услуги на основе ежемесячных расчетов⁸².

Однако и этот раздел оказался не окончательным. Слишком глубоко проникла лагерная система в нашу промышленность, не спо-

^{**} В документах сохранилось немало таких меток, характеризующих перемены в системе. Так, в 1955-м окончательно ушла из официального употребления аббревиатура «з/к» или «з/к з/к», замененная словом «контингент» или «заклученные».

^{**} Об эфемерности перемен свидетельствует, впрочем, информация, а скорее - донос, Кемеровского ОК КПСС в отдел парторганов ЦК КПСС о ходе обсуждения итогов XX съезда КПСС в первичных организациях Кемеровской области, опубликованная в сб. «Неизвестный Кузбасс» (С.34). В информации, подписанной секретарем обкома КПСС С. Пилипцом, подробно изложены сведения о том, кто какие вопросы задавал, кто какие разговоры вел.

^{***} Примером сохранившегося пристрастия к конспирации служит содержание приказа 29 июня 1956 г.: «С сего числа отделение именовать: а) при переписке по служебным делам внутри отделения и управления «Яйское спецотделение № 1 Управления Севкузбасспецлес Минлеспрома СССР», б) при переписке с разными организациями и частными лицами «Яйский лесокombинат Министерства лесной промышленности СССР». Приказ объявить всему личному составу. Начальник спецотделения № 1 капитан Зиновский».

собную развиваться свободно, без использования рабского труда заключенных. Нельзя не принимать в расчет и той заинтересованности в сохранении империи ГУЛАГа, которую имели многочисленные ее подданные - большие и маленькие начальники и рядовые служащие. Начальник «Спецлеса», бывший глава Севкузбасслга Леликов прямо заявил, выступая в апреле 1957-го на пленуме райкома КПСС: «... все наши рабочие требуют единого управления лесозаготовительными организациями. Мы предлагаем объединить лесоклепочный завод с лесозаводом, а также объединить управление «Спецлеса» Министерства лесной промышленности СССР с управлением Севкузбасслга МВД СССР»⁸³.

Так или иначе, но 11 ноября 1957 года капитан Зиновский вступил в обязанности начальника 1-го объединенного лагерного отделения* Севкузбасслга, заместителем его по лагерю стал подполковник С.Я. Колнеболоцкий. Как видите, растут чины, растет зарплата, доплата за звание, выслугу лет. Дальше - больше. Два месяца спустя, в январе 58-го при лаготделении был сформирован целый дивизион, командовать которым прибыл в Яю Герой Советского Союза лейтенант П.Ф. Торгунаков, а при нем - настоящий штаб со всем необходимым аппаратом⁸⁴.

И профессиональные военные хлеб свой ели не даром. Побег заключенных, невыходы на работу все учащались. Руководство Севкузбасслга и лесокомбината умело использовало, как и ранее, в царские времена, политику кнута и пряника. С одной стороны - ужесточалась дисциплина, с другой - для заключенных устраивали праздничные увеселения, регулярно показывали им кино, обеспечивали книгами. 1 декабря 1955-го в Яе открылась вечерняя школа для заключенных**, а в октябре 59-го была создана система профтехобразования⁸⁵.

Подготовка и переподготовка рабочих разных специальностей велись и среди вольнонаемных, которые все же замещали постепенно заключенных. Тем более, что в октябре 1959 г. была создана комиссия для пересмотра личных дел заключенных в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР⁸⁶.

* В конце лагерной эры лесокомбината наблюдается какая-то неясность в его ведомственной принадлежности. Возможно, осуществлялось двойное подчинение предприятия Кемеровскому УВД и Кемеровскому совнархозу, созданному в 1957 г. (См. Приложение 6).

** В школе преподавали и заключенные. Так, математику вел з/к Д.В. Кондратенко. Освобожденный в мае 1956-го, он согласился закончить учебный год как вольнонаемный.

Работа комиссии имела немалые последствия. Решением Кемеровского облисполкома от 16 декабря 1959 г. лесокombинат, или Яйское отделение № 1 управления п/я 391, было преобразовано в Яйскую лесоперевалочную базу с подчинением ее управлению лесной промышленности Кемеровского совнархоза⁸⁷.

Третьего января 1960 г. начальник почтового ящика 391/1 МВД РСФСР С.Я. Колнеболоцкий и и.о. директора лесоперевалочной базы К.Л. Русецкий подписали акт о выделении предприятия из состава п/я 391 - со всем оборудованием, зданиями, сооружениями, материально-технической базой, рабочими, ИТР, служащими за исключением офицерского корпуса, остававшегося в п/я 391.

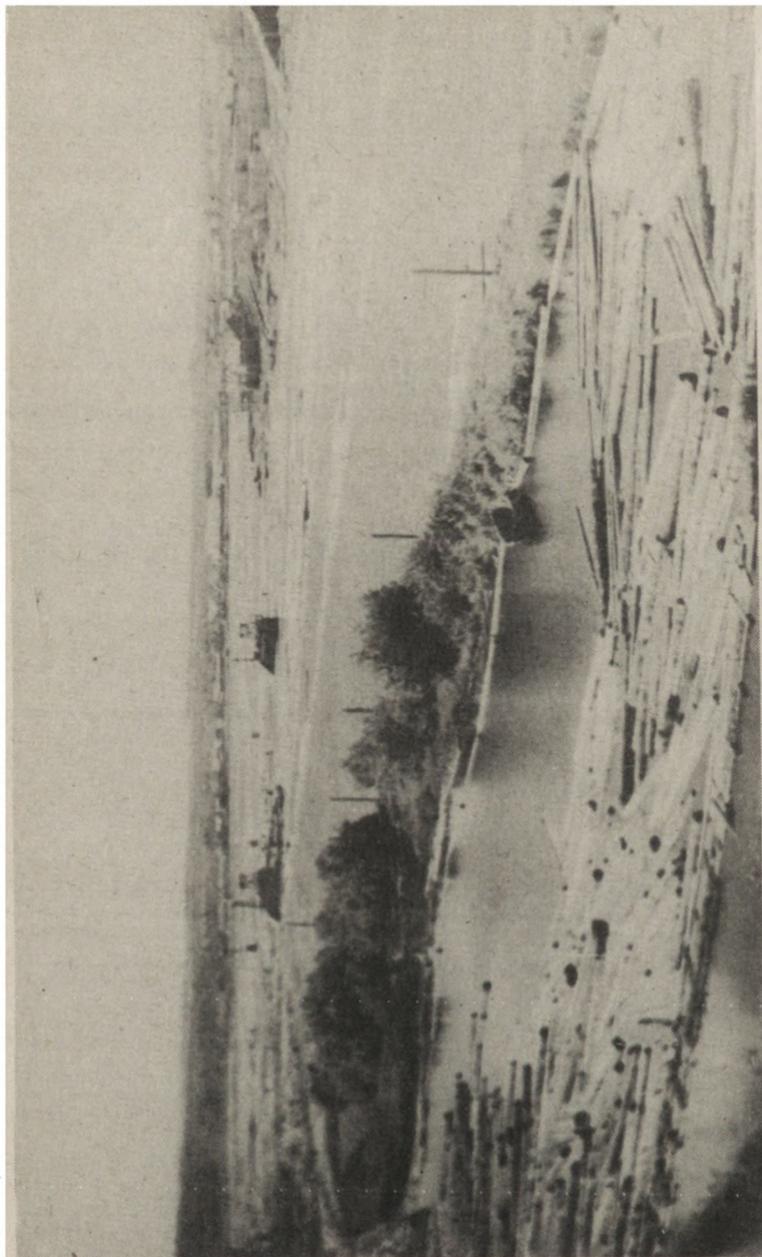
Документ содержал подробное перечисление всего имущества, отходившего к лесокombинату, или ЛПБ. Приведем его: сплавоперевалочные биржи, лесозавод, рейдовые работы, тарное производство, сельхозучастки, капитальное строительство и кирпичное производство, жилищно-коммунальное хозяйство, торговая сеть в пос. Яя, гужевой, автомобильный и тракторный транспорт, электростанция, сетевой район, паросиловое хозяйство, энергоцех, ремонтно-механические мастерские, железнодорожные подъездные пути, нефтебаза, а также клуб, стадион, сад, пионерлагерь и детсады.

Мы не случайно дали это перечисление, оно очень хорошо показывает: за небольшим исключением лесокombинат с чем пришел в Севкузбасслаг, с тем и вышел. Ничего не нажил и, на первый взгляд, ничего не потерял, если не считать потерей те 13 лет, которые коллектив провел в системе, а вернее - в тисках лагеря. А эти годы действительно были главной потерей для лесокombината и его работников.

Во время подготовки книги нам приходилось слышать разговоры о том, что без труда заключенных лесокombинату было не обойтись, что иначе ему не выполнить было тех заданий, какие он получал. Так ли это? Оспаривать такие рассуждения и трудно, и легко. Трудно потому, что, имея данные о деятельности комбината в системе Севкузбасслага, мы, естественно, не знаем, как бы он мог жить и развиваться, будучи свободным. Легко же оттого, что в истории немало примеров неэффективности, нежизнеспособности хозяйственных, социальных образований, основанных на принудительном, рабском, крепостном труде. Да что тут обсуждать, тиски Севкузбасслага разжала сама жизнь, но долго еще видны были их следы, а рубцы сохранились и по сию пору.

- ¹ Солженицын А.И. Архипелаг Гулаг. 1918-1956. Опущ художественного исследования. М.: ИНКОМ НВ, 1991. Т. I-II. С. 196.
- ² См.: Г а б о в В.И. Развитие лесной промышленности Кузбасса за годы советской власти // Краевед Кузбасса. (Материалы к научной конференции). Новокузнецк, 1970. Вып. III. С.92.
- ³ ГАКО. Ф.Р-456. Оп.1. Д.22. Л.408.
- ⁴ Т а м ж е . Д.23. Л.30.
- ⁵ Приказы 1945 г. Л.161, 190.
- ⁶ Приказы 1948 г. Т.1. Л.88.
- ⁷ Приказы 1945 г. Л.288,291.
- ⁸ Приказы 1946 г. Л.75.
- ⁹ Приказы 1945 г. Л.174; Приказы 1946 г. Т.1. Л.236; Приказы 1947 г. Т.1. Л.49.
- ¹⁰ ГАКО. Ф.Р-456. Оп.1. Д.22. Л.26,307,537.
- ¹¹ К у з б а с с . 1946. 24 нояб.; Приказы 1945 г. Л.250.
- ¹² ГАКО. Ф.Р-456. Оп.1. Д.35. Л.46.
- ¹³ См.: В е р т Н. История Советского государства. 1900-1991. М.: Прогресс, 1992. С.299.
- ¹⁴ К у з б а с с . 1946. 24 нояб.
- ¹⁵ Приказы 1946 г. Т.2. Л.304.
- ¹⁶ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.43. Л.23.
- ¹⁷ Приказы 1947 г. Т.2. Л.24.
- ¹⁸ Приказы 1948 г. Т.1. Л.114; Приказы 1949 г. Т.1. Л.205, 214.
- ¹⁹ Приказы 1947 г. Т.2. Л.12.
- ²⁰ ГАКО. Ф.П-75. Оп.7. Д.177. Л.14.
- ²¹ Т а м ж е . Л.17-18.
- ²² ГАКО. Ф.П-137. Оп.8. Д.1. Л.9 об.
- ²³ ГАКО. Ф.П-75. Оп.7. Д.177. Л.18.
- ²⁴ К р а с н о е з н а м я . 1949. 1 янв.
- ²⁵ Т а м ж е . 8,16,22 апр., 1,9 мая; Приказы 1949 г. Т.1. Л.172.
- ²⁶ Приказы 1949 г. Т.2. Л.42.
- ²⁷ Приказы 1950 г. Т.1. Л.267.
- ²⁸ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.46. Л.25 об.
- ²⁹ Т а м ж е . Д.10. Л.3 об.
- ³⁰ Приказы 1948 г. Т.1. Л.199.
- ³¹ Приказы 1950 г.Т.1. Л.159.
- ³² Приказы 1952 г. Т.1. Л.416.
- ³³ К р а с н о е з н а м я . 1949. 31 июля.
- ³⁴ Б у х г а л т е р с к и й о т ч е т з а... 1953 год. Л.105,106.
- ³⁵ Приказы 1955 г. Л.60.
- ³⁶ Приказы 1956 г.Л.5.
- ³⁷ Приказы 1950 г.Т.2. Л.229, 339.
- ³⁸ Приказы 1954 г. Т.1. Л.84.
- ³⁹ Приказы 1953 г. Т.1. Л.258.
- ⁴⁰ Приказы 1958 г. Т.3. Л.131; Приказы 1959 г. Л.329.
- ⁴¹ Приказы 1951 г. Т.2. Л.543; Приказы 1952 г. Т.1. Л.185; Т.2. Л.164.
- ⁴² К р а с н о е з н а м я . 1949. 1 янв.
- ⁴³ Приказы 1950 г. Т.1. Л.310, 393.
- ⁴⁴ ГАКО. Ф.П-137. Оп.8. Д.1. Л.19.

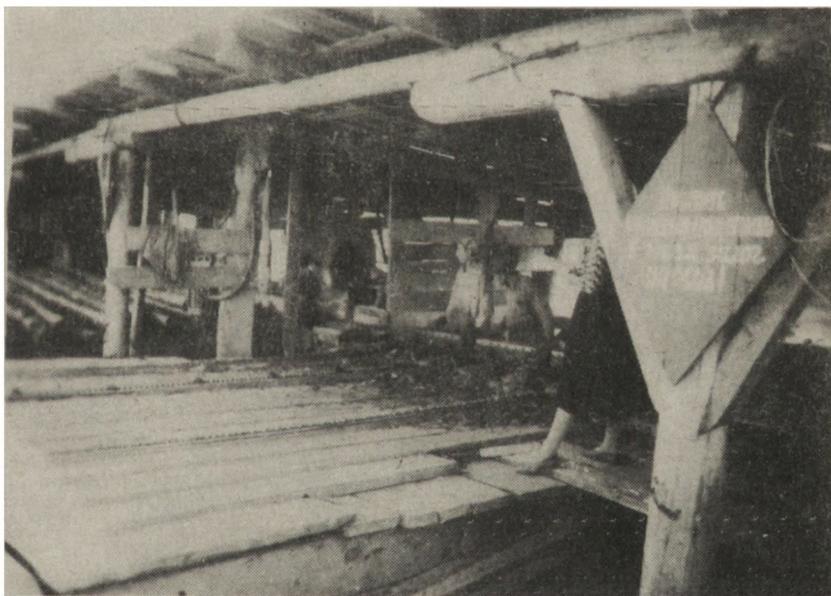
- ⁴⁵ Приказы 1952 г. Т.2. Л.143.
⁴⁶ Приказы 1954 г. Т.4. Л.251; Приказы 1956 г. Т.2. Л.136; Т.3. Л.228; Приказы 1957 г. Т.3. Л.357; Приказы 1958 г. Т.1. Л.101. Т.2. Л.3.
⁴⁷ Приказы 1948 г. Т.1. Л.186; Т.2. Л.105,204.
⁴⁸ Приказы 1949 г. Т.1. Л.254.
⁴⁹ ГАКО. Ф.П-75. Оп.7. Д.177. Л.23; Приказы 1950 г. Л.33,432; Приказы 1954 г. Т.4. Л.123.
⁵⁰ Приказы 1950 г. Т.1. Л.517.
⁵¹ Приказы 1950 г. Т.2. Л.17.
⁵² Приказы 1955 г. Т.1. Л.42.
⁵³ Приказы 1947 г. Т.3. Л.170.
⁵⁴ Приказы 1951 г. Т.1. Л.283.
⁵⁵ Приказы 1951 г. Т.2. Л.476.
⁵⁶ Приказы 1950 г. Т.1. Л.63; Приказы 1953 г. Т.2. Л.10; Приказы 1955 г. Т.1. Л.46; Приказы 1958 г. Т.2. Л.87; Приказы 1959 г. Л.249.
⁵⁷ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.46. Л.41-42.
⁵⁸ См.: Б е л к и н В. Мифы и правда о социалистическом ценообразовании// Коммунист. 1988. № 1. С.103-104.
⁵⁹ ГАКО. Ф.П-137. Оп.8. Д.6. Л.19.
⁶⁰ Т а м же . Л.20.
⁶¹ ГАКО. Ф.П-61. Оп.3. Л.11. Л.73.
⁶² ГАКО. Ф.П-137. Оп.8. Д.3. Л.32; Ф.П-75. Оп.7. Д.177. Л.17; К у з б а с с . 1953. 12 авг.
⁶³ Приказы 1955 г. Т.4. Л.55.
⁶⁴ ГАКО. Ф.П-137. Оп.1. Д.42. Л.1.
⁶⁵ Т а м же . Д.40. Л.15; Оп.3. Д.1. Л.24; Приказы 1956 г. Т.2. Л.52.
⁶⁶ Приказы 1952 г. Т.1. Л.61.
⁶⁷ ГАКО. Ф.П-75. Оп.7. Л.177. Л.51.
⁶⁸ К р а с н о е знамя. 1949. 1 янв.
⁶⁹ Приказы 1948 г. Т.1. Л.39.
⁷⁰ То же. Т.2. Л.19,20.
⁷¹ К р а с н о е знамя. 1949. 14 июня.
⁷² Приказы 1955 г. Т.2. Л.136; Приказы 1956 г. Т.2. Л.129.
⁷³ Приказы 1958 г. Т.1. Л.275.
⁷⁴ Приказы 1957 г. Т.1. Л.7.
⁷⁵ Приказы 1953 г. Т.1. Л.208-209.
⁷⁶ Приказы 1953 г. Т.1. Л.244; Т.2. Л.1.
⁷⁷ Приказы 1953 г. Т.1. Л.238; ГАКО. Ф.П-137. Оп.8. Д.3. Л.32-33.
⁷⁸ Приказы 1954 г. Т.2. Л.1, 41; Т.3. Л.190-191.
⁷⁹ Приказы 1954 г. Т.4. Л.260; Т.5. Л.60.
⁸⁰ Приказы 1954 г. Т.5. Л.266.
⁸¹ ГАКО. Ф.П-137. Оп.8. Д.5. Л.61-62; Приказы 1955 г. Т.2. Л.194; Т.4. Л.119; К у з б а с с . 1955. 29 окт.
⁸² Приказы 1956 г. Т.2. Л.117, 122; Приказы 1957 г. Т.1. Л.54.
⁸³ ГАКО. Ф.П-137. Оп.10. Д.4. Л.18.
⁸⁴ Приказы 1957 г. Т.3. Л.269, 336; Приказы 1958 г. Т.1. Л.62.
⁸⁵ Приказы 1965 г. Т.4. Л.231; Приказы 1959 г. Л.312, 314.
⁸⁶ Приказы 1959 г. Л.326.
⁸⁷ Бухгалтерский отчет по основной деятельности... за 1959 год. Л.290.

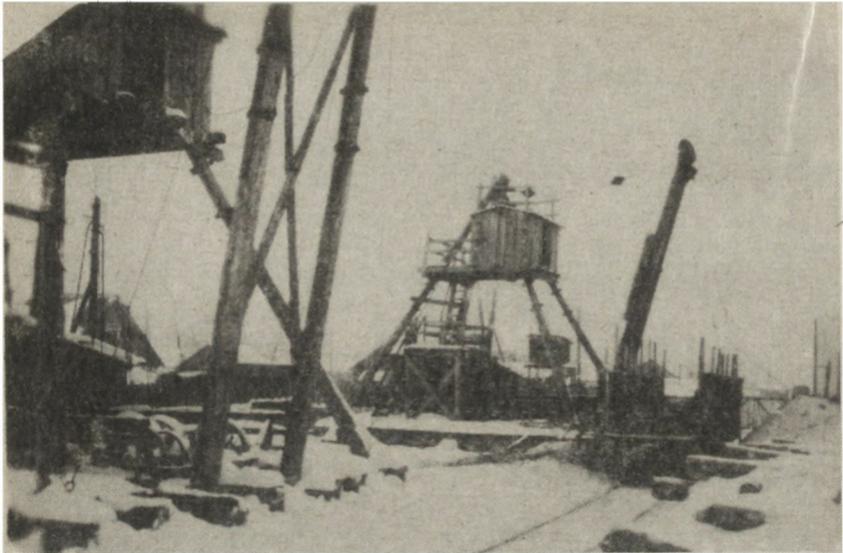
Яйская нижняя запань. 1953 г.

Сортировочный рейд после реконструкции 1953 г. Снимок 1954 г.

Полуавтоматическая разделочная станция на разделке рудостойки и дров. 1954 г.

Погрузка леса в железнодорожные вагоны стрелами Молгачева. 1953 г.

Брусовка чурака на пластины. Станочник Н. Дроздов

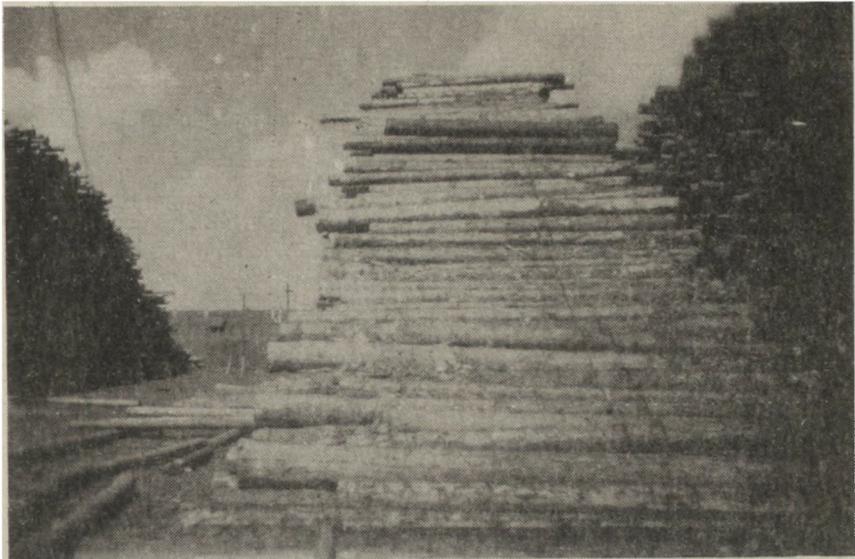
Роспуск пластин на дощечки. Станочница Е. Сергеева

Пакетная торцовка дощечки по длине. Станочница Р. Ларионова

Укладка древесины в штабеля лебедками. Высота штабелей до 10 м. 1953 г.

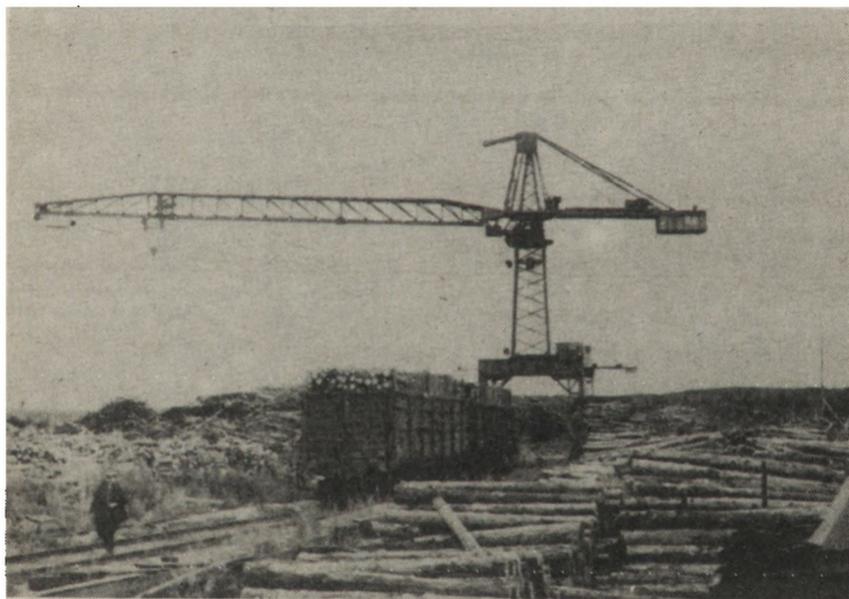
Укладка древесины лебедкой ТЛ-6. 1955 г.

Укладка рудничной стойки. 1956 г.

Освоение пакетной погрузки в вагоны. 1966 г.

Погрузка леса в вагоны краном БКСМ-14. 1977 г.

Выгрузка леса из воды бревнотаской. 1968 г.

Глава VI

К КОММУНИЗМУ НА ПУТИ

Выполняя семилетку

С конца 20-х гг. развитие народного хозяйства в СССР планировалось на пятилетку вперед. Детально расписанные по каждой отрасли хозяйства планы эти имели более политическое, чем экономическое значение, они были призваны убедить население в преимуществах планового социалистического хозяйства перед капиталистическим. Итоги пятилеток, как правило, касались лишь наиболее общих показателей, которые трудно было сравнить с ранее планируемыми. И не случайно, ведь ни один пятилетний план так и не удалось выполнить в полном объеме. А осуществление шестой пятилетки, рассчитанной на 1956-1960 гг., вообще прервали на середине, объяснив это необходимостью выровнять народнохозяйственное планирование в странах СЭВ.

В конце января - начале февраля 1959 г. внеочередной XXI съезд КПСС принял новый, теперь уже семилетний план развития экономики страны. С соответствии с ним стали верстаться новые планы по отдельным сферам хозяйства, отдельным предприятиям. И нам следовало бы, казалось, рассказывая о деятельности лесокомбината, выделить семилетку как особый период. Так-то оно так, но поскольку первый год семилетки для предприятия был последним в системе Севкузбасслага, а это имело для него гораздо большее значение, то мы решились поступить с точностью хронологии и, изучая события семилетки, время от времени оговариваться тем, что 1959 г. мы как бы оставляем «за бортом», или за тем водоразделом, который пролегал после «долгого прощания» между лаготделением №1 и Яйской лесоперевалочной базой, возникшей к жизни в январе 1960 г.

Окончательный развод произошел, имущество после некоторых

споров разделили*, но все же не сразу и не вдруг освободился лесокомбинат от гулаговских пут. Сам-то он оказался вновь предприятием с вольнонаемными работниками, но лесозаготовки и лесосплав по-прежнему осуществлялись в продолжение всей семилетки заключенными бывшего Севкузбаслага, переименованного в безличный п/я 391**. Леспромхозы и отдельные лесозаготовительные участки и пункты вплоть до 1965-го, а возможно и позже, опирались на использование принудительного труда и по-старому именовались лаготделениями: Мурюкское ЛО № 8, Ампалькское ЛО № 6, Алчедатское ЛО № 5, Барзасское ЛО №10 и т.д.¹ Это обстоятельство очень сильно осложняло и без того нелегкую ситуацию с заготовкой и сплавом леса, потребного для Яйской ЛПБ. А для того, чтобы выяснить, в чем состояли сложности и как с ними справлялись, вернемся немного назад, в послевоенные годы.

То, что лесозаготовки шли трудно во всем Кузбассе, хорошо видно по тем заголовкам, которыми буквально пестрит областная газета 40-50-х гг. Вот лишь некоторые из них: «Выполнить план лесозаготовок!», «Усилить темпы лесозаготовок!», «Все силы на выполнение плана лесозаготовок!», «Сплавить лес до единого бревна!», «Преодолеть отставание лесозаготовителей!»² Причины неудовлетворительной работы лесозаготовителей были вполне ясны и авторам статей, и организаторам работ. Лесозаготовки велись, как в военные и довоенные годы, практически вручную сезонными (позже стали говорить - привлеченными) рабочими из колхозников, несколько в этом тяжком и малооплачиваемом труде не заинтересованных. Поставленные в нечеловеческие условия, порой подолгу лишенные горячей пищи и возможности обогреться и просушить одежду, эти временные рабочие и работали соответственно. В 1950-м, например, в целом по Кемеровской области план по заготовке древесины силами колхозников остался на отметке 36 процентов³.

Создание в 1947 г. Севкузбаслага как раз и призвано было решить проблему обеспечения лесозаготовок рабочей силой. Рабо-

* 6 января 1960 г. Был подписан протокол разногласий, возникших при выделении Яйской ЛПБ из состава п/я 391. В результате помещение бывшей казармы при лагпункте № 1 передали лесоперевалочной базе, но зато комната в клубе Яйской ЛПБ, занятая политотделом п/я 391, и 5 комнат в конторе предприятия оказались занятыми лагерным управлением. Медицинское обслуживание работников лесокомбината по-прежнему осуществлялось через п/я 391.

** В 1962 г., например, судя по бухгалтерскому отчету, лесоперевалочная база получала древесину из трех источников. Собственные заготовки дали 11580 куб.м, лесхозы - 5382 куб. м, а п/я 391 - 415680 куб.м.

чей-то силой обеспечили, но положение не выправили, ведь у з/к стимулов работать производительно имелось еще меньше, чем у колхозников. Впрочем, дело развивалось, можно сказать, с переменным успехом. Худо-бедно, но лесокомбинат сырье получал и продукцию отгружал. За счет чего?

Первым делом, руководители лесной отрасли старались привлечь на лесосеки технику и технические приспособления. В начале 50-х лучковым пилам наконец-то нашлась замена в виде электрических, а с 1956-го - более удобных и производительных бензопил «Дружба». Когда валка была более или менее механизирована, приступили к более решительному наступлению на способы доставки бревен к местам сплава.

В 50-е гг. конная тяга окончательно уступила место автомобильной и тракторной. Использование их позволило применять и новые технологии, и более современные методы организации труда. Главные из них заключались в вывозке леса в хлыстах, внедренной в середине 50-х, а с конца того десятилетия - в крупнопакетной погрузке леса. Эти новшества, разумеется, очень значительно подняли производительность труда в лесосеках. И тут же натолкнулись... на нежелание работников ими пользоваться. О том, как на лесокомбинате заключенные не хотели использовать механизмы и даже ломали их, мы уже писали. Примерно то же самое происходило и на лесозаготовках. На отдельных участках, например, уже в начале 50-х гг. почти половина всех работ была механизирована, но, по свидетельству газеты «Кузбасс», нарушались самые элементарные технологические требования: «Лесовозные дороги не приводятся в нормальное проезжее состояние, трелевочные волокна не подготавливаются, автотракторный парк не обеспечивается достаточным количеством сухой газогенераторной чурки и необходимым количеством прицепного инвентаря...»⁴

Дело доходило до того, что механизированная валка леса обходилась дороже ручной. Это и неудивительно, если вспомнить, что ручную рубку производили зэки. Механизированная же требовала, с одной стороны, более квалифицированных рабочих, с другой, более качественных материалов. Возьми, например, ту же чокерную погрузку. Прицепной трос, или чокер, с помощью которого лебедка захватывала хлысты и грузила на трактор, рвался через недели полторы. Надо учитывать, что на изготовление одного чокера расходовалось по три метра троса, а для полноценной работы одного трактора требовалось 25-30 таких чокеров в год. Троса, конечно, не

хватало. Для экономии его на трактор выдавали по 5-6 чокоеров. Чокеры, как правило, изготавливали местные, леспромхозовские кузнецы, а это и удорожало их стоимость, и снижало, вследствие не очень качественной работы, сроки их годности⁵.

Технические и технологические новинки выдвигали на первый план требования новой организации труда. Еще в конце 40-х начали создавать так называемые сплошные звенья. Суть их в том, что одно звено отвечало за весь рабочий цикл - от рубки до подвозки древесины к месту сплава. Это, конечно же, повышало ответственность рабочих в выполнении отдельных операций, сокращало межоперационные потери. Позже такие звенья начали называть сквозными, а в середине 50-х прием этот получил новое наименование - циклическая организация производства, график цикличности и т.п.⁶

Независимо от названия, новый метод, во-первых, позволял значительно, раза в полтора-два, повысить производительность труда, во-вторых, требовал добросовестного отношения к работе всех членов звена или цикла. А можно ли этого было добиться от сезонников из колхозов или заключенных? Ответ тут может быть только один и отрицательный.

В 1955 году, когда Севкузбаслаг, как и вся система лагерей, пережил первые потрясения, первые амнистии, появилось, как всегда совместное, постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС о мерах по «коренному улучшению работы лесозаготовительной промышленности»⁷. Была сформулирована задача перейти от сезонной работы по лесозаготовкам к круглогодичной, а самое главное - к формированию в лесной промышленности постоянных кадров. Имелся, конечно, в виду прежде всего отказ от привлечения колхозников. Что касается заключенных, то их труд, как уже отмечалось, использовался в лесу все годы семилетки*. Отсюда и в начале

* Руководители Кемеровской области высказывали определенную озабоченность присутствием в Кузбассе большого числа заключенных. В феврале 1961 г. начальник УВД Кемеровского облисполкома К.Г. Григорьев писал секретарю обкома КПСС Л.И. Лубенникову, что в область продолжается завоз заключенных из многих других ближних и дальних территорий. К началу 1961-го в области насчитывалось почти 29 тыс. заключенных, из них в Северокузбасском ИТЛ - 4179 чел. «В этой обстановке, - заявлял К. Григорьев, - трудно и невозможно решить вопрос о ликвидации исправительно-трудовых лагерей, наоборот, встает вопрос об организации новых подразделений мест заключения.

Почему МВД РСФСР избрало Кузбасс - индустриальную область - местом размещения заключенных из других областей республики, для нас непонятно» (Неизвестный Кузбасс... С. 42-44).

60-х все те же беды мучали яйских лесозаготовителей. В 1961-м, к примеру, достоянием гласности, благодаря областной газете, стали такие данные: на лесозаготовках «Севкузбасслеса» (а так, мы помним, в открытых публикациях именовался Севкузбаслаг) трелевка леса с кронами была механизирована на 68 процентов, погрузка - на 36 процентов, разгрузка - на 15 процентов. При этом крупнопакетная погрузка, т.е. наиболее эффективный в то время способ погрузки, составляла всего 8 процентов погрузочных работ, а вывозка леса в хлыстах - 17 процентов всей вывозки⁸.

Впрочем, лесозаготовки велись, как правило, в довольно отдаленных от Яи местностях и протекали поэтому достаточно отстраненно от жизни самого лесокombината. А вот вторая стадия лесозаготовительных работ, а именно сплав, происходила уже при непосредственном участии работников предприятия. Тема сплава, тем более, что длился он практически с апреля и до октября, была одной из самых насущных на лесокombинате. Тем не менее техника и приемы сплавных работ долгое время оставались самыми допотопными. Собственная ловкость и сообразительность, багор да топор - вот и весь арсенал сплавщиков. Но как раз сообразительность и выручала.

Долголетние наблюдения опытных сплавщиков дали им очень ценную информацию о состоянии речного бассейна реки Яи, о возможных способах удачного проплава леса. Все послевоенные десятилетия на Яе и ее притоках использовали исключительно сплав молеми, т.е. россыпью. При этом существовала большая опасность утопа или обсушки на берегах немалой части, порой до 30 процентов, всей древесины. Опытные сплавщики знали, что в холодной воде бревна тонут меньше, а чем сильнее течение реки, что бывает в первые дни после ледохода, тем быстрее проходит лес и реже оседает на берегах. Так родилась в Яе концепция скоростного сплава.

Впервые скоростной сплав опробовали в 1950-м, а затем многие годы совершенствовали и еще более ускоряли его, сократив в течение первого пятилетия с 43 до 20 дней, а в 1959 г. провели сплав аж за 14 дней!⁹

Скоростной сплав требовал, конечно, тщательной подготовки. Во-первых, стала использоваться так называемая безрюмная штабелевка леса на плотбищах на берегах рек. Более высокие, чем прежде, штабеля укладывались и крепились так, чтобы их легко можно было разрушить и быстро скатить в воду. Для этого затрачи-

ваилось от одних до четырех суток, тогда как ранее для разборки верхних рюмов и сброса леса в воду требовалось до 10 суток.

Во-вторых, новый метод сплава нуждался в очень точном расчете времени, когда сбрасывать лес в воду. Использовался не просто высокий уровень воды в реке, но очень ранний и оттого кратковременный период подъема воды, когда скорость течения и сила тяги воды наибольшая именно на фарватере, т.е. самой глубокой части реки. Тогда оказавшиеся в воде бревна силой течения увлекаются от берегов к фарватеру и продвигаются очень быстро, не цепляясь за берега. Конечно, чтобы уловить момент вскрытия реки, использовали авиапатрулирование, а позже стали опережать естественное начало ледохода, взрывая лед на больших пространствах. Тогда же стали спрямлять русла извилистых лесных речек, срезать острова, которые становились преградой для скоростного сплава.

Разумеется, скоростной сплав целиком зависел от умения и мастерства сплавщиков. Опыт таких работников, как Григорий Яковлевич Шипачев, отдавший сплаву почти полвека, становился решающей силой. Недаром в 1960-м целая группа рабочих лесоперевалочной базы получила звание «Почетный мастер заготовок леса и лесосплава»: выгрузчики СПУ В.Г. Бондаренко, В.А. Беседина, Н.Т. Зебрина, Н.И. Тушминский, Н.А. Ткач, сплавщики М.Л. Комаров, И.Ф. Никитин, М.В. Пономарев, Г.К. Тишевецкий, И.Г. Аксененко, В.В. Скулов, Ф.А. Кошкарев, Д.Е. Рущенко¹⁰.

Однако бесспорное лидерство Яйского лесокombината в проведении скоростного сплава в течение 50-х - начале 60-х гг. не означало отсутствия трудностей. Дважды, в 1964 и 1965 гг., сплавные работы проходили с задержками и стоили Яйской ЛПБ больших усилий. Стремительный подъем воды весной 1964-го не дал возможности сплавить весь необходимый лес, часть его, видимо, обсохла на берегах. Понадобился доплав. Зачистку реки Яи, где осталось до 5 тыс. куб. м леса, проводили в июле, а на 27 сентября был назначен массовый выезд рабочих и служащих лесоперевалочной базы на доплав леса по Золотому Китату. О масштабах десанта говорит то, что для перевозки людей к месту работы подготовили 17 кузовных автомашин¹¹.

В следующем 1965-м неблагоприятная ситуация повторилась, в результате резкого колебания уровня воды обсохло много древесины, а с учетом утопа потери в тот год составили 9,4 тыс. куб. м леса¹².

Анализируя причины неудач, руководители Яйской ЛПБ и вышестоящие организации не преминули заявить о низкой технической

оснащенности сплавных работ, о невысокой производительности труда сплавщиков, о недостатке тросов. Не могли они не сказать и о том, что создавали сами годами и десятилетиями, а именно, - о гидрологическом режиме сплавных рек, об их экологии.

Понятие «экологическое неблагополучие» ни в годы семилетки, ни тем более в предыдущее десятилетие не использовалось. Подчиненное целиком идее индустриализации страны общественное мнение никак не реагировало на многие губительные для окружающей природы способы индустриального освоения. Тот же молевой сплав, те же ледакольные работы, спрямление рек для скоростного сплава - кто тогда задумывался или высказывался о недопустимости их, о страшных экологических последствиях подобных действий. Правда, кое-какие последствия все же замечали. Так, в сентябре 1955 г. в «Кузбассе» довольно подробно описали явление, которое лесозаготовители определяли термином «река разработалась» или «разбилась». Вот как это выглядело: «Плывущие бревна, ударяясь о берега, разрушают их, нарушая структуру грунта. Разбитые бревнами берега легко размываются осенними, весенними и даже летними паводками, что ведет к расширению русла, обмелению рек, образованию мелей и перекатов»¹³.

Правда, волнующая своей необратимостью картина эта понадобилась в газете лишь как обоснование для работ по углублению и спрямлению рек. И действительно, за несколько лет скоростного сплава в Кузбассе было проведено 57 спрямлений речных русел, уничтожено более 30 островов, устроено около 40 новых протоков. В бассейне Яи спрямили 26 рек, а на Суразовском Мурюке взорвали три больших острова¹⁴. При этом ведь еще и лес рубили подчистую и так, что на вырубках подолгу ничего не росло.

Тревогу о запасах деловой древесины в бассейне Яи впервые высказывали еще в годы Великой Отечественной. Но тогда ее не принимали в расчет и казалось это вполне резонным - война. Но вот давно уже кончилось военное лихолетье, а беспощадное уничтожение леса и всей живой природы продолжалось. И только в 1958-м разговор о состоянии лесов Кузбасса возобновился. Со страниц областной газеты прозвучали страшные цифры: ежегодно в Кемеровской области вырубается около 60 тыс. гектаров леса, тогда как возобновлено посадками за 1956-1960 гг. только 23 тыс. гектаров¹⁵. Прошло еще пять лет, и заготовку леса в северных районах области называли, не таясь, хищнической¹⁶. Стало уже заметным обмеление Яи и Барзаса, появились первые симптомы опасности и для сельско-

го хозяйства, и для жизни населения. Летом 1965-го, например, вода в Яе стала непригодной для питья, и для водопровода ее принялись брать из артезианской скважины.

Казалось бы, о природе заботились и старались, в частности, внедрить новую технологию узких лент, которая позволяла сохранять подрост. Но, видимо, не везде она применялась. И когда лесозаготовители ушли из когда-то бескрайних лесов, то остался после них захламленный пустырь. Именно так и пишут авторы книги «Леса Кузбасса» об Алчедатском лесничестве, где «большие площади невозобновившихся вырубок (11 тыс.га), которые представляют теперь сплошные пустыри, но попасть туда из-за отсутствия дорог возможности нет, нет там и населенных пунктов»¹⁷. Примерно такая же картина наблюдалась в Ижморском, Азановском, Романовском, Красноярском лесничествах.

Но в годы семилетки экологических катастроф еще не опасались, а больше были озабочены выполнением и даже перевыполнением планов, также не очень-то задумываясь над тем, а нужно ли подобное разбазаривание сырьевых ресурсов.

А разбазаривание шло знатное. В Алчедатском леспромхозе, например, опилки сваливали в речку, в самой же Яе, по словам одного из депутатов поссовета, сыпали опилки, «кому куда нравится»¹⁸. Но все же и в далекую Сибирь, и в маленькую Яю долетели свежие ветры научной организации труда, создания новых технологий. Одним из самых важных событий на Яйской лесоперевалочной базе в годы семилетки стало, конечно, устройство цеха древесной муки*.

Известно, что на рубеже 50-60-х гг. у нас в стране особое внимание уделялось развитию химической промышленности. Появился даже лозунг «Плюс химизация!», который по замыслу должен был продолжить ленинский афоризм: «Социализм есть советская власть плюс электрификация всей страны». Одним из центров химической промышленности стал Кузбасс, и на предприятиях лесной и деревообрабатывающей промышленности Кемеровской области приступили к выпуску древесной муки из опилок, сырья для производства пластмасс.

* Интересно, что первая попытка организовать использование отходов деревообработки относится к 1947 г.; когда представители Ленинградского отделения ГИПРОГидролиз обследовали поселок Яю на предмет строительства здесь гидролизного завода. По каким-то причинам намерение осталось неосуществленным (См.: ГАКО. Ф.Р-61. Оп.3. Д.10. Л.395).

Распоряжение на строительство цеха древесной муки на Яйской ЛПБ было получено от Совета Министров РСФСР через Кемеровский совнархоз* в мае 1961 г. Директор предприятия К. Л. Русецкий специальным приказом предписал главному инженеру С.Я. Порошину** получить в совнархозе проект цеха, произвести привязку его на местности и подготовить строительную площадку к 30 августа того же 1961-го. На строительство, таким образом, оставалось чуть более года, так как в 1962-м цех требовалось сдать в эксплуатацию¹⁹.

Однако ни в 62-м, ни в 63-м работу по строительству цеха так и не закончили, хотя и пытались это сделать. В августе 1963-го К.Л. Русецкий приказал начальнику стройучастка В.Н. Чечуро закончить перекрытие корпуса цеха к 1 сентября, а через месяц - завершить все общестроительные работы по цеху. Одновременно начальнику ПТО Н.Б. Красикову*** поручалось организовать монтаж необходимого оборудования, а инженеру по профтехобразованию Сорокиной открыть подготовку рабочих цеха древесной муки²⁰.

Но несмотря на строгие приказы и по лесоперевалочной базе, и по Кемеровскому СНХ, срок окончания строительных работ приходи-

* 10 мая 1957 г. Верховный Совет СССР постановил создать совнархозы вместо жестко централизованных министерств. Новая территориально-отраслевая система управления народным хозяйством имела, конечно, свои преимущества, поскольку позволяла на местах решать межотраслевые проблемы. Но зато возникла масса новых трудностей, в частности, в сфере взаимоотношения родственных предприятий, расположенных в разных совнархозах. С устранением в конце 1964 г. от власти главного инициатора совнархозов Н.С. Хрущева они были распущены и вновь возникли отраслевые министерства. Эксперимент с совнархозами, как и другие попытки Хрущева модернизировать социально-экономическую систему в СССР, не затрагивал первооснов этой системы и поэтому принес мало практических результатов.

** Сергей Яковлевич Порошин, 1922 г.р., образование среднетехническое, член КПСС с 1956 г., главный инженер ЛПБ. Такая характеристика содержится в документах Анжеро-Судженского райкома КПСС. Заготовлена она в июне 1962-го, в связи с вынесением Порошину строгого выговора с занесением в учетную карточку. В вину ему вменялось «использование взрывчатки с целью глушения рыбы и незаконное приобретение шифоньера по заниженной стоимости». Бюро райкома посчитало также нецелесообразным его дальнейшее использование на должности главного инженера ЛПБ как руководителя, потерявшего доверие коллектива и партийной организации». Надо ли сообщать, что решение это было тотчас выполнено (См.: ГАКО. Ф.П-137. Оп.11. Д.12. Л.26-27).

*** Николай Борисович Красиков, 1928 г.р., выпускник Сибирского лесотехнического института в Красноярске, приехал в Яю из Кемерова в 1962 г. и сразу возглавил здесь производственно-технический отдел, в последующие двадцать лет довелось ему работать и главным инженером, и главным технологом лесокombината.

лось отодвигать сначала до 5 октября, а потом и еще позже. Стремясь выполнить распоряжение вышестоящего начальства из Кемерово и Москвы, давших изначально нереально короткие сроки для сооружения цеха, руководители Яйской ЛПБ (наверняка, не без ведома все того же начальства) пошли на «облегчение» проекта, на совмещение некоторых работ. Отказались, например, от наружной штукатурки стен, монтажные работы начали в недостроенном здании и вели их в две смены при электрическом освещении. И как ни спешили, пришлось все же прием цеха в эксплуатацию производить уже в феврале 1964 г. Председатель приемной комиссии главный инженер Яйской лесоперевалочной базы А.Я. Диркс* подписал акт по приемке цеха с большими недоделками. Государственная комиссия приняла работу с оговорками, что цех «готов только наполовину»²¹.

Но коли акт о приемке цеха подписан, то ему «спустили» сразу солидный план. О том, что произошло на Яйской ЛПБ, подробно написано на страницах газеты «Кузбасс»: «Цех перешел на четырехсменную работу, агрегаты закрутились на всю мощность, и между проектировщиками, осуществлявшими авторский надзор, строителями и эксплуатационниками начались настоящие баталии. Один за другим повалили неполадки. А директор ЛПБ К.Л. Русецкий авторов проекта, пытавшихся узнать, почему «цех не идет», оттеснял от агрегатов чуть ли не с мольбой: «У меня же план, товарищи! Заклепаем, заварим и пустим»²².

Проектировщики, а это были представители ГИПРОлестранса, спорили с Русецким недаром: ведь в Яе впервые в нашей стране осуществили совершенно новый проект производства древесной муки, и первый этот блин оказался комом. В спешке смонтировали далеко не все необходимое оборудование. Как следствие процесс изготовления муки оказался не только опасным для обслуживавшего персонала из-за непомерной пыли, но и не отвечал требованиям технологии: мука не соответствовала нормам ГОСТа. Могли помочь особые ситовые вкладыши, отсеивавшие излишние крупные фракции. Заказ на их изготовление разместили на Юргинском машиностроительном заводе. С кемеровского завода «Карболит»

** Александр Яковлевич Диркс был назначен главным инженером ЛПБ 11.03.63 г. Впоследствии был директором «Анжерлеса», зам. директора «Кемероволеса» по сбыту и сплаву, а закончил свою производственную карьеру начальником планового управления Министерства лесной промышленности, сейчас на пенсии, живет в Москве.

были получены и установлены недостающие сушильные аппараты ротационного типа, а также фильтры и капроновые сетки. Пригодились и разработки местных умельцев. Так, Л.О. Драгунов предложил новый выбойный аппарат, с помощью которого стали в каждый мешок насыпать древесной муки на два килограмма больше. Это давало предприятию экономии более 50 тыс. мешков в год²³.

С большим трудом, но производство муки в Яе налаживалось. Через год работы цех стал выходить на свою проектную мощность - 3 тыс. т в год. По свидетельству начальника производства В.П. Осипюка, в январе 65-го цех выдал 269 т древесной муки при плане 260 т, в феврале - 278 т, в марте - 280 т. Он назвал и имена людей, чьим трудом выполнялись быстрорастущие задания, - слесаря М. Мачулина, сепараторщицы А. Горюновой, дежурного сушильных барабанов Г. Верного, дежурной фильтровального отделения А. Заречной²⁴.

Заслуженные эти похвалы как будто «сглазили» «трудного ребенка» Яйского ЛПБ: ночью 8 июня 1965-го в цехе начался пожар. Комиссия, расследовавшая причины возгорания, выяснила вопиющие факты. Во время текущего ремонта мельницы в ней остались куски металла, а реле токовой защиты не было включено. Как следствие, произошел перегрев механизма и вспыхнул огонь. На устранение последствий пожара, к счастью, быстро затушенного, понадобилось двое суток²⁵. Время как будто и не большое, но если бы это была единственная остановка!

О частых перебоях в работе цеха летом 1965-го заговорили уже и со страниц областного «Кузбасса»²⁶. Поразительно то, как аргументированы причины этих перебоев, - изношенность оборудования, и это через год с небольшим после пуска. Остается лишь гадать: то ли хитрили авторы публикации, то ли не знали толком, о чем писали*.

* Из других структурных перемен на Яйской ЛПБ следует отметить устройство малярного цеха во II СПУ в 1960 г., да и преобразование самих сплаво-перевалочных участков. Приказом начальника лаготделения № 7 майора Усанова в мае 1959-го I и II СПУ были объединены в один сплаво-перевалочный участок во главе с А.П. Давыдченко, бывший начальник второго СПУ В.П. Яковлев стал технорук. Прошло два года и с 1 июля 1961-го на ЛПБ опять возникли I и II СПУ.

Преобразования коснулись и мебельного производства. С 1 октября 1961 г. Анжерская мебельная фабрика вошла в состав Яйской ЛПБ на правах цеха. Однако организовать работу цеха на расстойки оказалось все же трудно. Распоряжением Кемеровского совнархоза от 16 мая 1962 г. мебельный цех в Анжерке был передан в ведение п/я 1612/31 УВД Кемеровского облисполкома. А еще через два года, в марте 1964-го, и собственный мебельный цех Яйский лесокombинат

Впрочем, проблема новой техники по-прежнему оставалась для яйских лесообработчиков очень острой, хотя в годы семилетки поступало сюда новое, более совершенное оборудование. Прежде всего изменилась транспортная база предприятия. Если в предыдущие годы количество тракторов и автомашин можно было пересчитать на пальцах одной руки, то к концу 1965 г. имелось 30 автомобилей и 14 тракторов, тогда как лошадей осталось только 20²⁷.

В годы семилетки на рейде появилось три новых катера БМК-90, лодки с подвесными моторами «Москва»²⁸. Совершенствовалась и техника обработки древесины. Знаменательный в этом отношении приказ директора ЛПБ появился 5 мая 1962 г.: «Запретить ручную окорку рудничных стоек и долголетия... Производить окорку только механизмами».

Приказ этот примечателен в том отношении, что показывает, как не сразу и не вдруг воспринимали новую технику на лесокомбинате. Характерный случай произошел здесь еще в конце 1959-го, когда в утильном цехе лесозавода был установлен многопильный драночный станок с непрерывной подачей сырья. Изготовили этот производительный станок умельцы местной ремонтно-механической мастерской, а другие «умельцы» довольно быстро вывели его из строя. Может быть, их раздражала как раз непрерывность работы станка? Прямого ответа на этот вопрос нет, но никто на лесозаводе не спешил его восстанавливать. Пришлось директору Русецкому объявить выговор старшему механику лесозавода и обязать зав. лесозаводом И.З. Секаренка «взять под личный контроль восстановление и работу станка»²⁹.

Недопонимание некоторыми работниками предприятия роли и значения новых механизмов, небрежное к ним отношение, конечно же, сформировались годами господства ручного труда. Но временам этим, с устранением принудительного труда з/к, явно приходил конец: на лесокомбинате появились не просто станки или оборудование, а техника новых поколений. Осенью 1963-го, например, начался монтаж полуавтоматической разделочной станции АЦ-1 на первом сплаво-погрузочном участке³⁰. Автоматическим было оборудование цеха древесной муки, о котором здесь уже рассказывалось.

вынужден был передать по распоряжению все того же совнархоза на Юргинскую мебельную фабрику. Бывший мебельный цех с прекращением выпуска мебели стал называть деревообрабатывающим. В январе 1965 г. Яйская ЛПБ лишилась и стройучастка, передав его в ведение треста «Кузбасслесжелдорстрой».

Серьезным событием в жизни лесоперевалочной базы стала установка новой лесопильной рамы. Ведь в течение почти трех десятилетий работали здесь три шведские пилорамы РЛБ-75, и вот в сентябре 1964-го приступили к монтажу четвертой, более совершенной РД-75-6. Работа по ее установке успешно завершилась в месячный срок, за что 32 монтера, слесаря, механика с начальником лесозавода И.З. Секаренком во главе получили неплохие по тем временам премии³¹.

Среди технических новинок семилетки на лесоперевалочной базе следует отметить многопильный станок Т-94 и концевитальный станок АУФК германского производства, и топлякоподъемник Т-2, и пресс для кипования стружки ПК-3, и установленный в самом конце 1964 - начале 1965 г. козловый кран ККУ -7,5, а также появившийся в октябре 1965-го погрузочный кран БКСМ-14-ПМ-2. Первыми крановщиками этого «чуда» погрузки стали А.А. Васильев и Н.М. Астафьев³².

В марте 1963-го на лесоперевалочной базе было создано конструкторско-технологическое бюро из пяти человек во главе со старшим инженером Н.В. Гуляновым. Появление этого нового подразделения следует оценивать как дело очень важное, как свидетельство серьезного отношения на предприятии к техническому перевооружению производства. У нас нет сведений о тех, кто первоначально вошел в состав бюро, имели ли они специальное техническое образование. Известно лишь, что сам Николай Владимирович Гулянов незадолго до назначения получил диплом инженера-механика Красноярского технологического института, окончив его заочно. На лесокомбинате он трудился с середины 50-х, а во второй половине 60-х-70-е гг. был главным инженером лесокомбината, позже главным технологом, начальником отдела кадров³³.

У руля управления лесоперевалочной базой в годы семилетки оставались выдвинувшиеся в предыдущие десятилетия так называемые практики*. Сам директор предприятия Константин Лукич Русец-

* Один из директорских приказов 1965 г. содержит данные об образовании некоторых руководителей среднего звена. Из него видно, что технорук сплавоперевалочного участка имел 7 классов, инженер-нормировщик - 10 классов, механик - 7 классов, у инженера-технолога мебельного цеха за плечами было 10 классов, у одного мастера - 8 классов, у другого - техникум. На лесозаводе инженер-нормировщик окончил 10 классов, мастер биржи - техникум, сменный механик - тоже техникум.

Одновременно на лесокомбинате трудились и неграмотные рабочие: В 1963-м таковых насчитывалось 20 человек, 1924 -1940 гг. рождения (Приказы 1963 г. Т. 1. Л.55).

кий, по свидетельству знающих его, имел всего четыре класса. На лесокомбинате он появился еще в январе 1950-го и сразу был назначен начальником производственно-технической части ОЛП-16, потом работал главным инженером. Конечно, был он необычайно талантливым, одаренным человеком, прекрасно разбирался в технике, в людях. Рассказывают, что по одному звуку пилорамы мог определить место и характер неполадки в ее работе и никогда не ошибался.

Русецкий был, наверное, последним представителем того поколения хозяйственников, которых выпестовала и на ком держалась административно-командная система. Он вникал буквально во все, знал на своем предприятии всех, много не обещал, но слово свое всегда держал. Работавший с ним Б.Н. Буренин так характеризовал К.Л. Русецкого: «Сколько ни работал, не встречал больше таких директоров, знатоков своего дела»*.

Со временем становилось все же ясно: на одном природном даре, на чутье, на трудолюбии и трудоспособности работников, как ни привлекательны эти человеческие свойства, производство развиваться не может. Требовалось образование, технические знания. В конце 50-х - начале 60-х стали учиться заочно в техникумах и вузах некоторые работники лесокомбината, позже ставшие руководителями, ведущими специалистами - В.Н. Шиманович, А.Г. Сухачев, П.П. Егоров, С.А. Шипачев, И.Н. Соловей, С.П. Швайбович, Н.Б. Красиков и др.

Удивительно, но в отчетных документах лесоперевалочной базы, где подводились итоги деятельности предприятия за год или другой отрезок времени и где порой требовалось объяснение неудачам и провалам в выполнении планов, редко присутствовал мотив невысокой квалификации рабочих и специалистов. Срывы объяснялись чем угодно - слабостью соцсоревнования, неожиданными дождями*, - но никогда недостатком профессионализма.

Это не значит, конечно, что с недостатками этими не боролись. Курсы повышения квалификации, обучение новичков проводились

* Недаром получил К.Л. Русецкий орден Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», а также медаль «Ветеран труда».

** В отчете за 1965 год говорилось, например, что ливневые дожди и интенсивное таяние снегов сорвали установленные наплавные сооружения, в результате был не выполнен годовой план выгрузки древесины из воды.

на лесоперевалочной базе постоянно*. Обучение это, правда, не всегда давало нужный эффект из-за высокой текучести рабочей силы. В 1962-м, например, был принят в течение года 641 рабочий, а уволено - 629, два года спустя принятых оказалось 517, уволенных - 473 человека³⁴.

Высокая степень сменяемости рабочих лесокombината (до 50 процентов общего числа) в какой-то мере объяснялась сезонным характером сплавных работ, требующих немалого количества работников. Но чаще всего причиной увольнения по собственному желанию служили неудовлетворительные условия труда, необеспеченности жильем. Текучесть рабочей силы не могла не сказываться отрицательно на состоянии общей и технологической дисциплины, на выполнении предприятием производственных заданий.

И если лесоперевалочная база, несмотря на отдельные срывы, годовые планы семилетки все же выполняла, исключая задание 1962-го, как выполнила и перевыполнила семилетний план в целом**, то это свидетельство значительных усилий и руководства, и всего коллектива постоянных работников предприятия***. Чтобы не загромождать текст цифрами, мы, как делали это и раньше, вынесли таблицу с данными о производственной деятельности, о численности трудящихся лесокombината в приложения 12-14. Здесь же хотели бы лишь заметить, что, освободившись от пут Севкузбаслага, работники лесоперевалочной базы вполне доказали свою состоятельность. Объем промышленного производства, насколько позволяло выяснить это сохранившиеся источники, вырос, правда, не так значительно, чтобы говорить о кардинальных сдвигах. Показатели выработки продукции на одного среднесписочного работника предприятия в течение семилетки то росли, то падали (см. приложе-

* В годы семилетки в отчетных документах стали появляться данные не только об обучении профессиям, но и о тех, кто получал специальное образование. В 1965-м на ЛПБу учились: в ШРМ - 51 чел., в заочных техникумах - 38, в заочных институтах - 7 чел.

** Семилетку Яйская ЛПБ завершила 23 июля 1965 г. По итогам работы целая группа инженеров и рабочих получила еще редкие тогда правительственные награды: К.Л. Русецкий - орден Трудового Красного Знамени, И.З. Секаренок, А.П. Давыдченко, А.И. Иванчихин, Е.И. Филиппова - орден «Знак Почета».

*** О том, с какими трудностями сталкивалось руководство Яйской ЛПБ, получая необоснованно завышенные планы, рассказал на районной партийной конференции в декабре 1965-го директор К.Л. Русецкий: «Мы не просим легкой жизни, не просим снижения плана, а просим реально устанавливать план предприятия, чтобы он соответствовал наличию сырья, производственных мощностей». (ГАКО Ф.П-137. Оп.13. Д.1. Л.143).

ние 13), что, конечно же, отражало далеко не благополучное состояние дел на лесокомбинате, как и в экономике страны в целом. Отказавшись от использования принудительного труда в тех громадных масштабах, как это происходило в 30-50-е гг., руководство страны искало новые стимулы развития экономики, которые не противоречили бы основам социализма, позволили бы сохранять общественную собственность на средства производства. Искали и как будто нашли.

За коммунистический труд

Люди постарше, а в их числе и авторы этих строк, прекрасно помнят зажигательные ритмы «Марша коммунистических бригад»:

Сегодня мы не на параде,
Мы к коммунизму на пути,
В коммунистической бригаде
С нами Ленин впереди!

Движение к коммунизму в нашей стране началось, конечно, с первых лет установления власти Советов. В 1918-м В.И. Ленин обращался к делегатам III съезда комсомола как к строителям коммунизма. Со временем к строительству прекрасного будущего приспособили миллионную армию заключенных, а когда она проявила полную свою несостоятельность в этом деле, был выдвинут новый лозунг.

В 1959 г. на внеочередном XXI съезде КПСС одновременно с принятием семилетнего плана впервые прозвучали слова о том, что социализм в СССР одержал полную, окончательную победу и Советский Союз вступил в период развернутого строительства коммунистического общества. Тогда же зародилось движение за коммунистическое отношение к труду. Ряды его быстро росли. К маю 1960-го, когда в Москве по инициативе ЦК КПСС собралось Всесоюзное совещание передовиков соревнования, за коммунистический труд боролись более 5 миллионов, а в следующем 1961-м - уже свыше 20 миллионов человек³⁵.

Борьба за коммунистический труд на Яйской ЛПБ началась, как и повсюду, в 1959-м. Уже в октябре того года появились первые победители, среди них - станочники А.П. Гусев, А.М. Кожин, Е.И. Филиппова, штукатур Н.М. Егоров, плотники П.И. Пальчиков, Ю.П. Касастиков, В.А. Капканов, рамщики Г.Я. Кузьмичев,

А.И. Иванчихин, слесарь В.К. Маслов, грузчик В.Д. Ильбахтин, лебедчик А.Г. Старостюк, бригадиры Н.П. Денисов, П.Г. Богданов и др.

Вслед за отдельными ударниками появились на предприятии целые бригады коммунистического труда. Первыми это звание получили бригады Реутова и Калашникова, а позже - бригады Г.Ф. Домолокова, П.Г. Богданова, А.П. Гусева, Н.П. Денисова³⁶.

В рукописной летописи Яйского лесокombината, составленной А. Швайбовичем, сохранились социалистические обязательства бригады рабочих тарного цеха № 2, которую возглавлял Бушуев. Составленный 12 января 1963 г., документ этот начинался так: «Мы, бригада Бушуева тарного цеха № 2, сознавая важность новой формы социалистического соревнования, хотим так же, как и многие советские люди, работать и жить по-коммунистически и в этом социалистическом соревновании завоевать почетное звание бригады коммунистического труда и берем на себя повышенные обязательства».

Часть взятых обязательств действительно была повышенной, например, ежемесячное выполнение технических норм на 111 процентов, а плановых норм по производительности труда - на 106 процентов. Возникает, правда, вполне законный вопрос: если существует норма, заложенная в план и обеспеченная, следовательно, для выполнения ее всем необходимым, запасами сырья и пр., то ведь всякое превышение этой нормы разрушает стройное здание плановой экономики и прямо ей вредит? Но оставим этот достаточно риторический вопрос в стороне. Обратимся к другим обязательствам бригады, вот они: рационально разделять сырье, не допускать брака в выпускаемой продукции, оберегать механизмы тарного цеха и бороться, чтобы не было простоев и поломок, строго соблюдать правила техники безопасности и не допускать ни одного случая травматизма, вырабатывать в себе лучшие качества человека нового общества, быть примером в быту, активно участвовать в общественной жизни коллектива ЛПБ, помогать друг другу на производстве, в быту, учебе...

Обязательства очень хорошие, но читатель будет вполне прав, если спросит: а что же здесь особенного и тем более - коммунистического? Разве это не обязанность каждого нормального человека хорошо, без брака работать и помогать товарищу по труду, соседу по дому?

Движение за коммунистический труд, а в 1961 г. в него вошел весь коллектив Яйской ЛПБ³⁷, потому, видимо, и имело столь

широкий размах, что базировалось на так называемых общечеловеческих ценностях.

Строительство коммунизма, которое, согласно новой Программе КПСС, принятой на XXII ее съезде в октябре 1962-го, должно было победоносно завершиться в 1980-м, стало последним мифом, которому в нашей стране все же верили или хотели верить. Ведь миф этот так много обещал советским людям, измученным десятилетиями нехваток и лишений. Разочарование, правда, наступило довольно скоро, жизнь ни в целом по стране, ни в Яе не менялась, да и не могла быстро измениться к лучшему. Хотя кое-что, конечно, улучшалось, а кое-что и утрачивалось безвозвратно.

Посмотрим, насколько это позволяют сохранившиеся документы, в каких условиях жили и работали «строители коммунизма» на лесокombинате. Тяжелый физический труд по-прежнему был основным и лишь кое-где, как это было показано в предыдущем разделе, уступал не очень-то решительному натиску техники.

С 1 октября 1960 г. на лесоперевалочной базе перешли на семичасовой рабочий день: служащие конторы работали с 9 утра до 5 вечера с часовым перерывом на обед, а работники производственных подразделений трудились в две смены, первая начиналась в 6 утра и заканчивалась в 14.00, вторая длилась с 14 до 22 часов вечера (также с часовыми обеденными перерывами). В предвыходные и предпраздничные дни рабочий день заканчивался на час раньше. Таким образом, рабочая неделя, продолжавшаяся шесть дней, включала в себя 41 рабочий час (до этого продолжительность рабочей недели равнялась 46 часам).

Поначалу хорошо разработанный трудовой график как будто и выполнялся. В приказе от 8 мая 1961 г. директор К.Л. Русецкий оговорил даже создание двух специальных погрузочных бригад, по 25 рабочих-мужчин в каждой, чтобы они работали по особому графику, а именно, обеспечивали погрузку в выходные дни³⁹. Но «в связи с крайне напряженным положением» в 1963 г., например, выходные дни довольно часто объявляли рабочими, работали даже в ноябрьские праздники и в день Нового года⁴⁰.

Заработная плата рабочих лесоперевалочной базы за годы семилетки увеличилась в среднем на треть, у других категорий работников этот рост был слабее (см. приложение 14). Мы сознаем, что показатели роста номинальной заработной платы не могут дать полного представления о материальных условиях жизни трудящихся, однако не располагаем данными о динамике цен на основные

продукты и предметы потребления. Здесь можно лишь отметить, что регулярное снижение цен, зачастую с пропагандистскими целями, которое проводилось в 50-е гг., прекратилось. Более того, в 1962 г. были повышены розничные цены на мясо на 30 процентов и на сливочное масло на 25 процентов. Повышение это население встретило очень болезненно, потому что зарплата росла очень медленно.

В том же 1962-м, в ноябре месяце Кемеровский облисполком подготовил решение № 841 «Об установлении норм отпуска в одни руки хлеба и хлебопродуктов в сельской местности». Согласно ему в сельских магазинах разрешалось «отпускать в одни руки печеного хлеба одновременно на одну семью, исходя из суточной потребности не более 500 граммов на человека»⁴¹.

В городских и поселковых магазинах нормирование производили продавцы - две булки в руки, и, многие помнят это, многодетные семьи выводили в хлебные очереди всех своих ребятишек. А очереди за хлебом в Яе, как и в других населенных пунктах страны, появились еще летом 1961-го. рабочий ЛПБ А.Е. Белов винил во всем возчиков, когда выступал на XIV районной партийной конференции: «Последнее время трудящиеся целыми днями стоят в очереди за хлебом, за подвозчиками хлеба нет надзора, они в рабочее время ходят по магазинам, стоят в очередях за скобяными товарами, а народ ждет хлеб».

Ему вторил другой работник предприятия В.Е. Шуриков: «Рабочие с 8 утра находятся на работе, а неорганизованному населению Яи всегда доступно купить лучшие продукты, надо организовать торговлю на территории завода...»⁴²

Конечно, некоторые сбои в торговле объяснялись слабой организацией ее, но главная их причина все же лежала глубже, она отражала тяжелейший кризис сельского хозяйства в СССР, порожденный колхозным строем. Но не желая ничего менять в социально-экономических отношениях, убаюкивая себя и всех граждан страны мифами об успехах советской экономики, правительство пошло в 1963 г. на массовые закупки зерна за рубежом, продолжающиеся и в последующие десятилетия.

К лучшему начала меняться ситуация с жильем. Именно в годы семилетки проблема жилищного строительства на лесокombинате наконец-то сдвинулась с мертвой точки. На 1 января 1959 г. весь жилфонд предприятия составлял 17 498 кв.м, из них без малого 15 тыс. м в Яе, остальные - в других лесных поселках. Менее десятой

части жилой площади, в основном общежития, было обеспечено водопроводом, только три процента - центральным отоплением. Правда, электроосвещение имелось во всех лесокombинатовских помещениях⁴³.

В начале 60-х в поселке Яя появилось немало новых домов лесоперевалочной базы. В Новом городке встало сразу 14 небольших домов, строились они на Восточной, Авиационной, Ленина, Больничной, Советской улицах. Тогда же был выстроен детсад № 2, контора предприятия, обновлен клуб. За 1962 г., например, жилфонд увеличился на 1499 кв.м*. Впервые за многие предыдущие годы объем капиталовложений в жилищное строительство (177 тыс.р.) превысил размер средств, направляемых на промышленное строительство (129 тыс.р.)⁴⁴.

Если говорить о новых производственных помещениях, то нужно отметить, кроме цеха древесной муки, о котором здесь уже сообщалось, строительство в 1963 г. кирпичного корпуса лесопильного завода. А кроме него появилась на территории лесоперевалочной базы еще одна новинка - комбинат промсанитарии.

Приказ о пуске этого необычного комбината в эксплуатацию К.Л. Русецкий подписал 2 января 1963 г. Он включал в себя две гардеробные комнаты с душевыми установками, амбулаторию, парикмахерскую, мастерскую по ремонту спецодежды и обуви, буфет и бойлерную. Здесь рабочие могли переодеться перед сменой, а после работы принять душ, смыть с себя производственную грязь и усталость. Интересно, что сообщение о комбинате промсанитарии на Яйской ЛПБ было опубликовано даже в центральной газете работников отрасли «Лесная промышленность»⁴⁵.

Стремление к оздоровлению условий труда и быта на Яйской ЛПБ** проявилось и в том, что с 1 июля 1961-го здесь также приказом директора была введена производственная гимнастика, для чего назначались инструкторы-общественники: на лесозаводе -

* Не имея точных данных на конец семилетки, мы все же не ошибемся, если скажем, что проблему жилья просто невозможно было разрешить в короткие сроки, слишком долго ею после войны не занимались вообще.

** Что касается медицинского обслуживания, то некоторые работники лесоперевалочной базы жалели о тех временах, когда находились они в системе Севкузбаслага. В.Е. Шуриков высказался об этом на XIX районной партийной конференции в августе 1961 г.: «Очередности к врачам не было, а сейчас, когда передали в районную больницу, для того, чтобы попасть к врачам, необходимо занимать с 5-6 часов утра очередь, и прием врачами больных проходит поверхностно...» (ГАКО. Ф.П-137. Оп.11. Д.2. Л.33-34).

Д.А. Дегтерев и Е.А. Адлесберг, в мебельном цехе - Г.Я. Чупихин и А.В. Устюжанин, в конторе - Н.А. Шик, Т.П. Лапшина, на сплаво-перевалочных участках - З.Т. Шлякова и В.Е. Синев. Общее руководство и контроль за проведением занятий поручались методисту И.И. Филиппову⁴⁶.

Конечно, заниматься производственной гимнастикой хотелось далеко не всем, многие отнекивались, заявляя, что всю смену «физкультурничают» на своем рабочем месте. Другое дело, сходить на футбольный матч, где выступает команда предприятия.

Футболисты лесоперевалочной базы, заявившие о себе еще в 30-е г., продолжали «пожинать лавры». Это было уже третье поколение спортсменов, выросших в Яе, но они обладали не меньшим мастерством и волей к победе. Летом 1961-го команда в составе Е. Задиранова (СПУ-2), Г. Малышкина (электроцех), А. Подкопаева (СПУ-2), В. Давыдченко (СПУ-1), Г. Козлова (СПУ-2), В. Филиппова (лесозавод), В. Барабаша (СПУ-2), В. Шимановича (гараж), Фирсова (СПУ-1) и Г. Чупихина (мебельный цех) приступила к подготовке к соревнованию на кубок области.

Мы не располагаем сведениями о том, как они выступили в 1961-м, но зато известно, что два года спустя, летом 1963-го, Яя была избрана местом проведения зонального турнира сельских футболистов Западной Сибири. Конечно, выбор был не случаен, учли, видимо, и наличие хорошего стадиона, построенного в свое время лесокомбинатом, и успехи яйских футболистов. На родном поле им действительно не оказалось равных, команда Яйского района «луч» (а в ней играли ребята с лесоперевалочной базы), защищавшая спортивную честь всей Кемеровской области, заняла тогда первое место⁴⁷.

Удивительное все же было это время, начало 60-х! Все беды словно отступили в прошлое, и впереди ждало только хорошее, яйские старшеклассники воспринимали все окружающее их с воодушевлением и восторгом. И действительно, перемены радовали. В 1961-м открылась в Яе детская музыкальная школа, три года спустя появился кинотеатр «Планета» и великолепное трехэтажное здание средней школы № 1. В Кемерове вступил в строй телецентр, и районная газета, которая так и называлась «Вперед к коммунизму», начала печатать программу телевизионных передач. Редкие пока счастливы, обладатели маленьких телевизоров, обозначившие место своего проживания высоченными антеннами, не отказывали никому, и их жилища по вечерам превращались в мини-кинотеатры,

где соседи и знакомые смотрели все телепередачи подряд.

Тогда же в редакции районки сформировалась своя литгруппа, и начинающие поэты бредили стихами своего земляка, уроженца соседней Марьевки, Василия Федорова. Наизусть читали:

В деревне
Пустовали гумна,
Лицом смугла и темноруса,
По зреющим полям бездумно
Бродила марьевская Муза.
Был зной.
Трава от зноя выла.
Полями, тропами лесными
Брела и землянику мяла
Она подошвами босыми.
И останавливалась часто,
И снова шла...
В разгаре лета
Среди таких, как я, вихрастых
Искала своего поэта.
Быть может,
И прошла бы мимо,
Но рожь, стоявшую стеною,
Раздвинула, еще незрима,
И наклонилась надо мною...

Всерьез думалось молодежи: «Мы - строители нового мира, мы - первопроходцы», - и с великим энтузиазмом воспринимала она все новое и неизведанное - и известия о полетах советских космонавтов, и сообщения о событиях на Кубе. На новый 1964-й год группа старшеклассников яйской школы № 2, где учились, в основном, дети работников лесоперевалочной базы, съездила в Москву. Вернулись с ворохом впечатлений и делились ими, не уставая. И характерно, что более всего их поразили в Москве не древние соборы, не образцы классической архитектуры. Они говорили о красоте Дворца съездов в Кремле и новых районов Черемушек. Это было ближе и понятнее.

И совершенно в духе того времени нашли на Яйской ЛПБ новую форму «перевоспитания» прогульщиков. В феврале 1964-го К.Л. Русецкий подписал приказ «О выдаче зарплаты рабочим, совершившим прогул». Он предлагал начальникам всех цехов «в целях борьбы за сокращение прогулов», начиная с января месяца, составлять ведомости на зарплату рабочих, допустивших прогулы, отдельно. Главному бухгалтеру Шамшину предписывалось задерживать выда-

чу денег по этим отдельным ведомостям на два дня и оповещать о времени выдачи специальным объявлением. Далее в приказе говорилось: «Местом выдачи зарплаты установить клуб. Начальникам цехов в день выдачи зарплаты оповещать прогульщиков и обеспечить их явку в клуб. В клубе до выдачи зарплаты должна быть прочитана лекция на тему: «О правах и обязанностях работающих». После чего в присутствии собравшегося коллектива вызываются по одному прогульщики для получения заработной платы»⁴⁸.

Вот так «строители коммунизма», не считая материальных мер воздействия на нерадивых работников, боролись за дисциплину.

¹ См.: Приказы 1960 г. Л.55-56; 1965 г. Л.118; Лесозаготовительное производственное объединение «Анжерлес». Сводный годовой бухгалтерский отчет за 1965 год. Л.232.

² Кузбасс. 1946. 17 нояб.; 1947. 26 дек.; 1948. 7 февр.; 1951. 21 июня; 1953. 21 нояб.

³ Кузбасс. 1950. 12 февр.

⁴ Кузбасс. 1951. 24 нояб.

⁵ Кузбасс. 1960. 4 нояб.

⁶ Кузбасс. 1948. 23 мая; 7 дек.; 1954. 6 янв., 18 февр.

⁷ См.: Кузбасс. 1955. 22 окт.

⁸ Кузбасс. 1961. 30 нояб.

⁹ Кузбасс. 1956. 12 апр.; 1959. 12 мая.

¹⁰ Кузбасс. 1959. 12 мая; Приказы 1960 г. Т.1. Л.40. Л.40, 242.

¹¹ Приказы 1964 г. Т.1. Д.3. Л.189, 245.

¹² Лесозаготовительное производственное объединение «Анжерлес». Сводный годовой бухгалтерский отчет за 1965 год. Л.230, 236.

¹³ Кузбасс. 1955. 10 сент.

¹⁴ Кузбасс. 1959. 20 мар., 12 мая.

¹⁵ Кузбасс. 1958. 1 июля.

¹⁶ Кузбасс. 1963. 16 авг.

¹⁷ Шипулин А.Я., Калинин А.М., Никифоров Г.В. Леса Кузбасса. Кемерово. 1975. С. 172.

¹⁸ ГАКО. Ф.Р-61. Оп.3. Д.44. Л.21.

¹⁹ Приказы 1961 г. Т.1. Д.3. Л.102.

²⁰ Приказы 1963 г. Т.1. Д.3. Л.161.

²¹ Приказы 1963 г. Т.1. Д.3. Л.227; Приказы 1964 г. Т.1. Д.3. Л.42, 122-123; Кузбасс. 1964. 8 окт.

²² Там же.

²³ Приказы 1964 г. Т.1. Д.3. Л.122-123; Кузбасс. 1964. 8 окт. 17 нояб.

²⁴ Кузбасс. 1965. 3 апр.

²⁵ Приказы 1965 г. Т.1. Д.3. Л.164-165.

²⁶ Кузбасс. 1965. 31 июля.

²⁷ Бухгалтерский отчет Яйской лесоперевалочной базы «Анжерлес» за 1965 год. Л.133-134.

²⁸ Приказы 1964 г. Л.263; Приказы 1965 г. Л.144.

²⁹ Приказы 1960 г. Л.50.

- ³⁰ Приказы 1963 г. Т.1. Д.3. Л.288.
- ³¹ Приказы 1964 г. Т.1. Д.3. Л.232, 268.
- ³² Приказы 1965 г. Т.1. Д.3. Л.1, 269.
- ³³ Приказы 1963 г. Т.1. Л.87; Картотека отдела кадров а/я «Яялес».
- ³⁴ Годовой бухгалтерский отчет Яйской ЛПБ за 1962 г. Л.338; То же за 1965 г. Л.136.
- ³⁵ См.: И с т о р и я Коммунистической партии Советского Союза. М., 1979. С.578.
- ³⁶ ГАКО. Ф.П-137. Оп.11. Д.2. Л.86; Годовой отчет Яйской ЛПБ за 1962 г. Л.346.
- ³⁷ Т а м ж е . Л. 346.
- ³⁸ Приказы 1960 г. Т.1. Д.3. Л.84.
- ³⁹ Приказы 1961 г. Л.96.
- ⁴⁰ См.: Приказы 1963 г. Т.1. Д.3. Л.124, 158, 182, 186, 205, 215, 222, 224, 267.
- ⁴¹ Н е и з в е с т н ы й Кузбасс... С.46.
- ⁴² ГАКО. Ф.П-137. Оп.11. Д.2. Л.26-27, 33-34.
- ⁴³ Бухгалтерский отчет за IV квартал и за 1958 год. Л.171.
- ⁴⁴ Годовой отчет Яйской ЛПБ за 1962 г. Л.331.
- ⁴⁵ Л е с н а я промышленность. 1964. 1 янв.
- ⁴⁶ Приказы 1961 г. Т.1. Л.132.
- ⁴⁷ Приказы 1961 г. Т.1. Л.116; В п е р е д к коммунизму. 1977. 7 нояб.
- ⁴⁸ Приказы 1964 г. Т.1. Д.3. Л.37.

Группа участников семинара по изучению опыта Яйского ЛПК. 1967 г.
Третий ряд, четвертый справа К.Л. Русецкий

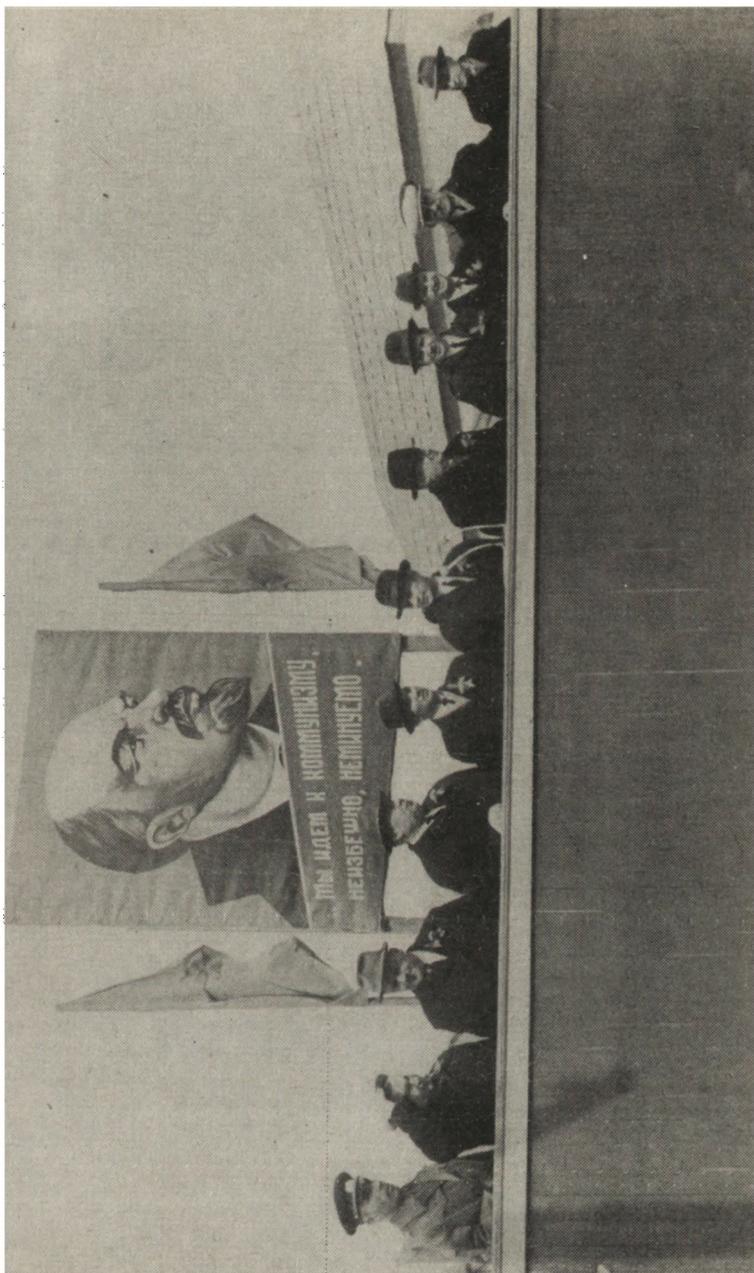
Слав по реке Золотой Китат, обсохший лес. 1970 г.

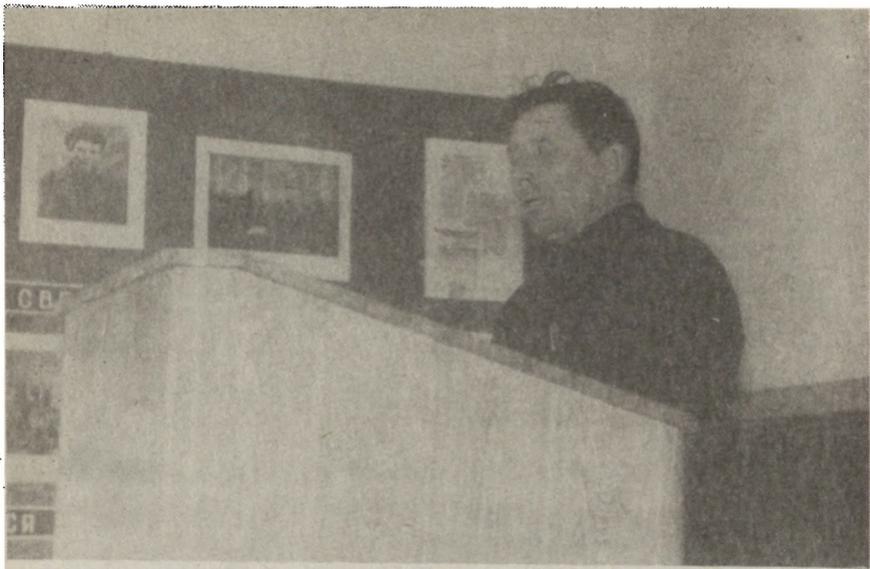
Скатка обсохшей древесины трелевочными тракторами. 1970 г.

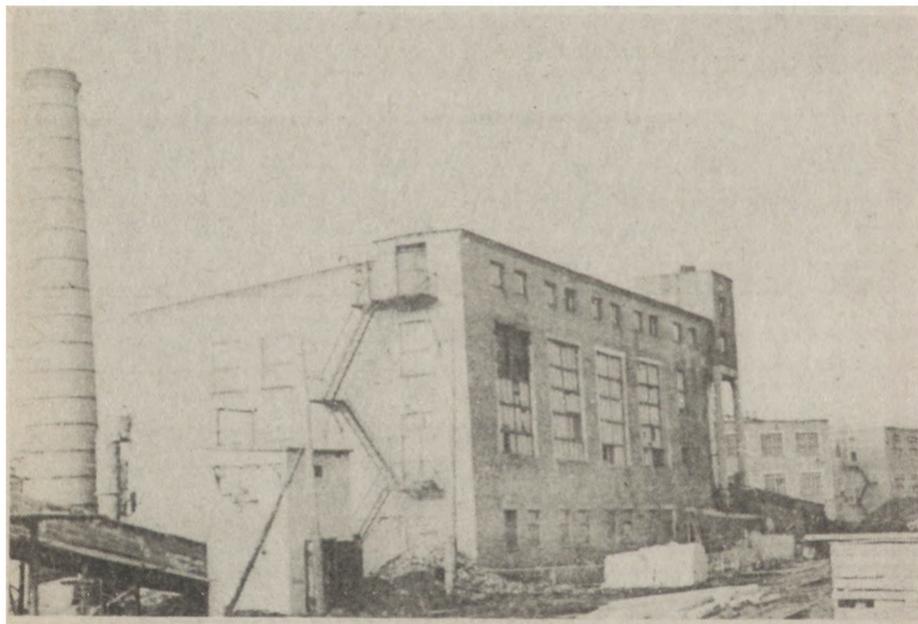
Коллектив ЛПК идет на первомайскую демонстрацию. 1969 г.

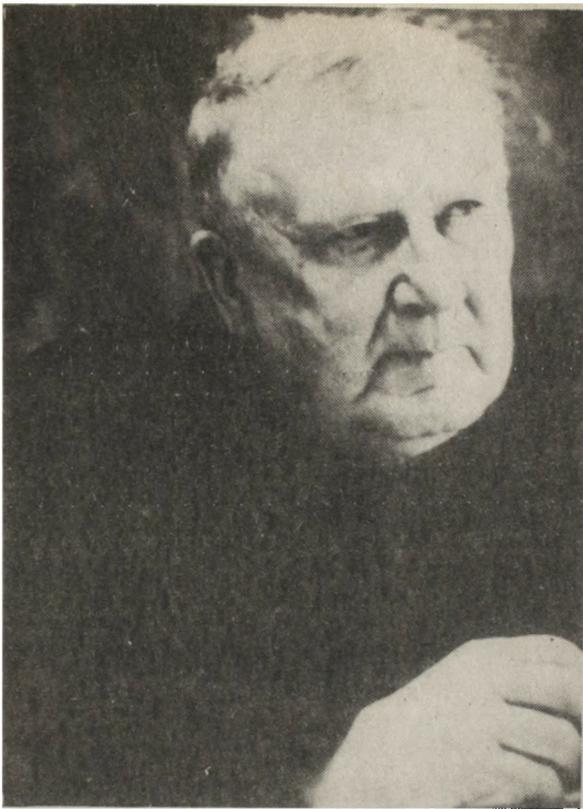
Первомайская демонстрация 1969 г. На трибуне руководители района

Секретарь парткома И.М. Стерехов выступает с докладом на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. 1970 г.

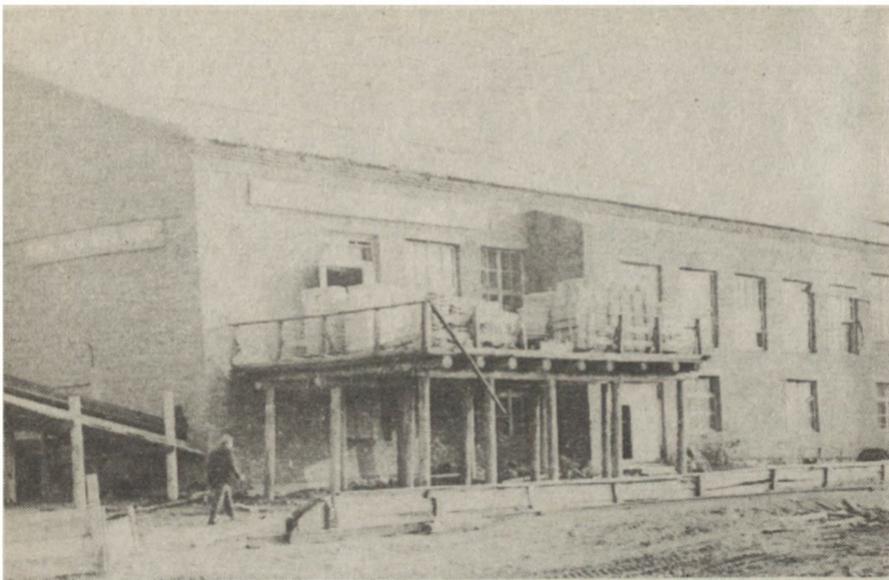
Новая котельная

Инженер-строитель
В. Н. Чечуро.
Руководил
строительством на ЛПК
с 1950 по 1977 гг.

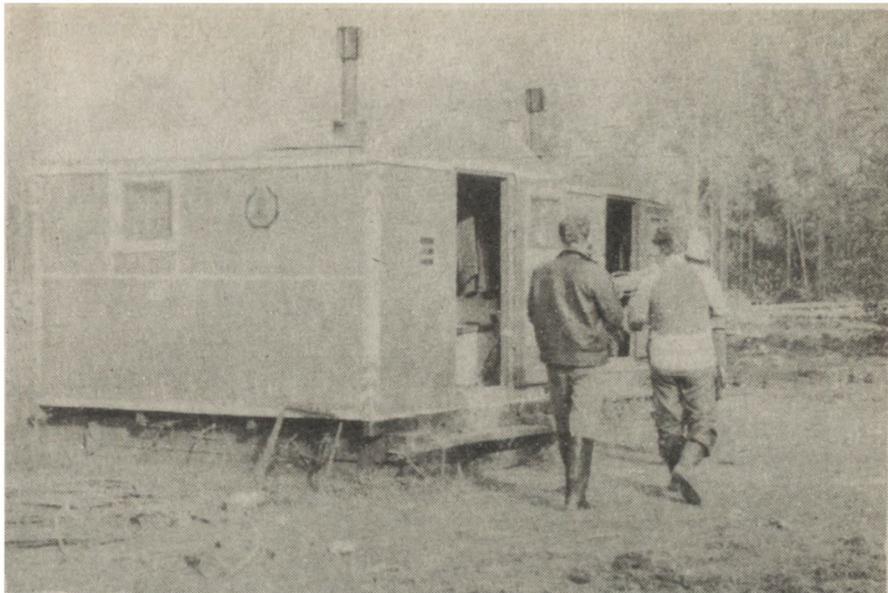
Детский комбинат «Солнышко». 1977 г.

Новый тарный цех №1

Алчедатский ЛЗУ. Подвозка хлыстов трелевочным трактором. 1977 г.

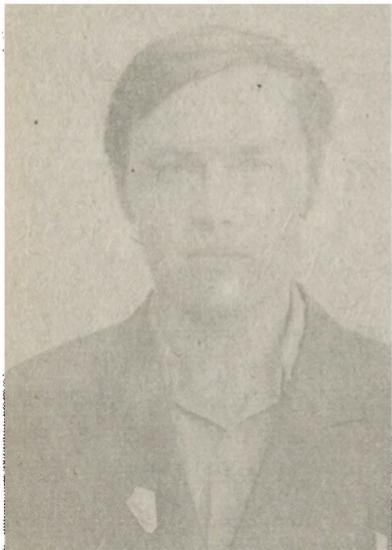

Домики для отдыха лесорубов. Алчедатский ЛЗУ. 1977 г.

Клуб лесокombината. 1977 г.

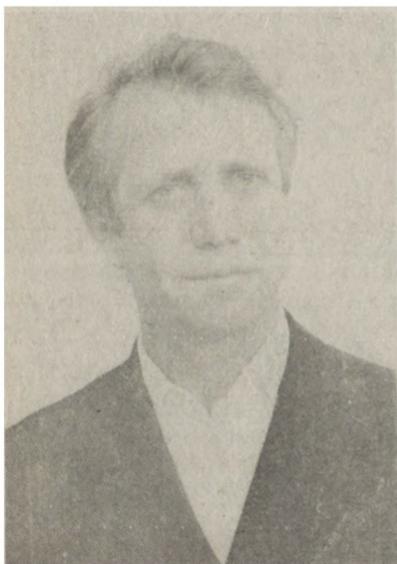
**ПЕРЕДОВИКИ ПРОИЗВОДСТВА, ПОБЕДИТЕЛИ СОЦСОРЕВНОВАНИЯ
В ЧЕСТЬ 60-ЛЕТИЯ ОКТЯБРЯ И ЮБИЛЕЯ ПРЕДПРИЯТИЯ**

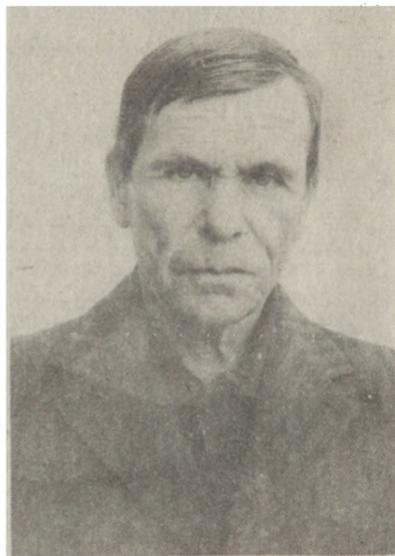
А.В. Катугин

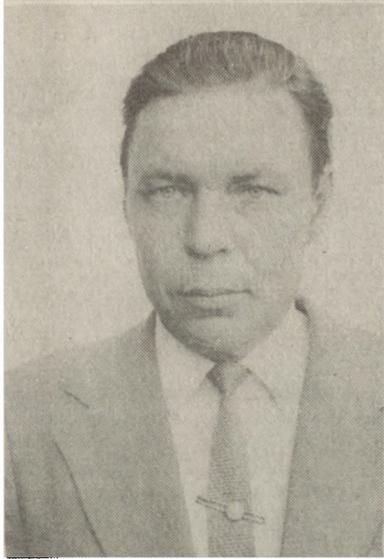
С.Н. Григорьева

А.И. Иванчихин

Г.К. Тишевецкий

В. А. Южно

В. Г. Бондаренко

Н. Д. Чирков

П. А. Иванов

**ВETERАНЫ ТРУДА, ПРОРАБОТАВШИЕ НА ПРЕДПРИЯТИИ
БОЛЕЕ 30 ЛЕТ. 1977 г.**

П.Ф. Филиппов

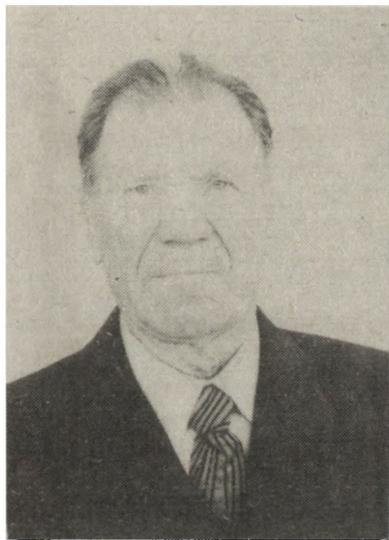
Ф.Д. Антонов

Л.А. Исаенко

И.З. Секаренок

С.А. Васильев

Г.Д. Ботев

Р.А. Семейкин

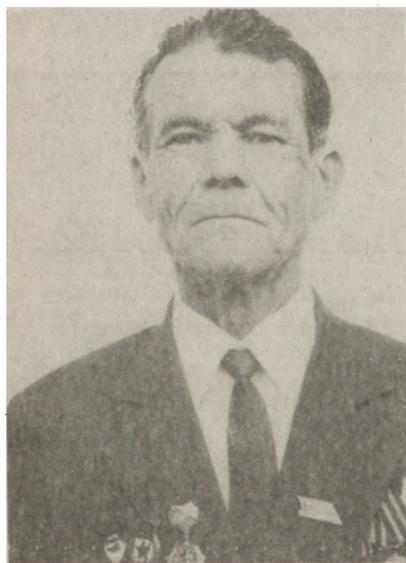
Н.К. Сизинцев

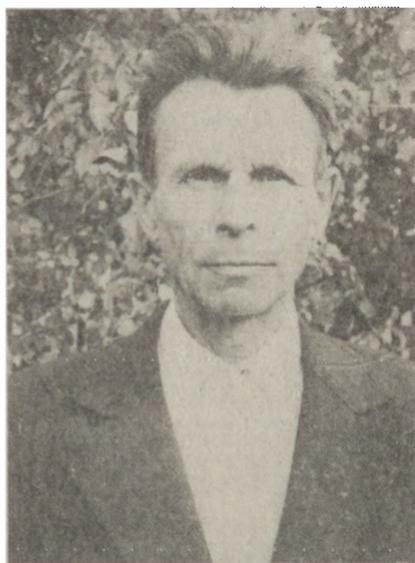
С.А. Гончарова

К.О. Радзион

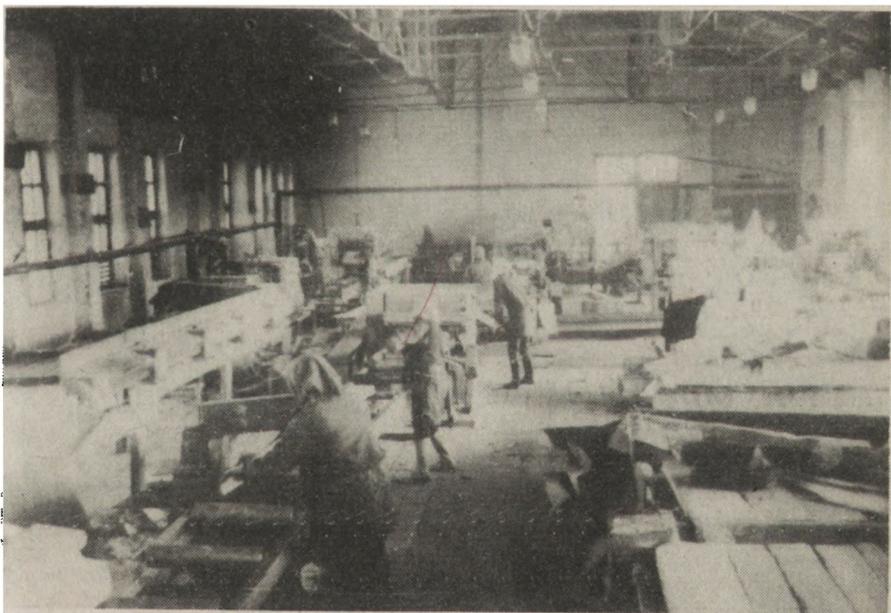
Ф.А. Кошкарёв

А.И. Заушицин

Станочница А. А. Остренко

Тарный цех № 1 в процессе работы

Цех по переработке отходов

Секретарь парткома В.М. Старков вручает переходящее Красное знамя коллективу ДОО. знамя принимает начальник цеха М.Г. Коняков

Передовая комсомольско-молодежная бригада ДОО. Первый ряд: М. Иванов, Новиков, В. Иванов, Смолин, Стороженко. Второй ряд: Глущенко, Леган, Никитин, Черцов, Макулин, Разва, Пальчиков, Антипов, Красиков

Глава VII

ОТ ЗАСТОЯ К ПЕРЕСТРОЙКЕ

Дела лесозаготовительные

Для нынешних жителей поселка слово «лесокомбинат» не является чем-то необычным. Но, вероятно, не все знают, что оно вновь появилось в обиходе лишь 1 января 1967 г. Именно тогда по решению руководства производственного объединения «Кемеровопромлес»¹ (с 1968 г. - треста «Кемероволес»)² в одно предприятие были слиты Яйская лесоперевалочная база, Алчедатский, Анжерский и Сурановский (бывший Томский) лесоучастки,. С этого момента оно опять стало именоваться Яйским лесопромышленным комбинатом (ЛПК).

Хозяйственно-экономическое положение вновь влившихся леспромхозов было неодинаковым. У анжерских лесозаготовителей дела к тому времени шли неплохо. По числу работавших - около 500 человек - это было одно из крупнейших предприятий области по своему профилю. Заготовки древесины осуществлялись тогда недалеко от поселков Окраина и Сосновка.

К устойчивым традициям руководства леспромхоза (директор В. Дмитриев, мастер Г. Прокопов) относилась забота о заблаговременной подготовке кадров. Обучение начиналось еще зимой, причем занятия проходили не только в кабинетах, но и на лесосеках. Каждого новичка прикрепляли к опытному рабочему. Те непосредственно на делянках или разделочных эстакадах передавали им свой опыт и знания. И хотя состав малых комплексных бригад (таких в леспромхозе было десять-двенадцать) обновлялся ежегодно на 20-30%, кадровые лесорубы успевали не только обучать новичков, но и организовывать высокопроизводительный труд.

Многие бригады вели разработки так, чтобы до минимума сократить расстояние трелевки, резко уменьшить простои. Как правило, в каждом коллективе один из лесорубов мог стать трактористом. Таким образом, механизмы работали с полной нагрузкой³.

В каждой бригаде имелись признанные мастера своего дела.

Например, более десятка лет к тому времени работал в отрасли вальщиком леса В.С. Авкштоль. До сих пор его товарищи по работе вспоминают, что он играючи управлялся с десятикилограммовой бензопилой «Дружба». Большую часть вековых деревьев он умело валил сам. Лишь в наиболее труднодоступных местах ему ассистировал помощник А. Емельянов. Слаженно работали и другие члены бригады - тракторист Я.К. Бедадь, обрубщики сучьев А. Кетов и Ф. Цанков, чокеровщик А. Гильмутдинов. За дневную смену они отправляли на нижний склад два лесовоза хлыстов. В таком же ритме (45-47 куб.м древесины вместо 33-35 по плану) трудились бригады А.И. Андропова, С.Н. Голубева, К.М. Подрядчикова⁴.

Опытными специалистами были укомплектованы и экипажи лесовозных машин. Лучших результатов добивались водители В.Г. Ведовский, Ю.Р. Гудков, Коженков, Рыльцев. Невзирая на капризы погоды, они почти всегда работали с опережением графика, перевыполняя дневные задания на 25-35%.

Не вызывали особых нареканий ремонтные службы. Длительных простоев тракторов и автомашин по их вине не наблюдалось. Для хранения и обслуживания техники имелся просторный гараж.

Неплохо был обустроен и быт лесозаготовителей. К их услугам имелось несколько магазинов, все дети посещали ясли-сад, строилось много жилья. В результате всего этого на предприятии не ощущалось особой текучести кадров, а его коллектив в целом стабильно справлялся с производственными заданиями.

Иная картина наблюдалась в Сурановском леспромхозе. На балансе предприятия на 1 января 1967 г. числились материальный склад, гараж, кузница-пилоправка, лесотарный цех, но построены они были десять-двадцать лет назад. В ветхом состоянии находились и здания местной школы-семилетки, единственного на весь поселок магазина.

Чтобы выправить такое положение, много потрудились администрация Яйского лесокомбината. На его средства в Суранове в короткие сроки был проведен большой объем строительных работ. В первую очередь значительно расширили помещение гаража, построили котельную. Недалеко от них возвели просторное здание конторы. В центре поселка появился еще один магазин, вблизи от него - гостиница и пекарня. Больше стали строить и жилых домов. Одним словом, поселок буквально на глазах ожил и похорошел.

Заметно изменился и характер труда работников леспромхоза. В частности, в прошлое ушла ручная погрузка древесины в железно-

дорожные вагоны. Ее заменил специально установленный башенный кран. Значительная часть заготовленных хлыстов стала перевозиться леспромхозовскими водителями (И. Борискиным, А.И. Ворониным, И.И. Болдиным, А. Ефимовым, В.П. Казаковым, А.М. Паршиным, В. Усюкевичем) также непосредственно на лесокомбинат⁵. На нижнем складе сразу же исчезли огромные многолетние залежи древесины, пригодные затем разве что на дрова.

Да и сам нижний склад подвергся значительной реконструкции. Тут построили две разделочные эстакады, установили бревносвалы и бревнотаску, проложили подкрановый путь по всему фронту работ, что позволило механизировать наиболее трудоемкие процессы сортировки, штабелевки и погрузки древесины.

Во всех этих переменах была немалая заслуга тогдашних руководителей лесоучастка. В 1967 г. его начальником был назначен А.О. Макаренко. Через несколько месяцев в поселке появился и новый технорук - Ф.Д. Шиян⁶. Внешне они очень отличались. Как вспоминают старожилы, Александр Осипович, несколько полноватый, ширококостный, производил впечатление медлительного. Невысокий, сухощавый Феоктист Дмитриевич, напротив, отличался чрезмерной подвижностью. На деле же они удачно дополняли друг друга.

По отзывам ветеранов леспромхоза, А.О. Макаренко больше занимался организационными вопросами, а Ф.Д. Шиян - технической стороной дела. Недостижимых задач перед коллективом они не ставили, а начали с укрепления трудовой дисциплины. Где «кнутом», а где и «пряником», но они быстро добились резкого сокращения числа прогулов.

Много внимания уделяли руководители леспромхоза и улучшению условий труда лесозаготовителей. Вырубки тогда производились не в постоянно закрепленных лесосеках, а в ежегодно отводимых Тайгинским лесхозом местах в окружности 8-12 км от проходящей близ поселка ЛЭП. До места работы зимой лесорубов стали возить на специально закреплённом автобусе, а летом ввиду бездорожья - на мощных «Уралах». Там были оборудованы утепленные бытовки, имелась передвижная столовая. О вкусных обедах, которые здесь готовили повара В. Усюкевич и Ф. О. Эрней, до сих пор помнят трудившиеся тогда трактористы - Н. Горшков и В. Никиткин, оператор Н. Тюненков.

Не замедлили сказаться и результаты труда лесозаготовителей. Очень скоро выполнение нормы на 120-130% стало обычным делом для бригады П.Ф. Семенкова. Сам бригадир проработал вальщиком

леса 28 лет. Большой опыт работы имели и другие члены бригады: чокеровщик Л. Левочкин, сучкорубы Б. Абдрахманов и В. Кузнецов. Признанным мастером своего дела был и тракторист М.И. Леоненко. К нему под погрузку стремились наперебой попасть все водители лесовозов. «Грузил он мастерски, - вспоминает шофер Г.З. Семенов. - Положит связку хлыстов тяжелее, чем у других, а машина даже не шелохнется...»⁷

Лишь немного уступали коллективу П.Ф. Семенкова бригады А.А. Деменева, Т.Н. Самойлова, В.И. Юбея. Уже в 1968 г. сурановцы стали одними из лучших среди лесозаготовителей области.

Неплохо шли дела и в местном тарном цехе. В нем трудились преимущественно женщины. Хотя особой механизации тут не было, они ежемесячно выпускали по 350-400 куб.м плодоовощной и технической тарной дощечки, поставляемой на Алтай, в республики Средней Азии. «Наиболее добросовестным отношением к делу, - вспоминает тогдашний мастер цеха Е.Г. Эдик, - отличались бригадир Ю.А. Двоенок, станочницы Л. Волчок, Н. Головацкая, В. Гаптрофекова, Н. Детлукова, Л. Кузнецова, крановщик Ю. Макрушин».

Имелся небольшой тарный цех и в Анжерском леспромхозе. Осенью 1960 г. приступили к его реконструкции. По решению администрации лесокombината сюда были направлены опытные плотники Н.В. Ачигечев, Н.П. Данилов, И.Т. Швед, И.Н. Жар, Ф.А. Христюк, С.А. Бочаров, Ю.П. Касастиков, всего 17 человек. К декабрю они выполнили весь фронт строительных работ.

Для скорейшего монтажа оборудования сюда были так же откомандированы крановщик К.П. Шипачев, шоферы А.С. Каньшин и Я.Б. Калинин, электрики Д.Т. Александров, А.А. Иванов, В.Е. Емельянов, В.П. Костиков, П.И. Макаров. Им активно помогали местные рабочие - кузнец Б.Ф. Пенер и слесарь В.В. Колбанов. Дневали и ночевали здесь также начальник Анжерского ЛЗУ Н.Б. Москалев, старший механик М.П. Воротников, главный энергетик В.А. Шипачев, другие специалисты ЛПК. За полтора-два месяца необходимая техника была установлена и отлажена⁸.

С января 1970 г. обновленный цех, а теперь он стал именоваться лесопильно-тарным, вновь вступил в строй. Уже само название говорило о том, что, кроме выпуска тарных ящиков, здесь начали производство пиломатериалов.

В том же году в Алчедатском леспромхозе также был пущен в эксплуатацию цех, где наладили производство тарной дощечки,

платяных прищепок, заготовку пихтового масла. Тарную дощечку поставляли Анжерскому стеклозаводу.

Но все же основной задачей входивших в Яйский лесокомбинат лесоучастков были заготовка и вывозка древесины. Они давали тогда до половины необходимого ЛПК сырья. Около четверти древесины добывалось заключенными исправительных учреждений, расположенных в районе поселка Мурюк. Отсюда на лесокомбинат лес шел молевым сплавом. Оставшуюся часть древесины поставляли Мариинская лесоперевалочная база, Мариинский и Тяжинский леспромхозы. При нормальном обеспечении сырьем коллектив ЛПК был в состоянии ежегодно вырабатывать до 150 тыс. куб.м добротных пиломатериалов. Но на практике не всегда удавалось это сделать.

Стоило закрепленным предприятиям задержать поставки древесины, и заводское производство начинало лихорадить. Так было, например, в четвертом квартале 1968 г., когда лесопильный цех, дававший до половины продукции, простаивал, поскольку мариинцы и тяжинцы задержали доставку 14,5 тыс. куб.м древесины.

Нередко коррективы вносила погода. В частности, затяжные весенне-осенние дожди в 1969 г., выведшие надолго из строя лесовозные дороги, позволили выполнить план вывозки заготовленной древесины лишь на 85,5%.

Но несмотря на все эти трудности, лесозаготовители Яйского ЛПК с честью выходили из подобных испытаний. В целом объемы заготовки и вывозки древесины возрастали. Если в 1966 г. они составляли 167,9 тыс. куб.м, то в 1970 г. - 172,6 тыс.куб. м³, что способствовало, в свою очередь, достижению хороших результатов в работе остальных подразделений лесокомбината.

В условиях хозрасчета

Во второй половине 60-х гг., как известно, в отечественной промышленности предпринималась попытка проведения экономической реформы. Она была призвана внедрить новые принципы планирования и материального стимулирования в хозяйственном развитии предприятия.

Длительное время основным критерием в оценке их деятельности был пресловутый «вал». На практике это приводило к тому, что заводы и фабрики не были заинтересованы в выполнении заданий по всем видам продукции. Всегда была возможность «отчитаться»

общим объемом произведенных товаров. Если же в стоимостном выражении совокупная валовая продукция превосходила запланированный государственный заказ, то даже при невыполнении отдельных позиций предприятие считалось передовым.

«С этой системой настолько свыклись, что, казалось, ничего лучшего и придумать нельзя, - вспоминал тогдашний директор лесокombината К.Л. Русецкий. - Но постепенно и мы поняли, что перевод всех промышленных предприятий на полный хозрасчет - единственно правильный путь»¹⁰.

На лесокombинате началась подготовительная работа. Велась она планомерно и неспешно. Главный упор делался на совершенствование внутризаводского учета. В частности, когда провели оперативную инвентаризацию основных производственных фондов, то выяснилось, что более чем на 200 тыс. р. их оказалось ненужных и непригодных к работе¹¹. Морально устаревшее оборудование списали, а лишние станки и механизмы продали или передали на баланс другим предприятиям.

Экономические службы меняли круг плановых показателей. Пересчитывали внутризаводские цены, закладывая в них равную долю накоплений по всем показателям. Иными словами, исчезло деление на «выгодную» и «невыгодную» для цехов продукцию.

Для экономической учебы инженерно-технических работников было сформировано несколько групп с учетом специфики деятельности слушателей. Занятия проводили главный инженер Н.В. Гулянов, начальник ОТЗ Г.А. Сухачев, главный бухгалтер Ф.В. Ярыгин, начальник планового отдела Г.Н. Буряков, главный механик А.А. Фомин, начальник ПТО В.А. Зяблов, главный технолог Н.Б. Красиков, экономист В. Коржов и другие ведущие специалисты лесокombината.

Высококвалифицированные рабочие и мастера-практики занимались на годичных курсах, изучая экономику, технологию и организацию производства. Многие руководители цехов и отделов ездили на родственные предприятия для изучения опыта работы.

С 1 июля 1968 г. на Яйском ЛПК перешли на новые методы хозяйствования. Деятельность заводчан была переориентирована на производство всех номенклатурных изделий. Отныне результаты труда коллектива стали определяться не тем, что он произвел, а сколько сбыл изделий. Это заставляло заводчан не только изготавливать все виды запланированной продукции, но и делать ее качественно.

Важным средством решения подобной задачи служили фонды стимулирования, особенно фонд материального поощрения. Распределялись эти средства дифференцированно. Для рабочего размеры премий зависели от того, насколько он повысит личную производительность труда, улучшит качество продукции. Для руководителей производства размеры премий определялись такими показателями, как выполнение коллективом плана по реализации продукции, по уровню рентабельности и выполнению заданной номенклатуры. Кроме того, при выплате премии учитывался непрерывный стаж работы на предприятии.

В целом заработная плата заводчан имела устойчивую тенденцию к росту. Если в 1968 г. она (вместе с премиями), в среднем по предприятию составляла около 103 р., то в 1970 г. - 122 р. У водителей лесовозов и трактористов на лесосеках она нередко достигала и 260-360 р.¹² Для того времени эта сумма была очень значительной. Современный читатель может удивиться, но даже мужчина, занимающийся тяжелым физическим трудом, мог тогда полноценно пообедать в заводской столовой, уплатив всего 40-50 к.

Экономические преобразования на заводе происходили в обстановке широко развернувшегося строительства. В 1967 г. был запущен в эксплуатацию тарный цех. Смотрованное в нем оборудование и применявшиеся здесь технологии были самыми передовыми для того времени. В частности, они позволили практически полностью механизировать труд рабочих, занятых на распиловке древесины и основных операциях по изготовлению тары. Внедрена была также полуавтоматическая линия по разделке руддолготья.

Для скорейшего вывода цеха на проектную мощность его руководство было укомплектовано опытными специалистами. Начальником цеха был назначен Я.П. Тимошенко,¹³ старшим мастером - М.П. Лапин, старшим механиком - В.А. Пром.

В ряду основных экономических показателей завода в середине 60-х гг. цифра в три с небольшим тысячи тонн может показаться малозначащей. Но это не так, поскольку речь шла о выпуске такого важного сырья, как древесная мука.

Ее производство на комбинате было начато в 1964 г. в специально выстроенном цехе. Впервые зашедшего сюда поражала прежде всего необычайная чистота. Вдоль стен располагались галереи цветов. При этом в цехе не было штатных уборщиц, а порядок на рабочих местах наводили сами работницы.

Рабочие на перекур выходили из помещения - так издавна пос-

тупали сибирские мельники. Даже в чистом на первый взгляд помещении находятся невидимые глазу сухие частицы древесной пыли, которые при соприкосновении с искрой могут вызвать взрыв.

В цехе сложился небольшой, но сплоченный коллектив. Все работали с огоньком, однако наиболее стабильных успехов добивались смены В.И. Доновского, Ю.Ф. Галкина и В.Н. Купреевой¹⁴. Не случайно, видимо, именно здешний коллектив стал первым на лесокombинате цехом коммунистического труда.

Сейчас, конечно, можно оспаривать действенность и целесообразность проведения социалистического соревнования, но тогда в нем участвовало от половины до двух третей работающих на ЛПК. Соревновались между собой не только передовые рабочие, но и бригады, смены, участки, отделы. Ежегодно на общезаводских профсоюзных собраниях принимались и коллективные обязательства. В них обычно предусматривалось досрочное выполнение планов по выпуску товарной продукции, намечались ориентиры по снижению себестоимости изделий, повышению производительности труда, экономии электроэнергии, топлива и т.п. (см. приложения 17, 18, 19).

При всем формализме и излишней парадности социалистическое соревнование являло собой одну из заметных форм вовлечения трудящихся в сознательный трудовой процесс и отражало уровень тогдашней политической зрелости значительной части населения нашей страны.

Но вернемся к работе коллектива цеха древесной муки. Уже через два года после его пуска в эксплуатацию он выдавал больше продукции, чем было предусмотрено проектной мощностью. И достигалось это не за счет расширения производственных площадей, а исключительно благодаря внутренним резервам. Практически все работники владели смежными профессиями. Многие постоянно повышали свой профессиональный уровень. В частности, обучение в Мариинском лесотехникуме без отрыва от производства успешно закончили выбойщица Т. Некрасова, слесарь М. Гулевский, мельник Н. Иванов.

Свою лепту в модернизацию технологических процессов внесли и цеховые рационализаторы. Подача готовой продукции от просеивов до загрузочного бункера, например, долгое время была механической. Стоило перегореть одному мотору, а это случалось прежде довольно часто, как все оборудование ставилось на профилактический ремонт. Подобные простои приводили к значительным потерям

продукции. Тщательно все просчитав и выверив, механик В.С. Александров вместе со слесарем Г.В. Васильевым и жестянщиком В.И. Ожичаковым, переделали подачу на пневматическую. Простои сразу прекратились.

Мастером И.А. Девковичем была подана идея изменения конструкции просеивов. В результате не только ускорился технологический процесс, но и улучшилось качество древесной муки¹⁵. От ее основного получателя - Кемеровского научно-производственного объединения «Карболит» - практически не поступало рекламаций. Спрос на это ценное сырье все увеличивался, поэтому на лесокombинате было принято решение о расширении данного производства.

В декабре 1968 г. было завершено сооружение нового здания. С прежним корпусом оно соединялось крытым переходом. В ведомственных документах, правда, иногда по старинке их еще именовали корпусом № 1 и корпусом № 2. Но в организационном отношении это был единый цех древесной муки. Начальником цеха был вновь назначен П.В. Осипюк. Под его руководством коллектив за короткое время освоил поступившую высокопроизводительную технику и успешно справлялся с плановыми заданиями.

Хороший подарок получили деревообработчики предприятия. В их распоряжение поступили удобно спланированные, светлые мастерские в просторном кирпичном корпусе. В этом новом столярном цехе разместили производство оконных блоков и товаров культурно-бытового назначения: лабораторных столов, платяных вешалок и т.п. Принимались здесь заказы от населения на изготовление различных предметов домашнего обихода.

В цехе было немало передовых рабочих, но особенно выделялась тогда бригада М.И. Нонко. Много лет проработавший рядом с ним С.В. Безъязычный так его охарактеризовал: «Совестливый был человек. Брака в работе сам не признавал и другим не позволял делать». По отзывам ветеранов, в мастерстве с ним в цехе мог соперничать только столяр-краснодеревщик Э.Ю. Шульц.

Терпеливо учил старый мастер той профессиональной сноровке, которую уж если переймешь, то инструмент в руках заиграет, и дерево запоет, и дело, как говорят, кипеть будет. Всего школу М.И. Нонко прошли более 100 заводчан. Члены бригады «вязали» оконные блоки для промышленных и жилых зданий. Сменные нормы они выполняли на 115-120%. В итоге из-под их рук ежемесячно выходили до двадцати железнодорожных вагонов первой

продукции, которая отправлялась во все города Кузбасса, а также в Казахстан¹⁶.

С вводом в строй новых цехов появились возможности для наращивания объемов выпускаемой продукции. Сложнее обстояло дело со снижением ее себестоимости.

Заготовки древесины в Кемеровской области проводились преимущественно в гористой местности, с крутизной склонов в лесосеках от 5 до 20°, а также в болотистых районах. Трелевку хлыстов приходилось проводить на большие расстояния. При глубоком снеге зимой (от 1 до 2 м и более) и повышенной увлажненности почв в весенне-осенний период это было непросто. В итоге нормы выработки на лесосечных работах в Кузбассе были ниже, а расценки выше, чем в соседних Томской области и Красноярском крае, примерно на 25-30%.¹⁷

Изначальная высокая стоимость заготовленной древесины дополнялась большими затратами на ее перевозку к месту переработки, чрезмерно широкой номенклатурой выпускаемых типов изделий. При таких условиях сколько-нибудь заметного снижения себестоимости товарной продукции за короткое время достичь практически было невозможно. В 1966-1970 гг. она и, следовательно, рентабельность предприятия оставались примерно на одном и том же уровне. Более интенсивным был прирост балансовой прибыли. Если в 1968 г. она составляла 150 тыс. р., то в 1970 г. - уже 1,6 млн.р.

Неоднозначными были и другие показатели работы коллектива ЛПК в годы восьмой пятилетки. Как видно по данным приложения 15, выпуск товаров культурно-бытового назначения, например, увеличился в 4, древесной муки - в 1,5, пихтового масла - в 1,4, а ящичной тары, заливной клепки и оконных блоков - в 1,2 раза.

Менее весомыми, на первый взгляд, были итоги по вывозке леса и производству пиломатериалов. При тогдашнем централизованном планировании годовые задания предприятиям спускались сверху, причем они подразумевали непрерывный прирост. При этом не принимались во внимание фактические возможности исполнителей, вероятность вмешательства в производственный процесс непредвиденных факторов. Стоило лишь, как уже отмечалось ранее, случиться весенне-осеннему ненастью в 1969 г., как объемы лесозаготовок значительно уменьшились.

При несвоевременных поставках недостающего сырья с других предприятий резко снижался выпуск пиломатериалов. Это в очеред-

ной раз доказывало нереальность выполнения явно завышенных плановых заданий.

На следующий год они были существенно откорректированы. Лесорубам удалось заметно повысить объемы заготовок древесины, а остальным подразделениям лесокомбината наверстать упущенное в предыдущем году по всем видам продукции.

К сожалению, закрепить эти достижения в последующем было нелегко. О переводе предприятий на новые формы планирования и материального стимулирования, громко продекларированном на правительственном уровне в восьмой пятилетке, было прочно забыто уже в начале девятой. По сути дела экономическая реформа была свернута, так и не начавшись всерьез. Взаимоотношения между государством и предприятиями по-прежнему определялись строгими рамками госзаказов, отсутствием какой-либо хозяйственной и финансовой самостоятельности. Подобная жесткая опека не способствовала проявления деловой инициативы, хозяйственной смекалки, консервировала низкую рентабельность большинства отечественных фабрик и заводов, высокую себестоимость выпускаемой на них продукции.

Злободневная проблема

В девятой пятилетке (1971-1975 гг.) перед коллективом лесокомбината стояли непростые задачи. С одной стороны, реалии прошлого заставили министерство существенно скорректировать задания по заготовке древесины и производству пиломатериалов. Они были оставлены примерно на том же уровне. Вместе с тем существенно увеличивался план по выпуску оконных блоков, ящичной тары, выделке древесной муки и пихтового масла. В целом заводчанам предстояло нарастить объем реализации товарной продукции почти на 15%.

Важнейшим средством решения этой задачи оставалась дальнейшая модернизация производства. В той или иной мере она проводилась во всех заводских подразделениях. В частности, в тарном цехе был установлен мощный козловый кран КК-16, взявший на себя разгрузку железнодорожных вагонов, транспортировку и погрузку готовых изделий. Тут же была построена секционная бревнотаска для подачи бревен из реки, заметно облегчившая труд занятых здесь рабочих.

Новая техника и прогрессивная технологии были, безуслов-

но, определяющими факторами в развитии заводского производства. Но не менее важен и такой момент, как состав рабочего коллектива, его стабильность. Динамика численности работавших на лесокombинате показана в табл. 3,¹⁸ из которой явствует, что особенно заметно ряды заводчан выросли в 1967 г. Это объяснялось вхождением в состав лесокombината Анжерского и Сурановского леспромхозов, где трудились свыше 700 чел. В последующие же годы прослеживается отчетливая тенденция к понижению числа работающих на ЛПК, вызванному прежде всего уменьшением здесь доли ручного труда. Постепенно контингент занятых на лесокombинате рабочих, инженерно-технических работников и служащих стабилизировался на уровне 1900-2000 чел. (приложение 16).

Т а б л и ц а 3

Численность персонала лесокombината в 1966-1975 гг.

Годы	Промышленно-производственный персонал (ППП)				Непромышленный персонал	Итого
	всего	рабочие	ИТР	прочие категории		
1966	1127	866	101	160	466	1593
1967	1739	1442	174	134	510	2249
1968	1705	1418	160	127	493	2198
1969	1665	1369	167	129	426	2091
1970	1703	1415	162	126	430	2133
1971	1679	1419	142	118	416	2095
1972	1567	1326	135	106	405	1972
1973	1508	1292	130	86	398	1906
1974	1493	1289	125	79	455	1948
1975	1543	1333	125	85	420	1963

По-разному приходили на завод люди. Для одних работа здесь была давней семейной традицией. Других привлекал профиль самого производства, где можно было приобрести престижные рабочие специальности.

Но встречались и те, для кого ЛПК был лишь временным местом работы. Именно они давали основной процент прогульщиков. С нарушителями трудовой дисциплины проводились определенные работы: их поведение рассматривалось на цеховых комитетах, в товарищеских судах, на бригадных собраниях. Если эти меры не помогали, то лица, совершившие более десяти прогулов, с согласия

рабочего комитета увольнялись с предприятия. Таких ежегодно было на ЛПК примерно 0,35-0,8% от всех работающих.

В целом же текучесть кадров по предприятию в то время составляла 25-30%. Анализ причин ухода показывает довольно пеструю картину. Попытаемся выделить основные причины, опираясь на данные анкет заводского отдела кадров за 1971-1975 гг.

Согласно сведениям этого источника, от 15,3 до 22,9% увольнялось по объективным причинам, а именно: по случаю болезни, в связи с выходом на пенсию и призывом в армию. Остальные покидали завод по собственному желанию. При этом каждый четвертый из них был неудовлетворен жильем, тяжелыми условиями труда, отсутствием мест в детских учреждениях, низкой заработной платой. Примерно столько же объясняли свое решение желанием переменить место жительства.

Среди увольнявшихся почти две трети составляли мужчины и только треть - женщины. Чаще всего уходили новички или лица, проработавшие на лесозаводе от одного до трех лет (80-85%). Негативно влияло на производство и то, что его покидала, как правило, молодежь 18-30 лет (до 70%).

В профессиональном отношении среди увольнявшихся преобладали малоквалифицированные рабочие, занятые тяжелым, низкооплачиваемым трудом. На лесозаготовках это были, главным образом, обрубщики сучьев и чокеровщики, а в деревообрабатывающих цехах - штабелевщики, транспортировщики, укладчики пиломатериалов.

Взамен уволившихся ежегодно на ЛПК принималось 600-700 человек¹⁹. Переводы с других предприятий были единичными случаями, подавляющее большинство оформлялось вольным наймом. Примерно две трети из них владели рабочими специальностями, остальные были вчерашними школьниками.

Обучение новичков производилось преимущественно бригадным и курсовым методами прямо на рабочих местах. Таким образом в 1966-1975 гг. получали профессии, необходимые заводу, в среднем по 190-220 человек. Кроме того, по 10-20 рабочих обучались тогда ежегодно в Мариинской лесотехшколе. Водителей, по мере необходимости, подготавливали в Кемеровской школе ДОСААФ.

Хорошо была поставлена система повышения квалификации. По 200-300 рабочих ежегодно обучались вторым профессиям или изучали передовые методы труда. Инженерно-технические работники посещали кружки и семинары по экономике, занимались в

учебных заведениях. В 1968 г., например, в техникумах и институтах училось очно и заочно 62, в 1970 г. - 60, в 1975 г. - 28 заводчан.

Администрация лесозавода, естественно, пыталась по мере своих возможностей снизить и процент текучести кадров. В частности, только за 1971-1975 гг. для тружеников предприятия были построены 13 двухквартирных и один 36-квартирный дом²⁰. Но решить все жилищные, культурно-бытовые и производственные проблемы в короткие сроки было не под силу даже такому крупному предприятию, как Яйский лесокombинат. Большая заменяемость кадров по-прежнему оставалась здесь большим вопросом для руководства.

В решении хозяйственных задач оно опиралось прежде всего на кадровых заводчан. Тон в работе задавали рабочие, накрепко связавшие свою судьбу с ЛПК, такие как станочницы Н.П. Носова и Л.В. Новаковская, отделочница Н.К. Алонцева, машинист-компрессорщик А.С. Беляев, лебедчица А.Г. Старостюк, слесари В.Т. Давыденко и А.Т. Михайлов, станочник И.М. Стрепетов, тракторист Ю.И. Сергеев и многие другие.²¹

С плановыми заданиями справлялось большинство цехов, но особенно стабильно трудился коллектив самого большого заводского подразделения - сплаво-перевалочного участка. От результатов его труда напрямую зависела судьба плана всего предприятия. Здесь доставляли сырье, разделявали хлысты, производили заливную клепку и тарную дощечку. Фронт работ был большим, поэтому там было занято 11 бригад. Среди них трудовыми успехами особенно выделялись бригады А.Ф. Булгакова и Н.Д. Павлова²².

Ритмично трудился коллектив мебельного цеха. Большинство рабочих выполняли ежедневные задания на 105-110%. Впереди были столяры В. Вахмянин и В. Бычин. Не отставали от них сборщики оконных блоков Е. Осипов, В. Арышев, А. Паршутин, слесарь Ф. Баст.²³

В соревновании среди вспомогательных цехов лидировали энергетики (начальник цеха - М.Т. Старков). Работа, на первый взгляд, малозаметная, но очень ответственная. От оперативности энергетиков зависела бесперебойная работа электромеханизмов лесокombината, поэтому все в цехе владели смежными профессиями ремонтников, монтажников. Настрой в работе создавали опытные электрики Ф.П. Колмагаев, Г.И. Макаров, М.Р. Тимошенко, а также молодые рабочие Г.Д. Греков, Ю.М. Новицкий.²⁴

Неплохо шли дела и у лесозаготовителей. Они тогда повсеместно перешли на работу укрупненными бригадами. Вместо прежних 5-6

человек в них теперь насчитывалось 11-12, в том числе два вальщика леса и, что особенно важно, - три тракториста. «У нас сразу же появилась, - вспоминает бывший тракторист С.А. Усюкевич, - возможность оперативного маневра. Два трелевочника постоянно работали в бригаде, а третий трактор стоял наготове. Стоило случиться какой-либо поломке, и резервный трактор становился основным. Простои по вине техники сразу же практически прекратились».

В то время сам он трудился в бригаде Ф.Р. Бурыхина. Бригадир был толковым организатором, да и коллектив оказался дружным. «Ребята подобрались добросовестные, - продолжает С.А. Усюкевич. - Ни от какой работы не бегали тракторист Н.С. Горшков, чокеровщик А. Левочкин, сучкоруб И.Ф. Ледюков». Не подводили и молодые тогда вальщики В.М. Волчок и Ю.И. Истрафилов (ныне начальник Сурановского ЛЗУ). На 120-130% дневную норму выполняли на этом лесоучастке также бригады И.Г. Аксененко и А.С. Сорокина».²⁵

В Анжерском леспромхозе наиболее стабильных результатов добивалась бригада С.Н. Голубева. Он рос в многодетной семье, поэтому с тринадцати лет начал подрабатывать на пихтовом заводике, располагавшемся вблизи поселка Сосновка. После службы в армии вернулся на лесоучасток, где трудился сначала разнорабочим, затем сучкорубом и прогонщиком.

Старательного парня приметил опытный лесоруб В. Штоль и взял в свою бригаду. Здесь он быстро освоил профессию вальщика, со временем и сам стал бригадиром. Немногословный, внешне даже суровый, он брался, когда было нужно, за любую работу. И всякое дело буквально кипело у него в руках.

Не отставали от него и коллеги по бригадам. Пятеро из них - М. Чудинов, В. Цимбалюк, В. Никитюк, Ю. Чекуров, М. Журавлев - стали ударниками девятой пятилетки. Показатели работы коллектива были впечатляющими: вместо 76 куб.м по плану они ежедневно отправляли на нижний склад по 120 куб.м доброкачественной древесины.²⁶ Близко к такому графику подходила и бригада В.В. Кузьменко. В совокупности же пятилетний план по заготовке и вывозке древесины лесозаготовителями Яйского ЛПК был выполнен на 100,8%, в том числе по деловой - на 107,9%.

Ощутимый сбой был допущен в девятой пятилетке только в производстве пиломатериалов. Главная причина крылась в пожаре, происшедшем в лесопильном цехе в 1974 г. Еще не успели устранить его последствия, как в начале 1975 г. здесь снова произошел пожар. Естественно, что выпуск пиломатериалов сразу резко по-

низился (см. приложение 15). Но благодаря напряженной работе, которая иногда не прекращалась и ночью, коллектив цеха уже к концу 1975 г. смог заметно выправить положение. Производство пиломатериалов стало, хотя и медленно, но увеличиваться.

Выработка готовой продукции на лесокомбинате в целом на одного работающего также имела устойчивую тенденцию к росту. Если в 1967 г. она составляла 4768 р., то в 1970 г. - 5443, а в 1975 г. - уже 6016 р., т.е. увеличилась за это время почти на 27%. И по большинству других производственных позиций работники Яйского ЛПК тогда тоже были одними из лучших в тресте «Кемеровлес». В частности, у тружеников лесокомбината объем реализации товарной продукции по итогам девятой пятилетки достиг 99,9%, по объединению же в целом он равнялся всего 97,6%. По выпуску пиломатериалов эти показатели составляли соответственно 97% и 95%.²⁷

Труженики лесокомбината не только умело работали, но и плодотворно использовали свой досуг. Очень активно функционировали тогда на заводе всевозможные кружки и клубы по интересам. С творчеством его участников были знакомы не только заводчане, но и многие жители Кузбасса. Например, на областном смотре художественной самодеятельности предприятий лесной промышленности в 1975 г. самодеятельные артисты ЛПК заняли первое место. Почетной грамотой облсовпрофа были награждены заводские вокально-инструментальный ансамбль и вокальный дуэт в составе М.А. Юрковой и Т.В. Клебанюк.

Прочные позиции занимали и спортсмены лесокомбината. В зимней спартакиаде 1975 г. чемпионами области по многоборью ГТО стал А. Курасов, по шахматам - Д. Мирошниченко, по шашкам - В. Демин. В туристских поездках и домах отдыха тем же летом отдохнули 56 заводчан.²⁸

Но было бы преувеличением сказать, что девятая пятилетка для лесокомбината была сплошь усеяна цветами. Уже отмечалось, насколько высокой была текучесть кадров. Слабым звеном в производственном процессе оставался и молевой сплав по Золотому Китату, поскольку сроки доставки заготовленной древесины и ее сохранность здесь, как правило, зависели от капризов природы. Ритмичность работы деревообрабатывающих цехов по-прежнему во многом определялась своевременностью поставок недостающего сырья с соседних предприятий. Высокой оставалась и доля ручного труда в ряде заводских подразделений, особенно на нижних

складах. От оперативности разрешения этих проблем зависели результаты дальнейшей финансово-хозяйственной деятельности коллектива лесокомбината.

К безотходной технологии

В начале десятой пятилетки (1976-1980 гг.) коллектив лесокомбината взял хороший старт, но затем пошла полоса неудач, вызванная трудностями с обеспечением лесом. Причин было несколько. Во-первых, из-за позднего вскрытия льда затянулся сплав леса по Золотому Китату и Яе. Затем начались затяжные дожди, нарушившие график вывозки древесины из леспромхозов. В очередной раз подвели соседи-поставщики.

Из всего этого руководство лесокомбината сделало соответствующие выводы. Прежде всего, были значительно увеличены заготовки в подведомственных лесоучастках. Здесь удалось создать неплохой запас древесины, а осенью-зимой своевременно ее вывезти на нижний склад. Постепенно стабилизировались поставки сырья по договорам. Определенные навыки были накоплены и в проведении молевого сплава.

По технологии на его проведение обычно отпускалось 30 дней. В апреле же 1977 г., например, он был осуществлен всего за три недели, чему способствовала тщательная предварительная подготовка. Весь путь от устья р.Кайгадат до гавани ЛПК длиной в 143 км заранее разбили на два сплавных участка. На первом координировал все действия начальник отдела сбыта Д.А. Чувашов,²⁹ на втором - руководитель производственно-технического отдела Н.В. Гулянов. Сплавщики были подобраны опытные, поэтому потери бревен оказались минимальными. Самую сложную работу показала бригада водителей В.В. Масунова с Анжерского ЛЗУ.³⁰

Это был последний молевой сплав на ЛПК. Со следующего года полностью перешли на более надежную железнодорожную и автомобильную перевозку хлыстов. Они поступали в большинстве своем сначала на нижний склад. Вся нехитрую технику у рабочих тут долгое время составляли прочный стяжок, топор да веревка. Работа была тяжелая, непрестижная. Многие не выдерживали и увольнялись.

Для изменения подобной ситуации в десятой пятилетке на нижнем складе была осуществлена широкая модернизация производства: установили башенный кран, способный без помощи стропальщиков выполнять погрузочно-разгрузочные работы, а также смон-

тировали две полуавтоматические линии по разделке хлыстов. «Труд стал много привлекательнее и более производительным. Вместо прежних 130-150 куб.м, - вспоминает бывший бригадир Н.П. Денисов, - мы стали разделять за смену 300-500 куб.м леса».

Работа разделочников была простой только на первый взгляд. Ведь именно от их добросовестности прежде всего зависело, чтобы гниль от комля не попала в деловую часть, а вершинки, пригодные на рудостойку, не пошли бы в отходы. Кроме непосредственной разделки хлыстов, коллектив занимался также разгрузкой лесовозов, подачей леса в бассейн. Такая многопрофильность требовала от каждого рабочего самых разнообразных навыков. Ядро бригады составляли кадровые заводчане, мастера своего дела - крановщик А.А. Костырко, сучкоруб А.М. Ломакин, навалщик М. Пономарев, - стопальщики В.А. Алонцев, А.А. Белов, С.П. Кузьменков. «Все они владели смежными профессиями. Поэтому в любое время, - продолжает Н.П. Денисов, - можно было при необходимости сделать нужную перестановку на рабочих местах». Сменная выработка в 140-150% была тогда для этой бригады привычным делом.

Следующим этапом в реконструкции нижнего склада стали работы по модернизации здешнего водохранилища. Оно являлось важным звеном в технологической цепочке, поскольку в нем производилась первичная сортировка бревен по диаметру и породам древесины. Существовал этот бассейн еще с 30-х гг. и к описываемому моменту безнадежно устарел конструктивно. Глубина в нем была небольшой, поэтому в стужу лед приходилось долбить ломами. Деревянные стены, забутованные глиной, пришли в ветхость, зачастую обваливались. Водоохранилище тщательно расчистили, углубили, дно застелили плитами, а стены укрепили монолитным бетоном. По вине сортировщиков ритм работ больше не нарушался.

В структуре заготавливаемой к тому времени лесокombинатовцами древесины доля хвойных пород стала заметно уменьшаться. На повестку дня встал вопрос о более рациональном их использовании. В деревообрабатывающем цехе установили несколько дробильных установок, которые готовили сырье для мукомольных цехов.

Технологические изменения произошли и в лесопильном цехе. Здесь были смонтированы рубильные машины, которые стали перерабатывать горбыль, ранее шедший на дрова, в технологическую щепу. Она охотно закупалась Хакасским гидролизным заводом, где

из нее получали ценное сырье для химической промышленности. Нашлось применение и тонкомеру. По свидетельству заместителя директора В.Г. Глобы, прежде отвалы этой некондиции загромождали территорию нижнего склада. Установка специального оборудования позволила делать щепу, предназначенную для производства бумаги.

В итоге уровень промышленного использования древесины на ЛПК к 1980 г. достиг 50%. Пятью же годами ранее он составлял всего 40-42%.

Много внимания уделялось тогда и поиску решений по более углубленной переработке листовного сырья. Для этой цели были смонтированы мощные сушильные камеры СП-5КМ производительностью 55 тыс. условных кубометров в год. Невдалеке началось строительство паркетного цеха, в котором предусматривалось выпускать ежегодно до 100 тыс. кв. м реечных щитов, пользовавшихся большим спросом в строительстве. Комплекс мероприятий был проведен и в новой котельной.

Модернизация производства происходила в обстановке трудового подъема. Широкое распространение на лесокombинате получило движение за досрочное выполнение личных пятилеток. Одними из первых справились с ними рамщик Н.П. Клишин, электромонтер И.С. Новиков, станочницы М.М. Бочарникова, М.М. Игнатенко, В.Г. Кабанова, А.А. Остренко, Т.Н. Яковлева, шоферы М.М. Берков, Р.Н. Хайбулин и В.М. Струков, вальщики леса М.Н. Голубев и В.А. Котов, слесарь В.Т. Давыденко, плотник Н.П. Данилов.³¹

К лету 1980 г. появились уже целые коллективы, выполнившие досрочно пятилетние производственные задания. В тарном цехе это были бригады В.П. Бурьянова и А.Ф. Булгакова, которые по результатам работы мало чем уступали друг другу. На вопрос корреспондента районной газеты о слагаемых успеха Н. Носова, одна из кадровых станочниц, отвечала тогда так: «Бригада выигрывала за счет правильной расстановки сил, безупречной работы станков, качественно наточенных пил. Да и лес шел хороший. Немалая заслуга в этом и нашего бригадира Андрея Федоровича Булгакова. Более двадцати лет он бессленно руководит нами. Знает производство лучше всех.

Безусловно, не было бы успеха и без таких рабочих, как станочница Анна Васильевна Озерова, Рамщики Валерий Валерьевич Максимов и Валентин Васильевич Устинов, контролер-приемщик Галина Петровна Шепелева».

Бригадир В.Ф. Бурьянов причину успехов также видел в своих товарищах. «Прежде всего это стало возможным, - подчеркивал он, - благодаря нашим рабочим: станочнице Тамаре Медведевой, рамщику Аркадию Емельянову, укладчице Валентине Строгановой, пилоправу Григорию Ткачуку, слесарю Николаю Морозову и многим другим». ³²

В деревообрабатывающем цехе лучшей тогда была бригада С.В. Безъязычного. Впервые проходную лесозавода он переступил после окончания семилетки летом 1942 г. Два года паренек проработал коногоном. Отсюда осенью 1944 г. его призвали на флот. Военскую службу он проходил на Дальнем Востоке, плавая на «Большом охотнике». Ратный путь старшины минеров был отмечен медалями Ф. Ушакова, «За освобождение Кореи», «За победу над Японией».

Демобилизовался только осенью 1951 г. Несколько лет трудился снабженцем на одном из предприятий Севкузбасслага. После ликвидации этого объединения Степан Васильевич в 1960 г. вновь вернулся на лесозавод. Как он сам признается, его всегда манила работа с деревом. Окончив шестимесячные курсы, стал работать столяром. В бригаде он сразу стал замечен своим трудолюбием и общительностью.

Когда решался вопрос о выборе бригадира, большинство рабочих проголосовали за него. Сейчас Степан Васильевич улыбается, а тогда, в 1962 г. ему было нелегко. Ведь многие в бригаде были старше его на 15-20 лет. Он к ним и обращался не иначе, как дядя Сеня (С. Чершынев), дядя Костя (К. Коляда), дядя Леша (А. Рыгов), дядя Витя (В. Молоствов). И удивительно, но ветераны выполняли поручения молодого бригадира, видя его профессионализм и организаторские способности. Молодые рабочие - столяры В. Моисеенков (в 1987 г. он сам стал бригадиром после ухода на пенсию своего наставника), станочницы М. Коротких и В.Ф. Коломникова - также удачно вписались в ансамбль. Делали тогда в бригаде оконные блоки, разделочные доски, табуретки, прочие нехитрые предметы домашнего обихода. И ни на один вид их продукции не было нареканий, хотя обычно дневная норма перевыполнялась бригадой на 20-30%.

Среди лесозаготовителей наиболее стабильными результатами отличались тогда коллективы, руководимые В. Г. Федотовым, В.А. Амбиковым и Т.И. Хлебниковой из Анжерского ЛЗУ, бригада В.С. Копытова из Сурановского леспромхоза.

В Алчедатском леспромхозе энергичным руководителем показал

себя в то время начинающий мастер П.А. Стражевич. Под его началом на лесосеках было 25 лесорубов, объединенных в две бригады. Трудились они на лесосеках, расположенных в 25-м и 35-м кварталах Романовского и Барзасского лесничеств. В распоряжении каждой бригады имелся резервный трактор, челюстные погрузчики. За счет рационального использования техники стали получать дополнительно по 5 куб.м сырья в смену.

Люди подобрались работающие, владеющие многими профессиями - трактористы Д.Г. Никитин, К. Зенкович, И.А. Савельев, чокеровщики А.И. Ущeko, А.Г. Семиченко, В.П. Шилько, вальщики С.А. Моисеенко, А.С. Куприков, А.П. Иванов. И молодые, и более опытные - все трудились в один «котел». «Летуны» здесь просто не могли удержаться, поскольку каждому приходилось работать на совесть, чтобы не краснеть перед товарищами. Да и бригадиры - П.Г. Исаев и Б.Н. Климов - умели организовать работу.³³

Широкая модернизация производства, трудовой энтузиазм заводчан свидетельствовали о качественном росте завода. Лесокомбинат сохранил свое место одного из ведущих предприятий лесной отрасли в Кузбассе, несмотря на сокращение лесосырьевой базы. На его долю приходилось почти шестая часть товарной продукции, выпускаемой объединением «Кемероволес», а по выпуску пиломатериалов удельный вес Яйского ЛПК был и того выше - около 25%.

Яйские бондари

В 30-е г. бурно развивающаяся нефтяная промышленность требовала не только тяжелого механического оборудования, но и небольших деревянных комплектующих деталей. В разных уголках страны стали возводиться соответствующие предприятия. В Западной Сибири выбор пал сначала на село Азаново Ижморского района.

В начале 1939 г. здесь в специально приспособленных и построенных помещениях стали выпускать заливную клепку, предназначенную для изготовления 100- и 200-литровых бочек. Древесное сырье для завода поставляли с Кировского участка за 9 км. Раскряжовку вели ручными пилами. Толстые бревна сначала раскалывали при помощи клиньев и топоров. Полученные заготовки также вручную подтаскивали и запускали на шпалорезный станок. Затем из небольших болванок на кустарно изготовленных станках выпиливали клепку. Ее увязывали в пучки по сортам и на двух заводских

машинах «ЗИС-5» отвозили на ст. Ижморская, где грузили в железнодорожные вагоны.

Уже к весне 1942 г. запасы местной древесины иссякли. По распоряжению дирекции бригада заводских строителей в количестве 20 человек была направлена в поселок Яю для сооружения новых производственных площадей. Они были построены при помощи специалистов Яйского лесозавода в рекордно короткие сроки. Оперативно было перевезено и смонтировано оборудование. Согласно приказу № 2 от 11 января 1943 г. новое предприятие стало называться Яйским лесопильно-клепочным заводом (ЛКЗ).³⁴

Рабочих рук на нем не хватало, поэтому тракторная бригада и персонал шпалорамы сразу же были переведены на десятичасовой рабочий день. Распорядок заводских гудков был следующим:

1-й - подъемный - в 7 часов; 2-й - предупредительный - в 7 часов 30 минут; 3-й - к началу работы - в 8 часов.

По своим размерам это предприятие было небольшим. На нем имелась всего одна паровая машина мощностью в 35 л.с., механизированная пила и единственный старенький трактор. Работало тогда на клепочном заводе около 100 человек. За смену они выпускали 6-8 куб.м клепки. Трудились здесь преимущественно женщины. К сожалению, полного списка работавших установить не удалось. Известно лишь, что одной из трактористок была М.И. Пахомова, пилотправом - Е.Н. Желткова, а директором-инженером каркасно-засыпного лесопильного цеха, возведенного летом 1943 г., - А.Д. Чеботарева.

Время было суровое, военное, поэтому коллектив с пониманием относился к постоянному увеличению продолжительности рабочего дня. С 1 июля 1943 г. на раскряжевке, подкатке и шпалорезании он стал равняться 11 часам. На других операциях рабочие трудились по 8 часов, но, кроме того, они обязаны были ежедневно отработать по два часа в подсобном хозяйстве (огороде). На период уборочной рабочий день для всех работников предприятия устанавливался в 12 часов.

Коллектив завода не только стабильно справлялся с государственными заданиями, но и оказывал самую разнообразную помощь фронту. Неоднократно работницы предприятия собирали и отправляли бойцам в действующую армию посылки с различными вещами, махоркой. Тепло встречали заводчане в построенном осенью 1943 г. общежитии и эвакуированных из западных районов страны

женщин, детей и стариков. Часть из них стали трудиться на лесопильно-клепочном заводе.

Окончилась война, и на предприятие начали возвращаться демобилизованные воины. Вместе с кадровыми работниками они трудились по-ударному. За производственные успехи в июне 1947 г., например, коллективу завода была присуждена крупная денежная премия и вручено переходящее знамя министерства.

Не сдавали завоеванных позиций заводчане и в последующем. В частности, плановое задание 1951 г. они перевыполнили на 29,6%. При этом, как явствует из доклада директора М.П. Яковлева, производительность труда повысилась на 24%, а себестоимость продукции, напротив, снизилась на 20%. Наиболее весомую лепту в это внесли такие рабочие, как И.Н. Анохин, Е.Н. Веснина, М.И. Котенко, А.Х. Кнауб, Д. Лесников, К. Лесникова, В. Силенко, С. Ткачев.³⁵

В натуральном выражении объем выпущенной в 1951 г. продукции составлял 6,5 тыс.куб.м. К 1955 г. данный показатель достиг 14,6, а в 1959 г. - уже 18,7 тыс.куб.м, т.е. увеличился на 288%.³⁶ Но столь высокие темпы прироста давались коллективу нелегко.

Основным сдерживающим фактором являлась чрезвычайно низкая техническая оснащенность. Древесина тогда шла в основном молевым сплавом по Яе, а затем по ее курье доставлялась к заводской территории. На берег она долгое время выгружалась, как шутят сами рабочие, малой «механизацией», т.е. попросту ломами да веревками. С 1954 г. работа занятых здесь грузчиков стала несколько легче, поскольку появилась лебедка ТЛ-3. Из железнодорожных вагонов кряжи штабелевались также вручную вплоть до 1960 г., пока для этого заводские рационализаторы не приспособили агрегат с несущим тросом и кареткой.

Со штабелей древесина доставлялась на переработку, главным образом, на лошадях. Имевшиеся на заводе две автомашины (ЗИС-5 и ГАЗ-51), а также два трактора НАТИ были настолько изношенными, что, по отзывам самих водителей, больше ремонтировались, чем находились в работе. Готовые изделия из лесопильного цеха на склад также перевозились конными вагонетками.

Подавляющая часть оборудования лесопильного цеха - клепочные, обрезные и торцовые станки - была изготовлена заводскими умельцами в собственных мастерских. Несовершенные в конструктивном плане, они нередко выходили из строя и требовали ежегодного капитального ремонта. Сам лесопильный цех был небольшим,

тесным из-за скученности механизмов и всевозможных самодеятельных приспособлений.

Несовершенной была и система оплаты труда. Их расценки определялись по семиразрядной тарифной сетке, опущенной из В/К «Нефтелесотара» (куда входил и лесопильно-клепочный завод) письмом еще от 16 сентября 1946 г. Исходя из них, рабочий мог заработать в месяц в 1951 г. около 571,2, а в 1959 г. - почти те же 584,0 р. Налицо была фактическая консервация размеров заработков, хотя совокупный объем выпускаемых предприятием изделий за это время, как мы уже отмечали ранее, вырос почти втрое. Парадоксальность ситуации усиливалась еще и тем, что выработки рабочих ведущих специальностей, судя по данным ежегодных заводских отчетов, составляли тогда в среднем 120-150%.³⁷

Имея маломощную строительную базу, завод с трудом решал и жилищный вопрос. До сих пор здесь помнят курьезный случай, когда в 1954 г. вновь назначенному директору М.Ф. Бывшему пришлось срочно покупать небольшой частный дом (24 кв.м), поскольку никаких перспектив получения ведомственной квартиры в ближайшее время не было. Всего же за 1951-1959 гг. на баланс предприятия поступило 264 кв.м жилья, в которых размещалось 12 семей. Кроме того, несколько десятков работников построили себе индивидуальные дома за счет льготных кредитов предприятия. Заводская администрация помогала своим рабочим и служащим в своевременной вспашке коллективных огородов и бесплатной выписке дров.³⁸

Зримые перемены в материальном положении заводчан и улучшении условий их труда произошли только в начале 60-х гг. Они были связаны с начавшейся тогда реконструкцией производства. В 1962 г. был сдан в эксплуатацию просторный (30x15 м) кирпичный корпус лесопильного цеха. Кроме уже имевшихся собственноручных кустарных механизмов, здесь установили фабричные шпалорезный станок ЦДТ-4, балансирующую пилу ЦКВ-5, мощную пилораму РД-75-6.

В их монтаже и отладке самое активное участие принимали инженер В.П. Маслов, механик В.В. Лютов, мастер В.С. Васильев, слесари И.Я. Морозов и И.Ф. Ткачев. Появившееся высокопроизводительное оборудование затрагивало всю технологическую цепочку. Поступающая с Кузбасского, Красноярского и Иркутского лесосбытов древесина из вагонов стала разгружаться консольно-козловым краном ККУ - 7,5 т в штабеля. Из них кряжи тракторами ТДТ-60 доставлялись прямо на цепной трехсекционный транспортер. По

нему они поднимались в лесопильный цех. Выработка готовой продукции в нем стала осуществляться двумя потоками. В первом был установлен шпалорезный станок ЦДТ-6-2, распиливавший кряжи на пластины, которые по роликовому транспортеру поступали на раскроечный станок и разделялись на тюльку длиной 80 см. Затем заготовки по ленточному транспортеру попадали на клепочные станки, которые перерабатывали ее на клепку и по транспортеру передавали дальше на столы бракеров. Здесь ее рассортировывали и при помощи четырех лотков спускали со второго этажа на первый. Отсюда клепка по четырехсекционному транспортеру выносилась на специально оборудованную площадку, укладывалась на поддоны и отвозилась автопогрузчиками на склад готовой продукции.

Во втором потоке была смонтирована лесопильная рама РД-75-6, которая пилила лес длиной от 3 до 6,5 м на пластины. Те по рольгангу поступали на восьмипильную установку, где разделялись на тюльку длиной 80 см. Последующая обработка и другие операции производились так же, как и на первом потоке.³⁹

В целом по предприятию уровень механизированных операций в середине 60-х гг. составлял 40-50%. Доля ручного труда, как мы видим, была еще высока. Именно малоквалифицированные рабочие, занятые на тяжелой, ручной работе, чаще всего увольнялись с завода. Естественным был уход пожилых рабочих и работниц на пенсию, а молодых парней - на службу в армию. В среднем состав коллектива завода обновлялся тогда ежегодно почти на треть.

Оставшиеся две трети (120-140 человек) и составляли контингент кадровых рабочих.

Не один десяток лет протрудились здесь технорук П.И. Иванов, нормировщица Т.Б. Киселева, станочницы М.И. Анахина, Т.Д. Верхотурова, Н.Н. Березикова, В.Б. Вдовина, В.Ф. Глазунова, Е.С. Гвоздева, А.Клепова, А.В. Коробова, А.А. Остренко, В. Петрова, М.И. Пахомова, электросварщик В.Р. Семейкин. До сих пор они тепло отзываются о бригадирах Е.П. Арышеве, А.Д. Плешакове, Д.М. Савченко и М.Е. Ющенко, мастерах Е.Е. Логвинковой, М.И. Рыльцеве, А.П. Соловьевой и Ф.П. Тверикине, которых отличало прекрасное знание производства и высокая требовательность к подчиненным. Много энергии и сил вкладывали в развитие родного предприятия директор В.И. Остроумов, технорук М.П. Яковлев, старший бухгалтер М.К. Зенков.

Лесопильно-клепочный завод тогда входил в трест «Нефте-маслозаводы» Главнефтеснаба РСФСР. Номенклатура выпускаемых его коллективом изделий была довольно разнообразной. Пиломатериал, горбылек, штакетник, тарная дощечка и дрова реализовывались в Кузбассе. Главные же виды продукции - клепка и нефтерешетка - поставлялись различным предприятиям Оренбургской, Орской и Ярославской областей, в Азербайджан и на Северный Кавказ. Основные результаты хозяйственно-финансовой деятельности коллектива завода отражены в табл. 4.⁴⁰

Таблица 4

Производственные показатели лесоклепочного завода в 1961-1979 гг.

Годы	Выпуск товарной продукции			прочие товары, тыс. куб.м	итого, тыс. куб.м	Объем реализации продукции, тыс. р.	Выраб. продукции на одного рабоч., р.	Средн. з/пл. одного рабоч., руб.	Общая числять персонала, чел.
	всего, тыс. р.	клепка заливная, тыс. куб.м	сухотарн. клепок, тыс. куб.м						
1961	1283	10,01	3,17	1,39	14,17	1234	7776	74,4	200
1962	1280	10,02	2,81	2,00	14,83	1225	7486	79,3	202
1963	1432	10,88	3,85	9,53	24,26	1566	7498	80,0	223
1964	1667	11,61	4,21	12,67	28,49	1576	8335	81,0	230
1965	1614	10,76	3,10	14,15	28,01	1720	9097	76,4	224
1966	1934	14,34	2,21	16,77	33,32	1900	8791	82,0	232
1967	2217	11,11	3,24	15,87	30,22	2111	10003	86,0	225
1968	2025	10,22	2,29	15,97	28,48	2112	9552	90,0	228
1969	1778	10,03	1,42	4,63	26,08	1830	9457	99,0	213
1970	1676	10,22	0,86	12,06	23,14	1674	8915	108,2	218
1971	1892	11,62	0,96	13,71	26,29	1810	9435	119,3	230
1972	1867	12,01	0,08	13,60	25,69	1812	9624	126,3	206
1973	1858	10,01	-	16,36	26,37	1747	9779	138,2	218
1974	1674	8,13	0,63	17,40	26,16	1692	9466	150,0	222
1975	1718	6,95	1,34	16,51	24,80	1680	9237	151,0	216
1976	1370	6,05	1,02	15,00	22,07	1370	7826	151,1	202
1977	1393	5,81	-	14,82	20,63	1320	7612	155,3	213
1978	659	2,51	-	7,20	9,71	642	4279	147,1	185
1979	1185	4,96	-	13,01	17,97	1097	7270	160,9	192

Из данных таблицы отчетливо видно, что вначале наблюдался значительный прирост по большинству показателей. Но примерно с середины 70-х гг. наметился явный спад в выпуске промышленной продукции, резко упала выработка на одного работающего. Усили-

лась и текучесть кадров с предприятия, которая в 1977-1979 гг. составляла уже 65-80%.

Увольнялись рабочие, как и раньше, главным образом, из-за более низких по сравнению с соседними предприятиями заработков, все еще высокой доли ручного труда. Завод по-прежнему не имел своих детских учреждений, практически не строил жилья. Развязать этот клубок проблем своими силами руководством лесопильно-клепочного было практически невозможно, весь доход предприятия забирал трест.

Возникла идея слияния с соседним лесокombинатом. Основания для подобного объединения имелись. Если проанализировать данные таблицы, то можно заметить, что удельный вес продукции для нефтяной промышленности был очень мал. Подавляющую часть производимых тогда лесопильно-клепочным заводом изделий составляла тарная дощечка. Аналогичная продукция выпускалась и на лесокombинате. Подъездные пути были также фактически едиными для обоих предприятий.

В объединении «Кемероволес» идея об их слиянии встретила понимание, и 1 сентября 1981 г. лесопильно-клепочный вошел в состав ЛПК. На его основе было создано два тарных цеха. Профиль выпускаемой продукции остался прежним, сохранились и объемы производства.

Новые горизонты

В начале 80-х гг. с целью улучшения руководства заводскими подразделениями была проведена их реорганизация. Вся территория комбината делилась отныне на три блока. В первый вошли лесозавод и сплаво-перевалочный участок, которые впредь стали именоваться нижним складом № 1. В нижний склад № 2 были включены второй и третий тарный цехи, т.е. вся территория прежнего лесопильно-клепочного завода. Нижний склад № 3 объединил деревообрабатывающий и первый тарный цехи, сушилку, цех реечных щитов.

Реорганизации подверглись и некоторые цехи. В частности, на базе бывших мастерских ЛКЗ создали централизованные ремонтно-механические мастерские (ЦРММ). Его руководителем был назначен П.П. Егоров. В прежних же РММ организовали агрегатное отделение, где наладили ремонт автомобилей, тракторов и другой

лесозаготовительной техники. Для становления этого нового заводского подразделения много сделал В.В. Кулагин.

Первостепенное внимание руководство Яйского ЛПК по-прежнему уделяло дальнейшему техническому перевооружению. Из новинок одиннадцатой пятилетки (1981-1985 гг.) выделялись, прежде всего, полуавтоматические линии ЛО-15С. Они позволили сократить ручной труд на некоторых операциях до минимума. Здесь же установили линию по практически безотходной переработке тонкомерных бревен ЛАПБ мощностью 120 тыс. куб. м пиломатериалов в год.

В деревообрабатывающем цехе, значительно расширенном, также было смонтировано две линии: одна, финская «РАУТ», по производству строганых деталей (половой рейки, вагонки и т.п.), другая, отечественная ЛТ-8, по переработке низкосортной древесины на щепу для целлюлозно-бумажной промышленности. В результате этих мероприятий значительно вырос уровень делового использования древесины. Если в 1982 г. данный показатель по ЛПК достигал только 58,6%, то в 1985 г. он был доведен уже до 77,2%.⁴¹

Интенсификация производства шла на лесокombинате не только за счет модернизации оборудования, но и путем поиска новых форм организации труда. Одной из таких форм стал вахтовый метод заготовки древесины. Его внедрение было жизненно необходимо для нормального функционирования лесокombината. Дело в том, что его лесозаготовители уже много лет трудились в лесосеках, расстроенных рубками прошлых лет, т.е. в так называемых недорубах, с преимущественно лиственными насаждениями.

Местность там была зачастую заболоченной, что затрудняло постоянные перевозки лесорубов туда и обратно. Даже на мощных ГАЗ-66 это составляло 6-7 часов езды в один конец. К тому же, закрепленной за ним лесной базы Яйский ЛПК не имел, а лесосеки были очень разбросаны. Обустроить сколько-нибудь лесовозные дороги круглогодичного действия в такой ситуации было невозможно. В итоге древесины, заготовленной зимой, не хватало для работы в летние месяцы, что приводило к сбоям в деятельности всего комбината.

После долгих переговоров в министерстве было достигнуто соглашение о выделении под разработку сплошных массивов в Урюпинском лесничестве Тисульского района. Поле деятельности было поистине благодатным: безотходные хвойные леса со зрелой древесиной. Сюда стали ездить поочередно лесозаготовители под-

ведомственных леспромхозов. Рабочий день продолжался 9 часов, а вся вахта - 10 дней. Сначала здесь были заняты постоянно две малые комплексные бригады, затем перешли на работу одной укрупненной бригадой (12-15 человек) на базе двух трелевочных тракторов.

А вскоре был оборудован стационарный поселок. Жили лесорубы в обогреваемых вагончиках, питались в небольшой столовой. Имелись даже вагон-сушилка и вагон-душ. К жилым домикам и прочим производственным объектам был проведен ток от электростанции. Заготовка леса велась только весной и летом. Именно здесь впервые были опробованы сучкорезные машины ЛП-33. Они не только облегчили и обезопасили труд сучкорубов, но и сделали его более производительным.⁴²

Интенсивно внедрялся на предприятии и бригадный подряд. Работа на единый наряд заставляла каждого рабочего овладевать смежными профессиями, досконально изучать имеющуюся в распоряжении технику. Мастера также включались в состав бригад и переводились на сдельную оплату. Все коллективы, трудившиеся по методу бригадного подряда, отличались сознательной дисциплиной и высокими сменными выработками. Не случайно именно они раньше всех справились с пятилетними производственными заданиями. Это бригада разделочников, руководимая лауреатом премии Кузбасса С.С. Ижевским, бригада кавалера ордена «Знак Почета» В.Г. Федотова, бригада на производстве тары Л.В. Потапочкиной, бригаала на разделке хлыстов Ю.В. Макрушина.⁴³

Широкой известностью на лесокombинате пользовалась тогда и бригада по разделке хлыстов Н.И. Зюзина. С лесным делом он связал свою жизнь еще мальчишкой в 1949 г. После службы в армии не стал искать легких заработков, а вернулся на родное предприятие. Был машинистом башенного крана. Когда ушел на пенсию знатный бригадир Н.П. Денисов, на собрании единогласно выбрали на эту должность Н.И. Зюзина. Он много внимания уделял воспитательному моменту, хотя, конечно, вслух такие слова не произносились, но именно его ежедневная кропотливая работа способствовала созданию дружного коллектива, которому многое было по плечу.

В любой момент он мог опереться на костяк бригады. Его составляли стропальщики А.Т. Михайлов, А.Ф. Булгаков, крановщики Н. Астафьев, И.К. Стояновский, электрик В.Я. Киселев. Назидательных речей Н.И. Зюзин не любил, но не уставал повторять: «Лес не вешанный, может и травмировать». Случайные люди в бригаде не

приживались, зато кадровые рабочие были мастерами на все руки. Они не только хорошо трудились, но и самостоятельно ремонтировали имеющуюся технику. Все работали добросовестно, поскольку были заинтересованы в результатах своего труда. Заработная плата делилась поровну, а была она для того времени немалая - до 300 рублей в месяц.⁴⁴

Высоким авторитетом среди коллег пользовался и В.А. Асадчий, водителем он проработал более 20 лет. Рейсы приходилось совершать и в зной, и в стужу, так как от своевременной доставки хлыстов с лесосек зависит ритм работы всего ЛПК. Много лет он возглавлял бригаду водителей лесовозов. В ее состав входило 5 экипажей по 3-4 человека. Шоферы - народ ершистый, но ко всем у бригадира был свой подход. Срывов не было, потому что пример добросовестного отношения к делу подавал сам бригадир. За добросовестные успехи в десятой пятилетке он был награжден орденом Трудовой Славы III степени, а по итогам одиннадцатой - орденом Трудовой Славы II степени.⁴⁵

Ощутимые сдвиги произошли на Яйском ЛПК в то время и в сфере социальной. Только за 1982-1985 гг. для заводчан было построено два 60-квартирных и 70 одно- и двухквартирных домов. Таких темпов жилищного строительства на ЛПК раньше не знали. Количество очередейников на благоустроенные квартиры сразу уменьшилось вдвое. Тогда же было сдано общежитие для молодежи.

Под детский сад «Елочка» приспособили помещение бывшей бытовки нижнего склада, значительно расширили комбинат «Ромашка». Всего у лесокombината в то время было 5 детских учреждений, причем три из них являлись лучшими в районном центре. Правда, проблема с яслями и садами не была решена до конца, поскольку нуждающихся оставалось еще около 100 человек.⁴⁶

Для работников лесокombината в удобном месте были отведены участки под коллективные сады. Поступательно развивалось и подсобное хозяйство.

Инициатором его создания был директор комбината В.П. Таскаев. Еще весной 1979 г. он предложил задействовать под него пустующую заводскую конюшню. Здесь провели частичный ремонт, закупили 25 поросят. Кормили их комбикормами, получаемыми комбинатом по нарядам, а также пищевыми отходами из заводской столовой. Затраты оказались минимальными, а эффект превзошел все ожидания. Уже к осени рабочие и служащие ЛПК получили 8,2 т добротной свинины.

На зиму оставили свиноматок, прикупили в окрестных хозяйствах несколько сот поросят. Помещения конюшни стали тесноватыми, поэтому весной 1980 г. было решено строить настоящую механизированную свиноферму. Местные власти выделили под нее землю на окраине Яи. Здесь сразу же закипела работа.

Стройка велась, в основном, хозяйственным способом. Наняли на стороне только несколько профессиональных каменщиков, остальное все делали сами. Заводские подразделения по очереди выделяли постоянные бригады, часто проводили субботники и воскресники, на которых побывали практически все заводчане. Цех древесной муки изготовил и смонтировал оборудование для раздачи кормов, электроцех - всю электрическую оснастку. Недалеко от свинарника построили механизированное овощехранилище на 500 т, а в другом конце двора - двухквартирный дом для обслуживающего персонала фермы.

Одновременно развивали и кормовую базу. Доселе пустовавшие 117 гектаров земли бывшего лесозаводского подсобного хозяйства расчистили от кустарников и бурьяна, посеяли злаковые культуры и картофель. Правда, до получения урожая пришлось трудновато. Поголовье свиней увеличивалось, а комбикормов по государственным поставкам было мало. Для поддержания стада косили траву, заготовливали крапиву, покупали сыроворотку на молокозаводе и даже барду с пивзавода.

Падежа не допустили. Более того, в заводской магазин поступило к концу 1980 г. уже 32,7 т свинины. Причем продавали ее по прейскурантным ценам (2,5 р. за кг), т.е. почти вдвое дешевле, чем на местном базаре.

Результаты труда обнадеживали, поэтому было решено расширять подсобное хозяйство. Вблизи от уже существовавшего свинарника возвели еще один - на 1000 голов. Соорудили мощный кормоцех со стандартным оборудованием, склад для хранения зерна, устроили два летних лагеря для поросят. Парк для сельскохозяйственной техники состоял из двух тракторов, трех комбайнов и нескольких сеялок.

По религиозным мотивам значительное число заводчан не употребляло свинины. По решению заводской администрации в деревнях Сосновка и Новый Свет устроили выпасы для лошадей. К концу 1985 г. в подсобном хозяйстве было уже до 100 голов крупного рогатого скота, около 800 свиней, 40 лошадей. В заводские столо-

вую и магазин, детские сады отсюда поступало ежегодно по 50-60 т мяса, молока, сметаны.⁴⁷

Радушно встречал работников комбината и новый Дом быта. Здесь имелись парикмахерская, косметический кабинет, продовольственный магазин, пункты по приему и ремонту обуви и одежды. На производственных площадках во многих местах насадили деревья, проложили асфальт.

Улучшение условий труда и быта благотворно повлияло на стабилизацию рядов заводского коллектива. Текучесть кадров снизилась до 18-20%. Все более отчетливой становилась и тенденция к постоянному снижению уровня травматизма. Если в 1967 г. на лесокombинате произошло 78 несчастных случаев, то в 1975 г. - 34, а в 1984 г. - лишь 21.⁴⁸ По этому показателю Яйский лесокombинат был одним из самых благополучных предприятий в объединении «Кемероволес».

По другим параметрам производственной деятельности итоги работы коллектива ЛПК в 1981-1985 гг. были также довольно весомыми. Как и раньше, заводчане полностью справились с государственными заданиями по заготовке, трелевке и вывозке древесины, выпуску оконных блоков. К сожалению, не удалось выполнить план по производству пихтового масла и древесной муки. Причина этого крылась в отсутствии в используемых лесосеках достаточного количества пихты, идущей на производство данных товаров. Не удалось достичь запланированных рубежей и по изготовлению щепы и паркета. Необходимо было время для отработки новых для предприятия технологий, отладки поступающего оборудования и подготовки необходимых специалистов.

¹ Производственная объединение «Кемеровопромлес» было образовано 13 апреля 1966 г. Его генеральным директором назначили Б.Н. Буренина. В 1955 г. он закончил Ленинградскую лесотехническую академию и был направлен по распределению в Кузбасс. Сначала работал в пос. Ампалык, где был мастером, техноруком и главным инженером. Через несколько лет был переведен в Ю. Сначала трудился начальником отдела заготовок, затем - главным инженером почтового ящика № 30 (Южкузбасслага). С апреля 1966 по май 1982 г. руководил объединением «Кемеровопромлес», затем после его реорганизации - трестом «Кемероволес». Сейчас - персональный пенсионер, живет в Кемерове.

² В состав треста «Кемероволес» входили Тяжинский ЛПХ, Рубинский ЛПХ, Мариинский ЛПХ, Яйский ЛПК, Барзасский ЛПХ, Усть-Мрасская ЛПБ, Малиновская ЛПБ, Кемеровская ЛПБ, Мариинская ЛПБ, Новокузнецкий ЛПХ, Яйские ЦРММ, Тайдонский ЛПХ, лесотехническая школа, комбинат и база-контора в Кемерове.

³ Д м и т р и е в В. Есть девятимесячный // Кузбасс. 1966. 13 сент. Ш и п у л и н А. Шагай вперед, лесоруб // Кузбасс. 1966. 24 нояб.

⁴ Б е р т и н Л. У лесорубов окраины // Лес Кузбасса. 1967. 27 апр.

⁵ Из воспоминаний А.О. Макаренко. С декабря 1967 по март 1973 г. он был начальником Сурановского ЛЗУ, затем занимал ряд руководящих должностей (начальника нижнего склада, старшего инженера по капитальному ремонту, начальника ЖКО) непосредственно на Яйском лесокомбинате. Сейчас - пенсионер, живет в п.Яя.

⁶ С марта 1973 по ноябрь 1978 г. Ф.Д.Шиян был начальником Сурановского ЛЗУ. После перевода на работу в Яю трудился сначала старшим мастером цеха разделки и окорки, затем мастером РСУ. Ныне живет в Кемерове, пенсионер.

⁷ Из воспоминаний ветерана труда Г.З. Семенова.

⁸ Приказы директора ЛПК за 1970 г.

⁹ Здесь и далее подсчеты по производственной деятельности коллектива Яйского ЛПК произведены на основе данных приложений 15, 16.

¹⁰ М о с и н С. Ровесник Октября // Вперед к коммунизму. 1977. 6 сент.

¹¹ Б у р я к о в Г. Первые шаги реформы // Вперед к коммунизму. 1968. 22 нояб.

¹² Р у с е ц к и й К. Вас ждет лесная промышленность // Вперед к коммунизму. 1967. 12 марта.

¹³ В 1967 г. Я.П. Тимошенко окончил Мариинский лесотехнический техникум. В июне 1972 г. был назначен начальником сплаво-перевалочного участка, с февраля 1973 по сентябрь 1981 г. трудился старшим инженером ОТК, затем несколько лет был мастером нижнего склада № 2. Сейчас работает мастером ОТК.

¹⁴ Ш в а й б о в и ч А. Первый коммунистический // Лес Кузбасса. 1967. 29 нояб.; В е д у щ и й цех комбината // Лес Кузбасса. 1968. 22 нояб.

¹⁵ Т е п л о в Н. Лес - химии // Кузбасс. 1966. 18 сент.

¹⁶ Ю ж а н и н Г. Ветеран // Лес Кузбасса. 1967. 15 нояб.

¹⁷ П е р с п е к т и в ы развития лесозаготовк в Кемеровской области // Лесная промышленность. 1968. № 12. С.15-17.

¹⁸ Таблица составлена на основе данных бухгалтерских отчетов лесокомбината за 1966-1975 гг. Архив завода.

¹⁹ ГАКО. Ф.Р-978. Оп.1. Д.313. Л.6; Д.387. Л.20; Д.420. Л.6.

²⁰ Подсчитано по данным бухгалтерских отчетов ЛПК за 1968, 1970-1975 гг.

²¹ Г у л я н о в Н. Завтра - день работников леса // Вперед к коммунизму. 1975. 20 сент.

²² С е к р е т успеха // Вперед к коммунизму. 1971. 3 июня; Е г о р о в Ф. Трудовые подарки Октябрю // Вперед к коммунизму. 1971. 14 нояб.

²³ В о л к о в Ф. В честь юбилея СССР // Вперед к коммунизму. 1972. 20 мая.

²⁴ В о л к о в Ф. Мы - электрики // Вперед к коммунизму. 1972. 6 июня.

²⁵ Из воспоминаний С.А. Усюкевича.

²⁶ М е д о в П. Лесоруб // Кузбасс. 1976. 28 сент.

²⁷ ГАКО. Ф.Р-978. Оп.1. Д.450. Л.1-9. Подсчет автора.

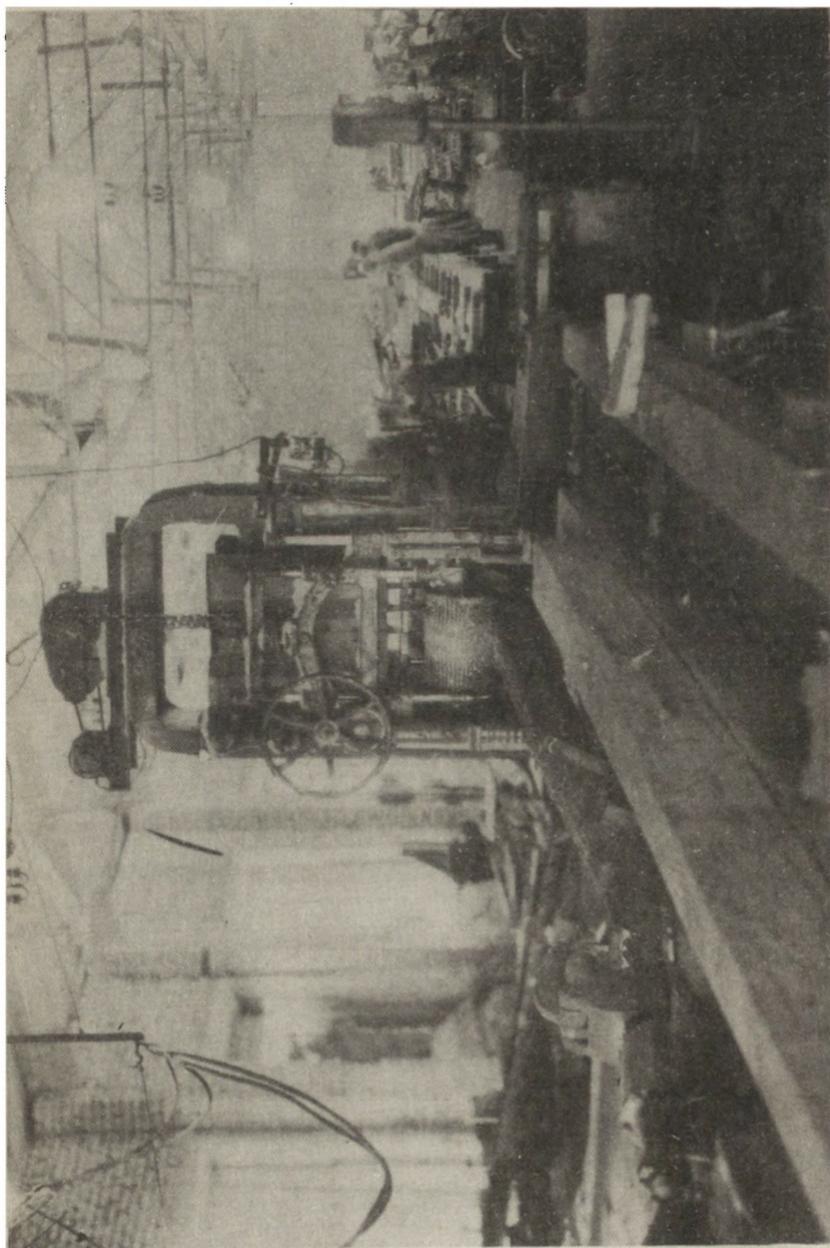
²⁸ П о с е л к о в а я информация // Вперед к коммунизму. 1976. 13 янв.; М о с и н С. Ровесник Октября // Вперед к коммунизму. 1977. 8 сент.

²⁹ В 1954 г. Д.А. Чувашов окончил Томский лесотехникум. На Яйском заводе занимал последовательно должности мастера, затем заместителя начальника ПТО и начальника отдела сбыта. Несколько лет руководил работой нижнего склада № 3. Сейчас находится на пенсии.

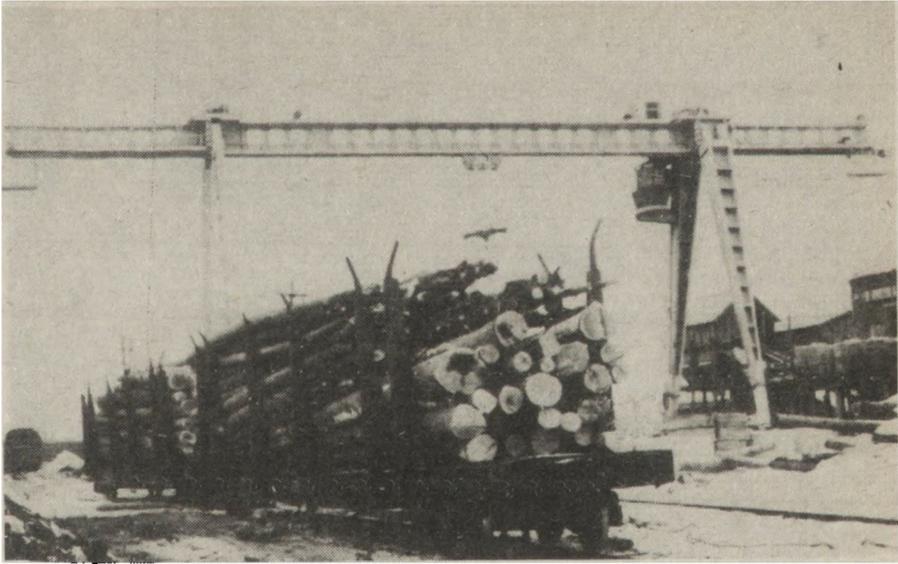
³⁰ С у х а ч е в А. Быстро, качественно // Вперед к коммунизму. 1977. 25 мая.

³¹ Г у л я н о в Н. Второе рождение // Вперед к коммунизму. 1978. 16 сент.; Г у л я н о в Н. Важная отрасль хозяйства // Вперед к коммунизму. 1980. 20 сент.

- ³² Интервью с правофланговыми // Вперед к коммунизму. 1977. 17 сент.
- ³³ Там же.
- ³⁴ История ЛКЗ. Воспоминания ветеранов. С. 1-5.
- ³⁵ Там же. С. 6-12.
- ³⁶ Пояснительные записки к годовым отчетам ЛКЗ за 1951, 1955, 1959 гг. С.1-10.
- ³⁷ Там же. С.5-12. Подсчет.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Пояснительные записки к годовым отчетам ЛКЗ за 1961-1966 гг. С.1-10.
- ⁴⁰ Таблица составлена на основе данных годовых отчетов лесопильно-клепочного завода за 1961-1979 гг.
- ⁴¹ Вперед к коммунизму. 1983. 17 сент.
- ⁴² Булов В. Вахтовый метод в действии // Вперед к коммунизму. 1985. 14 сент.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Рабочая совесть // Вперед к коммунизму. 1986. 6 нояб.
- ⁴⁵ Вперед к коммунизму. 1986. 9 дек.
- ⁴⁶ Вперед к коммунизму. 1985. 5 сент.
- ⁴⁷ Медов П. Свиноферма на предприятии // Кузбасс. 1980. 3 февр.; Григорьев П. Едут в Яю за опытом // Кузбасс. 1981. 20 мая; Лукьянов Г. Подсобное хозяйство предприятия // Кузбасс. 1982. 28 апр.; Таскаев В. Резервы есть // Кузбасс. 1982. 14 сент.; Вперед к коммунизму. 1985. 5 сент.
- ⁴⁸ Данные о травматизме взяты из бухгалтерских отчетов ЛПК за 1967-1984гг.
- ⁴⁹ Мершиева В. Дорога длиною в жизнь // Наше время. 1991. 14 сент.
- ⁵⁰ Наше время. 1990. 15 сент.; 1991. 14 сент.

Лесопильный завод. Пилорама

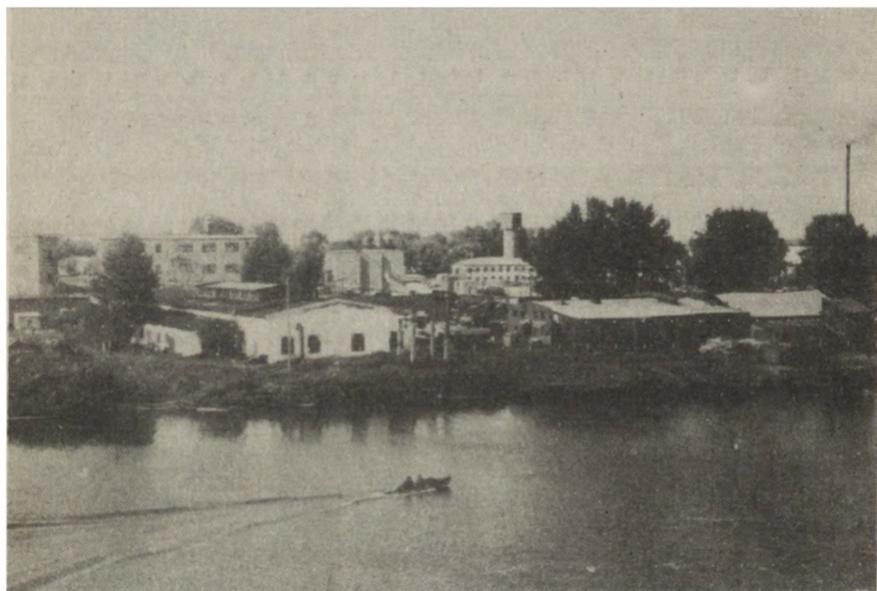
Первое поступление древесины по железной дороге в хлыстовозах.
Поставщик «Томлес»

Разгрузка хлыстов с автолесовозов «Урал»

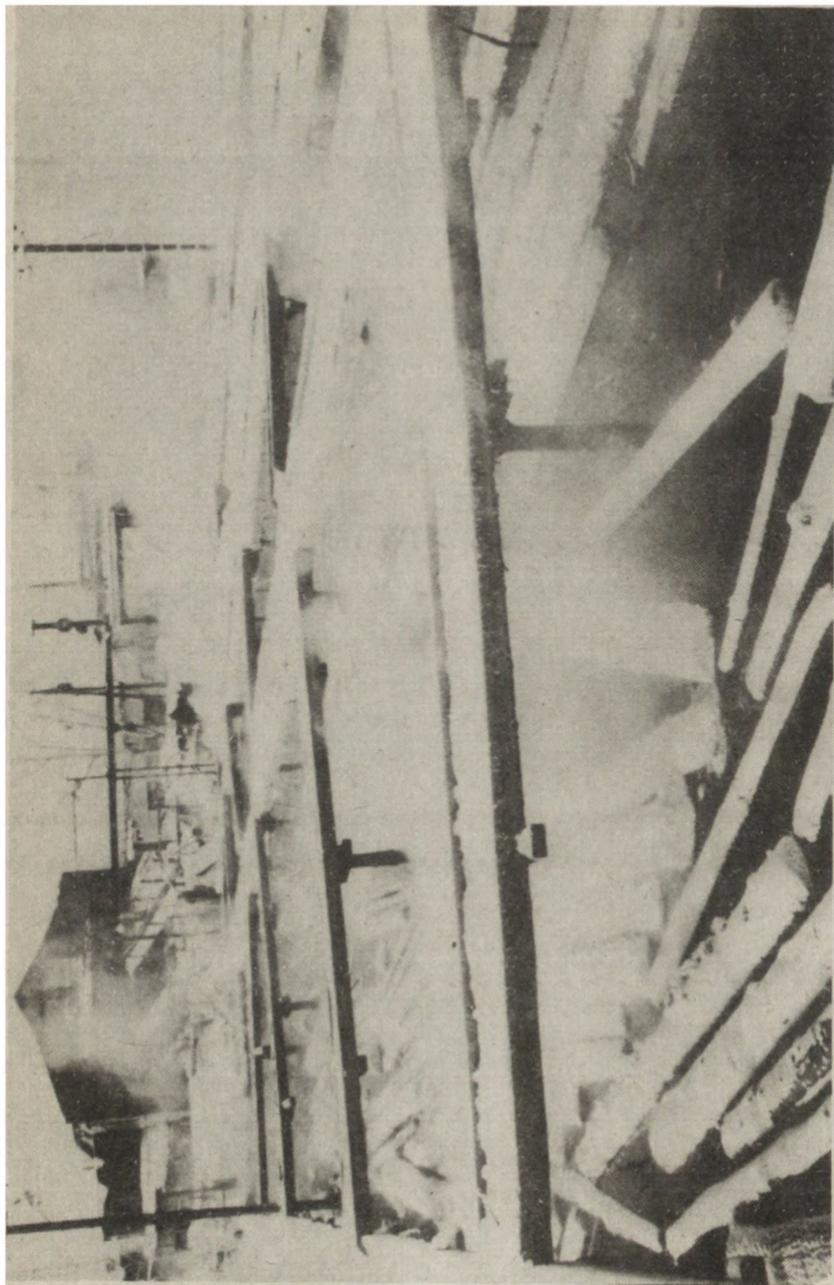
Валка леса. 1986 г

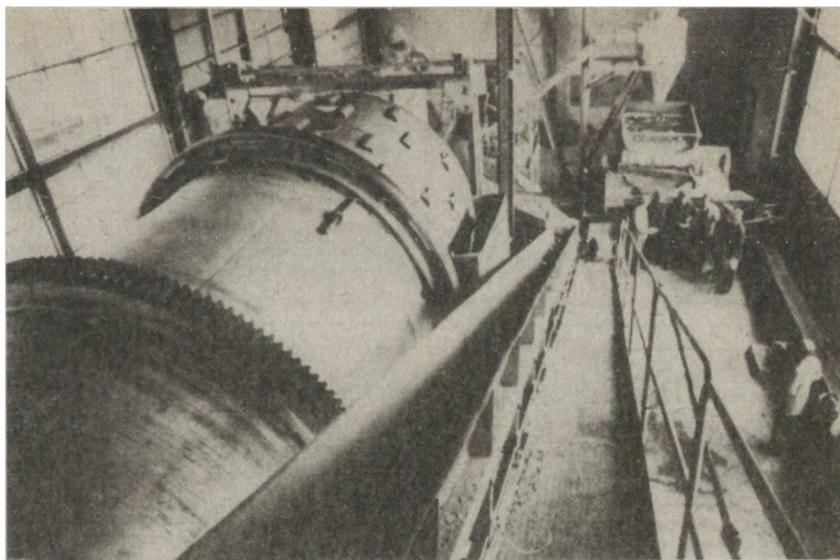
ЛПК. Вид с реки Яи

Лучший крановщик нижнего склада № 1. Г. Г. Усманов

Зимняя сортировка леса в бассейне. 1986 г.

Переработка отходов в технологическую щепу. 1986 г.

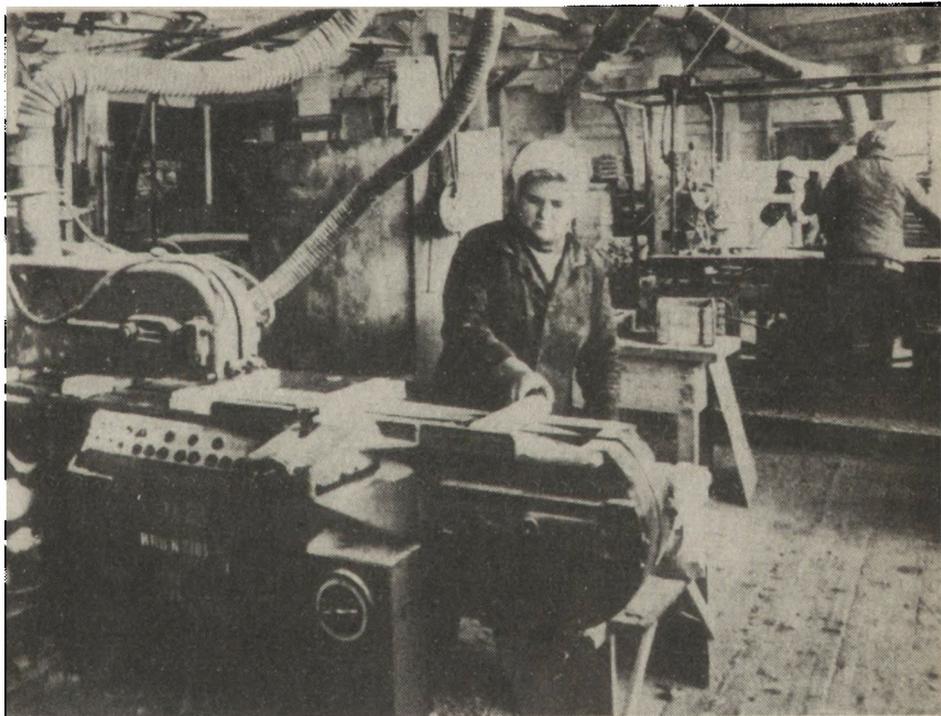
Главный технолог лесокombината Н.Б. Красиков знакомится с показателями работы тарного цеха. 1986 г.

Сушильное отделение. 1986 г.

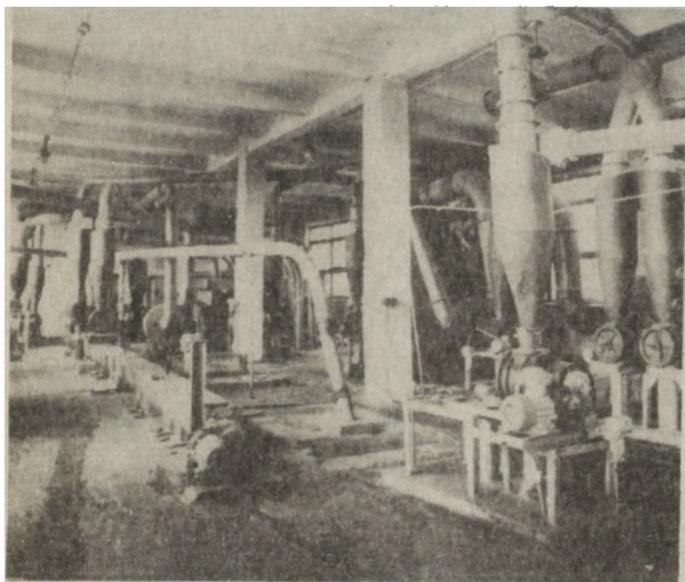
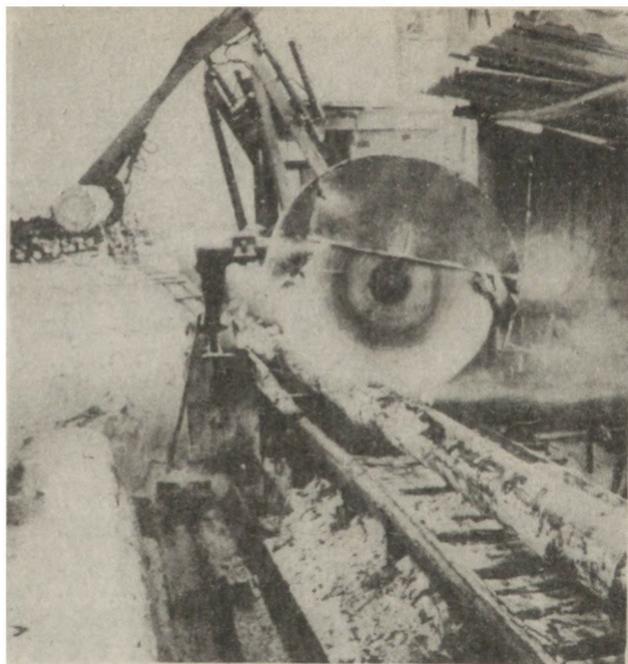
Паркетный цех.
1986 г.

В цехе оконных блоков. 1986 г.

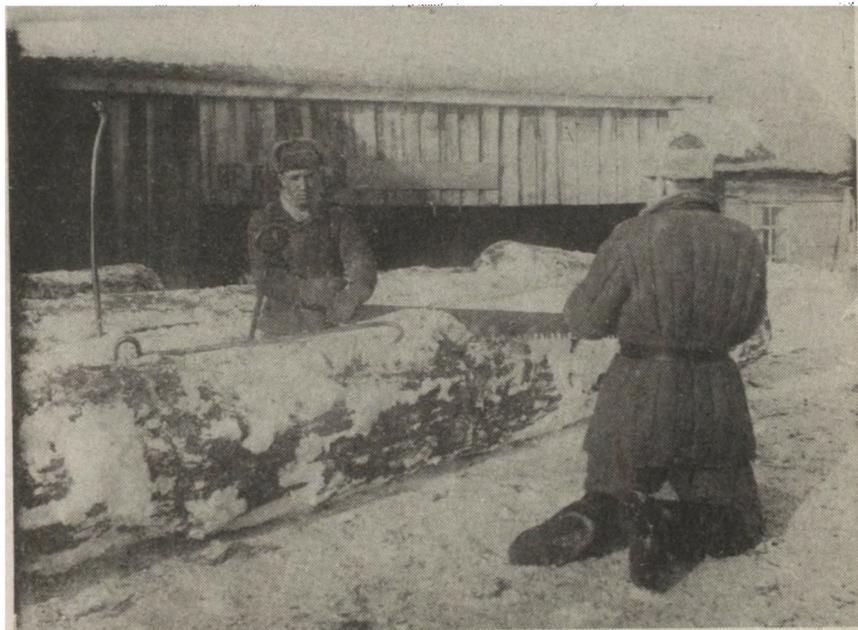
**Автоматическая
разделка хлыстов.
1986 г.
На установке ЛО-5 С**

**В цехе
древесной муки.
1986 г.**

Главный распределительный щит электростанции. 1986 г.

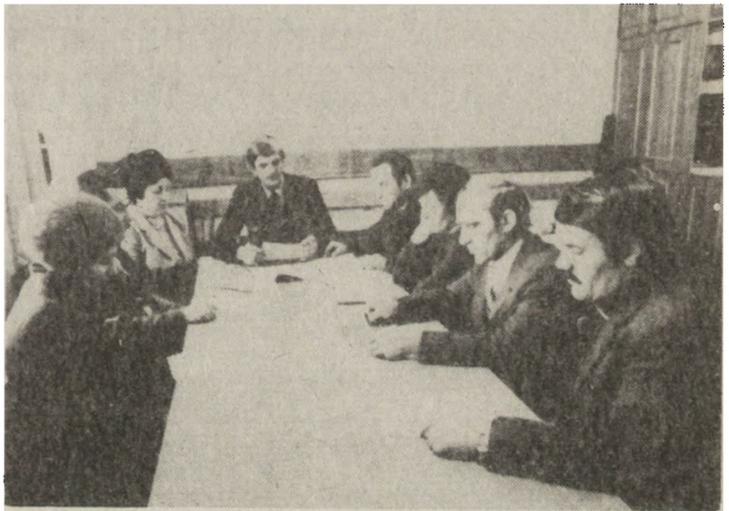
Лесопильно-клепочный завод. Ручная разделка сырья. 1952 г.

Лесопильно-клепочный завод. Бригада М. И. Рыльцева (крайний снизу справа). Начало 80-х гг.

Директор лесокombината В.П. Таскаев проводит совещание. 1986 г.

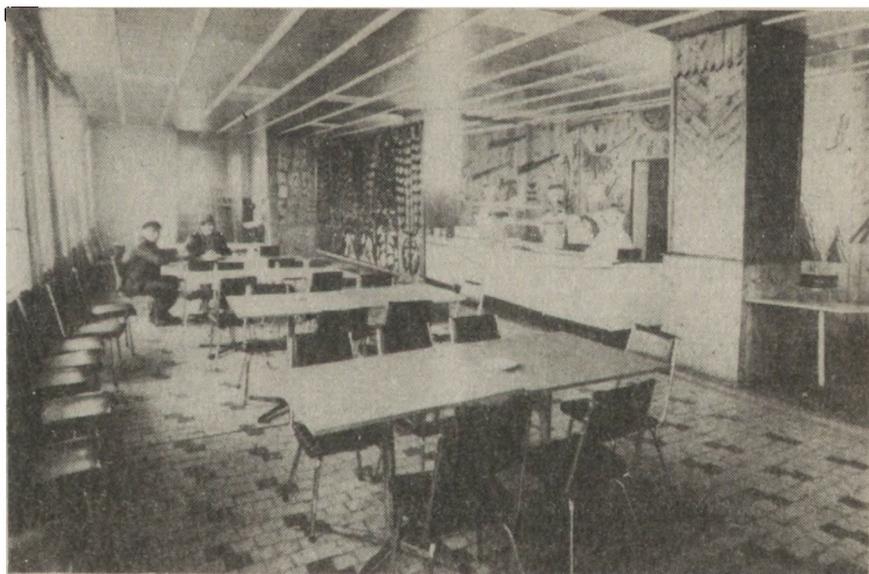
Заседание партийного комитета. 1986 г.

Новые жилые дома на ул. Ленина

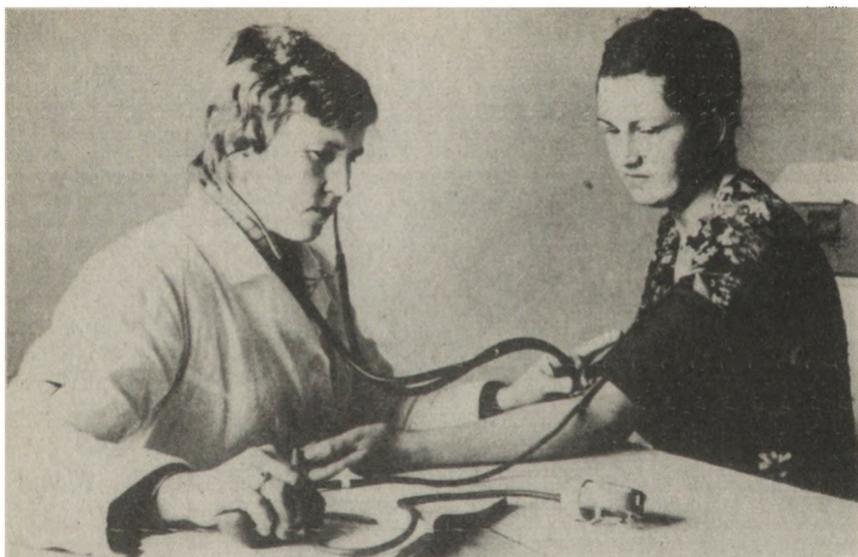
В магазине лесокombината. 1986 г.

В столовой лесокombината. 1986 г

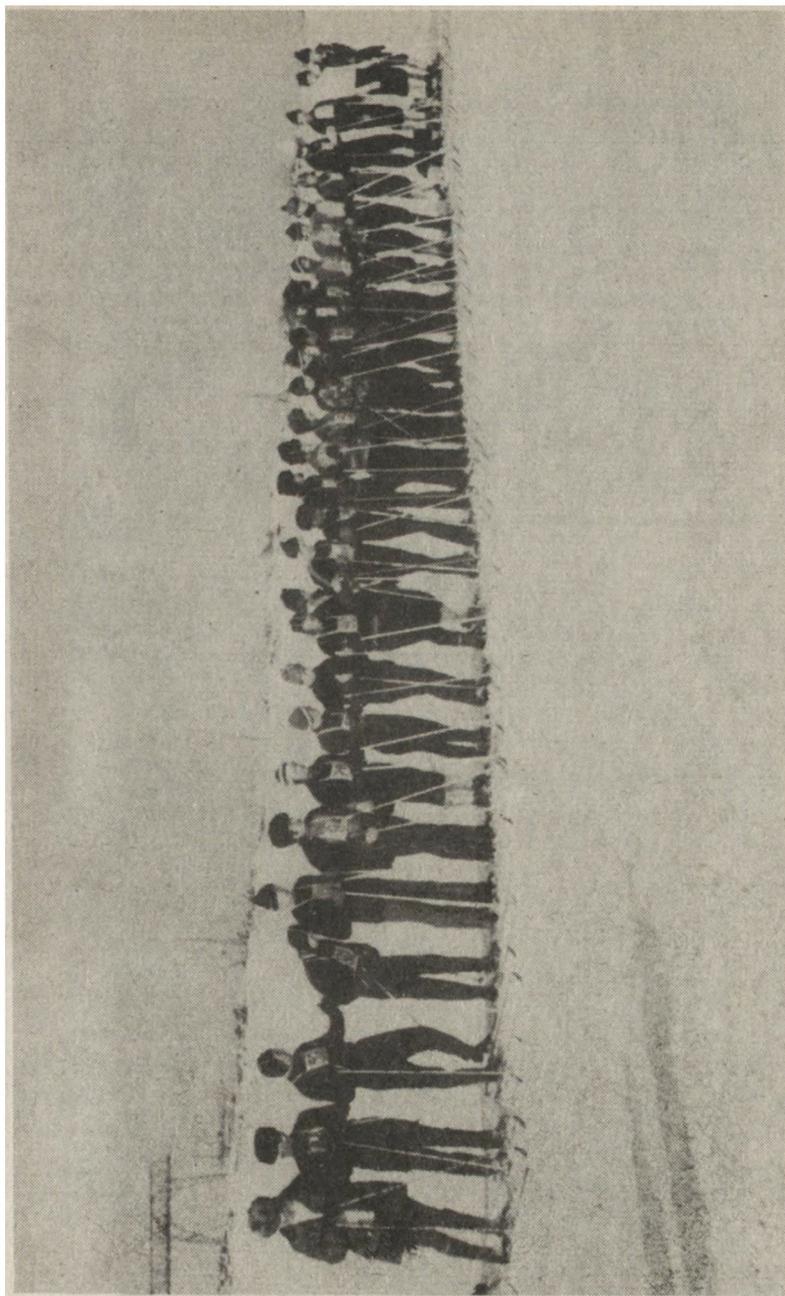
В детском саду. 1986 г.

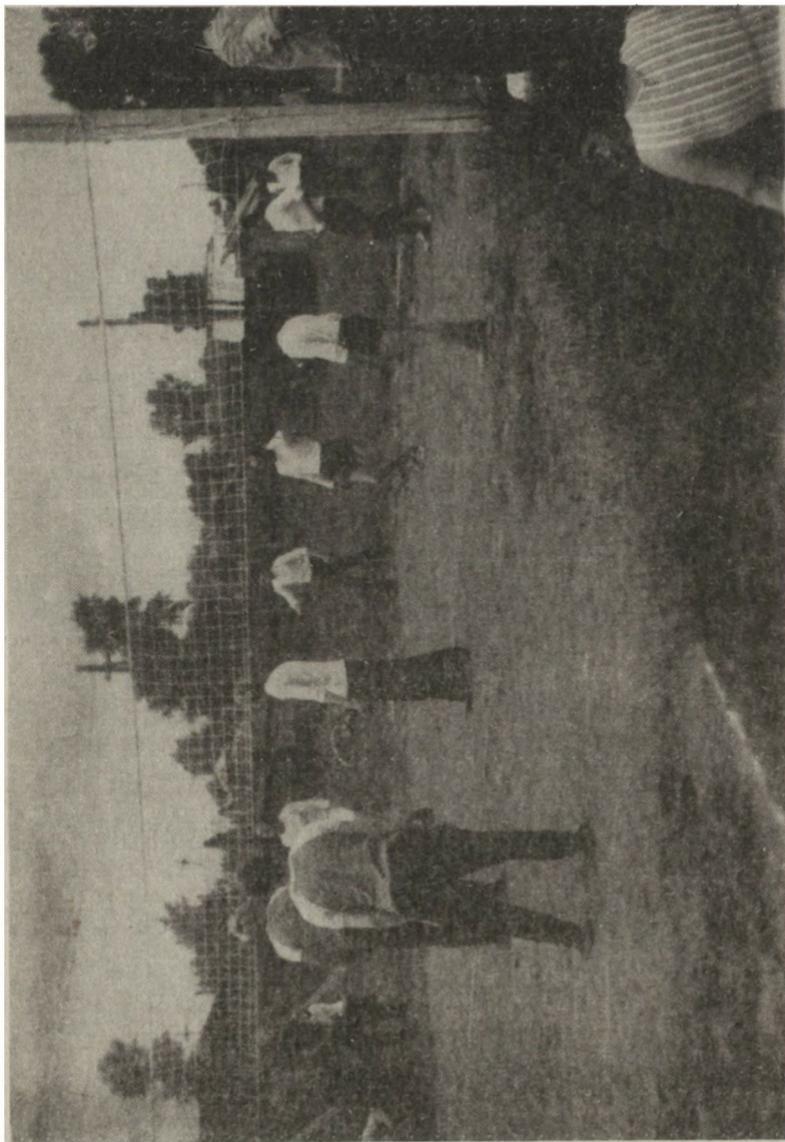
В медпункте лесокombината. 1986 г.

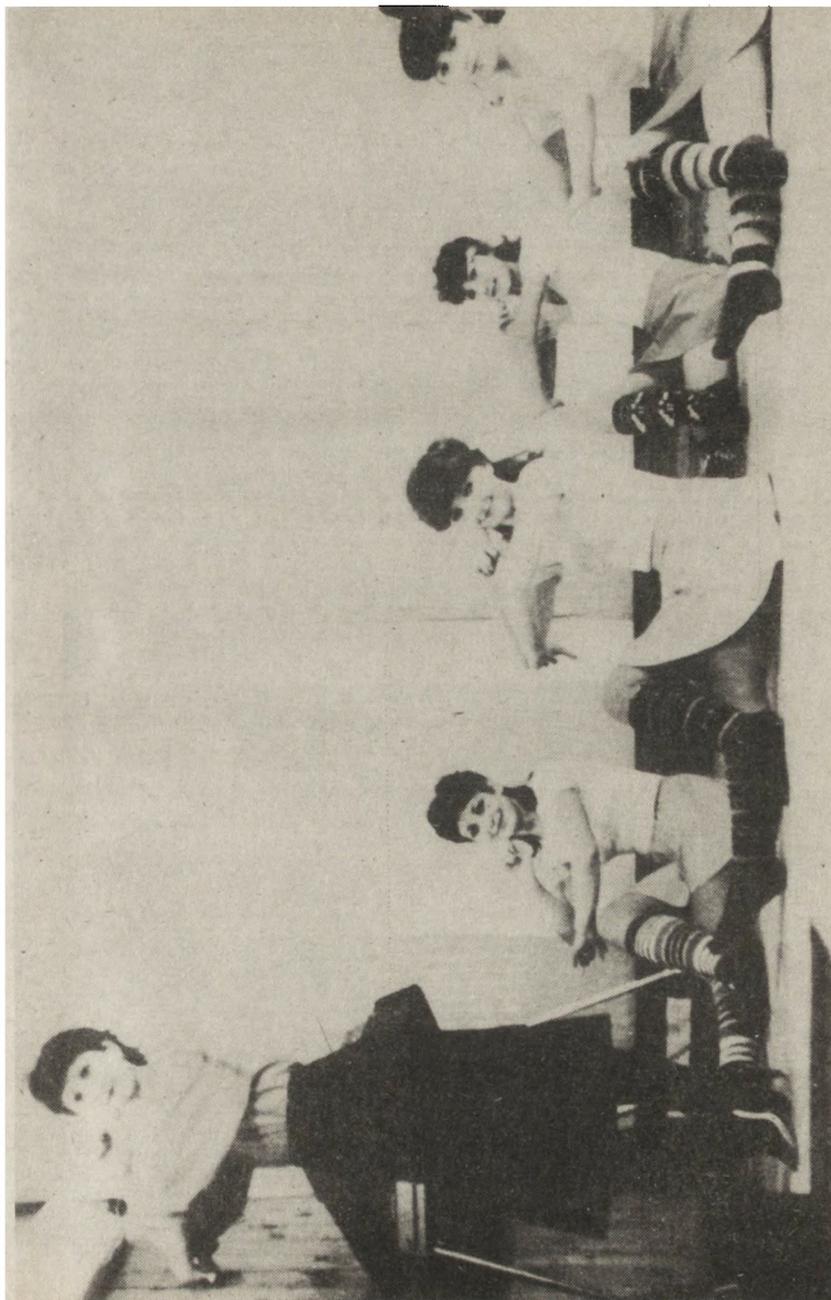
Председатель комиссии по соцсоревнованию В.М. Старков вручает грамоту победителям шашечного турнира - команде ДОЦ.
Грамоту принимает Д.П. Мирошниченко

Парад лыжников на зимней спартакиаде 1976 г. Команда ЛПК заняла первое место

Летняя спартакиада 1970 г. Волейбольный турнир команд лесной промышленности области

На занятиях по ритмической гимнастике. 1986 г.

Женщины ЛПК приветствуют мужчин 23 февраля - в день Советской Армии и Военно-Морского Флота. 1977 г.

Хор мужчин славит женщин в день 8 Марта. 1977 г.

Выступает группа хора ЛГК. 1977 г.

Выступает танцевальная группа ЛПК 1977 г.

Гордость клубной самодеятельности лесокombината -вокально-инструментальный ансамбль «Биннс», 1986 г.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Во второй половине 80-х гг. номенклатура изготавливаемой коллективом Яйского лесокombината продукции оставалась прежней, однако соотношение между выпуском отдельных ее видов заметно изменилось. По мере освоения поступившего оборудования росло, прежде всего, производство паркетной дощечки. Если в 1987 г. труженики ЛПК сделали ее всего 15,3 тыс. кв. м, то в 1989 г. - уже 41,8 тыс. кв. м.

В целом неплохо осваивалось производство технологической щепы. Правда, одно время была угроза срыва пуска в эксплуатацию цеха, где она должна была изготавливаться. Бригада монтажников из Красноярска, устанавливавшая здесь оборудование, по ряду причин не выполнила договора и уехала. Довести работу до конца поручили тогдашнему главному инженеру лесокombината Н.Б. Красикову. Он нашел необходимых специалистов на родном предприятии, которые под его руководством и завершили монтаж оборудования.⁴⁹ За короткое время его успешно освоили, доведя выпуск древесной щепы с 10,2 тыс. куб. м в 1987 г. и до 16,1 тыс. куб. м в 1989 г.

Сложнее обстояло дело с производством пиломатериалов. В начале двенадцатой пятилетки (1986-1990 гг.) объемы лесопиления по сравнению с предыдущим пятилетием понизились на лесокombинате почти на треть. Во многом это объяснялось дальнейшим уменьшением заготовки древесины в Сурановском и Анжерском леспромхозах ввиду истощения здешних лесосек. «На плаву» удержался только Алчедатский ЛЗУ. Запасы еще не тронутых вырубками делян леса позволяли его коллективу добывать ежегодно от 35 до 45 тыс. куб. м древесины, правда, преимущественно лиственных пород.

Центр же тяжести заготовок хвойной древесины яйские лесозаготовители окончательно перенесли в Тисульский район. В вахтовом поселке постоянно находилось от 60 до 70 человек. Причем заготов-

ка велась с ранней весны и до поздней осени. Это позволило доводить ежегодную добычу первосортного леса до 50 тыс.куб.м. Для лучшего его хранения вблизи города Белогорска был оборудован собственный нижний склад. Отсюда по железной дороге древесина стала поступать непосредственно в Яю, что сделало работу лесопильного цеха не только более ритмичной, но и позволило довести ежегодный выпуск пиломатериалов до 127-133 тыс.куб.м (см. приложение 15).

По другим позициям итоги деятельности коллектива Яйского ЛПК в двенадцатой пятилетке были также впечатляющими. За это время было произведено почти 160 тыс.кв.м оконных блоков, 21 тыс. т древесной муки, почти 26 т пихтового масла. На долю этого коллектива приходилась и половина тарной дощечки, впускаемой объединением «Кемероволес».

В эти достижения наибольшую лепту, как и прежде, внесли кадровые заводчане. Одними из первых личные пятилетки выполнили: на разделке хлыстов - бригада С.С. Ижевского, на производстве тары - бригады С.А. Постоева и Л.В. Потапочкиной, а на лесозаготовках - бригады И.Ю. Истрафилова и Н.С.Горшкова (Сурановский ЛЗУ), В.В. Кузьменко и Ю.А. Чекурова (Анжерский ЛЗУ), С. Мисалева и П.С. Исаева (Алчедатский ЛЗУ). Среди водителей наибольшую выработку в течение ряда лет показывал экипаж Ю. Смолина, А. Полеводы, С. Калабугина из Яйского гаража.

Говоря о лучших коллективах тех лет, нельзя не упомянуть о бригаде В.М. Селионова. Она обслуживала все 13 заводских кранов. От их бесперебойной работы зависел весь ритм заводского производства, поэтому бригадир тщательно подбирал себе «команду». По десять и более лет трудились здесь Н.А. Харин, И.И. Гришин, А.К. Бугаев, А.М. Кондратьев, Б.В. Можаяев. Не отставал от опытных рабочих и начинающий электрослесарь Ю.К. Русецкий. По отзыву самого бригадира, не было ни одного случая, когда бы его товарищи отказали в помощи. А ведь выходить на работу иногда приходилось и ночью, и в будни, и в праздники.⁵⁰

С 15 января 1991 г. началась новая веха в развитии Яйского лесокombината. С разрешения министерства он был преобразован в арендное предприятие. Хотя основные производственные фонды и находились в государственной собственности, коллектив получил значительную хозяйственную самостоятельность. В частности, администрация ЛПК отныне могла сама заключать договоры с поставщиками сырья, получила возможность искать «выгодных» покупа-

телей своей продукции, поскольку госзаказ сохранялся только на минимальном уровне.

Большая заслуга во внедрении новых методов хозяйствования на ЛПК уже тогда принадлежала новому директору П.Р. Гуре. Предприятие он возглавил в июне 1988 г., проработав до этого почти 18 лет в хозяйственных и государственных органах. Обладая хорошими организаторскими способностями, Петр Романович сразу подобрал под себя группу способных, энергичных помощников. В коллективе велась активная разъяснительная работа о преимуществах приватизации.

Поэтому неудивительно, что одним из первых в России - 22 октября 1991 г. (свидетельство за № 11) - Яйский ЛПК стал акционерным обществом закрытого типа «Яялес». Выкупив у государства в коллективную собственность все производственные фонды, труженики предприятия получили не только хозяйственную, но и юридическую самостоятельность.

С этого момента цены на продукцию, ее количество, размер заработной платы и всевозможных льгот определяются специалистами самого завода. Для большей заинтересованности членов коллектива в результатах своего труда среди них стали распространяться акции нескольких видов. Причем количество выдаваемых на руки бесплатно ценных бумаг зависело от производственного стажа и трудового вклада каждого конкретного человека.

Высшим коллегиальным органом стало общее собрание акционеров, а исполнительным - Совет директоров, куда входят 13 представителей от всех заводских подразделений.

Начальный период самостоятельности не был усыпан розами. Прежде всего возникли трудности со сбытом готовой продукции. Многие прежние традиционные покупатели не могли ее приобрести из-за финансовой несостоятельности. В этой ситуации руководство лесокомбината начало искать пути выхода на внешний рынок. Сначала это были разовые контракты с предпринимателями из Японии и Финляндии. Затем деловые связи с границей были поставлены на постоянную основу: 21 ноября 1991 г. создано совместное российско-австралийское предприятие «Яя-Ози», затем - совместное российско-туркменское предприятие «Яя-Тур».

Постепенно нормализуются контакты с ближним зарубежьем. В последнее время удалось заключить договоры на поставку больших партий древесины на Украину, в Казахстан и Туркмению. В этом - залог будущего успешного функционирования Яйского лесокомби-

ната, коллектив которого за свою более чем семидесятипятiletнюю историю накопил богатые трудовые традиции и производственный потенциал.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Динамика численности населения села Жарковского и поселка Яя в XIX - первой трети XX вв.

Год	Количество дворов	Число жителей		
		мужчин	женщин	итого
1859	63	213	145	358
1889	59	221	225	446
1893	117	274	281	555
1897	Неизв.	335	357	692
1899	117	206	226	432
1911	136	259	271	530
1920	Всего	229	-	1676
	в т. ч. Жарковское	191	-	1457
	Бекшеневка	15	-	93
	ст. Яя	23	-	126
1926	Всего	477	1036	2123
	в т. ч. Жарковское	336	777	1569
	Бекшеневка	19	50	114
	ст. Яя	58	96	188
	Яя-лесозавод	64	113	252
1935	Раб. пос. Яя	1559	-	5020-5600
1936	Яя-поссовет	Неизв	-	8668

Источник подсчета: 1859 г. - Список населенных мест по сведениям 1859 года. Т. 60. Томская губерния. СПб., 1868. С. 16; 1889 г. ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 136. Л. 40; 1893 г. - Волости и населенные места 1893 года. Вып. 12. Томская губерния. СПб., 1894. С. 5; 1897 г. - Населенные места Российской империи в 500 и более жителей... СПб., 1897. С. 76; 1899 г. - Список населенных мест Томской губернии на 1899 год. Томск, 1899. С. 212-213; 1911 г. - Список населенных мест Томской губернии 1911 года. Томск, 1911; 1920 г. - Список населенных мест Томской губернии по данным позднейших переписей (1910, 1917 и 1920 гг.). - Томск, 1923. С. 19, 24; 1926 г. - Список населенных мест Западной Сибири. Новосибирск, 1928. Т. 2. С. 150-151; 1935 г. - ГАНО. Ф. Р-11. - Оп. 2. Д. 72. Л. 1; Ф. П-3. Оп. 9. Д. 93. Л. 148; 1936 г. - ГАКО. Ф. 11006. Оп. 1. Д. 2. Л. 6. Прочерк означает отсутствие сведений.

Приложение 2
Список дворохозяев Томского уезда, Судженской волости, села Жарковского

Фамилия, имя	Душ		Работников в семье		Голов скота			Десятин			Копен сена	
	муж. пола	жен. пола	муж. пола	жен. пола	лошадей	коров	мелкого	ржи	ярицы	пшеницы		овса
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Василий Ильин	4	4	2	-	1	1	11	-	-	-	-	-
Дмитрий Калинин	1	2	1	1	1	2	5	-	-	-	-	25
Семен Кобызов	2	4	2	2	3	2	7	2	1	-	-	70
Евстифей Вдовин	1	1	1	1	2	3	5	1	1	-	-	70
Перфил Калинин	2	3	1	1	2	2	10	1	3/4	-	-	60
Елизар Никитин	3	4	1	2	3	3	11	2	3/4	3/4	3/4	90
Афанасий Никитин	1	6	1	1	1	2	2	-	1	-	-	-
Демьян Нетесов	1	2	1	1	4	4	10	1	1	1/2	1	70
Сергей Кучеровский	4	2	3	1	3	7	11	3	1/4	1,5	3	60
Федор Родионов	3	3	2	2	2	2	6	2	1/4	3/4	1,5	30
Яков Андреев	1	-	-	-	-	3	2	1	2	-	0,5	30
Федор Уколов	3	2	1	1	3	2	5	1	-	-	-	50
Федор Хитров	3	5	2	3	3	1	5	2	2	0,5	-	70
Алексей Хитров	3	3	2	2	2	4	-	-	-	-	-	40
Тимофей Беспалов	1	1	1	1	2	1	5	3/4	3/4	-	1/4	30
Филипп Белоногов	1	3	1	1	3	1	5	1	-	1/4	-	50
Евсей Ревин	1	3	1	1	2	4	2	1	1/2	1/2	-	50
Яков Колов	3	1	1	1	4	-	-	-	-	-	-	100
Андрей Хитров	2	1	1	1	1	1	1	2	-	-	-	30
Маркел Хитров	5	5	2	2	5	4	7	1,5	1/2	1	1/2	100

Продолжение приложения 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Лармон Беспалов	6	2	2	2	4	3	18	3	1 1/4	1	1	100
Алексей Филатов	3	4	2	2	3	3	18	1,5	0,5	0,5	-	70
Иван Духовецкий	2	3	1	-	2	1	-	-	-	-	-	40
Алексей Тихонов	4	3	3	1	4	1	7	1	1/2	1/2	1/2	100
Кузьма Машьянов	4	4	2	1	6	3	10	3	-	1/2	1/2	80
Корнил Машьянов	7	5	3	3	6	4	9	7	1/4	-	1,5	80
Кузьма Самков	5	5	2	2	6	5	8	4	1	1	2	80
Ефим Ревин	2	3	2	2	4	6	18	4	1	2	3	70
Михаил Самков	4	2	1	1	8	4	14	2	1	3/4	2	70
Николай Шаинов	2	1	1	1	2	1	7	4	1	1,5	0,25	100
Михаил Шаинов	2	3	1	1	3	9	10	4	1	1,5	0,25	100
Афанасий Самков	2	2	1	1	3	2	10	2	1	3/4	1 1/4	70
Роман Яницкий	3	2	1	1	2	2	5	1	1	1/4	1/4	50
Иван Самков	2	3	1	1	3	5	5	2	-	1	3/4	70
Семен Самков	2	4	1	2	2	5	10	3	-	1	-	70
Иван Наумов	1	2	1	2	3	2	1	-	1	-	-	50
Семен Тихонов	3	3	1	1	2	2	4	2	1/2	-	-	70
Михаил Самков	1	3	1	1	33	9	9	10	3	2	15	130
Григорий Лютов	6	3	4	2	10	8	10	6	2	2	2	150
Елифан Григорьев	3	1	1	1	3	11	10	-	-	-	1	100
Яков Беспалов	1	4	1	1	3	1	4	-	-	-	-	-
Николай Абрамов	2	2	1	1	1	3	-	-	-	-	-	80
Сафрон Милованов	5	2	3	1	7	2	8	3,5	0,5	3/4	0,5	50
Никифор Наумов	3	6	2	2	5	8	12	4	1,5	1,5	3	50
Федор Самков	12	5	5	4	11	11	6	5	2	2	-	100
Виссарион Григорьев	5	3	1	1	5	5	4	1,5	0,5	2,5	-	50
Тихон Григорьев	1	1	1	1	-	1	-	-	-	-	-	15
Иван Дубовецкий	7	8	3	3	14	14	21	5	0,5	2	5	100
Андрей Юхно	3	3	2	1	1	3	-	-	-	-	-	80

Окончание приложения 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Александр Лютов	3	4	2	1	6	5	4	4	2	1	1	100
Федор Некрасов	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	30
Дмитрий Некрасов	3	6	2	3	10	5	18	7	6	2	2	100
Алексей Лютов	7	3	1	1	9	8	22	0,5	3	1	2	100
Андрей Никитин	3	1	2	1	1	2	-	-	-	-	-	30
Иван Пономарев	2	3	2	1	6	7	17	2	5	0,5	2	160
Андрей Михайлов	1	2	1	1	3	6	4	0,5	0,5	0,5	0,5	50
Василий Пономарев	6	3	2	2	13	13	15	2	4	2	5	100
Григорий Кауш	2	2	1	2	2	3	2	-	-	-	-	14
Гордей Белянкин	4	2	2	1	5	5	8	1,5	3	0,5	1	100
Ефим Ильин	2	4	1	1	2	3	-	-	1	-	-	40
Антон Наумов	4	2	2	1	5	5	5	-	4	1/4	1	70
Тимофей Тихонов	2	2	2	2	5	5	6	1	-	1/2	1	100
Василий Ревин	3	4	2	2	2	4	2	2	3	-	-	70
Евгений Пономарев	1	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Терентий Пономарев	4	5	3	2	8	5	17	2	3	2	3	140
Захар Пономарев	1	1	1	1	4	5	-	2	3	1	1	100
Елизар Васильев	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
Изгибай Хасанов	2	5	1	1	4	4	8	1,5	1,5	0,5	-	50
Курбангали Гайнулин	1	1	1	1	2	2	4	1,5	1	3/4	-	48
Мингалий Ибрагимов	1	1	1	1	1	1	-	-	-	-	-	10
Садък Сайфулин	2	1	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-
Закрей Мустакимов	2	3	1	1	3	2	-	1/4	1	-	-	40
Яков Михайлов	2	3	1	1	1	1	-	-	-	-	-	70
Христина Михайловна	4	3	-	1	2	1	-	-	-	-	-	20
Хобобули Бижлибаев	4	-	3	-	-	1	1	-	-	-	-	40
Мулюяр Мустакимов	2	3	2	1	3	2	-	1,5	3/4	-	0,5	70
Мухаморин Мухаметов	3	2	2	1	2	2	3	-	-	-	-	10
Иван Нечипорук	2	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Примечание: ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 1401. Л. 1-5.

Приложение 3

**Список управляющих лесопромышленным предприятием
в пос. Яя в 1917 - 1994 гг.**

1. 1917-1919 гг. - **Геннадий Александрович Чирков** (Чирков И. А.), в советское время был старшим десятником на заготовке леса (Худяков Д. Из прошлого Яя; ГАКО. Ф. 89-Р. Оп. 1. Д. 20. Л. 22-39).

2. Апрель, 12 сентября 1920 г. **Иван Дмитриевич Миронов**, 1883 г. р., из мещан, г. Мокшаны Пензенской губ., образование низшее, в 1903-1904 гг. работал помощником кладовщика в гостинице в Кисловодске, в 1904-1907 гг. был на военной службе, в 1908-1919 гг. заведовал отделом угля Челябинских копей, в 1919-1920 гг. служил на Яйском заводе агентом по отправке лесного материала, с апреля по 12 сентября 1920 г. был зав. лесозаводом, в 1920-1924 гг. - зав. лесным складом Восточного района Анжеро-Судженских копей, в 1924-1927 гг. - зав. экспедицией «Кузбасстроя», (ГАКО. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 60. Л. 38).

3. 12 сентября 1920 г. (?) **П. Коныш**, временный управляющий, десятник (ГАТО. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 3. Л. 31).

4. 1921 - март 1924 гг. **Григорий Дмитриевич Феклистов**, род. 12 января 1867 г. в г. Карачеве Орловской губ., потомственный гражданин, б/п, окончил 4 класса мужской гимназии, в 1886-1888 гг. служил объездчиком лесов у князей Голицыных, в 1898-1908 гг. - помощником заведующего лесным заводом а/о Брянских заводов в Орловской губ., в 1893-1898 гг. - заведующим хутора, в 1909-1911 гг. - зав. лесопилкой в Черниговской губернии, в 1912-1914 гг. - зав. лесопилкой управления Гос. имущества в г. Грозном, в 1915-1919 гг. - зав. лесопилкой Переселенческого управления в Семипалатинской обл., в 1920 г. - зав. лесопилкой Урало-Сибирской К* в Томске, 1920 - март 1924 - зав. Яйского лесозавода, с 1925 г. по 25 сентября 1927 г. - десятник Сиблесзага, с 25 сент. 1927 г. - десятник Анжерского лесозавода (ГАКО. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 60. Л. 152).

5. 1 марта 1924 г. - 10 ноября 1926 г. - **Петр Васильевич Падужов** 1887 г. р., окончил 2-классное училище, «развит и грамотен, умеет руководить, но перегружен производственной работой», член ВКП(б) с 1923 г., секретарь партячейки на Яя-лесозаводе. С февраля 1919 г. - монтер, с августа 1925 г. - бригадир слесарного цеха, с декабря 1921 г. - помощник заведующего мехмастерскими Анжерских копей, с июля 1923 г. - помощник заведующего лесным складом на лесозаводе, с 1 марта 1924 г. - заведующий лесозаводом, с 10 ноября 1926 г. - заведующий лесной частью Анжерских копей, затем заведующий лесной частью «Кузбасстроя» (ТЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 856. Л. 11-12; Д. 907. Л. 10; Д. 539. Л. 329; Ф. 76. Оп. 1. Д. 183. Л. 97; Д. 494. Л. 84).

6. 10 сентября 1926 г. - 7 сентября 1927 г. - **Василий Зиновьевич Ахмелев**, член ВКП(б) с 1920 г., получил домашнее образование, секретарь шахткома на Анжерских коях, заведующий лесной частью на Анжеро-Судженских коях, зав. лесозаводом на лесозаводе на Яя, производитель работ на Невском участке лесозаготовок в 1929 г., в январе 1931 г. был снят с работы управляющего Яйской лесозаготовительной конторой «Востугля». Отдан под суд (ТЦДНИ. Ф. 76: Оп. 1. Д. 113. Л. 97; Д. 494. Л. 84; ГАКО. Ф. П-1. Оп.4. Д. 6. Л. 6, 8; Ф. Р-92. Д: 452. Л. 17-18).

7. 7 сентября 1927 г. - **Павел Александрович Яновский**, 1902 г. р., помощник зав. лесной частью Анжерских копей, зав. лесозаводом (ТЦДНИ. Ф. 76. Оп. 1. Д. 494. Л. 1, 84).

8. 1929 г. - **Дмитриев**, управляющий Яя-лесозаводом (Яя-райгосархив № 1-7. Л. 13).

9. Январь 1931 г. - январь 1932 г. - **Д. Т. Набоких**, управляющий Яйской лесозаготовительной конторой, Яйского ЛПХ, Яйского ЛК, Китатского ЛПХ (ГАКО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 20. Л. 6).

10. Январь-ноябрь 1933 г. - **Петр Максимович Пиняев**, бывший начальник Лесного управления «Востугля», «Кузбассугля», директор Яйского ЛПХ, затем лесокомбината, снят «за развал работы», затем директор Абагурского лесокомбината в 1936 г. Репрессирован в 1937 г. (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 570. Л. 8; Борьба за уголь. 1933. 23 окт.).

11. 27 июня 1932-ноябрь 1933 г. - **Демидов**, директор лесозавода (ГАКО. Ф. П. -1. Оп. 23. Л. 1).

12. Ноябрь 1933 - август 1937 гг. **Иван Иванович Бреус**, 1895 г. р., из служащих, образование низшее, член ВКП(б) с 1918 г., окончил Ком. вуз, работал до 1917 г. батраком, в 1917-1924 гг. служил в армии, с 1924 г. на партийной советской хозяйственной работе, до занятия должности директора Яйского лесокомбината был директором Бийского зерносовхоза, получил строгий выговор за приписки в 1932 г., переведен для усиления руководства в Яю, «показал образцы большевистской работы и дисциплинированности», решительно отстаивал интересы комбината перед высокими инстанциями, репрессирован вместе с женой Антониной Терентьевной в августе 1937 г. по сфабрикованному делу о японских шпионах (ГАКО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 93. Л. 43; ГАНУ. - Ф. П-3. Оп. 10. Д. 102. Л. 428; Оп. 7. Д. 414. Л. 70; Оп, 11. Л. 62. Л. 28; Борьба за уголь. 1934. 18 нояб.).

13. Ноябрь 1933 г. - ноябрь 1934 г. (?) - **Михаил Устинович Нестеров**, инженер, заведующий лесозаводом, в 1935 г. -начальник Азановского мехлеспункта (Борьба за уголь. 1934. 18 нояб.; ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 9. Д. 779. Л. 96).

14. Август-декабрь 1937 г. - **Михаил Архипович Янович**, 1905 г. р., член ВКП(б) с 1928 г., из рабочих. В 1935 г. - заведующий лесозаводом, затем был заместителем директора лесокомбината, в августе-декабре 1937 г. исполнял обязанности директора после ареста И. И. Бреуса. Трижды исключался из ВКП(б), в 1932 г. на шпальном заводе в Кривошеинском районе после пожара, в 1934 и 5 декабря 1937 г. на Яя-лесокомбинате. Вероятно, репрессирован (ГАКО. Ф. П.- 1. Оп. 4. Д. 93. Л. 90; Д. 94. Л. 80; ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 9. Д. 779. Л. 118).

15. Декабрь 1938 г. - **Доброхотов**, директор лесокомбината (Борьба за уголь. 1938. 29 дек.).

16. 1939 г. - 22 октября 1940 г. - **Василий Никитович Бахарев**, 1905 г. р., член ВКП(б), 5 классов образования, директор Яя-лесокомбината, позднее отв. секретарь райисполкома, с 20 мая 1941 г. - директор местпромкомбината (ГАКО. Ф. 137-П. Оп. 1. Д. 2. Л. 37; Д. 3. Л. 98; Д. 10. Л. 33-34, 114; Д. 14. Л. 135).

17. 30 октября 1940 г. - 12 июля 1941 г. - **Василий Михайлович Кривиков**, утвержден Анжеро-Судженским РК ВКП(б) в должности директора лесокомбината. Исключен из партии и арестован за невыполнение мобзадания. В конце 40-х гг. вернулся в Яю, работал агрономом в подсобном хозяйстве лесокомбината (ГАКО. Ф. П-137. Оп. 1. Д. 10. Л. 121; Д. 14. Л. 151-152; Приказы 1941 г. Л. 109).

18. 12-31 июля 1941 г. - **С. А. Астахов**, главный инженер, зам. директора, был и. о. директора. Освобожден от должности главного инженера 6 сентября 1941 г. (Приказы 1941 г. - Л. 109, 164).

19. 1 августа 1941 г. - сентябрь 1942 г. - **Владимир Дмитриевич Аксенов**, 1904 г. р., в 1926-1927 гг. служил в Красной Армии, участник боев на КВЖД. В 1930 г. исключен из ВКП(б) за отказ работать в райисполкоме, кандидат в ВКП(б)

с 1938 г., начальник планового отдела комбината в 1939-1941 гг. С 1 августа 1941 г. - директор комбината (ГАКО. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 3. Л. 13; Д. 8. Л. 6-11; Д. 10. Л. 33-34; Д. 14. Л. 183).

20. 4 февраля 1937 г. - 29 апреля 1941 г. - **Иван Захарович Секаренок**, 1911 г. р., 6 ноября, образование 7 классов. С 14 мая 1927 г. по 8 февраля 1935 г. - сменный мастер лесозавода, в 1935 г. - инспектор охраны труда и техники безопасности, с 4 февраля 1936 г. - сменный мастер лесозавода, с 4 февраля 1937 г. - заведующий лесозаводом, с 23 октября 1938 г. - сменный мастер, с 23 декабря 1938 г. по 29 апреля 1941 г. - заведующий лесозаводом, прошел всю войну, с 30 мая 1947 г. - начальник лесозавода Северокузбасспецлага, с 4 января 1960 г. - начальник лесозавода Яйской ЛПБ. В 1933 г. за поломку коленвала исключен из кандидатов в члены ВКП(б), принят в ВКП(б) 15 января 1940 г. (ГАКО. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 7. Л. 10-11; ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 103. Т. П. Л. 9; Личное дело И. З. Секаренка в архиве отдела кадров а/о «Яялес»).

21. **П. Н. Спасский** назначен директором в сентябре 1942 г., на лесокombинат так и не приехал (Приказы 1942 г. Л. 118).

22. 28 сентября - 6 октября 1942 г., 3 января - 3 апреля 1943 г. - **Сергей Дмитриевич Вязьмин** - и. о. директора, главный инженер и зам. директора с 6 сентября 1941 г. В 1944 г. был главным инженером Кемеровского лесокombината (ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 194. Л. 53; Приказы 1942 г. Л. 118; Приказы 1943 г. Л. 1, 2, 5, 87).

23. **К. К. Арсентьев**, начальник управления треста «Северокузбасслес», одновременно был директором лесокombината с 6 октября 1942 по 3 января 1943 г., вр. и. о. директора с 3 по 14 января 1944 г. (Приказы 1942 г. Л. 125; Приказы 1944 г. Л. 2, 14).

24. 10 апреля - 12 ноября 1943 г. - **Иван Исаевич Неизвестных**, 1908 г. р., член ВКП(б) с 1930 г., из крестьян, образование 3 класса, с декабря 1941 г. был освобожденным секретарем партбюро лесокombината. Утвержден в должности директора на заседании Анжеро-Судженского РК ВКП(б) 10 апреля 1943 г., освобожден от должности по болезни 12 ноября 1943 г. и направлен директором дома отдыха (ГАКО. Ф. П-137. оп. 1. Д. 26. Л. 49; Оп. 2. Д. 1430. Л. 2, 3, 4, 11; Приказы 1943 г. Л. 87, 276).

25. 12 ноября 1943 г. - 3 января 1944 г. - **Александр Тимофеевич Поляков**, 1910 г. р., член ВКП(б) с 1939 г., образование 3 класса, из рабочих, работал зав. лесозаводом, вр. и. о. директора, затем назначен сменным инженером лесозавода (Приказы 1943 г. Л. 176; Приказы 1944 г. Л. 4; Ф. П-137. Оп. 1. Д. 32. Л. 12).

26. 14 января 1944 г. - **Коростелев** назначен директором. Других сведений о его деятельности не найдено (Приказы 1944 г. Л. 14).

27. 22 января - 17 февраля 1944 г. - **Александр Васильевич Бурцев**, главный инженер лесокombината с 17 января 1944 г., был вр. и. о. директора (Приказы 1944 г. Л. 20, 44).

28. 17 февраля - 15 августа 1944 г. - **Иван Иванович Борисов**, директор лесокombината (Приказы 1944 г. Л. 44, 254).

29. 15 августа - 7 сентября 1944 г. - **Яков Фомич Степачев**, начальник цеха выгрузки лесокombината, и. о. директора (Приказы 1944 г. Л. 254, 278).

30. 7 сентября 1944 г. - сентябрь 1945 г. - **Михаил Юлианович Лях**, 1904 г.р., член ВКП(б) с 1939 г., образование высшее, был директором Кемеровского лесокombината, директором Яя-лесокombината. Позже стал управляющим треста «Северокузбасслес» (Приказы 1944 г. - Л. 278; Приказы 1945 г. Л. 188, 190; ГАКО. Ф. П-137. Оп. 1. Д. 43. Л. 54).

31. 7 сентября 1945 г. - 2 февраля 1946 г. - **П. А. Мархинин**, директор лесокombината (Приказы 1945 г. Л. 190; Приказы 1946 г. Л. 42).

32. 2 февраля - 15 мая 1946 г. - **Яков Фомич Степачев**, директор (Приказы 1946 г. Л. 42, 208).

33. 7 мая 1946 г. - декабрь 1949 г. - **Иван Петрович Белов**, 1907 г. р., член ВКП(б) с 1931 г. Скончался в мае 1955 г. в должности начальника подразделения № 2 (б. Анжерского МЛП) Севкузбассллага (Приказы 1946 г. Л. 208; Приказы 1949 г. Т. 2. Л. 363-365; ГАКО. Ф. П - 137. Оп. 1. Д. 43. Л. 23; Красное знамя. 1955. 11 мая).

34. 27 декабря 1949 г. - начало 1959 г. - **Михаил Владимирович Зиновский**, вступил в должность начальника ОЛП-16 в звании лейтенанта, с 1955 г. - капитан (Приказы 1949 г. Т. 2. Л. 363; Приказы 1959 г. Л. 34).

35. 17 ноября 1955 г. - 29 мая 1956 г. - подполковник **Орентлихерман** был вр. и. о. начальника лаготделения №1 во время учебы М. В. Зиновского в школе МВД в г. Львове (Приказы 1955 г. Т. 4. Л. 124; Приказы 1956 г. Т. 2. Л. 50).

36. 3 февраля - 19 марта 1959 г. - подполковник **Сергей Яковлевич Колнеболоцкий**, зам. начальника отделения № 1 по лагерю, возглавлял лаготделение № 1 (Приказы 1959 г. Л. 34, 77).

37. 19 марта - 17 июня 1959 г. - майор **Усанов** был начальником ЛО-2 (Приказы 1959 г. Л. 77, 154).

38. 1 января 1960 г. - 9 апреля 1975 г. - **Константин Лукич Русецкий**, работал на лесокombинате с 1950 г. зам. начальника по производству, главным инженером, назначен и. о. начальника ЛО-2 17 июня 1959 г., подпись его под приказами по лесокombинату чередуется с подписями Усанова и подполковника С. Я. Колнеболоцкого. С 1 января 1960 г. К. Л. Русецкий был назначен и. о. директора Яйской ЛПБ и возглавлял предприятие вплоть до 9 апреля 1975 г. (Приказы 1959 г. Л. 154; Бухгалтерский отчет... за 1959 год. Л. 291).

39. 11 апреля 1975 г. - 30 декабря 1976 г. - **Г. Н. Струков**, директор.

40. 15 февраля 1977 г. - 7 марта 1986 г. - **В. П. Таскаев**, директор; также работал в Мариинском ЛПК, позднее - в управлении «Кемероволес».

41. 11 марта 1986 г. - 6 июня 1988 г. - **А. Е. Бочарников**, директор. Начал работать на комбинате с 1969 г. подсобным рабочим, в 1974 г. окончил Томский лесотехнический техникум, работал на Яе мастером, старшим инженером, технологом, начальником ПТО, директором, ныне - начальник нижнего склада № 1.

42. 7 июня 1988 г. - по настоящее время - **Петр Романович Гура**. Начал трудовой путь учеником электрослесаря в 1965 г., в 1970 г. окончил Омский педагогический институт, был занят на партийной и хозяйственной работе в лесной промышленности, в 1988 г. назначен директором Яйского ЛПК, 22 октября 1991 г. - выбран генеральным директором а/о «Яялес», через месяц - генеральным директором российско-австралийской компании «Яя-Ози», генеральный директор российско-туркменского предприятия «Яя-Тур».

Приложение 4

Основные производственные показатели лесопромышленных предприятий Яи 1918 - 1941 гг.

Годы	Распил сырья, тыс. куб. м	Пиломатериал, тыс. куб. м	Выгрузка, тыс. куб. м	Оценка производ- ства, тыс. р.
1918	-	-	20	120
1919	-	-	4,1	25
1920	7,05	5,64	29,7	2
1921	8,48	5,70	74,3	-
1922	-	-	140,8	-
1923	-	-	-	-
1924	-	20,00	-	-
1925	-	-	-	-
1926	17,6	14,50	7,0	116,6
1927	-	-	-	-
1928	-	33,0	94	1240
1929	47,1	41,0	107	-
1930	-	64	204	-
1931	91,5	69	191	-
1932	72,2	61,1	218	3318
1933	125,3	97,5	256	3215
1934	192,9	149	340	5718
1935	-	130,7	362,6	4965
1936	-	107,5	366,1	5103
1937	-	-	356	4934
1938	233,8	14,5	440	-
1939	265,5	179,8	478	8558
1940	-	181,6	484	6469
1941	-	-	474,4	-

Таблица составлена на основании отчетов предприятий: 1918 г. - ГАТО. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 79. Л. 16-17; Худяков Д. Из прошлого Яи; 1919 г. - ГАТО. Ф. Р-272. Оп.1. Д. 59. Л. 40; 1920/21 г. - ГАКО. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 73. Л. 44, 47; ГАТО. Ф. Р-272. Оп. 1. Д. 60. Л. 7-243; 1922 г. - ГАКО. Ф. Р-89. Оп. 1. Д. 34. Л. 20; 1926 г. - ГАНО. Ф. 918. Оп. 1. Д. 795. Л. 90; 1924, 1928 - 1934 гг. - Борьба за уголь. 1934. 18 ноября; ГАНО. Ф. Р. - 12. Оп.1 Д. 1237. Л. 151; Д. 924. Л. 21; Оп. 3. Д. 476. Л. 184 - 190; Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1793. Л. 77; ГАКО. Ф. Р-177. Оп.5. Д. 7. Л. 187, 191; 1935. - ГАКО. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 9; 1936 г. - ГАКО. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 2. Л. 11; ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1388. Л. 36; Ф. П-3. Оп. 10. 607. Л. 123; 1937/38 г. - ГАНО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 322. - Л. 137; 1939 г. -ГАКО. Ф. П-137. Оп. 1. Д. 7. Л. 30-31; 1940 г. - ГАНО. Ф. П-4. - Оп. 4. Д. 490. Л. 146; Оп. 5. Д. 585. Л. 14; 1941 г. - ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 585. Л. 124. Прочерк означает отсутствие сведений.

Приложение 5

Количество рабочих и служащих лесопромышленных предприятий Яи

Год	Количество работников	Источник информации
1918	30-лесозавод	ГАТО. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 79. Л. 16-17.
Апрель 1920	284, в т. ч. 73-завод, 150-экспедиция, 60-сплав	ГАТО. Ф. Р-272. Оп. 1. Д. 60. Л. 3.
Январь 1921	1921, в т. ч.: 60- завод, 135-экспедиция, 543-заготовка, 283-перевалка	ГАТО. Ф. Р-272. Оп. 1. Д. 59. Л. 40.
Январь 1922	50-лесозавод	ГАТО. Ф. Р-272. Оп. 1. Д. 60. Л. 283.
Октябрь 1924	42-лесозавод	ГАНО. Ф. Р-918. Оп. 1. Д. 757. Л. 75.
Октябрь 1925	31-лесозавод	ГАНО. Ф. Р-918. Оп. 1. Д. 757. Л. 75.
1928	563-лесокомбинат	ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1388. Л. 5.
1929 1930 1931 1932	760 1096 1320 1478 } лесокомбинат	Борьба за уголь. 1934. 18 ноября.
1933	1800, в т. ч. 273 - завод, рабочих - 1387	Борьба за уголь. 1934. 18 нояб.; ГАНО. Ф. Р. 2. Оп. 3. Д. 1388. Л. 5.
1934	2100; в т. ч. 308 - завод, рабочих 1412	
1935	1641, в т. ч. 308 - завод, рабочих 1409	
1936	1547 - лесокомбинат	
Июль 1938	1602 - лесокомбинат	ГАНО. Ф. П-4. Оп. Д. 322. Л. 125.
1939	1524, в т. ч. 1274 рабочих	ГАКО. Ф. П-137. Оп. 1. Д. 8. Л. 30.
1940	1542, в т. ч. 1150 рабочих	ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 585. Л. 8.
1941 IV кв.	996	ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 585. Л. 111.

Приложение 6

**ВЕДОМСТВЕННАЯ ПОДЧИНЕННОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ, ОФИЦИАЛЬНОЕ
НАЗВАНИЕ КОМБИНАТА В 1940-1991 гг.**

1. 1940 г. - апрель 1947 г. - Наркомат угольной промышленности СССР. Государственный союзный лесопромышленный трест северного района Кузнецкого угольного бассейна «Северокузбасслес». Яйский лесокомбинат (ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 637. Л. 98).
2. 10 апреля 1947 г. - май 1951 г. - МВД СССР. Главное управление лагерей лесной промышленности (ГУЛЛП). Северокузбасслаг. Яйский лесокомбинат (с октября 1947 г. -отдельный лагерный пункт № 16 (ОЛП-16) (Приказы 1947 г. Т. 2. Л. 1).
3. 1952 г. - МВД СССР, Северокузбасслаг, отдельный лагерный пункт 2 (Приказы 1952 г. Т. 1).
4. 1952 г., 25 марта - МВД СССР, Северокузбасслаг, Яйское лагерное отделение № 2 (ЛО-2) (Приказы 1952 г. - Т. 1. Л. 255).
5. 1953, май - Министерство лесной и бумажной промышленности, «Северокузбасспецлес». Спецотделение № 2 (СО-2) (Приказы 1953 г. Т. 1. Л. 244).
6. 1954, февраль - МВД СССР. Северокузбасслаг. Лагерное отделение № 2 (Приказы 1954 г. Т. 2. Л. 1).
7. 1954 г., август - МВД СССР. ГУЛЛП. Северокузбасслаг. Лагерное отделение № 1 (ЛО-1), или п/я 391/01 (Приказы 1954 г. Т. 3. Л. 190-191).
8. 1956 г., 23 июня - Минлесбумпром. Управление «Севкузбасспецлес». Яйское отделение № 1 (СО-1) (Приказы 1956 г. Т. 2. Л. 117).
9. 1957 г., 11 ноября - МВД РСФСР. Управление Северокузбасслаг. 1 объединенное лаготделение (Приказы 1957 г. Т. 3. Л. 269).
10. 1957 г. - Совет народного хозяйства Кемеровского административно-экономического района. Управление лесной промышленности. Яйское лаготделение № 1 (Бухгалтерский отчет основной деятельности лаготделения № 1 за IV кв. 1957 г.).
11. 1960 г., 1 января - Совет народного хозяйства Кемеровского экономического района. Управление лесной промышленности. Яйская лесоперевалочная база (Бухгалтерский отчет по основной деятельности за 1959 год отделения № 1 Управления Кемеровского СНХ, хранящийся в архиве бухгалтерии а/о «Яялес». - Л. 290).
12. 1967 г., 1 января - Производственное объединение «Кемеровопромлес» (с 1968 г. - трест «Кемероволес»). Яйский лесопромышленный комбинат.
13. 1991 г., 22 октября - Акционерное общество закрытого типа «Яялес».

Приложение 7
Производственная деятельность Яйского лесожомбината в 1941-1945 гг. (тыс. куб. м)*

Основные виды производственной деятельности	Годы														
	1941		1942		1943		1944		1945		Факт.	% к плану			
	План	% к плану	План	Факт.	% к плану	Факт.	План	% к плану	Факт.	План			% к плану		
Выгрузка леса из воды	461,9	515,9	111,7	370,9	364,0	98,1	318,6	326,5	102,4	463	332	71,7	394	366,4	93,0
Разделка крепи	174,0	97,4	55,9	156,5	64,6	41,2	50,0	60,8	121,6	136	34,6	25,4	60,0	43,4	73,2
Лесопиление	198,9	911,7	106,4	200,0	174,8	87,4	180,0	109,2	60,6	133,4	88,0	65,9	106,7	87,2	81,7
Погрузка леса в вагоны	458,0	477,7	104,3	368,0	368,0	100,0	295,4	295,4	100,0	256	276,8	107,8	320	268,6	83,9

*ГАКО. Ф.П-137. Оп. 1. Д. 33. Л. 38; Д. 43. Л. 43.

Производительность труда основных рабочих Яйского лесокombината
в 1941-1945 гг.* (куб. м на одного рабочего в смену)

Виды работ	Годы									
	1941		1942		1943		1944		1945	
	План	Факт.								
Разделка крепи механизирован.	8,5	7,3	9,4	7,9	7,7	6,3	8,3	4,4	7,8	2,6
Разделка крепи ручная	7,4	5,6	7,9	3,6	7,2	4,2	6,7	5,9	6,7	3,4
Выгрузка леса из воды	7,2	10,1	8,6	6,5	6,9	5,3	6,8	6,6	6,3	5,7
Выгрузка леса в вагоны	7,2	7,0	8,2	5,2	7,4	6,2	5,8	4,2	6,3	3,8
Лесопиление, выход пилопродукции	2,4	2,3	2,6	2,0	2,3	2,1	2,5	2,0	2,5	1,8

*Составлено по: ГАКО. Ф. П-137. Оп. 1. Д. 33. Л. 39; Д. 43. Л. 43.

Приложение 9

Численность работающих на Яйском лесокомбинате в 1953-1959 гг.*

Категории работающих**	Годы									
	1953		1956		1957		1958		1959	
	План	Факт.	План	Факт.	План	Факт.	План	Факт.	План	Факт.
Рабочие:	1364	1415	-	1053	1025	981	-	1219	1242	1279
в т. ч. занятые на лесозаготовк.	(769)	(581)	-	313	271	316	-	310	320	344
в лесоэксплуатации	-	-	-	740	754	665	-	909	922	935
ИТР	165	151 (3)	-	180	158	181	-	159	164	147
Служащие	66	64 (4)	-	56	86	47	-	55	85	62
Военизированная и пожарная охрана	212	142 (12)	-	227	201	207	-	272	289	251
Всего	1807 (769)	1774 (600)	-	1516	1470	1416	-	1705	1780	1739

*Бухгалтерский отчет Яйского спецотделения № 2 за 1953 год. Л. 40; Отчет по основной деятельности лаготделения № 1 за IV кв. и 1957 г. Л. 111; Бухгалтерский отчет по основной деятельности за IV кв. и за 1959 год отделения № 1, р. п. Яя, п/я 391 Управления Кемеровского СНХ. Л. 123 об.

**В скобках даны сведения о заключенных; прочерк означает отсутствие сведений.

**Ассортимент и количество продукции, выпускаемой
Яйским лесокombинатом в 1953-1959 гг. (куб. м)***

Виды продукции	Годы	
	1953	1959
Деловая древесина, отгруженная потреби- телям	12111	46300
Дрова	12111	11000
Продукция лесопи- ления в т. ч. качествен- ный пиломатериал	25382	155093 46708
обычный, хвойный	103204	104660
обалол	2754	3725
Тарная досочка	-	287
Клепка(тыс. шт.)	-	472228
Тарная клепка	-	8841
Штакетник (тыс. шт.)	-	1614
Дрань (тыс. шт.)	-	8868,5
Прищепки (тыс. шт.)	-	828,8
Шпала ж.-д. (тыс. шт.)	21,6	-

*Бухгалтерский отчет... за 1953 г. Л. 104-105. То же за 1959 год. Л. 121.

**Среднемесячная зарплата на Яйском
лесокомбинате в 1950-х гг. (р.)***

Категории работников лесокомбината	Годы	
	1953	1959
Рабочие	619	623
Служащие	718	791
Служащие з/к	550	н.с.
ИТР	1016	1102
ИТР из з/к	719	н.с.
Охрана	470	466
Охрана из з/к	503	н.с.

*Бухгалтерский отчет Яйского спецотделения № 2 за 1953 г. Л. 40; Бухгалтерский отчет по основной деятельности за IV кв. и за 1959 г., отделение 1, управление п/я 391 Кемеровского СНХ. Л. 123 об. (подсчет авторов).

Приложение 12

**Производственная деятельность Яйской ЛПБ в годы семилетки
(по данным бухгалтерских отчетов)**

Виды производст- ва или продукции	Единица измерения	Годы					
		1959	1961	1962	1963	1964	1965
Выгрузка леса	тыс. куб. м	нет св.	нет св.	432,6	430,4	292,2	268,4
Разделка крепи	->-	->-	->-	66,7	84,0	61,5	49,8
Погрузка леса	->-	->-	->-	144,8	152,2	71,1	51,5
Лесопиление	->-	155,0	161,1	147,1	149,7	157,0	156,0
в т. ч. шахт- ный обалол	->-	3,7	5,6	5,4	нет св.	6,7	6,0
Клепка заливная	->-	нет св.	3,0	2,5	1,5	2,0	2,0
Клепка сухотар- ная	->-	8,8	2,5	1,5	1,2	нет св.	нет св.
Тара ящичная	->-	нет св.	14,2	12,5	13,0	12,6	13,2
Древесная мука	т	-	-	-	-	1690,5	3374,0
Мебель	тыс. р.	нет св.	464,5	432,1	436,4	нет св.	нет св.

Приложение 13

Среднемесячная выработка продукции на одного списочного работника Яйской ЛПБ в годы семилетки (по бухгалтерским отчетам)

Годы	Лесопиление, куб.м	Лесозаготовки, куб.м	Виды работ			
			Выгрузка леса, куб.м	Разделка крепи, куб.м	Погрузка леса, куб.м	Производство древесной муки, кг
1961	2,23	0,71	12,0	6,0	12,7	-
1962	2,24	1,70	12,3	5,09	13,2	-
1963	2,25	2,04	13,0	5,5	13,2	-
1964	2,29	нет св.	10,7	5,4	12,5	200
1965	2,21	нет св.	11,1	5,9	13,8	212

Приложение 14

Численность основных категорий работников Яйской ЛПБ и их заработная плата в годы семилетки (в масштабе цен 1961 года, р.)*

Категории работников	Годы					
	1959		1962		1965	
	Кол-во	Среднемес. заработок	Кол-во	Среднемес. заработок	Кол-во	Среднемес. заработок
ИТР	147	110,2	103	131,2	нет св.	102,0
Служащие	62	70,1	81	89,9	-	102,0
Рабочие	1279	62,3	896	82,7	823	85,2

*Подсчитано по бухгалтерским отчетам.

Приложение 15

**Динамика выпуска отдельных видов товарной продукции на Яйской ЛПК
в 1966-1990 гг.***

Годы	Вывозка леся, тыс. куб.м	Пилома- тарялы, тыс. куб.м	Ящичная тара, тыс. куб. м	Клепка заливн., тыс. куб.м	Окон- ные блоки, тыс. кв. м	Това- ры культ. быта, тыс.р.	Древа- сная мука, тыс. т	Пихто- вое масло, тыс. т	Тех- нолог. щепы, тыс.куб.м	Пар- кет, тыс. кв.м
1966	165,9	154,9	17,0	2,5	32,8	71,5	3,7	3,9		
1967	181,1	157,1	18,8	3,4	30,7	229,3	3,4	5,7		
1968	169,4	151,3	18,0	4,1	37,3	314,7	3,5	4,9		
1969	151,3	102,0	16,1	2,7	40,9	415,1	4,6	3,5		
1970	172,6	136,1	20,4	3,0	39,7	281,8	5,6	5,3		
1971	177,6	144,5	21,1	3,2	44,3	255,7	4,8	9,4		
1972	141,8	141,0	20,9	2,6	40,7	190,9	5,2	9,0		
1973	167,3	141,8	19,0	2,3	45,2	280,2	5,8	10,7		
1974	162,9	110,7	18,3	2,3	51,8	109,1	5,8	13,4		
1975	168,3	123,1	18,2	1,3	41,2	71,1	5,2	12,6		
1976	170,6	134,4	16,1	2,2	33,8	86,0	5,35	11,5		
1977	165,1	134,1	16,8	1,5	41,1	83,2	5,4	8,6		
1978	180,4	122,6	17,3	1,2	44,5	116,8	5,1	6,2		
1979	162,1	105,2	15,6	0,2	43,8	89,3	4,3	4,9	8,8	
1980	174,2	107,7	14,8	0,3	40,8	92,0	5,6	6,4	11,6	
1981	156,6	88,4	24,4	3,48	35,5	35,7	5,5	5,2	14,3	
1982	163,5	75,1	23,9	2,6	30,3	81,3	4,8	4,7	8,44	17,6
1983	154,3	99,1	25,1	2,5	29,3	121,0	4,2	2,6	7,5	13,3
1984	173,7	93,1	23,3	1,6	28,2	66,0	4,1	3,3	7,6	12,7
1985	154,8	51,5	25,4	2,2	31,9	57,0	3,2	2,5	9,7	15,1
1986	177,5	76,6	27,9	2,5	29,4	250,0	4,5	5,3	9,3	17,7
1987	161,2	79,6	22,7	2,9	28,5	82,2	3,7	5,5	10,2	15,3
1988	180,6	115,5	22,9	2,4	34,0	61,0	4,4	5,0	14,6	21,6
1989	208,6	133,9	33,0	2,5	34,3	74,0	4,4	4,8	16,1	41,8
1990	199,9	127,4	22,0	1,5	35,7	229,0	4,1	5,2	14,5	39,0

*По данным годовых бухгалтерских отчетов.

**Динамика основных показателей хозяйственно-финансовой деятельности
Яйского ЛПК в 1966-1990 гг.***

Годы	Выпуск то- варной про- дукции, тыс. р.	Реализа- ция про- дукции, тыс. р.	Выработка 1-го рабо- тающего, р.	Себестои- мость еди- ницы про- дукции, р.	Прибыль (+), убы- ток (-)	Числен- ность персо- нала, чел.	Средне- месяч. зараб. плата, р.
1966	6013	7259	3641	-	-623	1593	106,5
1967	8268	8180	4768	8332	-755	2249	110,6
1968	8249	8177	4847	8383	+150	2198	124,0
1969	8003	8166	4560	7658	-	2091	122,0
1970	10006	9991	5443	-	+1604	2133	122,0
1971	10339	10326	5683	8795	+1529	2095	124,7
1972	8931	9645	6001	-	+1269	1972	123,0
1973	9000	9762	5985	8536	+777	1906	138,4
1974	8876	8830	5582	-	+264	1948	166,4
1975	9149	9082	5526	9102	-159	1963	162,4
1976	9164	9019	5886	-	+89	1905	160,2
1977	9508	9809	6048	9217	-133	1898	165,1
1978	8718	8698	6014	-	-582	1877	166,1
1979	7436	7464	5476	8875	-1085	1804	163,1
1980	9108	9101	6076	8766	+876	1949	175,8
1981	9087	9110	5608	10388	+1727	1899	191,0
1982	10044	9889	5830	10045	-665	1869	194,0
1983	10473	10594	6245	11349	-1585	1904	197,7
1984	9945	10011	6431	10832	-1360	1886	195,9
1985	9346	9336	7116	10581	-1710	1850	201,6
1986	12720	11578	8299	12389	-1350	1824	227,0
1987	12120	11110	8760	11954	-1183	1754	234,2
1988	12668	12210	10251	14482	+236	1856	253,6
1989	14799	14904	11882	14710	+428	1653	293,3
1990	34910	-	25352	15164	+273	1627	337,9

* По данным бухгалтерии комбината; прочерк означает отсутствие сведений.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА
коллектива Яйского лесопромышленного комбината по досрочному
выполнению производственного плана 1968 года

В целях досрочного выполнения плана производства в 1968 году, а также пятилетнего плана, коллектив лесопромышленного комбината, рассмотрев план производства на 1968 г., подсчитав свои возможности, принимает на себя следующие социалистические обязательства:

1. План по выпуску валовой и товарной продукции выполнить к 25.12 досрочно и дать сверх плана 100 тыс. руб. валовой продукции.

2. План вывозки древесины за первый квартал выполнить по общему объему 57,0 т. м.³ В том числе деловой - 42,5 т. м.³ досрочно на три дня к 29.03.68 г. и дать сверх плана 1500 м³ деловой древесины.

3. Повысить производительность труда против плана на 0,2%, а на лесозаготовках на 0,1%.

4. Снизить себестоимость товарной продукции на 0,15% от уровня 1967 г.

5. Достичь экономии от рационализации и изобретательства 12,0 тыс.руб.

6. В течение года повысить квалификацию за счет профессионально-технического обучения 600 чел.

7. Закончить строительство столовой в Яе к 7.11.68 г.

8. Закончить строительство красного уголка к 1.07.68 г.

9. Закончить строительство и монтаж цеха древесной муки к 10.09.68 г.

10. Начать во втором квартале 1968 г. строительство тарных цехов в СПУ и Анжерском ЛЗУ.

11. Построить в течение 1968 г. три дома на 10 квартир в Сурановском ЛЗУ.

12. Построить в течение 1968 г. столовую и общежитие в Сурановском ЛЗУ.

13. Выполнить 80% объемов работ за 1968 г. по реконструкции детского комбината.

Вызвать на социалистическое соревнование Барзасский ЛПХ, арбитром соревнования просим быть объединение «Кемероволеспром» и обком профсоюза лесной, деревообрабатывающей промышленности.

Принято единогласно на профсоюзной конференции 25.12.67 г.

Президиум профсоюзной конференции: *Русецкий, Стерехов, Латынин, Павлов, Носова, Карбышев, Войнич.*

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА
коллектива Яйского лесопромышленного комбината по досрочному
выполнению производственного плана 1969 года в честь
100-летия со дня рождения В. И. Ленина.

В целях досрочного выполнения плана производства и достойной встречи 100-летия со дня рождения В. И. Ленина коллектив лесопромышленного комбината, рассмотрев утвержденный план производства 1969 г. и подсчитав свои возможности, принимает следующие повышенные обязательства на 1969 год:

1. План по реализации продукции на сумму 8885 тыс. рублей выполнить к 25 декабря и реализовать сверх плана на 125 тыс. руб.

2. План по выпуску товарной продукции на сумму 8980 тыс. руб. выполнить к 25 декабря и дать сверх плана на 150 тыс. руб.

3. План вывозки древесины по общему объему 177 тыс. м³, в том числе деловой 130 м³, выполнить к 25 декабря и дать сверх плана 2 тыс. м³ деловой древесины.

4. Повысить производительность труда против фактической производительности 1968 г. на 2%.

5. Снизить себестоимость товарной продукции на 1,5% от уровня 1968 г.

6. Получить экономический эффект от внедрения в производство рационализаторских предложений в сумме 12 тыс. руб.

7. Получить экономический эффект от внедрения в производство планов НОТ в сумме 20 тыс. руб.

Вызвать на социалистическое соревнование Барзасский ЛПХ, арбитром соревнования просим быть комбинат «Кемероволес» и обком профсоюза лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности.

Принято 27 декабря 1968 года.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО НА 1969 ГОД
коллектива Яйского лесоклепочного завода треста «Нефтемаслозаво-
ды» Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической
промышленности СССР от 16 января 1969 года

По инициативе коллективов промышленных предприятий Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР по дальнейшему развертыванию социалистического соревнования за достойную встречу 100-летия со дня рождения В. И. Ленина и досрочное выполнение пятилетки коллектив Яйского лесопильно-клепочного завода, рассмотрев свои возможности и резервы производства, решил:

1. Выполнить пятилетний план по объему промышленной продукции к 7 ноября 1970 г., достойно встретить столетие со дня рождения В. И. Ленина высокими производственными показателями.

2. Досрочно 26 декабря выполнить план производства за 1969 г. по валовой и товарной продукции. Дать сверх плана продукции на 20 тыс. руб.

3. 28 декабря выполнить годовой план по выработке заливной клепки, улучшить качество выпускаемой продукции.

4. Перевыполнить плановое задание по росту производительности труда на 22%.

5. Не допускать перерасхода сырья, материалов, электроэнергии, сэкономить сырьем за 1969 г. 500 м³, электроэнергии 15 тыс. кВт/ч.

6. Снизить себестоимость выпускаемой продукции на 10 тыс. руб.

7. Выполнить план реализации готовой продукции к 29 декабря и дать прибыли сверх плана на 100 тыс. руб.

8. Внедрить не менее 10 рационализаторских предложений и дать экономии от внедрения 3 тыс. руб.

9. Выполнить план по ширпотребу производственной продукции, расширить ассортимент, повысить качество выпускаемой продукции.

10. Дать прибыли от реализации продукции ширпотреба на 5 тыс. руб.

11. Выполнить план капитального ремонта на 100% с хорошим качеством.

12. Выполнить организационно-технические мероприятия:

а) продлить путь под консольно-козловой кран на 60 погонных метров до октября 1969 г.;

б) внедрить погрузку заливной клепки в сборных контейнерах из уголкового железа, для этого изготовить 300 штук контейнеров по стандарту до мая 1969 г.;

в) внедрить погрузку клепки в крытые вагоны транспортера, для этого изготовить 2 транспортера до мая 1969 г.;

г) выполнить план номенклатуры мероприятий по технике безопасности и охране труда, особенно уделить внимание соблюдению правил по технике безопасности и не допускать несчастных случаев;

д) переоборудование отопления с парового на водяное - III кв. 1969 г.;

е) монтаж сбрасывателя СБВ-12 на складской бревнотаске - II кв. 1969 г.;

и) монтаж позадирамной тележки от лесопильной рамы РД-75 - I кв. 1969 г.

По капитальному строительству:

1. Устройство площадки с бетонным покрытием на прирельсовом складе. Окончание - III кв. 1969 г.

2. Закончить строительство и сдать в эксплуатацию КБО. Окончание - II кв. 1969 г.

3. Капитально отремонтировать бревнотаску от лесорамы РД-75.

По поручению общего собрания обязательство подписали: *Васильев, Великов, Алексеев, Бондаренко, Ткаченко, Бугаева, Тихонова.*

**СПИСОК РАБОТНИКОВ ЯЙСКОГО ЛПК,
УДОСТОЕННЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ НАГРАД**

Ордена Ленина

Бедаля Я. К., тракторист
Семенов П. Ф., бригадир МКБ

**Ордена Трудового
Красного Знамени**

Андреев В. В., пилоправ
Голубев С. Н., вальщик леса
Гудков Ю. Р., водитель
Денисов Н. П., раскрывщик
Исамбеков Б., тракторист
Макаренко А. О., начальник ЛЗУ
Русецкий К. Л., директор ЛПК
Рыльцев Д. Г., водитель
Стерехов И. С., начальник ОК
Тюненков Н. С., оператор
Усюкевич С. А., вальщик леса
Чечуро В. Н., старейший инженер

Ордена «Знак Почета»

Бородович Б. Н., водитель
Воротников М. Т., старший механик
Давыдченко А. П., начальник СПУ
Девятников Н. К., бригадир МКБ
Ефреименко М. И., главный механик
Иванчихин А. И., пилот
Истрафилов Ю. И., лесоруб
Кетов В. А., вальщик леса
Кузнецов В. П., старший инженер
Михайлов В. Т., крановщик
Моисеев В. Н., слесарь
Моисеенко С. А., чокеровщик
Москалев Н. Б., начальник
Анжерского ЛЗП
Новоселов А. А., слесарь
Прокопов И. И., мастер
Русецкий К. Л., директор ЛПК
Секаренко И. З., начальник
лесозавода
Трухачев Д. И., бригадир МКБ
Усюкевич С. А., тракторист
Храмшин Н. Р., слесарь
Храмшин А., раскрывщик

Федотов В. Г., тракторист
Филиппова Е. И., станочница
Янушкевич В. М., мастер

Ордена Октябрьской Революции

Голубев С. Н., вальщик леса
Колбанов В. В., пилоправ
Федотов В. Г., лесоруб

Ордена Дружбы народов

Егоров Н. И., начальник Анжерского
ЛЗУ

**Ордена Трудовой Славы II
степени**

Асадчий В. А., водитель

Ордена Трудовой Славы III степени

Антонова В. И., штабелевщик
Асадчий В. А., водитель
Исамбеков Н. Н., лесоруб
Новиков Н. М., станочник
Павлов Н. И., вальщик леса
Паршин А. М., водитель
Семенов Г. З., водитель
Синкина В. И., мастер
Ущека А. И., лесоруб

Медали «За трудовую доблесть»

Бушуев А. В., пилот
Гнездилов В. Ф., мастер
Дорофеев Ю. С., токарь
Ероховец С. Т., механик
Зуева Е. Т., сепараторщица
Килин А. П., мастер
Крепчук Д. Л., слесарь
Курочкин Н. Д., механик
Михайлов А. Т., браковщик
Никитин Д. Г., тракторист
Овчинников Д. А., рамщик
Озерова А. В., станочница
Рыльцев Д. Г., водитель

Рябцев Н. С., водитель
Стрепетов Ю. М., слесарь
Тимофеева А. М., станочница
Ткачук Г. К., слесарь
Шиян Ф. Д., начальник Сурановского ЛЗУ

Медали «За трудовое отличие»

Безъязычный С. В., столяр
Головина Т. Я., станочница
Горюнов А. С., мастер
Давыденко В. Т., слесарь
Карпенко Б. Г., водитель
Михайлов А. Т., лебедчик
Носова Н. П., станочница
Озерова А. В., станочница
Скулов В. В., рамщик
Тищенко В. И., начальник ОКС
Тюфанова Е. В., станочница
Филиппова Е. И., станочница
Юсупов Г. И., водитель

Медали «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина»

Ажичаков В. Т., электросварщик
Алексеев В. Н., токарь
Алонцев М. И., станочник
Алонцева В. И., торцовщица
Антонов Ф. Д., плотник
Артеменко И. П., пилоножеточ
Арышев В. Г., транспортировщик
Астраханцева М. А., станочница
Батиевский М. А., мастер
Бесполов С. И., пенсионер
Безъязычный С. В., столяр
Богданов И. М., заведующий биржей
Бойко А. П., столяр
Братухина А. Д., станочница
Буряков Г. Н., начальник ПЗО
Бушуев А. В., пилоправ
Вопилов К. М., мастер
Гершалов П. Д., слесарь
Гильметдинов З. А., инструментальщик
Гирский Н. И., электромонтер
Гладков Н. В., станочник
Гнездилов С. З., механик
Головачева Н. А., кубатурщик

Голубев С. Н., вальщик леса
Горбачевский А. М., пенсионер
Грицан Ф. Е., пилоправ
Гулевская А. А., маляр
Гулянов Н. В., главный инженер
Давыденко В. Т., слесарь
Давыденко А. П., начальник СПУ
Дацук Е. О., плотник
Денисов Н. П., раскряжевщик
Дерюгин Г. Д., кладовщик
Долгих Ю. С., механик
Дорофеев Б. С., токарь
Дорофеев Ю. С., токарь
Дубоделов И. И., рамщик
Дубоделова С. Я., сепараторщица
Егоров П. П., начальник РММ
Ежова К. И., кассир
Еременко Н. А., мастер
Еременко Н. Д., повар
Ефимов Н. К., рамщик
Жданова Н. А., сепараторщица
Захарьян Б. Г., транспортировщик
Зизевский М. И., вальщик леса
Зуева Т. Е., сепараторщица
Зюзин В. Ф., печник
Иванчихин А. И., пилоточ
Ильина Л. В., воспитательница
Исаенко Л. А., старший механик
Кармашова Н. Н., главный бухгалтер
Козлов Н. Е., мастер
Козырев А. К., сгонщик леса
Кондратьев К. И., разборщик за-
тора
Конюков М. Ж., начальник ДОЦ
Коробейников А. А., слесарь
Коробов Н. М., мастер
Кузнецов В. П., инженер
Кузнецов Е. Л., старший механик
Куликов А. В., механик
Кузьменков С. П., грузчик
Кузьменчук Е. С., пилоточ
Крепких А. Ф., вальщик леса
Крепчук Д. Л., слесарь
Лапина Г. Н., воспитательница
Лаптева М. С., старший бухгалтер
Левицкий А. П., водитель
Левкович И. А., слесарь
Леонов И. С., водитель
Линит П. И., браковщик

Лукиянов А. Г., комендант ЖКО
Майстренко С. Ф., рамщик
Макаров Д. И., сортировщик
Макаров П. И., электромонтер
Малахов М. Я., обрезчик
Малыш С. Л., станочник
Маслова М. К., паспортистка
Матвеев И. Т., начальник ЖКО
Махров Б. М., старший мастер
Мацко П. А., аккумуляторщик
Мирошниченко Д. П., станочник
Моисеенко С. А., вальщик леса
Москвина Н. А., воспитательница
Москвитин Н. С., крановщик
Непомнящих Н. М., грузчик
Никифоров Д. С., мастер
Новиков И. С., электромонтер
Новиков Н. И., водитель
Новоселов М. П., мастер
Носова Н. П., станочница
Носырев А. И., слесарь
Овчинников Д. А., рамщик
Озерова А. В., станочница
Осипюк В. П., начальник ЦДМ
Осипюк Л. В., инженер
Осташев Л. М., начальник сбыта
Остахин И. А., электромонтер
Павлов Н. Д., мастер
Павлова Е. И., станочница
Пашуков Ф. П., тракторист
Петров В. Р., плотник
Петров Н. С., пенсионер
Подопригора И. М., пенсионер
Поляков И. С., вальщик леса
Пономарева М. В., сепараторщица
Прокусев Н. М., мастер
Путилин И. А., чокеровщик
Радзион К. О., пенсионер
Редкозубов Д. А., мельник
Редкозубова Т. Н., станочница
Руценок Д. Е., сгонщик леса
Рябцев Н. С., водитель
Савельев И. А., тракторист
Сапожников Е. Б., управляющий де-
лами
Селищева М. К., подсобная рабочая
Секаренко И. З., начальник лесозаво-
да
Сизинцев Н. К., мастер цеха
Скробачев Н. Г., механик

Скулов В. В., рамщик
Смотров П. В., ст. инженер
Старков М. Т., старший механик
Старостюк А. Г., лебедчик
Стражевич А. М., вальщик леса
Стрельченко А. З., сепараторщица
Стрепетов Г. М., стрелочник
Струков А. М., рамщик
Сурков Л. С., мастер
Суров А. Ф., мастер
Сухачев Г. А., начальник ОТЗ
Сухачева Л. Ф., старший бухгалтер
Тарбовский П. Е., нормировщик
Тельбух Н. И., мастер
Тельбух Ф. И., слесарь
Тимошенко М. Р., электромонтер
Тимошенко С. П., десятник
Тимошенко Я. П., технорук
Тишевецкий Г. К., разборщик затора
Ткачев С. Г., печник
Ткачук Г. К., слесарь
Филиппов Н. С., инженер-технолог
Филиппова Е. И., станочница
Фурсова Т. С., контролер
Чернова А. В., станочница
Чечуро В. Н., старший инженер
Чирков А. А., кузнец
Швайбович А. И., мастер
Швайбович Н. Н., экономист
Швед И. Т., плотник
Шестаков П. А., пилотправ
Шипачева М. Б., станочница
Шмонин М. Х., слесарь
Щельчик М. С., кочегар
Яковенко В. И., старший бухгалтер
Ярыгин Ф. В., главный бухгалтер

Медали «Ветеран труда»

Абсолямова Н. С., станочница
Авдонин А. А., стропальщик
Авдонин И. А., плотник
Авласенко К. И., браковщик
Ажичаков В. Г., электросварщик
Азолов Т. П., водитель
Азонова М. Г., браковщик
Айбатулин С. М., рамщик
Айбатулина С. М., станочница
Айбатулина Х. А., станочница
Акулов И. Р., слесарь

Александров В. С., механик
Александров В. Т., слесарь
Александров Д. Т., электромонтер
Александров А. С., слесарь
Алексеев В. Н., токарь
Алексеев П. А., столяр
Алексеев П. Ф., станочник
Алексеева З. П., бухгалтер
Алексеевко З. С., станочница
Алексеевко Н. В., плотник
Алонцева Н. К., станочница
Амбурцев И. Д., браковщик
Антипова Г. В., экономист
Антонов Ф. Д., плотник
Антонова В. И., станочница
Арефьев С. М., стропальщик
Артеменко И. П., пилоточ
Аршинова Е. М., электромонтер
Арышев А. П., конюх
Арышев В. Г., оператор
Астафьев А. П., электромонтер
Астафьев Н. М., крановщик
Астафьева З. В., воспитательница
Астафьева Л. А., станочница
Баев А. Д., браковщик
Балова А. К., станочница
Баранова П. И., бетонщица
Бардакова Т. И., браковщик
Барсуков В. П., машинист
Баст Л. А., маляр
Батаршинов Р. С., водитель
Башев В. В., слесарь
Безленкина В. А., браковщик
Безъязычный В. В., слесарь
Безъязычный С. В., столяр
Белеева П. К., монтер
Белов В. Е., раскрывщик
Белолипецкая Е. Е., уборщица
Беляев А. С., машинист
Беляев С. Я., кочегар
Беляева Л. А., диспетчер
Беляков И. С., рамщик
Белянкина Е. А., станочница
Беркалиев М., навальщик
Берков М. М., водитель
Березин П. В., электромонтер
Биршесва Р. А., контролер
Бобкова З. С., браковщик
Богданов П. Г., выгрузчик леса
Боймголец С. Л., станочник

Болвакина В. А., сепараторщица
Бондаренко А. И., вулканизаторщик
Бондаренко В. Г., станочница
Бондаренко Н. Н., стропальщик
Бондаренко П. Н., браковщица
Бондаренко Т. И., браковщик
Бочков А. Е., водитель
Быков П. П., кладовщик
Быкова Р. И., станочница
Братулин В. С., стропальщик
Бреднев В. И., стропальщик
Брюхоно И. М., мастер
Бугаева Е. К., браковщик
Булдаков И. А., электромонтер
Булгаков А. Ф., стропальщик
Булгаков Д. Ф., сборщик
Бурнаев И. В., навальщик
Бурьяков В. П., сучкоруб
Буряков Г. Н., начальник ЛЗО
Бухина К. И., станочница
Бучнева Л. А., браковщик
Бычина Е. Г., маляр
Бушуев А. В., крановщик
Вагайцева В. А., учетчик
Валов Г. С., стропальщик
Ванина З. Р., браковщик
Варенцов Д. И., токарь
Васильев С. А., конюх
Васячина З. П., станочница
Вдовина В. Б., станочница
Венедиктова Л. В., станочница
Верхотурова Т. Д., станочница
Волков А. А., электромонтер
Вопилов К. М., мастер
Воробьев И. Ф., водитель
Воробьева Л. С., станочница
Воронина В. И., зольщица
Выречко Ю. Р., станочница
Гаврилов М. М., старший инженер-технолог
Гаврилова З. А., инженер
Гайдабурова Р. А., контролер
Гайдамакин В. Г., мастер
Гайдамакина Р. А., бухгалтер
Галиакбаров К. З., старший мастер
Галиулина С. А., станочница
Гапченко И. А., слесарь
Гвоздева Е. С., уборщица
Гельметдинов З. А., слесарь
Гераськин Н. Ф., слесарь

Гирский Н. И., электромонтер
Гладышева А. В., контролер
Гладышева С. П., браковщик
Глушков Д. В., навальщик
Гнездилов В. Ф., мастер
Гнездилов С. З., механик
Гнездилова В. И., станочница
Голиакбаров Р., стропальщик
Головатенко Э. К., браковщик
Головачева Н. А., кубатурщик
Головачева Т. Е., инженер
Головин В. И., мастер
Головин М. И., водитель
Гончаров В. П., тракторист
Горюнов А. С., мастер
Гостищев Н. К., грузчик
Греков Г. Д., начальник электроцеха
Грекова К. И., заведующая машбюро
Григорьева А. В., экономист
Гритчин А. М., слесарь
Гричук Е. Д., монтер
Гулевская Н. Л., бухгалтер
Гулянов Н. В., главный инженер
Гусева Л. Ф., телефонистка
Гущина В. И., контролер
Давыденко В. Т., слесарь
Давыдченко В. А., оператор
Давыдченко В. Ф., станочница
Данилов Г. П., грузчик
Данилов Н. П., плотник
Дашковский Н. К., пилоножеточ
Даухреченский В. В., кузнец
Дегтярева Т. М., браковщик
Демин В. В., музыкальный руководи-
тель
Денисов Н. П., раскряжевщик
Деренов И. С., электромонтер
Дерюгин Г. Д., браковщик
Дмитриева З. Е., подсобная рабочая
Доброновская В. К., контролер
Долгих В. С., электросварщик
Долгих К. К., воспитательница
Долгих Я. С., токарь
Домрачева М. П., станочница
Дорохин М. Д., водитель
Дорофеев В. С., крановщик
Дорофеев Э. С., токарь
Дорофеева А. М., станочница
Дорофеева М. А., старший экономист
Дранишников В. В., няня
Дроздова Л. С., станочница
Дроздова С. А., браковщик
Дубоделов И. И., рамщик
Дуликова М. А., заведующая нефте-
базой ОТС
Евдокимова Е. С., станочница
Егоров П. П., начальник РММ
Егорова Л. И., старший бухгалтер
Егрнцева М. Г., штукатур
Ежова К. И., старший кассир
Елкина А. М., браковщик
Емелин И. Н., слесарь
Емельянов Е. Е., рамщик
Ерохин С. И., водитель
Ероховец С. Т., слесарь
Ефимов Н. К., рамщик
Жданова А. А., мастер
Живоглядов А. Ф., слесарь
Жилинский А. А., аккумуляторщик
Жумадилов О., рамщик
Журавлев В. А., грузчик
Журавлева С. Д., выгрузчик леса
Завьялов В. В., слесарь
Задиралов Г. Ф., водитель
Задорина А. Ф., слесарь-инструмен-
тальщик
Закомолкин А. А., кочегар
Закомолкин В. А., слесарь
Заречный А. И., механик
Злобина А. Н., воспитательница
Зоблев Н. Я., водитель
Зюзин Н. И., стропальщик
Зюзько С. К., кладовщик
Иванов П. П., токарь
Иванова М. Т., кладовщик
Иванчихин А. И., пилоточ
Иванчихина Л. С., браковщик
Ивочалкова А. Я., браковщик
Игнатенко М. М., станочница
Игнатьева А. Ф., станочница
Иларионова Е. П., техник-лаборант
Ильина Л. В., воспитательница
Иллерт А. И., станочница
Ильченко Г. Ф., мастер
Исаенко Л. А., слесарь
Исакова А. А., рамщица
Кабанова В. Г., станочница
Калинкин Я. Б., водитель
Калякин В. Я., токарь
Капканов П. В., столяр

Капосиникова В. Ф., станочница
Караваев А. А., ножеточ
Карматова Н. Н., бухгалтер
Карпенко Б. Р., браковщик
Касастиков Ю. И., мастер
Катугина Н. С., станочница
Кашкарева Г. А., станочница
Киприанова В. Г., машинист
Кириенко М. М., сепараторщица
Кириллова М. Т., станочница
Киселева Т. Б., нормировщик
Кисиленко Ю. Г., электромонтер
Кнященко В. Н., контролер
Клишин Н. П., рамщик
Ковалев И. М., мастер
Ковалева Т. В., лаборант
Коваль Н. И., станочник
Ковылина Е. И., техник
Козлов А. И., слесарь
Козлова А. Н., сортировщица
Козлова М. К., аппаратчица
Козырев Н. К., навальщик леса
Кокорин И. А., сторож
Коломников Г. Е., сторож
Кондратьев Г. И., выгрузчик леса
Конабаева А. И., станочница
Кононенко В. Ф., кузнец
Конопелькина Г. Е., сепараторщица
Конусова Х. А., станочница
Коробейников А. А., ст. слесарь
Королев А. В., кузнец-пилоточ
Королев П. П., кочегар
Коротких Е. П., кузнец
Коротких М. Д., станочник
Косвинцев П. А., станочник
Костикова Н. С., воспитательница
Костырко Н. А., крановщик
Котов И. Ф., стропальщик
Кошкарев Ф. А., подсобный рабочий
Кравченко В. И., экономист
Кравченко Н. Ф., пилоточ
Красиков Н. Б., главный технолог
Красильникова М. Н., наладчик
Красночинова А. В., уборщица
Крепких Н. Н., слесарь-механик
Крепчук Д. Л., слесарь
Кривенцова Н. В., старший бухгалтер
Кривоносова А. И., станочница
Крутов В. Я., конюх
Крутов Е. П., станочник
Кудинов В. Д., выгрузчик леса
Кудряшева В. Ф., экономист
Кузнецов В. П., инженер
Кузнецов Е. П., мастер
Кузнецов И. И., плотник
Кузнецов К. П., станочник
Кузнецова П. С., сортировщица
Кузьменчук О. М., станочница
Кузьмин В. И., токарь
Кузьмиченко Н. А., станочник
Кукушкин Н. Я., раскряжевщик
Кулагин В. В., инженер
Кульчицкий Г. С., инструментальщик
Купышина С. П., браковщик
Куреня А. Т., укладчица
Куреня В. Т., дворник-сторож
Кусков Г. Ф., крановщик
Лапицкий Н. А., кочегар
Лаптева А. В., заместитель главного бухгалтера
Лаптева М. С., экономист
Латынин Д. А., начальник гаража
Лашкевич З. А., сепараторщица
Лебедева М. А., станочница
Левашов Н. А., инструментальщик
Левашева Л. Т., сортировщица
Левицкий А. П., водитель
Леонтьева Н. И., грузчик
Лербенова В. М., браковщик
Лесников Д. А., водитель
Лиманова Г. С., сепараторщица
Личенко Г. Г., слесарь
Логвинкова Е. Е., браковщик
Лозачев В. Ф., станочник
Ломакин А. М., свальщик
Лукиянова З. М., грузчик
Люттов В. В., механик
Ляхов П. А., слесарь
Майстренко С. Ф., рамщик
Макаренко А. О., начальник РСУ
Макаров В. С., водитель
Макаров П. И., электромонтер
Максимов А. И., мастер
Малахов М. Я., обрезчик
Мальшев В. Д., станочник
Мальшев В. Я., рамщик
Малюко Н. А., станочник
Марченков Б. А., экономист
Маслов В. К., слесарь
Маслова К. М., гардеробщица

Маслова М. К., комендант
Матвеев В. С., плотник
Матвеев И. Т., мастер
Матвеева А. А., уборщица
Матвеева В. К., станочница
Матвеевко Л. А., инспектор ОК
Махров Б. М., мастер
Махтушева К. В., путевая рабочая
Мацко М. К., хлораторщица
Мацко П. А., аккумуляторщик
Мезенцева М. В., воспитательница
Мезенов П. У., штабелевщик
Миленко В. В., грузчик
Милованов Т. П., старший бухгалтер
Мингалиева С. Х., уборщица
Миронов А. М., водитель
Мирошникова А. К., сортировщица
Михайлов А. Т., стропальщик
Михайлова Л. Е., сепараторщица
Михалева А. А., бухгалтер
Мишин П. И., машинист
Мищенко Т. Н., грузчик
Моисеенко З. А., браковщик
Моисеенко Т. С., экономист
Молчанов Б. В., начальник ОТЗ
Муковникова Г. В., станочница
Мурашова Н. Е., грузчик
Мухаметзянов Ш. М., путевой мастер
Мушкатова М. С., браковщик
Наделяев В. П., механик
Наделяева Т. Ф., завхоз
Наумов П. И., слесарь-сантехник
Некрасов П. Л., браковщик
Немыкин Н. И., водитель
Нечаева В. К., воспитательница
Никитин И. Ф., мастер
Никифоров Д. С., мастер
Николаева А. В., станочница
Новиков И. С., электромонтер
Новикова А. И., завхоз
Новосветлова Е. М., воспитательница
Носкова Т. В., медсестра
Носова Н. П., станочница
Овсянникова А. К., штукатур-маляр
Овсянникова Е. И., каменщик
Овсянникова М. Ф., штукатур
Овчинников В. А., моторист
Овчинников Д. А., рамщик
Овчинников П. М., вальщик
Озерова А. В., станочница
Озерова Р. Г., станочница
Олышевская Н. В., бухгалтер
Орехова К. М., контролер
Осипов В. Н., оператор
Осипюк В. А., экономист-бухгалтер
Осипюк Л. В., инженер
Останин И. А., электромонтер
Осташев Л. М., экономист
Остренок А. А., станочница
Партасенок Т. В., станочница
Паршутин И. Я., водитель
Парфенова В. П., станочница
Пастушенко Н. Д., заведующий дет-садом
Педорич А. М., возчик
Педорич Л. А., техник-чертежник
Петрова М. И., повар
Пикалин А. Ф., электромонтер
Пименова А. И., контролер
Пищкина М. Т., нормировщица
Пищупина Г. В., станочница
Платонова З. В., начальник ОКК
Плетнев Н. А., дворник-сторож
Плетнева А. Л., станочница
Плетнева О. А., контролер
Плешаков Н. Д., заведующий складом
Поволяева А. Т., станочница
Подкопаева А. Е., станочница
Подкопаева М. К., сортировщица
Подъячев В. Д., электромонтер
Поляков Н. С., механик
Пономарева В. И., станочница
Прибула М. И., кочегар
Прибула П. А., браковщик
Прозоров А. К., браковщик
Прохорова Т. Д., станочница
Пузина Н. М., зольщица
Пуш Г. Г., пилоточ
Пушилина П. И., станочница
Радион К. О., слесарь
Разва Ю. А., плотник
Редкозубов Д. А., слесарь
Редкозубова Т. Н., станочница
Резник П. Е., водитель
Реуновская Л. В., станочница
Реутов Н. И., браковщик
Рогова О. М., экономист
Родионова А. И., станочница
Романов Б. В., старший инженер-технолог

Русецкий К. Л., директор ЛПК
Русецкая Л. М., воспитательница
Русских П. И., слесарь
Русченков Д. Е., сгонщик леса
Рыбальченко В. Н., браковщик
Рябцев Г. И., грузчик
Рябцев Н. Н., водитель
Рябцева В. Ф., станочница
Савельев И. А., тракторист
Савельева А. Н., няня
Савенкова З. А., старший бухгалтер
Савищев В. Н., электромонтер
Садовников Г. И., старший инженер
Сахибова Г. Ш., контролер
Сафронова В. П., телефонистка
Сафуков Н. Е., плотник
Сафукова А. Э., станочница
Секаренко И. З., начальник лесоза-
вода
Селищева З. Н., станочница
Селищева М. К., подсобная рабочая
Семанова Н. В., браковщик
Семенов М. Д., мастер
Семенова В. В., станочница
Семенова М. Т., вахтер
Семенова Р. А., сепараторщица
Семионович П. П., станочница
Семкин Н. Д., сучкоруб
Семкина В. И., мастер
Семченко Н. К., заведующая детским
садом
Сентюрина Т. П., подсобная рабочая
Сергеева Е. С., станочница
Середа В. Л., инженер
Серова В. Н., старший бухгалтер
Сивуха Н. Г., каменщик
Сивуха Т. И., транспортировщица
Сидоров А. Ф., электрослесарь
Сизиков Л. Л., кочегар
Сизинцев Н. К., мастер
Синицын В. Е., водитель
Синицина Е. И., телефонистка
Симагов А. П., свальщик
Сигаева П. Ф., санитарка
Соколов М. М., сучкоруб
Соловей З. Ф., юрист
Соловьева А. П., мастер
Сорокина Н. Д., повар
Старков М. Т., электромонтер
Старостюк А. Г., лебедчик
Стерехов И. С., начальник ОК
Стянский И. К., крановщик
Стольев П. И., электромонтер
Стрезкова П. Э., браковщик
Стрельникова Н. А., мастер
Стрельченко А. З., выбойщица
Стрепетов И. М., дворник
Струков А. М., рамщик
Струков В. М., водитель
Струкова Р. И., телефонистка
Суздальцева В. И., сортировщица
Сузов К. С., стропальщик
Сундукова А. В., станочница
Сурков Л. С., старший мастер
Суров А. Ф., мастер
Сухачева Л. Ф., экономист
Сущевский П. Ф., рамщик
Тамбовцев М. И., водолаз
Танцырев Ю. А., грузчик
Танцырева А. С., заправщица
Тарасова А. Г., уборщица
Татарников В. Я., электромонтер
Тельбух Ф. И., слесарь
Теплов К. Ф., крановщик
Терентьева З. Ф., путевой мастер
Терновецкий Ф. К., штабелевщик
Тизу Г. М., слесарь
Тимошенко М. Р., электромонтер
Тимошенко Я. П., технорук
Тимофеев П. И., пилоточ
Тишевецкий Г. К., сплавщик
Тищенко В. И., прораб
Ткачев С. Г., печник
Ткачук Г. К., слесарь
Трофимов Е. Я., станочник
Тушинчук Н. И., станочница
Тушминская М. Н., экономист
Тюфанова Е. В., станочница
Уткина М. Т., сортировщица
Ущеко А. И., вальщик леса
Фатеева В. Е., путеукладчик
Федоров В. С., станочник
Федосов Е. И., сучкоруб
Филатова Н. Я., маляр
Филиппов В. С., слесарь
Филиппов П. Ф., хлораторщик
Фомина А. Д., контролер
Фреер О. О., монтер
Халаман Е. Н., бухгалтер
Хатраева П. П., грузчик

Цуран А. М., кочегар
Чеботаева Е. Д., уборщица
Чепигин В. Ф., слесарь
Чепигин Н. Ф., крановщик
Чепиши В. Ф., крановщик
Черин А. Н., кочегар
Черников В. Л., станочник
Чернов Г. П., кочегар
Чернова А. В., рамщица
Чернова В. Е., грузчик
Чечуро В. Н., старший инженер
Чирков А. С., сгонщик леса
Чирков Н. Д., электромонтер
Чубкова Е. З., зольщица
Чувашов Д. А., технорук
Чурикова М. Т., слесарь
Чурикова П. А., швейцар
Чуркин А. И., водитель
Чуркина Н. С., бухгалтер
Шарков С. Г., сучкоруб
Шварц А. А., токарь
Швед А. Н., сепараторщица
Швед А. П., няня
Швед В. С., пилоточ
Швед И. Т., плотник
Шерстнев М. И., кочегар
Шефер К. В., машинист
Шилина А. А., браковщик

Шилько В. П., лесоруб
Шиманович В. Н., начальник ОТС
Шипачев К. П., водитель
Шипачев Н. Д., электромонтер
Шипачев С. А., мастер
Шипачева З. А., мастер
Шишов Б. И., крановщик
Шмоин М. Х., слесарь
Шпак Ф. Г., старший инженер
Шуриков С. М., водитель
Шурикова М. И., станочница
Щельчик В. В., техник
Щербаков В. В., слесарь
Щербаков П. В., стропальщик
Юрковская Н. С., заведующая
детским садом
Юсупов Г. И., водитель
Юхно В. А., слесарь
Якимович М. П., грузчик
Яковенко В. И., старший бухгалтер
Яковлев И. П., слесарь-инструмен-
тальщик
Яковлев М. П., инженер
Яковченко А. В., слесарь
Ярилова Е. А., станочница
Ярыгин Ф. В., главный бухгалтер
Ярыгина В. Е., путевой мастер

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Село Жарковское	6
Древние обитатели Яи	6
Жарковские хлебопашцы	8
Яйские лесопромышленники	15
Глава II. В период нэпа	21
Второй лесозавод. Основатели и строители.	21
В лесу и на реке	28
В кровавом зареве родился новый свет	34
Глава III. Индустриализация	47
Третий лесозавод. 1929 - 1931 гг.	47
Кадры для индустриализации	53
«Перестройке - большевистские темпы и качество». Реконструкция 1932 - 1935 гг.	60
«У Яйского лесокombината учиться тому, как надо работать».	
Лесокombинат в 1933 - 1940 гг.	63
Поселок Яя	82
Глава IV. В годы войны	100
День летнего солнцестояния	100
Лес - шахтам Кузбасса	108
Отрез сатина	124
Выжили, победили	131
Глава V. В тисках Северокузбасслага	136
Из огня да в полымя	136
ОЛП - 16, ЛО - 2 и другие	141
Долгое прощание	165
Глава VI. К коммунизму на пути	180
Выполняя семилетку	180
За коммунистический труд	195
Глава VII. От застоя к перестройке	220
Дела лесозаготовительные	220
В условиях хозрасчета	224
Злободневная проблема	230
К безотходной технологии	236
Яйские бондари	240
Новые горизонты	246
Вместо эпилога	275
Приложения	279

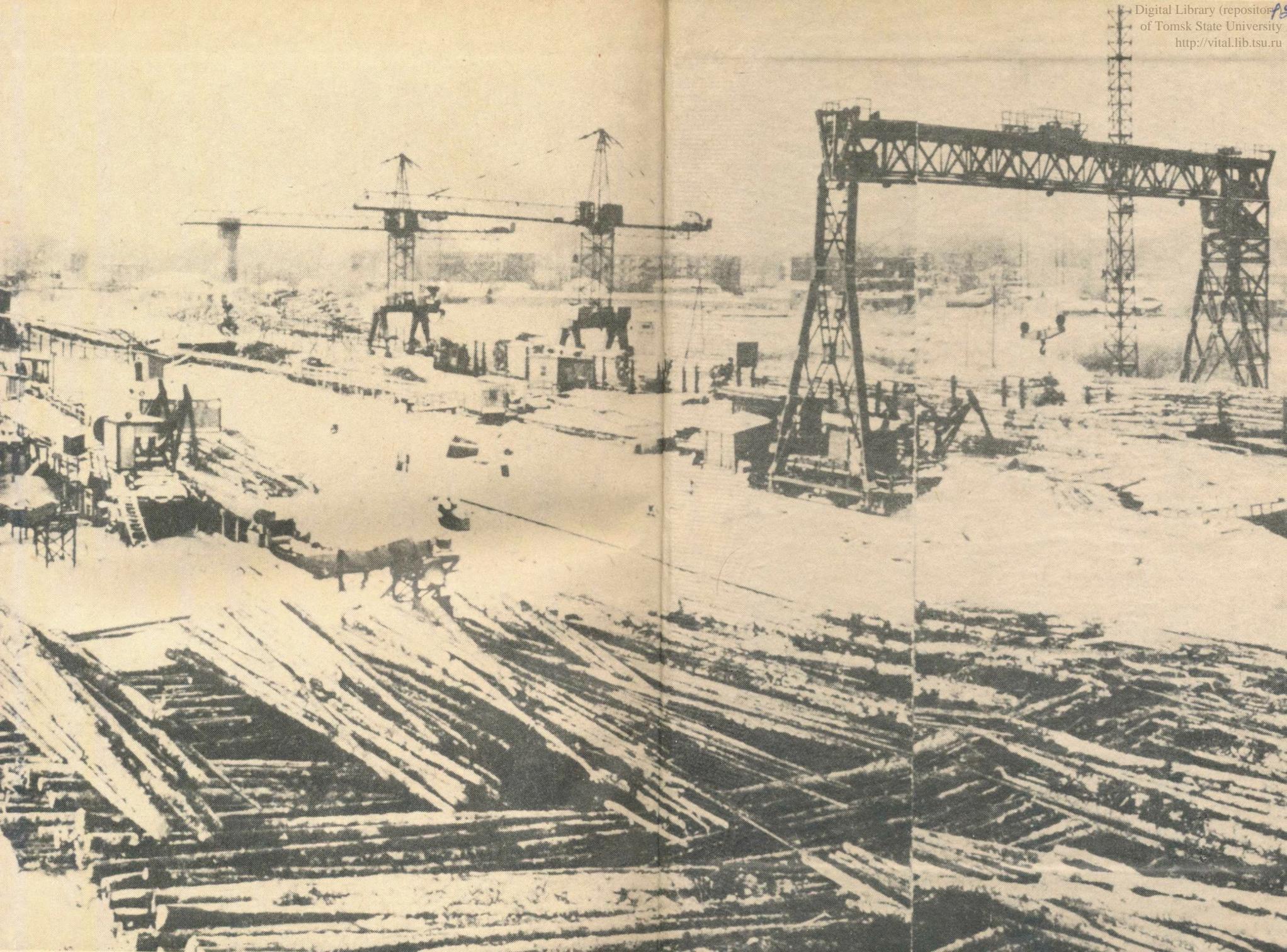
Василий Павлович ЗИНОВЬЕВ,
Надежда Михайловна ДМИТРИЕНКО,
Петр Сергеевич КОНОВАЛОВ

ЯЙСКИЙ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫЙ
(История акционерного общества «Яялес»)

Редактор *В.С. Сумарокова*
Технический редактор *Р.М. Подгорбунская*
Корректоры *В. Г. Лихачева, Л.Н. Проскурина*

Сдано в набор 15.12.94 г. Подписано в печать 20.05.95 г.
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Бумага типографская № 3. Гарнитура *Гельветика*.
Печать офсетная. Печ. л. 19,5. Усл. печ. л. 18,3.
Уч.-изд. л. 18,36. Тираж 2000 экз. Заказ 4244.

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4.
Типография издательство «Красное знамя», 634050, Томск, пр. Фрунзе, 103.

1-840973

Томский государственный университет

Научная библиотека 00215292